

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Казанский юридический институт

Ю.Ю. КОМЛЕВ

**ДЕВИАНТНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
В ЦИФРОВОМ МИРЕ**

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Казань
КЮИ МВД России
2024

УДК 343.9
ББК 60.51
К63

Одобрено редакционно-издательским советом
Казанского юридического института МВД России

Комлев Ю.Ю.

К63 Девиантность и социальный контроль в цифровом мире. Избранные статьи. – Казань: КЮИ МВД России, 2024. – 420 с.
ISBN 978-5-6049707-4-4

Сборник содержит избранные статьи, опубликованные автором в авторитетных периодических изданиях с 2015 по 2024 год. В текстах статей рассматриваются феноменология «старой» и «новой» девиантности в условиях цифровизации и сетевизации социума первой четверти XXI века, дисфункции институтов социализации и трансформация социального порядка, стремительное развитие цифрового социального неравенства и контроля. Автор рассматривает перспективу развития интегративной криминологии как социологии преступности, цифровой девиантологии в ответ на вызовы очередной технологической революции и социальные проблемы, которые она порождает в новом мире. В итоге обобщений и размышлений предлагается более тесная интеграция юридических, социологических и других поведенческих наук и технологических знаний в подготовке кадров для решения правоприменительных задач. Книга рассчитана как на исследователей, так и на педагогов ведомственной высшей школы, курсантов и слушателей, практиков из системы правоохранительных органов, а также аудиторию неведомственных юридических факультетов и вузов.

В оформлении использованы фотоработы, отражающие участие автора в научно-представительских мероприятиях последних десяти лет.

ББК 60.51

ISBN 978-5-6049707-4-4

© Комлев Ю.Ю., 2024
© КЮИ МВД России, 2024

Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazan Law Institute

Yu.Yu. Komlev

**DEVIANCY
AND SOCIAL CONTROL IN DIGITAL WORLD
SELECTED ARTICLES**

KAZAN 2024

Юрий Юрьевич Комлев
доктор социологических наук,
профессор,
ПОЛКОВНИК ПОЛИЦИИ В ОТСТАВКЕ

Родился 28 января 1958 года в городе Каменец-Подольский. В 1981 г. окончил факультет вычислительных и управляющих систем Казанского авиационного института по специальности прикладная математика, в 1983 г. – отделение социологии УМЛ при Татарском ОК КПСС.

Работал на кафедре в КАИ, в политотделе МВД ТАССР, где одним из первых стал использовать социологические знания в идеологической работе. В 1987-1991 гг. создал социологическую службу в аппарате Казанского ГК КПСС, проводил социологические исследования, работая в аппарате Президента РТ. С 1991 по 1994 год работал главным референтом Сектора социологических исследований при управлении делами Госсовета РТ.

С 1 сентября 1994 года перешел на преподавательскую работу в Казанский филиал Юридического института МВД России. С 1995 и по 2015 год был начальником кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России. С 2015 года по настоящее время – профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Университета управления «ТИСБИ».

В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию в Казанском государственном университете (специальность 22.00.04) на тему «Мониторинг общественного мнения как фактор оптимизации управленческих решений (на примере нормотворческой деятельности)». В 2002 году защитил докторскую диссертацию в Башкирском государственном университете по той же специальности на тему «Оптимизация взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации в современном российском обществе». В 2004 году присуждено ученое звание профессор.

В 90-е и двухтысячные годы принимал активное участие в работе правительственной комиссии по созданию Программы социально-экономического развития Республики Татарстан и разработке целевых региональных программ профилактики наркотизации населения и противодействия преступности. Был научным руководителем исследовательских проектов Татарстанстата, ЦЭСИ, ФСКН и МВД РТ.

С 1994 по 2007 год организовал и провел более 30 республиканских социологических исследований по широкому кругу социально-экономических и правовых проблем региона. 8 девиантологических изысканий были поддержаны грантами Академии наук Республики Татарстан и Российского гуманитарного научного фонда. Основные научные результаты по итогам эмпирических исследований и теоретических обобщений были представлены на ежегодных международных конференциях Европейского общества криминологов (ESC) в Хельсинки (2003), Амстердаме (2004), Кракове (2005), Тюбингене (2006); на 1, 2, 3, 4, 5-м Всероссийских социологических конгрессах (Санкт-Петербург, 2001; Москва, 2003, 2006; Уфа, 2012; Екатеринбург, 2016); на девиантологических семинарах профессора Я.И. Гилинского в Санкт-Петербурге в 2005-2019 годы. В 2015-2023 годы новые научные результаты в области интегративной криминологии и цифровой девиантологии были представлены на страницах авторитетных журналов из перечня ВАК при Минобрнауки России, на всероссийских и международных научных форумах, которые проходили в Москве, Уфе, Екатеринбурге, Краснодаре, Тюмени, Красноярске, Казани, Твери, Могилеве (Беларусь), Актобе (Казахстан) и других городах.

На протяжении многих лет являлся активным членом Санкт-Петербургского центра девиантологии, Международного Санкт-Петербургского криминологического клуба, регионального отделения РОС. Тесно сотрудничает с международными организациями «Европейские города против наркотиков» (ECAD) и Европейское общество криминологов (ESC). Более 20 лет был членом 2 диссертационных советов. В настоящее время по-прежнему активен в научной работе, входит в редакционные советы 4 научных журналов из перечня ВАК при Минобрнауки России.

В 2015 году организовал первую с России практико-ориентированную междисциплинарную магистерскую программу «Право и девиантология» по направлению 40.04.01 Юриспруденция на юри-

дическом факультете Университета управления «ТИСБИ» и по сей день является ее научным руководителем.

За время вузовской работы подготовил и опубликовал более 380 публикаций, включая 12 монографий, 14 учебных и научно–практических пособий. Значительная часть статей представлена в авторитетных российских и зарубежных научных журналах («Социологические исследования», «Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены», «Государство и право», «Общество и право», «Криминология: вчера, сегодня, завтра», Вестник ВЭГУ, Вестник ВЭПС, Вестник КЮИ МВД России, «Organised Crime, Trafficking, Drugs», «Российский девиантологический журнал», «Вопросы девиантологии» и др.).

К основным девиантологическим работам относятся такие монографические труды и учебники, как: «Социологические теории девиации и проблемы социального контроля» (1999); «Социология девиантного поведения: вопросы теории» (2000, в соавторстве); Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию» (2001); «Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования» (2003, в соавторстве); «Наркоситуация в Татарстане: специфика, тенденции, перспективы» (2004); «Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды» (2005); «Тенденции наркотизации подростково-молодежной среды в Татарстане» (2006); «Социология девиантного поведения» (2003, 2006, в соавторстве); «Основы социологии для юристов» (2007, 2009); «Теория рестриктивного социального контроля» (2009), «Основы конфликтологии: теория, анализ и управление конфликтами в ОВД» (2011, 2014); «Теории девиантного поведения» (2013, 2014); «Девиантность и социальный контроль: теория, исследования, практика» (2015); «Интегративная криминология: девиантологический очерк» (2016, 2019), «Теории преступности» (2017), Основы социологии семьи (2020), «Кейс-стади в психологии конфликта» (2023), «Ювенальная девиантология: актуальные тренды, развития, интеграции и перспективы» (2024, в соавторстве).

Ряду книг по итогам ежегодных конкурсов Российского общества социологов присуждены в номинациях учебник, монография почетные призовые места (2006, 2009, 2011, 2013, 2017, 2023), а также грифы Министерства внутренних дел Российской Федерации (2006, 2009, 2014, 2019).

За высокие результаты в организации и проведении научных исследований дважды награжден Почетной грамотой МВД России; знаком Министерства образования Российской Федерации «За развитие научно-исследовательской работы студентов»; дипломами Совета Федерации, Министерства образования и науки, ФСКН России, Кабинета министров и Госсовета РТ; Раиса Республики Татарстан, нагрудными знаками «За отличную службу в МВД» I и II степени, «За содействие ФСКН России», 24 медалями и знаками. В 2008 году присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Оглавление

Предисловие автора	11
Пост-постмодернистский синтез знаний о причинах преступности – новый вектор в развитии криминологии	15
Развитие теории социального научения и профилактика терроризма	21
Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение	29
Феномен российской коррупции: успехи в «борьбе» или провал антикоррупционной политики?	45
Криминология как социология преступности	50
Преступность: тренды и вызовы на пороге новой технологической революции	64
Генезис зарубежных теорий преступности: от позитивистских моделей к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний	76
Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности	90
Особенности формирования девиантного поведения у поколения миллениалов	107
Процесс inclusion/exclusion как стратификационный источник коррупции	117
Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма	125
Миллениалы, или куда уходит девиантность	147
Big data в развитии интегративной криминологии и полицейской деятельности	158
Алкогольные тренды, социум и миллениалы	165
Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности	170

Подростково-молодежная девиантность: объяснительный потенциал субкультурного подхода на примере теории нейтрализации	187
От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантизации социума и ее интегративному изучению	193
Кибердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия	203
Цифровизация и киберпреступность в мире постмодерна	211
Фотоматериалы	217
От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантизации в обществе рисков	225
Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии	236
Семья в эпоху постмодерн: ракурс интегративного социологического исследования (итоги всероссийского круглого стола)	254
От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу	264
Пост-постмодернистская интеграция криминологических и иных знаний как актуальное направление в развитии науки о преступности	273
Релятивизация норм брачного поведения, дисфункции семьи и семейная девиантность в мире постмодерна	278
Противодействие кибердевиантности миллениалов в контексте формирования основ цифрового общества и цифрового гражданства	294
Дисфункции института семьи и негативная девиантность как теневая сторона семейной жизни	307
Цифровой социальный контроль: основные тренды и этические проблемы	315
Цифровое гражданство и цифровое гражданское общество: спрос на цифровые компетенции в VUCA-мире	320
Быть или не быть закрытым специальным школам для несовершеннолетних девиантов-правонарушителей?	327

Концептуализация преступности: от К. Маркса до Р. Куинни	331
Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы	338
Подростковая делинквентность с позиций структурализма в неомарксистской криминологии	346
От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии	350
Цифровой социальный контроль: на пути к изучению китайского опыта	368
Романтические отношения сегодня – путь к браку или наоборот: опыт Запада и Востока	374
Девиантное поведение и нормообразование: от протоморали к контекстуально выстроенному сконструированному праву эпохи постмодерна и интегративному изучению преступности	387
Интеграция юридических, девиантологических и технологических знаний как основа подготовки правоведов в рамках междисциплинарной магистерской программы «Уголовное право и девиантология»	398
Кейс-стади как метод качественного исследования в девиантологии, теория нейтрализации и делинквентность постмиллениалов в «цифровом мире»	406

Предисловие автора

Прошло десять лет после выхода первого собрания работ «Девиантность и социальный контроль: теория, исследования, практика». Новая книга «Девиантность и социальный контроль в цифровом мире» – творческий отчет о десятилетии научных исследований с 2015 по 2024 год в формате сборника избранных авторских статей. Она приурочена к 50-летию института и 30-летию работы автора в стенах Казанского юридического института МВД России.

Мир стремительно изменился в первой четверти XXI века. Российский социум, как и другие постиндустриальные общества, вовлечен в лабиринты четвертой технологической революции, основными социальными измерениями которой стали цифровизация и сетевизация всех сторон жизни и деятельности общества и человека.

Интернет объединил не только миллионы своих пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы и массу «умных вещей» (IoT). Цифровые технологии в итоге преобразуют социальную структуру, функционирование социальных институтов, создавая новые формы социального взаимодействия и новые социальные практики.

Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но неоднозначный. С одной стороны, он стимулирует позитивные социальные сдвиги. В хозяйственной деятельности исключается рутинный бумажный документооборот; ускоряются все технологические процессы; повышается производительность труда, прибыль; минимизируются издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров; снижается влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором». Возникли практически неограниченные возможности для удаленного общения, для самовыражения и саморазвития личности, для развлечений и обучения при чтении, просмотре и прослушивании контента. Колоссальные возможности созданы для продвижения бизнеса, организации интернет-торговли и других форм заработка, создания или получения множества цифровых услуг. Цифровой мир радикально разнообразил формы индивидуализации и самореализации цифровых пользователей, лучше обеспечил права человека на свободу выражения мнений и свободу получения

информации. Неслучайно Мануэль Кастельс предрек, что с развитием социальных сетей и онлайн-сообществ «дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире».

Однако, с другой стороны, цифровизация и сетевизация создают немало социальных проблем. Социологи и девиантологи обращают внимание на негативные аспекты преобразований, которые являются следствием технологической революции. Среди них в первую очередь заявляет о себе феномен «цифрового социального неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми (в обладании цифровыми компетенциями), в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. «Цифровое социальное неравенство» служит новым индикатором для обозначения взаимосвязи социального неблагополучия определенных групп общества с отсутствием доступа к цифровым технологиям. Эта проблема актуальна для представителей бедных и малообеспеченных социальных групп, либо людей, живущих в отдаленных регионах, где нет интернета, а также для лиц с ограниченными возможностями. Кроме того, в цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки, занятые рутинной, поддающейся цифровой автоматизации. Все эти люди как жертвы массовой безработицы могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Сетевые ресурсы и медиа создаются разработчиками, интересы которых определяются коммерческими и корпоративными собственниками, а не обычными пользователями. Отсюда неумное стремление цифровых корпораций к извлечению прибыли в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных и правовых норм сомнительным контентом. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его данные. От преступлений против компьютеров, доминирующих в киберпространстве в начале века, происходит переход к преступлениям против пользователей интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем.

Цифровой мир создал невиданные ранее технологические возможности и условия для развития криминальных форм девиантности. Среди них: киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, он-

лайн-атак; киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ; кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее; киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве.

Ответы на пандемийный рост киберпреступлений и других кибердевиаций ищет зарубежная и отечественная наука. В последнее время проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации и кибердевиантности, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, праве, человеке, IT-технологиях.

Обобщение передового опыта исследований кибердевиантности показывает, что ясно просматривается вектор на интеграцию не только социальных, психологических, юридических, но и технологических знаний. Альянс криминологов, девиантологов, математиков и IT-специалистов свидетельствует о преимуществе методологической триангуляции в сочетании с алгоритмами обработки «big data» при изучении преступности и девиантности в киберпространстве. Вслед за цифровой социологией все четче определяется понятийный ряд, предметное поле и методология цифровой криминологии как наиболее развитой части девиантологии цифрового мира и других наук, объектом которых является отклоняющееся поведение человека в киберпространстве. Непротиворечивый синтез, гибридизация социальных, правовых и технологических знаний с математически выверенными оценками, прогнозированием и мониторингом цифровых преступлений ведут к разработке и внедрению новых практик цифрового социального контроля, опирающихся на цифровые технологии и искусственный интеллект.

В целом сложились онтологические и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности.

За десятилетие автором опубликовано немало статей на злободневные девиантологические темы в цифровом контексте в различных периодических изданиях, в сборниках материалов всероссийских и международных конференций, в коллективных монографиях, выпущенных

небольшим тиражом. Они, увы, не всегда доступны исследователям, преподавателям, курсантам, слушателям и студентам.

Осмысление феноменологии цифровой девиантности и мер цифрового социального контроля еще только начинается. Интегративным подходом пользуется совсем немного исследователей. Рассчитываю, что отобранный и структурированный в хронологическом порядке материал будет интересен и полезен всем, кто изучает девиантологию, криминологию, право; интересуется актуальными вопросами, возникающими на стыке поведенческих и правовых наук, новых технологических знаний при реализации практик цифровой социализации и цифрового социального контроля.

Предлагаемая книга представляет собой попытку более полно представить рассуждения и аргументы автора, основные вехи и результаты его девиантологических исследований цифрового мира. К сожалению, в ряде статей содержатся неизбежные повторы при использовании и развитии тех или иных идей, понятий, положений, за что считаю необходимым извиниться перед читателем. Однако в каждой статье сохранен порядок ссылок, как это принято в том или ином издании, и, конечно, все они снабжены первоисточниками.

Пост-постмодернистский синтез знаний о причинах преступности – новый вектор в развитии криминологии¹

Выделяется новое направление в теоретической криминологии. Оно состоит в пост-постмодернистском синтезе знаний о преступности. Интегрированную рамку теории составляют положения позитивистской и постмодернистской криминологии.

Ключевые слова: постмодернистская и интегративная криминология, пост-постмодернистский синтез, диалектическая причинность.

Кризис детерминизма и острая критика неопозитивистской криминологии как социологии преступности структурно-функционального направления радикальными конфликтологами, феноменологами и, особенно, постмодернистами привели к возникновению альтернативных путей в развитии современных криминологических теорий. Как известно, постмодернизм проблематизирует традиционные представления о природе и причинах преступности и социального контроля над ней. Во многом это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна, с попыткой выдвинуть адекватные новой криминальной реальности решения по либеральному совершенствованию социального контроля. Постмодернистская криминология (конститутивная, феминистская, культуральная, топологическая, анархическая) формируется в работах Д. Миловановича, Э. Янг, Б. ДиКристина, Дж. Фэррела, К. Хейворда и других теоретиков этого научного направления. Ее различные варианты конструируют и деконструируют социальные нормы, преступность, социальный контроль в предельно широком социокультурном контексте. Преступность и контроль над ней рассматриваются как релятивные социальные конструкты, как неопределенные, взаимосвязанные динамически изменчивые явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертв, государство и общество. В результате постмодернистского дискурса в криминологии на рубеже XXI века сформировалась постмодернистская интегративная

¹ Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 6-9.

криминология. Американские криминологи Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт выдвинули ряд постмодернистских интегративных теорий преступности. В частности, Р. Сэмпсон и Дж. Лауб в 1993 году обосновали интегративную версию теории жизненного пути. Процесс преступления они представили в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея этих авторов состоит в том, что «преступление – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом».

Б. Вила разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию преступности в 1994 году. Его подход позволяет рассматривать взаимодействия между причинными факторами преступности уже посредством различных подходов и научных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы.

Б. Арриго в 1995 году, развивая междисциплинарный дискурс, выдвигает постмодернистскую интегративную теорию, в которой синтез включает разнообразные положения из психоанализа, семиотики, структурализма, деконструктивизма с учетом роли человеческого фактора и социальных изменений. В 1997 году Дж. Мессершмидт обосновал теорию преступности как структурированного действия, в которой конструировал преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях. Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление – рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени.

Усилиями постмодернистов в области теоретического синтеза были выдвинуты новые объемные, многофакторные, процессуально-динамические объяснительные модели преступности, практически неизвестные отечественным исследователям. Они более адекватно и гибко описывают криминальную реальность и контроль над ней при моделировании причинно-следственных связей в быстро меняющемся обществе постмодерна. Неслучайно Эйнстэдтер и Генри, обобщая достижения науки о преступности в рамках позитивистских и непозитивистских моделей теоретической интеграции, выделили четыре типа причинности (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*) и показали развитие теории в направлении диалектического описания казуальных связей [1, р. 191].

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт.

Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления.

Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие могут меняться места ми, приобретая циклический характер взаимодействия.

Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В неопозитивистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия: это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

Первые десятилетия нового века открывают эпоху «ультрасовременного капитализма», который формирует «новый мировой порядок». Социальное доминирование базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми средствами high-tech приобретают все более скрытый характер. В механизмах социального контроля растет манипулятивная роль массовой информации, Интернета, других масс-медиа и популярной культуры. Социальная реальность, скрепленная «мировой паутиной» и массовыми телекоммуникациями, все больше приобретает черты виртуальности, отчужденности и фрагментарности многополярного и изменчивого мира. На девиантность и преступленное поведение все большее влияние оказывают взаимосвязанные факторы технологического характера, конфликтов, культуры, возраста, пола, расы, класса и других социальных констант, и изменений, а также факторы интересубъективности и других психологических измерений индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей и обществ.

Как известно, криминологи-неопозитивисты нередко отдельно изучают объективные и субъективные причины преступности, а постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля моделируют в «замороженном» или статическом состоянии социоструктурных или личностных переменных. Постмодернисты учитывают как объективные обстоятельства, так и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении девиантных действий не только в контексте социальной структуры, но и, что особенно важно, социальных изменений. Так, криминолог-постмодернист Джефф Фэррел, обращая внимание на интерпретацию «чувственных смыслов», заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления в ультрасовременном мире [1, р. 217]. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (as creative constructs), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этим молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности.

В результате научной состязательности в зарубежной теоретической криминологии нового века развиваются не только *модернистские, постмодернистские модели теоретической интеграции*, но и *гибридные (смешанные)*, сочетающие положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (реконструкционизм) [2].

Новый перспективный вектор, направленный на развитие гибридных теорий, наиболее ярко выражен в трудах американского криминолога Грэга Барака по разработке *пост-постмодернистского синтеза* криминологических знаний. Так, в книге «Интегративная криминология» (1998) Барак обосновывает тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающее-административной формы социального контроля в сторону новой, более превентивной, социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия пре-

ступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призывает ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля» [1, р. 236–255]. Свою модель теоретического синтеза

Г. Барак выстраивает исходя из конститутивной и постмодернистской теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, теории структуризации Э. Гиденса, положений интегративного подхода Дж. Тикосинера с его идеей объединения всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. В итоге пост-постмодернистская криминология Барака объединяет непротиворечивые новые и старые научные знания о преступности. Теоретический синтез Барака представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин.

Фрейм Барака интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии). В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) он пишет, что «некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода вполне могут сочетать непротиворечивые положения со- временного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма» [3]. Пост-постмодернистский синтез позволяет полнее учесть как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние множества зависимых и независимых переменных (диалектическая причинность), а также то, что девиантность и ее частный случай – преступность, социальный контроль как моделируемые явления сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в ультрасовременном обществе.

Таким образом, пост-постмодернистская криминология предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции знаний, накопленных как позитивистской, так и постмодернистской наукой о девиантности и преступности. Пост-постмодернистская интеграция позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории преступности, выйти на диалектический уровень описания причинно-следственных связей. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономики составляют, по мысли

ученого, основную идею новой интегративной пост-постмодернистской девиантологии и криминологии.

Грэг Барак в своей новой работе «Криминология: интегративный подход» (2009) продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы девиантности и преступности, но уже в контексте глобализации [4]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, развивает пост-постмодернистское интегративное моделирование причин и условий возникновения преступности, конструирует меры социального контроля и пути совершенствования системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Таким образом, пост-постмодернистская модель интеграции криминологических знаний охватывает различные проявления делинквентности и контроля над ними в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, максимально покрывая всю возможную картину криминальной реальности, в том числе в глобальном социальном контексте. Кроме того, она учитывает наиболее важные и разноплановые аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития. Пост-постмодернистская интеграция знаний о преступности – новый продуктивный вектор в развитии теоретической криминологии. Он нуждается в освоении и критическом осмыслении отечественными специалистами, в эмпирической верификации и дальнейшей разработке.

Литература

1. Barak G. Integrating criminologies / G. Barak. – Allyn & Bacon, 1998.
2. Комлев Ю. Ю. Теории девиантного поведения / Ю. Ю. Комлев. – СПб.: Алеф-пресс, 2014.
3. Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Электронный ресурс]. – URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_hm
4. Barak G. Criminology: An Integrated Approach / G. Barak. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

Развитие теории социального научения и профилактика терроризма¹

В статье анализируется развитие теории социального научения в социоструктурном контексте. Раскрывается ее объяснительный потенциал в профилактике терроризма.

Ключевые слова: *девиантность, экстремизм, терроризм, социальное научение, профилактика.*

Development of the theory of social learning and prevention of terrorism

The article analyzes the development of the theory of social learning in social and structural contexts. The author reveals its explanatory potential in prevention of terrorism.

Keywords: *deviance, extremism, terrorism, social learning, prevention.*

В современной мировой девиантологии, наряду с интеракционистскими (процессуальными), а также критическими, интегративными концепциями активно используются неопозитивистские подходы, развивающие теорию социального научения девиантности с учетом социоструктурного контекста. Они опираются на теоретический фундамент, созданный в XX в. Э. Сатерлендом, Д. Кресси, Д. Глейзером, Д. Лукенбиллом, Р. Айкерсом и другими криминологами.

Обратиться к теоретическому опыту криминологов-неопозитивистов вынуждает криминальная реальность, вызванная угрозой массового распространения религиозного экстремизма и терроризма в среде некоторой части населения республик Северного Кавказа, Поволжья, Урала и других регионов страны. Кроме того, отечественные исследователи все еще недостаточно знакомы с современными интерпретациями теории социального научения. Положения этой девиантологической теории, наряду с другими непротиворечивыми постклассическими подходами, вполне укладываются в методологический фрейм исследования религиозного экстремизма и терроризма и имеют немалый потенциал для концептуализации мер, направленных на превенцию этих форм не-

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 271-274.

гативной девиантности в молодежной среде. Теракты, организованные боевиками-исламистами на Северном Кавказе, в Израиле, других странах, подрыв российского лайнера над Синаем, террористические атаки в Париже, в Брюсселе, война с запрещенными в России организациями «Исламское государство» (ИГИЛ), «Джабхад ан-Нусра» и другими террористическими структурами в Сирии свидетельствуют о том, что проблема исламского фундаментализма и терроризма приобретает все-ленский характер.

Лидеры государств, политики, военные, правоведы и практики спецслужб все чаще высказываются за усиление военного ответа; за реализацию репрессий против террористов; за отмену моратория на смертную казнь по определенным составам преступлений; за отсечение финансовых потоков, направленных на поддержку терроризма; за усиление работы спецслужб по выявлению и ликвидации каналов переброски боевиков и поставки вооружений; за ликвидацию террористических ячеек и укрепление пограничного контроля. Все эти усилия, безусловно, необходимы, поскольку они реактивно работают на конечный результат. Однако политика усиления репрессивных мер – это лишь один из аспектов противодействия экспансии мирового терроризма. Ее необходимо дополнять и сочетать с программами превентивных мер и действиями по профилактике религиозного экстремизма и терроризма, по разоблачению целей фундаменталистов и элиминации их влияния на незрелую часть мусульманской молодежи.

По данным правоохранителей, под черными знаменами террористических структур ИГИЛ, «Джабхад ан-Нусра» и других группировок в Сирии, – переднем крае борьбы с терроризмом, – сосредоточены полторы тысячи боевиков – выходцев из российских регионов. После решительного содействия Воздушно-космических сил России сирийской армии, в результате которого за 5 месяцев удалось переломить ситуацию на ближневосточном театре антитеррористического фронта, по-прежнему остается реальной гроза массового возвращения членов бандформирований в российские регионы с преимущественно мусульманским населением. Исламисты, потерпевшие фиаско в открытом военном столкновении, по возвращении домой могут не только развязать локальный террор, но и развить пропагандистскую активность в молодежной среде с целью рекрутирования новых бойцов ИГИЛ.

Структурами «Исламского государства» предпринимаются активные попытки по привлечению молодых мусульман на войну с «неправильными» единоверцами и «неверными» по «идейным» соображениям

(наряду с наемниками их около 40%). Для этой цели используется Интернет-пропаганда, специальная литература, религиозные проповеди и другие формы общения. Неслучайно, в социальных сетях российского сегмента мировой паутины заметно выросло число сообществ, у которых в центре внимания находятся темы, связанные с ИГИЛ. Так, например, «В Контакте» за последние месяцы, по оценкам экспертов, обнаружено порядка 70 таких тематических групп [1]. Эта проблема, увы, не теряет своей остроты, отсюда существует необходимость в контрмерах, направленных на превентивное противодействие социально опасным, крайним формам религиозной девиантности.

Поиск теоретических моделей и научно обоснованных практических решений по профилактике вовлечения в террористическую деятельность исламской молодежи может быть развернут, в том числе, с привлечением положений теории социального научения девиантности, учитывающих современный социоструктурный контекст и тесно связанный с ним коммуникативный ракурс проблемы.

Социологическая теория социального научения была сформулирована Э. Сатерлендом в 1939 г. Он обосновал положение о том, что «особый причинный процесс развития систематического преступного поведения – это дифференциальная ассоциация индивида с лицами, совершающими преступления» [2, с. 107]. Сатерленд сформулировал основные принципы дифференциальной связи, объясняющие феномен преступности. Преступное поведение он рассматривал как результат обучения в процессе символического взаимодействия с преступниками в первичных или тесно связанных между собой социальных группах. Применительно к распространению экстремизма и терроризма в современном глобальном мире это может быть общение в рамках соседского сообщества, этнической группы, религиозной общины, проповеди или сетевых Интернет-контактов.

Передача преступных ценностей и умений, по Сатерленду, происходит лишь на индивидуальном или групповом уровне общения. Он считал, что преступное поведение есть результат того, что индивид усвоил в избытке определения, благоприятные для нарушения закона. Сатерленд указывал на модальность дифференциальной связи, когда имеет значение частота, продолжительность, интенсивность преобладания определений, благоприятных для нарушения закона над неблагоприятными.

Несмотря на то, что процесс обучения преступному поведению описан слишком поверхностно и не раскрывает генезис криминальной

карьеру, теория дифференциальной связи, как пишет известный современный криминолог-неопозитивист Ф. Шмаллегер, является одной из первых удачных попыток сочетания психологических (обучение) и социологических принципов в объяснении преступного поведения [3, р. 301]. В последующем Дональд Кресси, дополняя теорию Сатерленда, ввел понятие «*криминальный образец поведения*», которое включает положительное отношение к нарушению закона и само делинквентное поведение. Даниэль Глейзер процесс дифференциальной ассоциации уточнил понятием «*дифференциальной идентификации*». В рамках дифференциальной идентификации, по Глейзеру, индивид следует девиантному образцу постольку, поскольку он олицетворяет себя с единоверцами, близкими друзьями, родственниками, либо референтными группами, кумирами, то есть реальными или воображаемыми людьми, для которых криминальный эталон вполне допустим. Эрнст Берджесс, развивая теорию научения, обосновал концепт «*усиление дифференциальной ассоциации*», суть которого состоит в том, что индивид выбирает путь преступлений, а не конформизм в случае, если получает при криминальном выборе большее вознаграждение.

Однако самую существенную интенцию теория социального научения получает в работах Рональда Айкерса. В его версии используются как концепт «усиление дифференциальной ассоциации» преступного поведения, так и положение бихевиоризма о том, что поведение есть ответная реакция на определенный стимул [4, р. 62-67]. Преступное поведение, в том числе в форме терроризма, формируется в рамках оперантной модели обусловливания, когда индивид получает осязаемое позитивное подкрепление (например, материальное вознаграждение или удовлетворение) за участие в преступлениях и продолжает преступную деятельность. Так, когда рядовым террористам перестают платить, они, например, покидают свои позиции в Сирии и перестают подчиняться главарям бандформирований, как сообщают об этом в СМИ.

Р. Айкерс доказывает, что девиантность вызывается дифференциальными связями не с помощью прямого влияния, а опосредованно – в рамках специальных механизмов *дифференциальной идентификации, дифференциального усиления, и имитации*. Он уточняет понятие «дифференциальное усиление».

В предложенной криминологом бихейвиористской интерпретации, дифференциальное усиление характеризует меру влияния различных форм поощрения или наказания на результирующее девиантное поведение индивида. Так, реальный преступный акт здесь и сейчас или воз-

можно в будущем будет зависеть от прошлых, настоящих и ожидаемых в перспективе поощрений и наказаний за его совершение. Вероятность криминального события, например, в форме теракта или его рецидив, определенно увеличивается при поощрительной реакции на него. Такой реакцией может выступать и получение больших денег, и понимание своей особой миссии в джихаде, и похвалы главаря бандгруппы. Это и есть *положительное усиление*. Разумеется, вероятность совершения теракта увеличивается, если индивид может избежать сурового наказания или других мер репрессии, а также обструкции, общественного порицания, нежелательной огласки, (безнаказанность). Это явление представляет собой *негативное усиление*.

Р. Айкерс в деталях характеризует модальность феноменов дифференциальной ассоциации и дифференциального усиления. С его точки зрения, чем больше значение показателей ассоциации или усиления, тем выше вероятность наступления девиантных событий, в том числе, в форме проявлений религиозного экстремизма и терроризма.

Согласно теории Айкерса, социальное научение является процессом комплексного взаимодействия с сильно выраженным эффектом обратной связи личности и преступной среды, где доминируют нормы специфической криминальной субкультуры и ценности религиозных экстремистов и террористов. В результате целенаправленного социального научения с учетом как прямых, так и обратных связей формируется набор интериоризированных девиантных установок, среди которых доминирует негативное определение светских законов по образцу «они написаны не для нас», «реализовать себя можно только в борьбе» и др. Процесс научения усиливается *имитацией* вполне допустимых в среде религиозных реббелитов моделей криминального и даже саморазрушительного поведения (когда, например, совершают казни с записью на видео, или акты самоподрывов в людных местах). Устойчивое преступное поведение в итоге закрепляется в ходе дифференциального усиления (положительного или отрицательного).

Модель социального научения Р. Айкерса была разработана применительно к общеуголовной преступности. Однако она вполне работоспособна и в случае религиозного экстремизма и терроризма в молодежной среде. Процесс научения реализуется подспудно и достигает своего апогея, когда рекрутированный индивид дифференциально ассоциируется с идентичностью борцов за «истинную веру».

Террористическая активность дифференциально усиливается, когда специфическая интерпретация норм Шариата ставится выше светского

законодательства, которому даются «благоприятные» для совершения преступлений определения. Дифференциальное усиление обеспечивается большим вознаграждением и минимальными рисками за деликты, санкционированные лидерами религиозных экстремистов.

Р. Айкерс существенно развивает и социоструктурный аспект теории социального научения, поскольку процесс дифференциальной ассоциации при вовлечении личности в преступное поведение должен соотноситься с дифференциальной социальной организацией. Он подробно описывает связь между социальной организацией общества и криминальным поведением личности. Так, семья, школа, СМИ, религия и другие социальные институты обуславливают общие контексты научения индивидов. Они либо способствуют, либо препятствуют преступному или конформному поведению личности. Различия на общесоциальном или групповом уровнях участия в криминальном поведении существуют в том объеме и качестве, в каком культурные традиции, нормы и система социального контроля обеспечивают социализацию, условия научения, ведущие к конформизму либо девиантности.

Социоструктурная модель, предложенная Р. Айкерсом, показывает, что то или иное поведение индивида формируется посредством процесса социального научения через дифференциальную ассоциацию, дифференциальное усиление, определение закона, имитацию и другие переменные в рамках социальных институтов семьи, школы, религии, СМИ. В условиях глобализации и технологической революции в первой четверти XXI в. стали массовыми перемещения не только услуг и товаров, но и людей, например, паломников, проповедников, сектантов. В результате увеличилось количество, возросла конкуренция религиозных дискурсов, в том числе конфликтующих, за влияние на сознание паствы и, прежде всего, молодежи как в рамках, так и за пределами конфессиональных учреждений. Произошло тотальное распространение и частичное замещение традиционных СМИ виртуальными информационными ресурсами Интернета, что взрывообразно актуализировало роль новых социоструктурных и тесно связанных с ними коммуникативных факторов в процессах научения девиантности в целом и религиозному экстремизму и терроризму, в частности. Финансовые ресурсы террористических организаций расходуются не только на покупку материальных ресурсов (оружия, продуктов, создание криминального бизнеса), но и в немалой степени на подготовку проповедников террора, усиление пропаганды религиозного экстремизма. Отсюда совершенно оправданны разносторонние меры репрессивного соци-

ального контроля по дальнейшему разрушению криминальных источников финансирования терроризма. Блокировка спонсоров террора и пресечение коммерческой активности террористических организаций в области демпинговой продажи нефти, транзита и распространения наркотиков, продажи людей в рабство, незаконного оборота на рынке артефактов древностей и других форм криминального бизнеса существенно снижают возможности для финансирования пропаганды религиозного экстремизма.

Наряду с совершенствованием системы формального социального контроля над проявлениями терроризма, крайне важно обеспечить работу институтов социализации по светскому и, там, где нужно, традиционному религиозному воспитанию молодежи. При этом весьма целесообразно активизировать роль социоструктурных факторов в профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде. Для этого в системе образования, в центральных и региональных, местных СМИ, в блогосфере, в рамках семейного воспитания, в работе местных сообществ, институтов гражданского общества, религиозных общин традиционной ориентации необходимы решительные усилия по элиминации пропаганды экстремизма и терроризма, по развитию добрососедства и межрелигиозной толерантности. Религиозная идентичность не должна быть воинственной, покушающейся на конституционные права граждан, и определять девиантное настоящее и будущее молодежи.

Абсолютно необходимо совершенствовать в условиях борьбы с террором, возникшим на религиозной почве, эффективный контроль со стороны государства над системой подготовки священников, исключая захват религиозных институтов радикальными исламистами и их проповедниками, а также ограничение влияния образовательных организаций зарубежных стран на социализацию подростков и молодежи по вопросам религиозного воспитания.

Пренебрежение профилактическими мерами социоструктурного, а также коммуникативного порядка в отношении экстремизма и терроризма дорого обходится обществу, о чем свидетельствует печальный опыт государственного переворота на Украине в 2014 г., инспирированный заокеанскими спонсорами и реализованный экстремистами и националистами с применением методов террора, использовавших, в том числе и религиозный фактор.

Литература:

1. Под черными знаменами. – URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5091/> (06.10.2015 г.).
2. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – 2-е изд., испр., и доп. – СПб.: Изд. дом АЛЕФ- ПРЕСС, 2014. – 222 с.
3. Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. – New Jersey, 1999. – 624 p.
4. Akers R. Criminological theories: introduction and evolution. 2nd ed. – Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. – 248 p.

Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение¹

В статье на основе ретроспективного анализа показана история создания и развития теории стигматизации в работах зарубежных социологов и криминологов. Раскрыты объяснительный потенциал теории стигмы, возможности ее применения в российских условиях с целью профилактики подростково-молодежной девиантности, а также значение в девиантологическом дискурсе.

Ключевые слова: *символический интеракционизм, стигма, стигматизация, девиантность, девиантная идентичность, девиантная карьера, «драматизация зла», первичное и вторичное отклонение, селективное правоприменение, реинтегративный стыд, восстановительное правосудие.*

Интеракционистская перспектива анализа девиантности и преступности сформировалась благодаря идеям выдающихся американских социологов XX века Джорджа Мида, Герберта Блумера, Чарльза Кули. Суть символического интеракционизма, как известно, состоит в том, что взаимодействия между людьми складываются на основе интерпретации намерений и действий окружающих, символического определения ситуаций и «вещей». В трудах Фрэнка Танненбаума, Эдвина Лемерта, Говарда Беккера, Эдвина Шура, Фрица Зака, Джона Брэйтуэйта, исходя из положений символического интеракционизма, были сформулированы и развиты основные положения теории стигматизации, иначе говоря – «лейблов», «наклеивания ярлыков» или «клеймения». Ретроспективный анализ этих работ позволяет проследить траекторию девиантологической мысли, раскрыть объяснительный потенциал, генезис и значение теории стигмы. Девиантность рассматривается социологами-интеракционистами как результат процесса социальной реакции на идентификацию личности. Они обратили внимание исследователей и практиков не на причины, а на значения отклонений. Как известно, в рамках социоструктурного подхода и функционализма принято считать, что вмешательство закона, правоохранительных органов, всей системы формального социального контроля подавляет преступность,

¹ Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). с. 6-14.

наркотизм, алкоголизм и иные формы социально опасной девиантности. С одной стороны, это, безусловно, так, но с другой, – при определенных условиях чрезмерный социальный контроль посредством стигматизации, если не прямо, то косвенно, становится фактором развития девиантной идентичности и карьеры.

Стигма, или клеймо – это характеристика индивида или группы, которая считается большинством людей пороком. Современное общество, особенно, в странах на постсоветском пространстве, отличается ригоризмом. Американцы или жители «туманного Альбиона» отрицательно, но вполне терпимо отнесутся к подвыпившему соседскому парню и скажут между собой: «У Джони проблемы с алкоголем». Россияне же в подобной ситуации выскажутся как «отрежут бритвой» – без церемоний, несмотря на массовый характер проявлений пьянства: «Иван – алкаш». Наклеивание позорящих ярлыков может играть в российском социокультурном контексте весьма пагубную роль при принятии девиантной идентичности и ее ролевом закреплении, особенно подростками и молодыми людьми.

Основу теории стигмы составляют два принципиально важных положения:

- во-первых, *отклоняющееся поведение* следует интерпретировать не как нарушение социальной нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как *результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в ходе социальной реакции*. Отсюда в теории стигматизации особое значение придается коммуникации, силе слова и реакции общества на поведение «оступившихся» людей. Во-вторых, *«клеймение» порождает и усиливает девиантность*. В этом смысле отклоняющееся поведение – это ответ индивида на стигматизацию, что ведет ко вторичному отклонению, в ходе чего формируются девиантная идентичность и карьера. Как видим, теория лейблов концентрируется на объяснении вторичной девиантности или рецидивизма, на формировании девиантной карьеры под воздействием социального контроля и не затрагивает этиологию первичного отклонения. Она придает значение процессу наложения на индивида позорящих ярлыков с такими определениями, как «преступник», «наркоман», «алкоголик», «проститутка», «сумасшедший», в результате формальных и/или неформальных санкций. Теория стигмы относится к процессуальным теориям девиантности. Интеракционистский подход, начиная с 50–60-х годов XX столетия, широко применяется криминологами в США, Канаде, Западной Европе, Австралии. В

отечественных исследованиях, выполненных в рамках криминологии и науки уголовного права, объяснительные возможности теории стигматизации используются крайне редко. Значительно чаще этим теоретическим опытом пользуются социологи.

С определенной условностью можно выделить следующие основные исторические этапы и концептуальные новеллы в развитии теории стигматизации: модель «драматизации зла» Ф. Танненбаума (1938), социально-психологическая модель Э. Лемерта (1951); нормативная модель Г. Беккера (1963); социоструктурная модель Ф. Зака (1969), теория «реинтегративного стыда» Дж. Брейтуэйта (1989), а также современные, созданные на рубеже XXI века, подходы к описанию эффектов и последствий клеймения. Рассмотрим эти теоретические конструкции более подробно.

Теория «драматизации зла» Ф. Танненбаума. Фрэнк Танненбаум (1893–1969) был одним из первых, кто попытался применить идеи символического интеракционизма к объяснению девиантности и преступности в работе «Преступление и сообщество» (1938).

Ф. Танненбаум родился в Австрии в 1893. В 1905 году семья иммигрировала в Соединенные Штаты. Во время экономического кризиса 1913–1915 годов молодой Танненбаум был активен в рабочем движении и имел проблемы с полицией. Провел год в заключении на острове Блэкуэлл. С годами он преодолел юношеский радикализм и с помощью благотворителей поступил в Колумбийский университет, где получил степень Ph.D., затем служил в армии. Проводил исследования в Мексике. С 1931 года изучал проблемы пенитенциарных учреждений, probation и условно-досрочного освобождения. В 1932 году вернулся в Соединенные Штаты и преподавал криминалистику в Корнельском, затем в Колумбийском университете до 1965 года. Ф. Танненбаум заложил основы теории стигматизации. Танненбаум считал, что преступление является, по существу, результатом столкновения двух противоположных определений ситуации со стороны правонарушителя и общества в целом. Такой конфликт определений, по мысли исследователя, возникает из-за расхождения в ценностях. За ним следует постепенный переход от определения конкретных действий как зла к определению человека как источника зла [1, р. 322]. Отрицательный лейбл как результат «драматизации зла» часто способствует дальнейшему участию молодого человека в порочной деятельности. К этому выводу Танненбаум пришел, по всей видимости, под впечатлением опыта своей делинквентной юности и конфликтов с законом.

Отрицательные оценки со стороны значимых «других» (родителей, товарищей, учителей, сотрудников правоохранительных органов) обычно являются сдерживающим фактором для подростка, совершившего отклоняющийся поступок. Однако Танненбаум, изучая вовлечение несовершеннолетних в преступные группы, проницательно заметил, что *чрезмерное определение окружающими ситуации проступка, совершенного подростком, как злого нарушения* может инициировать его девиантную социализацию, идентичность и карьеру. При этом сами подростки, совершая те или иные деликты, придают им совершенно иное значение. Так, например, если подросток дерзко срывает цветы в палисаднике у соседки и дарит их симпатичной девчонке, то это событие может рассматриваться молодыми людьми как весьма романтический поступок. Для потерпевшей же этот акт является злонамеренной кражей. Окружающие (потерпевшая, полицейский, соседское сообщество), осуществляя «драматизацию зла», могут с высокой степенью вероятности стигматизировать подростка и подтолкнуть его к девиантному самоопределению. «Определение действий как «зла», – считал Танненбаум – постепенно переходит в определение индивида, совершающего подобные действия... С точки зрения общества, человек, который привык делать плохо, ... определяется обществом как «плохой» и сам не верит, что он может быть хорошим... Процесс создания преступника, следовательно, это процесс клеймения, определения, сегрегации, описания, усиления, осознания и самосознания...» [2, р. 17– 19]. Следовательно, молодой человек становится таким, каким его определяют значимые окружающие. При этом в формировании его делинквентной идентичности особую роль играет *первичная «драматизация зла»*.

Таким образом, по мнению Танненбаума, «многие общественно опасные деяния совершаются подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступления» [3, р. 351]. Для того, чтобы разорвать порочный круг стигматизации, следует не допустить излишнюю «драматизацию зла». Словом, чем меньше будет сказано о событии как преступлении, тем лучше.

Стигматизация по Э. Лемерту: первичное и вторичное отклонение. Эдвин М. Лемерт (1912–1996) в работе «Социальная патология», вышедшей в 1951 году, развивая идеи Танненбаума, создает социально-психологическую модель стигматизации, вводя понятия «первичного» и «вторичного отклонения».

Эдвин М. Лемерт родился в 1912 году в Цинциннати, штат Огайо. Степень бакалавра в области социологии получил в университете Майами (1934), Ph.D. – в университете Огайо (1939). Преподавал в университетах Кента и Западного Мичигана. В 1943 году перешел в Калифорнийский университет. Лемерт, как типичный представитель академической среды, получил широкое признание за свои новаторские работы по теории стигмы и социопатического поведения. Он по праву считается основателем *labelling theory*, или «теории социетальной реакции». С 1972 года Лемерт – президент Общества исследования социальных проблем, а затем и Тихоокеанского социологического общества.

Э. Лемерт полагает, что наклеивание ярлыков не только *порождает*, но и *усиливает* отклоняющееся поведение. При этом само девиантное поведение рассматривается как социопатическое, «знак» которого зависит от той оценки, которая присуща социальной реакции. Перспектива навешивания *социопатического ярлыка* возможна не только относительно противоправного поведения, но и относительно умственных заболеваний, проституции, гомосексуализма и даже заикания.

Если индивид впервые нарушает социальную норму случайно или по каким-то иным причинам, то его проступок имеет значение *первичного отклонения*. «Когда индивид, – утверждает Лемерт, – начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социальной реакцией, его отклонение является *вторичным*» [4, с. 157–159]. Таким образом, вторичные отклонения – результат того, что индивид однажды уже был помечен ярлыком девианта, и являются его реакцией на первичное клеймение.

Первичные отклонения, как указывал Лемерт, могут быть сделаны для разрешения ряда неотложных проблем (нехватки денег, изменения положения, неразделенности чувства) или для удовлетворения ожиданий своих субкультурных групп. Так, участие студента в краже сотового телефона может быть вызвано нуждой, необходимостью заплатить за обучение. Оно может стать первым и последним его преступлением. Однако если студента уличат в краже и за этим последуют арест, судебное разбирательство, а затем решение с соответствующим определением, то он будет «помечен» *ярлыком судимости*, и вторичное отклонение может произойти уже как реакция на клеймение (девиантная самооценка) с целью адаптации к девиантному статусу. Разумеется, процесс стигматизации в ходе социальной реакции, а именно:

порождение и усиление девиантности – предполагает более сложную и длительную интерактивную процедуру. Она в основных чертах представлена на рис. 1.

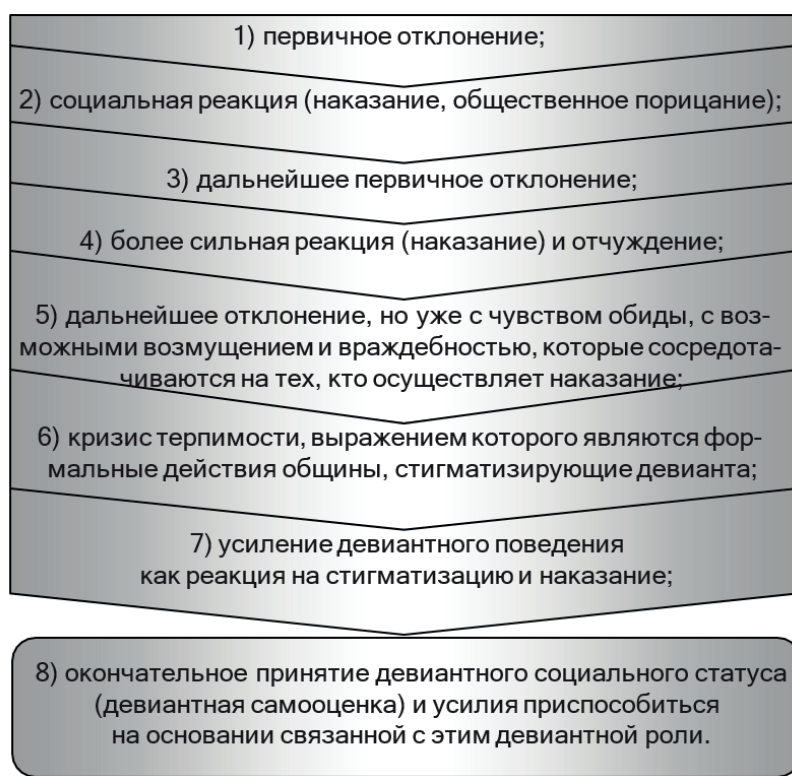

Рисунок 1. Процесс стигматизации девианта

Таким образом, навешивание ярлыка при определенных обстоятельствах и для определенных людей может усилить вероятность вторичной девиантности и привести к окончательному приятию девиантного статуса. В этом процессе индивид подвергается со стороны социальной реакции (пункты 5 и 6) оскорблениям, осмеянию, унижению, привлечению к ответственности. Такой человек приобретает в итоге морально низкий статус, определенные познания и навыки, соответствующее мировоззрение, а также самосознание девианта. Внешние свидетельства этих изменений можно найти в символической принадлежности к новой роли: в одежде, речи, осанке, манерах.

Э. Лемерт и многие его сторонники считали, что правонарушители оцениваются судами более резко, если они удовлетворяют стереотипному образу представителя низшего класса, предрасположенного к нарушению закона. Скорее всего и в российской ситуации у тех, кто занимает более низкие социально статусные позиции, риск быть стигматизированным значительно выше, чем у молодежи из материально благополучной среды.

Стигматизация по нормативной модели Г. Беккера и девиантные карьеры. Американский социолог и криминолог чикагской школы Говард Сол Беккер (1928), тщательно изучая проблему девиаций в контексте социальной интеракции, концентрирует внимание, прежде всего, на процессах создания социальных норм и их практической реализации, обуславливающих клеймение и моральное осуждение. *Говард Сол Беккер родился в 1928 году в Чикаго, штат Иллинойс. Беккер начал играть на фортепьяно в раннем возрасте и уже к 15 годам работал пианистом в барах, где и получил опыт употребления наркотиков.*

Степень бакалавра в области социологии получил в Чикагском университете в 1946. Музыку рассматривал как свою карьеру, а социологию как хобби. Несмотря на это, получил степень доктора философии в возрасте 23 лет. В Чикагском университете Беккер слушал лекции социологов второй Чикагской школы, включая Э. Гоффмана, А. Штрауса, Э. Хьюза и др. Беккер широко известен работами по изучению потребителей марихуаны, а также процесса их стигматизации в качестве наркоманов и инакомыслящих. Беккер после работы в университете Чикаго и Стенфордском университете с 1965 по 1991 годы преподавал социологию в Северо-Западном университете. С 1996 года по 1999 годы был адъюнкт-профессором музыки в университете Вашингтона. Беккер – обладатель многочисленных премий и почестей в области социологии. Г. Беккер исходит из того, что современную социальную реальность характеризует плюрализм, одна из особенностей которого состоит в том, что все социальные группы устанавливают нормы и правила, полностью реализуемые лишь при определенных обстоятельствах.

В своей самой известной книге «Аутсайдеры...», вышедшей в 1963 году, он утверждает, что «социальные группы создают отклонения, определяя правила поведения» [5]. Группы применяют эти правила к отдельным индивидам и за их нарушение «наклеивают» на них ярлыки аутсайдеров. Очевидно, что с этой точки зрения отклонение – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами или группами, имеющими больший доступ к власти, правил и санкций к нарушителю. Девиант – это тот, кого стигматизировали таким образом, а отклоняющееся поведение – это поведение, которое влиятельные люди определили как девиантное.

Следовательно, по Беккеру, отклоняющееся поведение обусловлено способностью влиятельных групп общества (среди них: политики, законодатели, полицейские, судьи, врачи и др.) создавать нормы и навязывать другим определенные оценки поведения.

Кроме того, весьма ценным следует признать вывод Беккера о том, что состав девиантов неоднороден. Категория лиц с ярлыком девианта не включает в себя всех, кто действительно нарушил законы. Степень вариативности реакции людей на акт девиации весьма существенна. Она зависит от ситуации, времени, социального состава девиантов и тех, кому они нанесли вред. В частности, Беккер утверждает, что подростки из среднего класса, задержанные за правонарушение, имеют меньшую вероятность быть доставленными в полицию. Важно отметить, что Беккер разработал процессную модель девиантной карьеры на примере потребителей наркотиков, в которой главная роль принадлежит социальной интеракции [4, с. 159–161]. Основные этапы карьеры девианта представлены на рис.2.

Рисунок 2. Этапы девиантной карьеры

На процессный характер девиантной карьеры с позиций теории стигматизации указывает и социолог Эдвин Шур. По его мнению, девиацию следует рассматривать не статично, а как «постоянно меняющийся результат динамических процессов социальной интеракции» [6, с. 337]. Ответ «нарушителя» на социальную реакцию ведет ко вторичному отклонению, с помощью которого, в конце концов, он приходит к принятию «самоимиджа» человека, постоянно запертого в этой роли. Э. Шур назвал этот интерактивный процесс *«ролевым поглощением»*. В итоге люди, поведение которых осуждается обществом и на которых «навешивается ярлык», – это личности без ценностных ориентаций, поскольку статус правонарушителя иногда становится для них главным.

Процесс навешивания ярлыка, считают Г. Беккер и Э. Шур, заставляет акцентировать внимание не на причинах совершения первичного отклонения или нарушения правил, а на группах и институтах, которые имеют такое влияние, что позволяют стигматизировать поведение индивидов. Деятельность подобных социальных групп и институтов формального социального контроля (политики, законодатели, суды, тюрьмы, изоляторы и спецбольницы для душевнобольных) состоит в том, что они изолируют девиантов от остальных членов общества. Таким образом, акты преступного поведения, их «природа, распределение, социальное значение, импликации и разветвления, – по утверждению Э. Шура, – в значительной степени зависят от структуры социальной реакции» [7, р. 115]. Между тем последствия навешивания ярлыка, как показали итоги более поздних исследований, зависят не только от ряда нормативных, культурных факторов, но и особенностей социальной структуры капиталистического общества.

Социоструктурная модель стигматизации Ф. Зака. Идеи американских социологов, особенно Чикагской школы, заложивших основы интеракционистского подхода в девиантологии и теории стигматизации, получили широкое распространение в Западной Европе последней четверти XX века. Так, ряд немецких криминологов в 70-е годы (Ф. Зак, Ш. Квенцель, Д. Петерс, Ф. Штальберг) активно разрабатывали и пропагандировали теорию лейблов, рекомендовали к применению ее на практике.

Наибольшая заслуга в том, что проблемы стигматизации стали предметом обсуждения в среде европейской криминологической общест-венности, принадлежит Фрицу Заку (р. 1931).

Немецкий социолог и криминолог Фриц Зак родился в 1931 году в Ноймарке, Померания. Изучал социологию и экономику в университете Киля и Кельнском университете, в университетах штата Огайо и Калифорнийском в Беркли. В 1970–1974 годы был профессором социологии в университете Регенсбурга. С 1974 по 1984 год – профессор на юридическом факультете университета Ганновера. С 1984 году работал на кафедре криминологии юридического факультете Гамбургского университета. В течение многих лет руководил Гамбургским институтом криминологических социальных исследований. Ф. Зак первым перевел теорию стигмы на немецкий язык и развил криминологическую дискуссию в Европе о роли социальной реакции в процессах клеймения. Он удачно модифицировал теорию стигмы в политически заостренной форме, обратив внимание на участие институтов формального соци-

ального контроля в «процессе предписания» девиантности. Его критические работы в течение ряда десятилетий оказывают значительное влияние на немецкую и европейскую девиантологию.

Криминологу Фрицу Заку, в отличие от социологов Лемерта, Беккера и Шура, характерен более радикальный подход к пониманию роли формальных социальных институтов в процессах клеймения [4, с. 161–162]. Зак, создавая социоструктурную модель стигматизации, испытал на себе определенное влияние идей теоретиков радикальной криминологии. Он опирался не только на разработки американских исследователей, но и на методологию европейских школ, в частности, марксистскую концепцию «классовой юстиции», в рамках которой процессы восприятия действий и принятия решений полицейскими, судьями и чиновниками «программируются селективно». По Заку, социальные институты лишь стимулируют и укрепляют девиантность: полиция специально выискивает представителей низших слоев, чтобы в «интересах правящего меньшинства» предписывать им роли преступных элементов.

Следовательно, Зак исходит из того, что преступное поведение и иные девиации возникают в результате «процесса предписания», осуществляемого институтами формального социального контроля в классовых социальных системах. Криминолог подчеркивает, что, благодаря селективности правоприменения, стигматизации подвергаются, прежде всего, низшие слои капиталистического общества. Это приводит к появлению устойчивой корреляционной связи между принадлежностью к той или иной социальной страте и регистрируемой преступностью.

Проблема селективного применения уголовно-правовых санкций, поставленная Ф. Заком, несомненно, актуальна для транзитивного российского общества. Имеется в виду уголовно-правовая реальность, скрывающаяся за метафорой «басманное правосудие», что остается предметом социологических и криминологических исследований. Селективность правоприменительной практики и правосудия рассматривается зарубежными девиантологами в тесной связи с идеями радикальной криминологии и аболиционизма.

Теория реинтегративного стыда Дж. Брейтуэйта. Самые заметные усилия в попытках пересмотреть и развить теорию стигматизации в интегративной перспективе и более широком социоструктурном контексте принадлежат современному австралийскому криминологу Джону Брейтуэйту (р. 1951) в работе «Преступление, стыд и воссоединение» (1989). В ней он убедительно показал, что существующая практика уго-

ловного правосудия формирует тенденцию клеймения и усиливает преступность. Уже в 1991 году эта книга получила мировое признание как внесшая наибольший вклад в развитие криминологии последних лет.

Джон Брейтуэйт родился в 1951 году в Ипсвиче. Брейтуэйт – современный австралийский социолог и криминолог, профессор исследовательской школы социологии Австралийского национального университета. Как криминолог он знаменит работами по теории реинтегративного стыда, восстановительного правосудия, предупреждения преступности и девиантности. Брейтуэйт является обладателем целого ряда международных наград и премий.

Согласно теории Джона Брейтуэйта, в основе социальной регуляции преступности против личности или собственности лежит чувство стыда. Стыд определен Брейтуэитом как социальное осуждение, которое имеет «цель вызывать угрызения совести в человеке, которого пристыдили или осудили» [8, р. 108]. Брейтуэйт концептуализирует стыд в двух формах: «*стигматизированный*» и «*реинтегративный*», при этом он неустанно повторяет, что его теория касается, прежде всего, «*стыда реинтегративного*» [9]. Действительно, если сторонники классического подхода в теории стигматизации анализируют, прежде всего, криминогенные последствия клеймения, которые распространяются на стигматизированного индивида, то Брейтуэйт больше рассматривает влияние «реинтегративного стыда» на снижение девиантности и преступности. В целом же модель Брейтуэйта, выстроенная вокруг клеймения в форме «*стигматизированного*» стыда и возвращения в общество путем «*реинтегративного*» стыда, учитывает их связи друг с другом. Ценно, что для этой теории характерно современное интегративное видение проблемы преступности и девиантности, поскольку Брейтуэйт ищет точки сопряжения в работах своих предшественников, развивавших основные теоретические традиции социологической криминологии. Его синтез построен с привлечением концептов из теорий стигмы, контроля, субкультур, дифференциальной ассоциации и напряжения на основе такого объединяющего понятия, как «реинтегративный стыд». В исследовании Брейтуэйта утверждается, что клеймение – это форма внушения чувства «стигматизирующего стыда», которая усугубляет проблему преступности. Термин «стигматизация» он использует для описания дезинтегративной роли «стигматизированного стыда», который разрушает моральную связь между «пристыженным девиантом» и сообществом. Примером «стигматизированного стыда» является решение судьи об установке специального стикера на недвижимость

девианта с кричащей надписью «здесь живет преступник». Согласно этому типу стыда от стигматизированного индивида ожидаются лишь новые преступления. Внушение чувства «реинтегративного стыда» может, наоборот, стать силой, формирующей общество. Это ключевое положение в теории Брейтуэйта. Трактовка понятия «реинтегративный стыд» исходит из посыла о том, что следует «осудить преступление, а не преступника» и предполагает процедуру или церемонию прощения, с помощью которой девиант воссоединяется с обществом законопослушных граждан. Особенно важно, если реинтегративный или воссоединяющий жест прощения исходит от близких девианта – людей, которых он любит, ценит, уважает, которые решительно не одобряют совершенное им преступление. Наиболее сильное проявление реинтегративного стыда – это осуждение преступления самим преступником с принесением жертве соответствующих извинений. Право начать «жизнь с нуля», порвав с прошлым, получает лишь тот преступник, который выразил искреннее раскаяние в своем преступлении, принес извинения жертве и восстановил нанесенный им ущерб.

Следовательно, процедура «реинтегративного стыда» ориентирует на низкий уровень, в то время как «стигматизированный стыд» – на высокий уровень преступности, хотя и косвенным путем.

В своей теории Брейтуэйт выделяет и подчеркивает криминальные особенности и социально-бытовые условия, которые поощряют или препятствуют реализации «реинтегративного стыда». Он также рассматривает тот факт, что люди в разной мере связаны с обществом и, соответственно, по-разному реагируют на процедуру «реинтегративного стыда». В последующем Брейтуэйт с коллегами из Австралийского национального университета провел дополнительные исследования по проблематике стигматизации и роли реинтегративного стыда на снижение делинквентности несовершеннолетних (1997).

В работах «Преступление, стыд и воссоединение» (1989), «Восстановительное правосудие и отзывчивое управление» (2002), а также последующих трудах Брейтуэйт обосновывает и развивает идею восстановительного правосудия как альтернативы современному уголовному правоприменению. Меры социального контроля должны оцениваться, с его точки зрения, в зависимости от того, дают ли они преступникам какие-либо шансы изменить делинквентную карьеру и поддержать их соответствие законопослушанию или нет. В рассуждениях Брейтуэйта красной нитью проходит мысль о том, что не столько репрессивные институты государства (полиция, суды), сколько структуры граждан-

ского общества (экологическая группа, антикоррупционное движение, семья, церковь, спортивный клуб, дружеская компания и др.) являются ключевыми агентами социализации и социального контроля. Они, опираясь на внушение реинтегративного стыда, могут весьма эффективно противостоять насилию и преступности.

Современные подходы к развитию теории стигматизации: критика и значение. С тех пор, как Эдвин Лемерт, Говард Беккер, Эдвин Шур, Фриц Зак, Джон Брейтуэйт обосновали основные модели и механизмы «навешивания ярлыка», современные девиантологи и криминологи в конце XX и начале XXI столетия стали больше внимания уделять различным эффектам и последствиям стигматизации. Так, например, было обращено внимание на значение личности человека, на которого навешивается ярлык. Оказывается, что, по данным американских криминологов Агестона и Эллиотта, под влиянием клеймения самосознание малолетних преступников и выходцев из низших классов меняется быстрее, чем у других правонарушителей. Кроме того, репрессивные санкции сами по себе влияют существенно меньше на самосознание индивида, чем частота и серьезность его девиантных поступков. Говоря другими словами, самосознание девианта больше основывается на реальном поведении, чем на официальной реакции на такое поведение. Для правоохранительных и судебных органов легче усугубить или ослабить уже сложившееся отношение общества к человеку как девианту, чем навесить на него абсолютно новый ярлык.

Даже если метка девианта в какой-то степени повлияет на самосознание индивида, то это не обязательно усилит его вину или усугубит его преступное поведение. Так, по мнению современного американского социолога Э. Махони, нет явных доказательств того, что изменение самосознания приводит к прямолинейному изменению преступного поведения. Более того, любое влияние, которое оказывает ярлык, со временем уменьшается и, в конце концов, может исчезнуть. Следовательно, существуют определенные аргументы в пользу того, что официальное навешивание ярлыка девианта системой уголовного правосудия может и не иметь прямого и решающего воздействия, обычно ожидаемого от стигматизации. По результатам других исследований, последствия клеймения часто бывают едва уловимыми и сложными, а также могут проявляться только через некоторое время.

Еще одним важным результатом исследований в области стигматизации является существенное сокращение у девианта возможностей вести нормальную жизнь и общаться с нормальными – нестигматизи-

рованными людьми. Даже если самосознание преступника или наркомана существенно не изменится, у него могут возникнуть трудности во взаимоотношениях с родителями, друзьями, соседями, сослуживцами. Кроме того, клеймение может вытолкнуть человека в девиантную субкультуру, где он получит необходимые навыки и новые мотивы для дальнейшего совершения преступлений. Общаясь с носителями такой субкультуры, индивид вовлекается в процесс научения, описанный теорией дифференциальных ассоциаций, и потому может снова стать на путь преступного поведения.

Представляется, что в дальнейшем процесс научения может также повлиять на самосознание преступника в значительно большей степени, чем сам факт навешивания ярлыка органами правопорядка. Так, например, к женщине, занимавшейся проституцией, в любой момент может подойти ее бывший сутенер, продавец наркотиков или просто бандит, знающий ее прошлое, и заставить ее снова заняться тем, чем она занималась прежде, даже если она этого не хочет.

Таким образом, стигматизация скорее выталкивает индивида в девиантную субкультуру и тем самым существенно затрудняет его возвращение к нормальной жизни.

Разумеется, все рассмотренные выше теории стигматизации не свободны от критики. Они чрезмерно выделяют реакцию индивида на вторичное отклонение, при этом уменьшают и недооценивают первичные причины преступления. Отсюда у теорий стигматизации нет недостатка в оппонентах. Многие из них указывают на отсутствие эмпирической поддержки «вторичных отклонений», а также того факта, что преступники имеют заниженную самооценку.

Немецкий криминолог Г.И. Шнайдер обращает внимание на то, что интеракционистов интересует не различие между преступниками и не преступниками, не вопрос о том, почему люди ведут себя не в соответствии с социальными нормами, а прежде всего значение социальной реакции. Они критически относятся к предмету традиционной криминологии и традиционным методам подавления преступности [6, с. 332].

Особенно много критических замечаний сделано относительно ключевого положения теории стигматизации о том, что воздействие системы формального социального контроля носит скорее негативный, чем позитивный характер. Многие криминологи ставят под сомнение тезис интеракционистов о том, что «ни одно действие не является изначально злым или преступным». Так, по мнению Ч. Уэлфорда, изнасилования и убийства являются «универсальными» преступлениями, поскольку

подвергаются жестокому наказанию во всех обществах и осуждаются всеми культурами. По мнению Х. Берлоу, теория лейблов больше сосредоточена на социально менее опасных отклонениях (гэмблинг, проституция, наркотизм, алкоголизм и т.п.) [4, с. 163–166].

Теория «наклеивания ярлыков» нередко подвергается острой критике и сторонниками радикальной криминологии (И. Тейлор, П. Уолтон, Дж. Янг), которые подчеркивают, что она оставляет за пределами своего рассмотрения значительную роль институтов власти и экономики в деле определения того, имеет ли действие преступный характер [4, с. 165]. Без должного внимания исследователей-интеракционистов остаются и жертвы преступников.

К недостаткам этой теории следует отнести и то, что она не указывает конкретно на те факторы, которые заставляют людей меняться, мешают им нормально жить и общаться с другими людьми. Не ясно, как стигматизация влияет на тех, кто ее инициирует. По мнению ряда современных американских исследователей (Р. Энсон, Д. О'Коннор, Ч. Перроу и другие), не находит убедительных эмпирических доказательств и то, что навешивание ярлыка судом приводит к увеличению преступности. Поэтому в большинстве новейших социологических исследований (например, в работах Рут Трипплетт и Роджера Джарлжоура, 1994) теория ярлыков получает эмпирическое подтверждение, но эффекты стигматизации рассматриваются не как прямые, а в основном как косвенные причины девиантного поведения.

Значение теории стигмы. Несмотря на критику, теория стигматизации имеет важное методологическое и прикладное значение. Она оказала существенное влияние на развитие социологических и криминологических исследований девиантности в рамках теорий конфликта, радикальной криминологии, модернизма и постмодернизма. Заслуги социологов-интеракционистов, создателей теории стигмы состоят в том, что они:

- * ярко обрисовали роль социально-психологических, нормативных и социоструктурных факторов в процессах клеймения;

- * в совершенно ином ракурсе показали значение социальной реакции на первичную девиантность, а также роль различных формальных и неформальных способов социального контроля на формирование девиантной идентичности и делинквентности подростков и молодых людей;

- * остро поставили проблемы социальной эффективности и селективности в работе органов правопорядка и юстиции;

* собрали много ценных эмпирических данных о преступности и иных формах девиантности;

* разработали рекомендации по разработке и использованию программ профилактики вторичной девиантности, что существенно повлияло на снижение интенсивности девиантных карьер подростков и рецидивной преступности.

Теоретический опыт социологов-интеракционистов в области стигматизации, практика его применения весьма ценны для использования в современных российских исследованиях, при совершенствовании уголовного законодательства на пути его декриминализации, в правоприменительной и социальной работе по профилактике уголовно-правового рецидивизма, иных форм девиантности и социального неблагополучия в подростково-молодежной среде [10, с. 20–27].

Литература

1. Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999.
2. Tannenbaum F. Crime and community. N.Y., 1938.
3. Tannenbaum F. The dramatization of Evil // Perception in criminology. L., 1975.
4. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.
5. Becker H. Outsiders: studies in sociology of deviance. N.Y., 1963.
6. Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем.; под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Издательская группа Прогресс-Универс, 1994.
7. Schur Ed. Our criminal society/ Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1969.
8. Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.
9. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. пер. с англ., под ред. М. Флямера, коммент. Я. Гилинского. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
10. Комлев Ю.Ю. Уголовно-правовой рецидивизм: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации в условиях преодоления «кризиса наказания» // Вестник КЮИ МВД России. 2011. № 2.

Феномен российской коррупции: успехи в «борьбе» или провал антикоррупционной политики?¹

Образ России прочно ассоциируется с тотальной коррумпированностью всех, особенно высших эшелонов власти. Еще не остыли впечатления от коррупционных скандалов прежних лет в Минобороны (дело «Оборон-сервиса»), таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития (многочисленные дела о растратах), в связи с крупными хищениями в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛОНАСС, при подготовке саммита АТЭС, при строительстве космодрома Восточный и футбольной арены в Санкт-Петербурге². Еще на слуху коррупционные скандалы с участием А. Сердюкова, Е. Скрынник, Т. Голиковой, Р. Панова, В. Гайзера, А. Хорошавина, а общественное сознание снова и снова сотрясают коррупционные дела 2016 года в МВД, в СК, в Министерстве экономического развития и другие. В кругу либеральных политиков, чиновников и экономистов недоумение. Вице-премьер И. Шувалов посылает сигнал о необходимости остановить «антикоррупционный каток». Он считает проблему коррупции чрезмерно преувеличенной, но едва ли с ним можно согласиться, особенно после задержания с поличным министра А. Улюкаева.

По открытым интернет-данным Transparency International за 2016 год, Россия находится в числе стран, наиболее пораженных коррупцией, наряду с Арменией, Боснией и Герцеговиной, Литвой, Молдавией, Сербией, Украиной. Этот рейтинг получен по итогам агрегирования ответов на вопросы о наиболее серьезных проблемах, которые стоят перед страной; о коррумпированности властных институтов и элит; об усилиях руководства страны по противодействию коррупции и влиянии олигархов на принятие властных решений.

Эмпирические данные свидетельствуют, что коррупция воспринимается россиянами как третья по важности проблема (39%) после экономического положения (61%) и состояния здравоохранения (56%). Она представляется респондентам более важной, чем проблематика в сфере образования, безработицы и преступности.

¹ Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции: материалы Всероссийского круглого стола. 2017. С. 66-70.

² Комлев Ю.Ю. Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 206 – 213.

Опрос населения страны показал, что бытовая коррупция, с которой реально сталкивается каждый третий респондент – «давал взятку в течение года», имеет массовое распространение в сфере государственного образования (начального и среднего – 29%; высшего и среднего профессионального – 24%); государственной медицины – (26%) и деятельности полиции (взаимодействие с ГИБДД – 26%).

Масштабы бытовой коррупции в образовании, медицине и полиции – убедительное свидетельство развития процессов деградации в этих сферах услуг, маргинализации и депрофессионализации менеджмента и кадрового состава.

В последние годы стимуляция ценностей материального успеха в индустрии масс-медиа («деньги не пахнут», «все на продажу, «все можно решить, лишь какова цена вопроса»), в развитии массового консьюмеризма, характерного всем рыночным обществам в мире постмодерна, создает социокультурные предпосылки для развития коррупции, формирует субкультуру продажности.

Бытовую коррупцию как социальную практику поддерживает не только древняя российская традиция со времен «кормления воевод» («не подмажешь – не поедешь», «ты мне – я тебе»), но и тотальная приватизация административных ресурсов местными и общероссийскими кланами во власти. Их лидеры ориентируются на ритуализм, то есть когда личные интересы, личное обогащение гораздо важнее интересов служения обществу и государству. Небывалый расцвет этнического и земляческого nepотизма проявляется в поддержке и продвижении во власть своих людей, в беззастенчивой конвертации политического капитала в экономический.

Укорененность коррупции в высших эшелонах власти оказывает пагубное влияние на распространение бытовой коррупции и тем, что коррупционеры в верхах «умеют жить». Им характерно эпатажное сверхпотребление (собственность за границей, земельные угодья, дорогие авто, украшения, квартиры и дома, инвестиции в «свой» семейный бизнес). Нередко «свои» коррупционеры в центре и на местах остаются непотопляемыми: их переводят по клановым соображениям из одного руководящего кресла в другое. Неслучайно 61% опрошенных россиян не согласны с тезисом, что за последние четыре года коррупции стало меньше. 62% утверждают, что правительство недостаточно эффективно занимается этой проблемой, 58% респондентов склоняются к мнению, что состоятельные люди часто используют свое влияние на чиновников в своих личных интересах.

Масштабы латентной коррупции в верхах, по-видимому, ошеломительны. Дела о получении взяток губернаторами Белых, Гайзером, Хорошавиным, министром Улюкаевым, полковником-миллиардером Захарченко лишний раз свидетельствуют не об успехах «борьбы с коррупцией», а о провале антикоррупционной политики в стране.

Печально, но факт – коррупция «нормализуется»: в восприятии многих наших соотечественников из негативной девиантности она превращается в «нормальную», социально приемлемую практику. Может быть, поэтому в массовом сознании молодежи так сильны установки на работу в чиновничьем аппарате, а не в профессиональной сфере или бизнесе. Поэтому, с моей девиантологической точки зрения, коррупция – это проблема не номер 3, а номер 1 в нашей стране: не приблизившись к решению которой, невозможно продвинуться на пути преодоления других социально значимых проблем в экономике, системе здравоохранения и иных важных сферах жизни современного российского общества. В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей и уровней власти не удастся решить ни одну экономическую и социальную проблему. Как всегда, в таких случаях необходимо ответить на традиционный российский вопрос «Что делать?».

Предложения:

1. *Политическая воля к противодействию коррупции.* Президент России не раз высказывался о резонансных коррупционных делах среди чиновников вполне определенно: *«Мы пойдем до конца, невзирая на лица, и в рамках закона»*. Это правильно. Воля лидера страны не должна ослабевать под влиянием клановых или сиюминутных интересов, фаворитизма и nepотизма – она должна воплотиться в реальные перемены к лучшему, чтобы люди это почувствовали. Неслучайно в одной из популярных песен артикулирован социальный заказ президенту, его прямо вопрошают:

*«Дядя Вова, где посадки? Колыма вскопала грядки
И засеять огород просит весь честной народ... ».*

2. *Изменения в законодательстве:*

а) для минимизации рисков коррупции в верхах следует конкретизировать в законе понятие «лоббизм» и правила его осуществления. Это позволит сделать более публичным и открытым процесс принятия экономических и политических решений органами государственной власти;

б) для укрепления независимости судебной системы от исполнительной власти и правоохранительных органов нужно сделать более про-

зачным порядок назначения, перевода и увольнения судей, а также распределения дел и благ между ними, расширение компетенции судов присяжных;

в) в профилактических целях для усиления имущественной ответственности коррупционеров необходимо принять нормы в гражданско-правовом механизме взыскания сомнительного имущества при его выявлении в ходе расследования коррупционных уголовных дел, поскольку пока в казну возвращено чуть более полумиллиарда рублей из 15;

г) необходимы дополнительные законодательные меры по защите заявителей о коррупции и коррупционерах.

3. *Правоохранительные органы.* В системе правоохранительных органов нет изменений в критериях определения качества работы сотрудников. По-прежнему на местах требуются «палочные показатели» — количество дел, доведенных до суда, количество вербовок, процент раскрываемости и т.п. Работа ведется с ориентацией на формальные показатели — работа на бумагу, то есть создание видимости успеха в «борьбе» с преступностью и коррупцией.

В системе правоохранительных органов не создано абсолютно никакой внятной мотивации для сотрудников, работающих по выявлению и пресечению экономической и коррупционной преступности. Когда оперативнику или его руководителю предлагают 10 процентов от неуплаченных в бюджет налогов в нефтегазовой сфере за непринятие мер реагирования, и эта сумма в миллионы раз больше заработной платы и пенсии вместе взятых, то устоять весьма сложно даже под угрозой разоблачения. Отсюда следует, что нужна дальнейшая реформа правоохранительной системы.

4. *Поддержка институтов гражданского общества и общественных акций антикоррупционной направленности.* Когда ключевые антикоррупционные решения власти принимаются без учета мнения и участия граждан, реализация этих решений неизбежно начинает про буксовывать. Transparency International сообщает, что более 40% наших соотечественников не верят в эффективность государственных мер по борьбе с коррупцией. Чтобы антикоррупционные меры были устойчивыми и социально эффективными, нужна активная государственная поддержка антикоррупционной активности, в том числе институтов гражданского общества в стране.

Положительной оценки заслуживает активность структур Общероссийского народного фонда по пресечению нецелевого расходования

бюджетных средств и выявлению расхитителей и коррупционеров. Подобные меры с участием правоохранительных органов могли бы выявить тех чиновников, которые не работали в бизнесе на федеральном и региональном уровне, но живут не по средствам.

5. *Публичность доходов высокопоставленных лиц.* Следует внедрить в практику норму о публикации в открытой печати сведений о доходах и имуществе судей, руководителей правоохранительных органов, государственных чиновников всех уровней в прессе и на интернет-ресурсах.

6. *Работа по подбору, подготовке и ротации кадров.* Кадровая работа по рекрутированию, подготовке и ротации чиновничьего аппарата должна разрушить субкультуру продажности, существенно повысить ответственность управленческого аппарата, сократить поле частного усмотрения при разрешении подведомственных вопросов, установить зависимость служебного поведения чиновников от итогового социального пакета при увольнении и выходе на пенсию.

Криминология как социология преступности¹

В статье рассматривается развитие криминологии как социологии преступности. Раскрывается объяснительный потенциал девиантологического подхода к изучению преступности.

Ключевые слова: девиантология, криминология, социология преступности.

Criminology as Sociology of Crime

In the present article the development of criminology is considered as sociology of crime. The author reveals explanatory potential of deviantological approach to study of crime.

Keywords: deviantology, criminology, sociology of crime.

Преступность во все времена вызывает острый социальный отклик; это одна из самых злободневных проблем, вокруг которой не утихают общественные и научные споры.

Преступность и преступное поведение – объект не только юридических, но и социологических исследований. Правоведа интересует, наряду с правотворчеством, природа нарушения норм уголовного законодательства, общие и специфические причины или условия, способствующие воспроизводству и распространению преступности, а также эффекты и проблемы правоприменения в работе полиции, судебной и пенитенциарной системы. Социолог, как правило, ищет социально типическое в преступности, интересуется коллективными аспектами человеческой жизни, изучая, как один социальный феномен (например, институализированное в социальной структуре социальное неравенство или быстрые социальные перемены, вызванные технологической революцией) влияет на уровень, дифференциацию, масштабы делинквентности как социального явления. Социологи анализируют связи между преступностью и другими проявлениями негативной девиантности, изучают работу не только институтов формального (полиция, судебная и пенитенциарная система), но и неформального (семья, религия, система образования, масс медиа, community) социального контроля.

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 67-73.

Возникновение криминологии связывают обычно с выходом в 1761 г. книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой излагаются ставшие классическими взгляды на преступность как результат рационального выбора, на приоритет превенции над репрессией и жестокостью кары. Сам термин «криминология» введен в научный оборот антропологом Полем Топинаром лишь в 1879 г. Первая книга под таким названием была написана учеником Чезаре Ломброзо Рафаэлем Гарофало в 1885 г.

Однако стремительное развитие науки о преступности началось лишь в рамках биологического и социологического позитивизма в XX в. Эдвин Сатерленд в 1947 г. определил криминологию как учение о внутренних процессах законодательства (law-making), правонарушения (law-breaking) и правоприменения (law-enforcing).

Преступность в современном обществе многогранна и чрезвычайно сложна. В мировой науке в рамках различных научных подходов и парадигм сложилось множество теорий, исследовательских традиций, которые конкурируют между собой, дополняя друг друга. Так, например, одни ученые видят в преступности признак ослабленного или социально дезорганизованного общества. Другие, как это не парадоксально звучит, считают, что преступное поведение в терпимых пределах может послужить укреплению существующего правового и социального порядка. Третьи изучают преступность как социально обусловленный результат конкуренции и конфликта между различными группами в обществе, считая, что преступным является то поведение, которое создает угрозу определенным групповым или классовым интересам. В рамках феноменологии и постмодернистской криминологии преступность рассматривают как рекурсивную продукцию, релятивный и конвенциональный социальный конструкт – часть историко-культурного контекста.

Современная криминология широко опирается на правовые, социологические, психологические, биологические знания и достижения других наук об обществе и человеке. Она стремительно развивается и сегодня уже не та, какой была даже два десятилетия назад. Неслучайно, в этой области знания продолжают дискуссии, и определений криминологии почти столько же, сколько криминологов.

Одна из распространенных точек зрения в мировой науке по этому вопросу состоит в том, что криминология – это социология преступности – наиболее развитая часть девиантологии. Девиантологи считают, что преступность – это форма негативной девиантности. Криминология

представляет собой социологическую науку, изучающую различные проявления преступности как общественного феномена, являющегося, с одной стороны, поведенческой практикой – объективным продуктом социальной структуры, культуры, технологических и социальных перемен, происходящих в современном мире. С другой стороны, преступность – результат социального конструирования, это рекурсивная продукция, созданная в ходе социально-коммуникативного процесса, в который вовлечен преступник, его жертва и политико-правовые институты государства.

Девиантологический подход прочно укоренился в англоязычной и частично российской научной литературе. В чем российские истоки девиантологической традиции?

Российская наука о преступности конца XIX – начала XX вв. была представлена блестящими исследователями-правоведами. Среди них: М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, С.В. Позднышев, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, Д.А. Дриль, Н.Н. Полянский и другие. В работах этих талантливых криминологов-позитивистов более ста лет назад немалое значение придавалось изучению социальных причин преступности. Весьма существенную роль в «социологизации» проблемы преступного поведения и широком применении социологических методов по изучению преступности и других девиаций имели яркие труды М.Н. Гернета: «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права» (1906), «Наркотизм, преступность и уголовный закон» (1924).

В советский период вплоть до 60-х гг. социальные аспекты преступности исследовались в рамках науки уголовного права (А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский, Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский и др.). Отечественная криминология как наука формировалась и активно развивалась в этот период в рамках правоведения, особенно в период «хрущевской оттепели». В девиантологическом (социологическом) дискурсе ее институционализация была невозможной исключительно по идеологическим причинам, поскольку зарубежная социология считалась властями в то время «буржуазной лженаукой», полипарадигмальность и базовые положения которой вступали в противоречие с «единственно верным учением». Отсюда в рамках отечественной юриспруденции изучение преступности как «родимого пятна капитализма» происходило в определенном отрыве от достижений мировой научной мысли.

В результате развития идеологически более нейтрального юридического дискурса криминология стала выступать общетеоретической

дисциплиной для наук криминального цикла (уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, криминалистики, ОРД, судебной психологии).

В 60-е, 70-е, 80-е, 90-е гг. стали выходить фундаментальные криминологические работы В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, А.А. Герцензона, Л.В. Франка, П.С. Дагеля, П.С. Тоболкина, В.М. Когана, А.М. Яковлева, Г.М. Миньковского, Ю.М. Антоняна, Г.А. Аванесова, Ю.Д. Блувштейна, С.Е. Вицина, Я.И. Гишинского, В.Е. Квашиса, Г.Ф. Хохрякова, В.Д. Ривмана, К.Е. Игошева, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Долговой, Б.В. Волженкина, В.В. Лунеева, Д.А. Шестакова и других отечественных исследователей.

В советской и российской криминологии выделился ряд относительно самостоятельных направлений исследования и отраслей, таких как: преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, прогнозирование и профилактика преступности, виктимология, пенитенциарная криминология, экономическая криминология, семейная криминология, криминология политической преступности.

Однако и в советский период, после «оттепели» наряду традиционным юридическим пробивало себе дорогу и социологическое направление в осмыслении проблем уголовного права и криминологии. Одной из таких работ стала монография А.А. Герцензона «Уголовное право и социология» (1970). В 1986 г. вышла замечательная книга Л.И. Спиридонова «Социология уголовного права», в 1988 г. – работа А.М. Яковлева «Социология экономической преступности».

К середине 80-х гг. прошедшего столетия в СССР сложилась группа социологически ориентированных правоведов и криминологов. В своих рассуждениях они далеко вышли за рамки официальной советской науки о преступности, для которой характерны постулаты: преступность – чуждое советскому народу явление; его причины – капиталистическое окружение и «пережитки капитализма» в сознании людей; нужно «усилить борьбу», чтобы «земля горела под ногами хулиганов», и тогда преступность будет ликвидирована. Это Л. Спиридонов, А. Яковлев, В. Коган, Г. Забрянский, А. Лепс, Э. Раска, Ю. Блувштейн, В. Юстицкий, А. Добрынин, Я. Гишинский и многие другие.

В современной российской науке, параллельно с юридическим направлением, активно развивается социологический взгляд на криминологию. Социально-экономическую детерминацию преступности успешно анализировал один из основателей современной российской криминологии академик В.Н. Кудрявцев, который еще в советский пе-

риод поддерживал более емкий девиантологический подход к изучению преступности и социологически ориентированных криминологов, социологическую линию исследований социально-правовых явлений [1, с. 12]. Так, авторы фундаментальной монографии «Социальные отклонения», выдержавшей несколько изданий, В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсисянц одними из первых в стране рассуждают о феномене девиаций, рассматривая преступность как негативное социальное отклонение во взаимосвязи с другими формами девиантности: алкоголизмом, наркоманией, суицидами, социальным паразитизмом, бюрократизмом [2, с. 242]. Лидер российской криминологической ассоциации А.И. Долгова в 3 главе учебника «Криминология» (1999) с вполне девиантологических позиций пишет, что «преступность подлежит рассмотрению и как часть такой более общей для нее системы (но менее общей, чем общество в целом), как негативные социальные отклонения».

Широкий социологический ракурс при изучении семейной преступности, экстремизма и терроризма, других проявлений криминальной активности характерны многим современным Санкт-Петербургским криминологам: Д.А. Шестакову, С.У. Дикаеву, А.Л. Сморгуновой. Социологически ориентированы многие криминологические работы В.С. Овчинского, в которых раскрываются методологические вопросы прикладных криминологических исследований, анализируются проблемы превенции преступности несовершеннолетних, противодействия организованной преступности, размывание предмета традиционной позитивистской криминологии. Социологические воззрения на преступность как социальное явление характерны отечественным криминологам Д.А. Ли, С.Г. Олькову, Э.Г. Юзихановой и многим другим исследователям.

Социологический дискурс наиболее ярко и продуктивно структурирован в работах криминологов Я.М. Яковлева «Социология преступности (криминология). Основы общей теории» (2001), «Социальная структура общества и право» (2009) и Я.И. Гилинского «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (2002, 2009), Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» (2007, 2013), «Социальное насилие» (2013) и другие.

С точки зрения Я.И. Гилинского, выстраивается следующая иерархия наук: социология – девиантология – криминология. Девиантологи считают, что понятия «преступное поведение» и «преступность» орга-

нично вписываются в объем таких более общих терминов, как «девиантное поведение» как отдельный феномен и «девиантность» как массовое социальное явление [3, с. 20]. Отсюда, криминология выступает как наиболее развитая часть девиантологии – более общей науки о социальных отклонениях.

При этом криминология сохраняет и находится во взаимосвязи со многими другими науками и научными направлениями. Она теснейшим образом связана с юридическими науками криминального цикла: уголовным правом, уголовным процессом и уголовно-исполнительным правом. Криминология является базовой наукой для этих дисциплин, поскольку призвана объяснить социальную – в широком смысле интегральную – природу преступности, обусловленность преступлений социальными и иными факторами, охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения и вскрыть его механизм, определить пути и методы социального контроля над преступностью на том или ином этапе общественного развития.

Очевидна связь криминологии с психологией, поскольку в механизм любого индивидуального поведенческого акта, в том числе преступного, входят психологические составляющие (интеллект, воля, эмоции, личностные особенности, психопатологии). На развитие криминологии, начиная с ее образования, влияют достижения современной антропологии и биологии. С современной криминологией взаимодействуют экономическая наука, политология и даже культурология. Все эти связи указывают на междисциплинарный, мультидисциплинарный, интегративный характер многоаспектного криминологического знания.

Отечественную криминологию как социологию преступности – раздел девиантологии сегодня наиболее активно развивают криминологи ленинградской-санкт-петербургской школы во главе с Я.И. Гилинским. Эту же точку зрения на криминологию разделяли и разделяют казанские девиантологи Н.С. Фатхуллин, [А.Л. Салагаев], Ю.Ю. Комлев, С.Н. Дружков, [А.Н. Казаков] и другие. В широкой социологической парадигме подготовлены криминологические работы девиантологов Тюмени С.Г. Олькова, Э.Г. Юзихановой, И.А. Грошевой и др.

Зарубежная, прежде всего самая большая в мире по числу публикаций и ученых англо-американская криминология значительную часть своей истории развивается как социология криминального поведения, начиная с первой Чикагской школы. В науке о преступности в США традиционно доминирует социологическая парадигма и социологическая методология, хотя и используются достижения других областей

знания. О влиянии социологически ориентированных криминологов, носителей докторских степеней по социологии свидетельствует персональный состав авторов фундаментального учебника «Криминология», подготовленного под редакцией Дж.Ф. Шели и изданного в переводе в Санкт-Петербурге в 2003 г. Девиантологический подход к изучению преступности также широко представлен среди значительной части европейских криминологов, разделяющих основные девиантологические идеи. Из работ европейских криминологов социологической ориентации хорошо известны труды Фрица Зака, Нила Кристи, Матти Лайне, Эндо Лепса и других [4].

Криминология XXI в. активно развивается как в мире, так и в России. Наука о современной преступности упрочила свой полипарадигмальный статус, в ее методологическом арсенале широко используются поликонцептуальность и методологическое разнообразие: статистические, количественных и качественные социологические методы, методологическая триангуляция. Ее предметная область активно расширяется за счет новых тем и актуальных криминологических исследований криминальной активности в Интернет-пространстве, пограничных с преступностью социальных явлений и форм негативной девиантности, за счет образования новых отраслей и теорий преступности. Прогресс криминологии прежде всего обязан развитию новых подходов и теоретических перспектив, более адекватных наступившей эпохе постмодерна.

Усложнение этиологии преступного поведения в постиндустриальном, постмодернистском мире требует новых подходов, нового понятийного аппарата, новых идей и теорий, новых дискуссий. Девиантологический ракурс исследования – не бесспорный, но его несомненное достоинство в том, что он позволяет увидеть естественные, искусственно нерасчлененные связи преступности с другими проявлениями разрушительной для личности и общества негативной девиантности, таких как: алкоголизм, наркотизм, проституция, порнография, суициды, гэмблинг, компьютерный эскапизм и другие. Девиантологический подход к изучению преступности позволяет анализировать не только взаимосвязи преступного поведения и других проявлений девиантности, но и наиболее общие причины, генезис и закономерности всех этих явлений не только в правовом, но и более широком социокультурном контексте. Девиантология позволяет интегрировать современные научные знания о био-психо-социальной природе преступности. На ее основе можно более продуктивно осмыслить процессы конструирования и декон-

струирования норм уголовного права и преступности, криминализации и декриминализации в нормотворчестве, отправления правосудия. Девиантологический подход имеет немалый эвристический потенциал для разработки и реализации мер превенции и репрессивного противодействия в системе институтов формального социального контроля и исправления преступников и девиантов в пенитенциарной системе.

С одной стороны, преступность – наиболее изученный социальный феномен. С другой стороны, в эпоху постмодерна, когда стремительно меняется мир и научное знание, происходит естественное расширение предмета криминологии, и термин «преступность» снова становится дискуссионным и не вполне определенным понятием.

Как известно, в первом советском учебнике по криминологии отмечается, что «преступность включает в себя всю совокупность конкретных преступлений, совершенных в определенный период времени в данном обществе, но не является простой суммой этих преступлений» [5, с. 55-57]. Понятие «преступность» криминологами советского периода чаще всего употреблялось в значении определенной статистической совокупности, когда речь шла о множестве преступлений. Одновременно с этим в криминологических работах этого периода справедливо подчеркивается социальный характер преступности. Так, Н.Ф. Кузнецова писала в конце 60-х гг., что «преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое, социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [6, с. 173]. В отечественной криминологической литературе (Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский и др.) долгие годы по указанной выше причине было возможно лишь идеологически нагруженное понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества...». В политизированном толковании преступности тех лет проявлялось влияние советской эпохи, не допускавшей плюрализма мнений и заимствований из зарубежной криминологии.

В постсоветской России появляются идеологически нейтральные и более корректные определения преступности. В 1994 г. в учебнике по криминологии под редакцией Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского уточняется, что «преступность – это исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений...» [7, с. 63-65]. «Криминология» под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова преступность трактует как «отрицательное

социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия, и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней» [8, с. 22]. А.М. Яковлев приходит к вполне девиантологическому выводу о том, что преступность предстает как единство объективного начала (социальные действия, поведенческие акты) и субъективного (оценивающая деятельность законодателей, что находит отражение в уголовном законе) [9].

Позднее А.И. Александров вопрошает: «Что такое преступность?» и дает ответ, видимо, под впечатлением событий лихих 90-х, когда многие люди просто прокормиться не могли, работая за мизерную зарплату, что «это массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета» [10, с. 179]. А.И. Долгова уточняет, что преступность – это «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета» [11, с. 7]. Как видим, в работах криминологов 90-х гг. и нулевых годов общим местом является указание на то, что преступность определяется легалистски, исходя из нарушения уголовного запрета (закона).

Представители ленинградской – санкт-петербургской криминологической школы дают более социологизированные определения преступности как свойства общества. Например, с точки зрения Д.А. Шестакова, преступность – «свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [12, с. 136].

Исследователи чаще всего опираются в своих определениях преступности на разноплановые критерии, которые конструируются по разным основаниям: общественной опасности, реального вреда и предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступлений без указания о том в законе) [13, с. 36]. С одной стороны, это объективный вред, реальные последствия от преступности и, с другой, криминализация деяния в законе, который отражает субъективное решение законодателя, что считать, а что не считать преступным.

Зарубежные криминологи также подчеркивают многозначность предмета своего исследования. Причем большинство из них ориентируется на девиантологическую трактовку преступности и преступного поведения. Так, Джон Хаген (1985) определяет преступление как «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, кото-

рые запрещены уголовным законом» [14, р. 49]. Джон Конклин (1992) рассматривает генезис неформальных социальных норм, их превращение в юридические нормы, а преступление трактует как акт девиации, который «нарушает уголовное право, что наказывается государством» [15, р. 5-6]. Матти Лайне (1994) также рассматривает преступление девиантологически как вид отклонения. С его точки зрения, это «умышленное действие, которое по уголовному или другому законодательству является наказуемым и дает государству право наказания» [16, р. 19-20]. В постмодернистской перспективе анализа криминальный акт рассматриваются в работах Б.Ди Кристина, К. Хеворда, Д. Миловановича, Дж. Феррела как социальный конструкт, рекурсивная продукция, созданная в ходе социального процесса, в который вовлечен преступник, его жертва и общество. Преступность – интегральная часть общества, вызванная социальной структурой и идеологией, разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии [17, с. 191-196].

Ф. Шмаллегер в книге «Криминология сегодня» (1999) перечисляет различные трактовки преступления в англоязычной литературе в зависимости от избранного «профессионального» подхода. Он выделяет: юридическое (легалистское) толкование – «преступление есть нарушение закона»; политическое – «преступления суть акты, воспринимаемые властью как прямая или косвенная угроза ее интересам»; социологическое – «преступление есть такой антисоциальный акт, который естественно вызывает репрессию или предполагает необходимость защиты существующей социальной системы», психологическое – «преступление есть форма социального неумения приспособиться к окружающей среде, которое может быть определено как более или менее резко выраженные затруднения, которые индивид испытывает при реагировании на влияние/стимулы своего окружения» [18, р. 30-40].

Как видим, ни отечественные, ни зарубежные криминологи и по сей день не выработали «правильного» определения преступности как главного предмета своих исследований. И это не случайно, поскольку преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ. С одной, объективной стороны – это социальная проблема, социальная практика, реальность с онтологически опасными последствиями, а с другой, субъективной стороны – это социальная конструкция, определяемая по воле господствующих политических сил законодателем в процессе правотворчества.

Я.И. Гилинский, опираясь на мировой и отечественный опыт, девиантологически определяет преступность как «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемое законодателем в уголовном законе [13, с. 45].

Девиантологический взгляд на преступность позволяет расширить палитру признаков преступности как социального феномена. Среди них:

1. *Релятивность* (относительность). То, что еще «вчера», в советскую эпоху, определялось в УК РСФСР как преступление, например, бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни (ст. 209), в современной России декриминализировано. С другой стороны, лжепредпринимательство (ст. 173) и фиктивное банкротство (ст. 197) УК РФ сегодня являются преступными деяниями, в УК РСФСР этих составов просто не было.

2. *Конвенциональность*. Так, к примеру, в одних штатах США законодатели «договорились» и закрепили в законодательстве запрет на продажу огнестрельного оружия, в других же такое соглашение не состоялось, поэтому нет и соответствующей прогибиционистской нормы.

3. *Сконструированность*. Преступность политически и исторически обусловленный социальный конструкт. Криминологи-конструктивисты и постмодернисты (Л. Хулсман, Н. Хесс, С. Шерер, Д. Гордон и др.) определяют преступность как социальную конструкцию, а не онтологическую реальность. Они рассматривают ее как продукт криминальной политики, поскольку криминализация деяний в законе один из способов искусственного социального конструирования – приписывания поступкам определенных значений.

4. *Функциональность*. «Преступность необходима, – считал Э. Дюркгейм, – она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции права и морали [19, с. 86]». Преступность институализирована и выполняет ряд социальных функций. Так, ее наличие служит поддержанию (сохранению) властных отношений; социальной адаптации, удовлетворению ряда потребностей в богатстве и собственности.

5. *Массовость*. Преступность как социальный феномен чрезвычайно распространена. В мире наблюдается абсолютный и относительный рост преступности как регистрируемой, так, особенно, латентной ее части. Преступность имеет характер глобальной проблемы.

6. *Иррегулярность*. Преступность отличается неопределенностью, непредсказуемостью. Преступления совершаются хаотично, независимо друг от друга.

7. *Изменчивость*. Это свойство определяется тем, что преступность реагирует и адаптируется к историческим и социальным изменениям.

8. *Относительная статистическая устойчивость*. К перечисленным выше свойствам Я.И. Гилинский относит способность преступности меняться плавно и закономерно [13, с. 46].

Преступность как социальный феномен и социальная конструкция специфична для каждого общества, культуры и может существенно меняться в ходе смены исторических эпох.

В современной политической, управленческой элите и среднем классе имеет место масштабное распространение «беловоротничковой преступности», которая, например, для России имеет значение первостепенной проблемы, поскольку без ограничения коррупции, должностных преступлений – нет и не может быть поступательного развития страны.

Эпоха HIGH-TECH постоянно синтезирует и воспроизводит новые технологически и культурно обусловленные практики социальных отклонений и деликтов. В 1997 г. в России было зарегистрировано 33 киберпреступления, в настоящее время – их фиксируется десятки и сотни тысяч. Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным исследователей, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений составляет по оценкам полицейского аналитика М. Гудмана в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4% [20].

Иными словами, киберпреступность стала «сетевым феноменом» – высокодоходной и мало рискованной криминальной активностью. Понадобилось всего тридцать лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до массового распространения киберпреступлений, которые сегодня воспринимаются обществом как новая глобальная криминальная угроза.

Кримфутурологи, анализируя технологические сдвиги в обществе постмодерна, предсказывают всплеск и трансформацию преступности под влиянием грядущей четвертой научной революции, а также отстаивание реформ в системе социального контроля над преступностью. Уже сегодня очевидно, что отстают от бега времени, социальных и технологических перемен институты расследования, судопроизводства, пенитенциарной системы, которые не обеспечивают в полной мере за-

дачи контроля, превенции, коррекции и исправления криминального поведения, воспроизводя за счет стигматизации высокий уровень рецидивизма. Все эти проблемы с неизбежностью актуализируют интеллектуальные инвестиции в развитие криминологии. Неслучайно, постмодернистский образ криминологии в XXI в. содержит в себе новые базовые черты науки о преступности. Попытку структурировать эти черты предпринял Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии видится ему в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая в том числе и к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области [18, р. 561].

Таким образом, очевидно, что без интенсивного полипарадигмального развития криминологии, в том числе в формате социологии преступности, не нарастить методологический и объяснительный потенциал науки применительно к таким криминальным эпифеноменам, как коррупция, киберпреступность, терроризм, захлестнувших мир постмодерна. Девиантологический взгляд на проблему преступности меняет представление о предмете традиционной позитивистской криминологии. Этот подход не может не спровоцировать дискуссию, к участию в которой и приглашает автор.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Юрист, 2003. – 352 с.
2. Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Кудрявцев Ю.В., Нерсисянц В.С. Социальные отклонения. – М.: Юрид. лит., 1989. – 365 с.

3. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. – 245 с.
4. Комлев Ю.Ю. Криминология: девиантологический очерк. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 96 с.
5. Советская криминология: учеб. / Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Карпец И.И., Касаткин Ю.П., и др.; Отв. ред.: Герцензон А.А., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. – М.: Юрид. лит., 1966. – 320 с.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1968.
7. Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М., 1994.
8. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.А. Эминова. – М., 1995.
9. Яковлев А.М. Социология преступности. – М., 2001.
10. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. – М., 2003.
11. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003.
12. Шестаков Д.А. Криминология: учебник для вузов. – СПб., 2006.
13. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.
14. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. – N.Y., 1985.
15. Conklin J.E. Criminology. 4 edition. – N.Y., 1992.
16. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения / Пер. с фин. – Хельсинки, 1994.
17. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.
18. Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. – New Jersey, 1999.
19. Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований. – 1992. – № 2.
20. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. – Doubleday, 2015.

Преступность: тренды и вызовы на пороге новой технологической революции¹

В статье на основе контент-анализа зарубежных и отечественных источников анализируются тренды преступности на рубеже веков и криминальные вызовы, обусловленные четвертой технологической революцией; выдвигается идея создания интегративных учебных курсов, учитывающих технологические сдвиги в «новом мире» при подготовке юристов-практиков для правоохранительной системы.

Ключевые слова и фразы: *девиантность; киберпреступность; криминальный тренд; гентрификация; технологическая революция.*

Crime: Trends and Challenges at the Threshold of a New Technological Revolution

Based on the content analysis of foreign and domestic sources, the article analyzes the main trends of crime at the turn of the century and the criminal challenges caused by the fourth technological revolution. It puts forward the idea of creating integrative training courses that take into account technological shifts in the “new world” when training lawyers for the law enforcement system.

Keywords and phrases: *deviance, cybercrime, criminal trend, gentrification, technological revolution.*

В обобщающих зарубежных работах, посвященных преступности в мире постмодерна, выделяются и анализируются наиболее опасные проявления этой формы негативной девиантности, обусловленные социальными и технологическими сдвигами. Это: терроризм, государственно-организованная преступность (state-organized crime), преступность «белых воротничков» (white-collar crime), в том числе корпоративная преступность (corporate crime), организованная преступность (organized crime), наркопреступность (drug abuse and crime), а также получающие массовое распространение новые формы криминальной активности в сфере высоких технологий (high-tech crime) и киберпреступность (computer crime) [1, p. 377–494].

¹ Вестник ВЭГУ № 4 (90) 2017. С. 67-75.

Контент-анализ ряда зарубежных криминологических источников, вышедших на рубеже третьего тысячелетия, показывает, что глобальные и локальные перемены в мировой экономике, технологиях и обществе постмодерна влекут за собой, с одной стороны, *гентрификацию* (перемещение и рассеивание) преступности, с другой – ее *геттоизацию* (концентрацию и интенсификацию) [2]. Эти тренды заявляют о себе в настоящее время не только в экономически развитых, но и в развивающихся странах с преимущественно сырьевой экономикой и высоким уровнем расслоения населения, таких как Россия и другие страны постсоветского пространства.

В превосходных работах отечественных криминологов В.В. Лунеева и Я.И. Гилинского отражены основные тенденции в развитии мировой и отечественной преступности по данным статистических учетов, обзоров ООН по статистике преступлений (1975, 1980, 1985 и 1990 гг.). После Второй мировой войны и до 90-х годов в мире наблюдался *абсолютный* и *относительный* (в удельных показателях) рост зарегистрированной преступности [3; 4; 5]. Примечательно, что в указанный период устойчивый рост преступности фиксируется на значительно более высоком уровне в экономически развитых странах по сравнению с развивающимися странами.

Рост преступности привел к «войне с преступностью» в Западном мире, что потребовало существенного увеличения финансовой поддержки правоохранительной системы за счет роста численности полицейских и технического оснащения их работы, особенно в США. При этом в американском профессиональном сообществе произошел упадок идеала исправления (реабилитации) по модели «закон и порядок». Ренессанс наказания в виде длительных сроков лишения свободы увеличил численность «тюремного населения» и «призонизацию» значительных групп низшего класса, поскольку тюрьмы стали школами девиантной социализации, воспроизводя высокую степень рецидивизма.

Криминологи (Н. Критсти, Т. Матисен, В. Чемблисс, У. Бондесон, Ф. Макклиток, Х. Пепински и др.) определили ситуацию с крахом неоконсервативной стратегии социального контроля как «кризис наказания».

В странах Европы (в частности, в Финляндии и Швеции) в начале нового века ответ государства на рост преступности был уже иным – развернулось движение против чрезмерного использования тюремного заключения. Так, Финляндия трансформировалась от «страны тюрем» в «общество с ограниченным причинением боли» [6].

По мере развития на Западе общества велфера (благополучия) произошла дальнейшая консьюмеризация сознания и жизнедеятельности как материально благополучных, так и не очень успешных людей. Этот феномен привел, по образной метафоре В.В. Лунеева, к «гуманизации преступности», что проявляется в преобладании корыстной преступности и, прежде всего, «беловоротничковой» (экономической, должностной, коррупционной) над насильственной. Произошло сокращение доли последней в общем объеме преступности. С развитием рыночной экономики и потребительского поведения в нашей стране, особенно в «тучные годы» при высоких мировых ценах на углеводороды этот тренд стал характерным и для российской криминальной реальности. Так, в России доля преступлений против собственности увеличилась с 43,4% в 1987 г. до 65,8% в 2006 г. Впрочем, «общество потребления» характеризуется ростом не только криминальных, но и полукриминальных, а также не криминальных, девиантных способов обогащения – от проституции, гэмблинга до «теневой экономики». По некоторым оценкам доля неформальной экономики в России составляет около 40%, при этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и неформальной экономической деятельностью практически невозможно [7].

На состояние преступности в мире и России по-прежнему существенно влияют процессы глобализации капитализма, стратификации мирового сообщества на страны золотого миллиарда (Западная Европа, Северная Америка, Япония, Австралия, Израиль) и «исключенные» из социальных и экономических перспектив «развивающиеся страны», социальные, религиозные и этнические конфликты, локальные войны. Бегство людей, от которых в мир материального благополучия западных стран приводит к миграционным волнам и развитию транснациональной преступности.

Транснациональный криминал интегрирован в бизнес и участвует как в нелегальном предоставлении и распределении транспортных коридоров для мигрантов, товаров и услуг (секс-индустрия, гэмблинг, торговля людьми и человеческими органами, продажа оружия и наркотиков и др.), так инвестирует во вполне легальные виды высокодоходной, в том числе инновационной деятельности.

Грозной социальной проблемой, вызовом мировому сообществу и национальным государствам на Западе и Востоке являются проявления экстремизма и терроризма, особенно на религиозной и идеологической почве. Концентрация бедности и богатства, рост числа отчужденных молодых

людей из числа «исключенных», рост напряжения между бедным Востоком и богатым Западом создают предпосылки, которые, будучи обернуты в оболочку этнических или религиозных различий, питают терроризм [8]. Еще одно относительно новое измерение преступности развивается в направлении «преступлений ненависти» или «hate crime» по мотивам национальной, расовой, религиозной вражды и других проявлений ксенофобии, как разновидность насильственной преступности. Я.И. Гилинский справедливо обращает внимание в одной из своих статей-писем, что эту проблему, которую питают и «идеология насилия некоторых ветвей некоторых религий (скажем так...), и недостаточно адекватная политика властей, и идея мультикультурализма, пущенная на самотек, и неизбежно негативные последствия позитивной глобализации...» [5].

Вместе с тем, начиная с нулевых годов, по оценкам В.В. Лунеева, происходит дальнейшая трансформация «криминального тренда» – статистика фиксирует снижение количества и уровня преступлений во всем мире [3]. Наиболее наглядно эти изменения происходят в динамике убийств – наименее латентного вида преступлений. Аналогичная картина наблюдается в динамике преступлений в России, но с 2006 года, а по ряду преступлений с 2001 года. Объяснения этому феномену даются в работах Я.И. Гилинского. В частности, интересна гипотеза ученого о переходе криминальной активности молодежи, как основного субъекта «уличной преступности», в киберпространство Интернета, где чрезвычайно высока степень латентности преступлений. Я.И. Гилинский одним из первых обращает внимание на то, что имеет место, выражаясь языком Г. Барака, гентрификация и «переструктуризация» российской преступности, когда обычную преступность теснят малоизученные и почти не регистрируемые высоколатентные виды преступлений [5].

Заслуживают внимания и выводы зарубежных криминологов относительно того, что повальное увлечение компьютерными играми с элементами и демонстрацией жестокости отвлекает на себя часть потенциальных уличных преступников. Иначе говоря, распространение компьютерных игр («стрелялок») в киберпространстве имеет для общества в целом «оздоровительный эффект». Определенная часть зарубежных исследователей полагает, что относительному снижению уровня зарегистрированной преступности способствует и повышенная «секьюритизация» в обществе постмодерна и хайтека, как результат массового применения технических средств безопасности и технологии слежения. Развитие превентивных форм социального контроля, в новых условиях связывается учеными с управлением социальной

средой, увеличением риска уголовной ответственности, укреплением «объектов преступного посягательства» (target hardening) на цифровой основе, реализацией практик информационного социального контроля, с использованием возможностей местного предупреждения преступности. Однако все больший упор в мерах профилактики особо опасных преступлений экономически развитые страны делают, как считают специалисты, на технологии слежения с применением современных технических средств контроля (видеокамеры, магнитные рамки, контроль за перемещением автотранспорта, контроль над интернет-трафиком и сотовой связью). Подобные перемены весьма заметны сегодня и в крупных городах России, особенно при движении транспорта.

Впрочем, снижение регистрируемой преступности может быть и результатом процессов декриминализации ряда составов преступлений, не вызывающих большой озабоченности в обществе («преступлений без жертв» – Э.Шур) – превращения их в другие формы негативной девиантности, поскольку преступление не только онтологический факт, но и социальная конструкция. Однако представляется, что в целом криминальная активность в новом мире, быстро меняющимся под влиянием социальных и технологических инноваций, не снижается, а существенно растет: гентрифицируется и геттоизируется (Г. Барак). Раздвигаются масштабы и других форм социального неблагополучия и девиантности, таких как различные проявления ретретизма (алкоголизм, наркотизм, лудомания, суицидальное поведение) и реббелизма (терроризм, экстремизм, бунтарство). Криминологи и девиантологи неоднократно заявляют о *девиантизации* общества постмодерна.

Поскольку официальная статистика преступлений отражает лишь фиксируемую часть преступности, а ее латентная составляющая не поддается статистическому учету, судить о масштабах преступности более адекватно помогли бы данные обзоров виктимизации. Однако сбор субъективной статистики преступлений стоит дорого, и в нашей стране они практически не проводятся.

Гентрификация и геттоизация преступности и других форм негативной девиантности наиболее интестивно происходит в киберпространстве Интернета. Даже официальной статистикой наибольший рост криминальной активности фиксируется в этой сфере виртуальной реальности. Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла с принятием УК РФ 1996 года (гл. 28). В 1997 году было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз [4, с. 376].

Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4% [9]. Федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране – одной из самых развитых экономик мира – составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [10, с. 276]. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и мало рискованная криминальная деятельность.

Таким образом, понадобилось всего тридцать лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений, который сегодня воспринимается профессиональным сообществом как новая глобальная криминальная угроза.

В докладе К. Шваба – президента Всемирного экономического форума в Давосе, в январе 2016 года красной нитью была проведена идея о том, что человечество стоит на пороге *четвертой технологической революции*, которая полностью изменит экономику и социальный мир. Ее суть в смешении технологий физического, цифрового и биологического мира, которое создает новые возможности и воздействует на политические, социальные и экономические системы. Шваб видит три причины, по которым сегодняшние перемены следует считать не продолжением третьей промышленной революции, а началом четвертой. Это скорость, с которой происходят перемены; их размах и системный характер последствий [11]. На основе достижений этой новой технологической эры, по мысли экономиста, состоится и прорыв в области искусственного интеллекта, робототехники, Интернета вещей, автономного транспорта, наноматериалов, биотехнологий, хранения энергии и квантовых компьютеров.

Достижения очередной революции в технологиях приведут к социальным изменениям в мире по экспоненциальному закону. Такой прогноз обосновывают Р. Курцвейл, Дж. Рифкин, К. Андерсон. С одной стороны, технологии XXI века обещают создать мир беспрецедентного изобилия и процветания. С другой стороны, они, по предположениям футурологов, приведут к новой социальной стратификации. Влияние технологий на экономику раздвинет финансовую пропасть между инноваторами-капиталистами, инвесторами и супер-специалистами в области нового технологического знания, то есть теми, кто живет за счет

капитала и средним классом традиционных профессионалов, то есть тех, кто живет за счет своего труда.

Технологические инновации отчасти уже сейчас меняют структуру экономики постмодерна в мире и России. Мир вступил в эру «оцифровывания» всех сфер жизни. Среди них: финансы (перевод в онлайн всех банковских услуг, введение национальной цифровой валюты, регулирование криптовалют); медицина (повышение качества медицинской помощи на основе обработки «больших данных»); транспорт (создание агрегатора грузовых и пассажирских перевозок); телекоммуникации (электронная и почтовая связь, системы оповещения о чрезвычайных ситуациях); государственное управление (автоматизация управления госимуществом, инженерными сетями, объектами ЖКХ); образование (платформы для школьного обучения, взаимодействия учителей, учеников и родителей); трудовые отношения (электронные трудовые книжки); поддержка экспорта (выход экспортеров на глобальные электронные площадки). Неслучайно на Санкт-Петербургском экономическом форуме 2017 года одной из наиболее обсуждаемых тем стала цифровая экономика.

За рубежом высокими темпами развиваются такие онлайн-сервисы, как Uber, AirBnB, TaskRabbit, Lyft и другие, работающие по принципу sharing economy (модель, основанная на общем использовании товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения). По данным JP Morgan, доля взрослых американцев, продававших свой труд или товары на онлайн-платформах, достигла 5%. В ряде стран платформы, подобные Uber и TaskRabbit, используют таксисты. При этом в рамках подобной занятости не действуют нормы в области защиты здоровья или выплат по безработице. С ростом массовой автоматизации и компьютеризации все большее количество людей может выйти из числа рабочей силы.

Из открытых источников известно, что Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, а Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 г. По прогнозам экономистов, около 45% рабочих мест в США могут стать полностью автоматизированными.

В результате мир очень скоро столкнется с новым социальным кризисом, поскольку развитие технологий в ближайшие годы оставит без работы десятки миллионов людей, приведет к новой экономической стратификации. Эти и другие перемены, вызванные развитием технологий, трансформируют и криминальную реальность.

Попытки представить картину преступности будущего не всегда успешны. Однако прогноз развития преступности как результат очередной революции технологий убедительно выполнен в монографии бывшего полицейского аналитика Марка Гудмана «Будущее преступности», которая стала зарубежным бестселлером 2015 года [9].

Ростки грядущих технологических изменений в области преступности дают о себе знать уже сегодня. По оценке Гудмана, в общей сложности на долю современной транснациональной преступности приходится от 15 до 20% мирового ВВП. Кроме того, 25% легального оборота контролируется преступными группировками. В целом преступные сообщества прямо или косвенно осуществляют контроль от трети до половины мирового оборота всех видов товаров, услуг, активов и финансов [9]. Этот вывод аналитика следует из того, что концентрация собственности в преступном мире гораздо выше, чем в легальном бизнесе, поэтому крупнейшими собственниками активов и держателями ресурсов на планете являются преступные синдикаты.

Гудман как практик полицейской работы в сфере новых технологий обращает внимание на колоссальные изменения в криминальной активности, вызванные новыми технологическими решениями в области робототехники, синтетической биологии, нанотехнологий, виртуальной реальности и искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов. Технологическая основа, на которой будет построено будущее, по мнению футуролога, создаст предпосылки для роста новой преступности, что сделает человека более уязвимым перед криминалом, чем когда-либо.

Гудман использует метафору для описания колоссального масштаба технологических изменений, по которой современный Интернет имеет размеры мяча для гольфа, Интернет будущего соразмерен солнцу. Интернет вещей, проживания, дыхания, глобальная информационная сеть, где каждый физический объект будет находиться в состоянии онлайн. Большие возможности «мировой паутины» сопряжены и с большими криминальными рисками. Так, хакеры, создающие проблемы сегодня, в недалеком будущем, как считает Гудман, смогут дезорганизовать через Интернет вживляемые медицинские устройства, такие как кардиостимуляторы, чтобы спровоцировать смертельный скачок электричества или взломать систему управления тормозами е-мобиля на высокой скорости. Уже сегодня высокие технологии служат наркокартелям, которые используют, например, парк дронов и безнаказанно транспортируют кокаин или героин через любые границы.

Несколько лет назад министр юстиции Германии для удобства расследования преступлений, пишет Гудман, активно добивался от немцев получения кодифицированных биометрических данных, идентифицирующих каждую личность. Из самых благих побуждений он хотел, чтобы все граждане страны сдали отпечатки пальцев. Однако сторонники неприкосновенности частной жизни в Германии и члены Chaos Computer Club выразили свое несогласие по этому вопросу. Активисты компьютерного клуба отсняли отпечатки пальцев министра юстиции, оставленные им после посещения ресторана. Затем сделали снимок отпечатков, открыли его в фотошопе, отретушировали, после чего отпечатали в латексе на 3D принтере. Затем включили отпечатки в бесплатное приложение к их журналу Chaos Computer Club с аудиторией в 5000 человек, и предложили читателям оставлять отпечатки пальцев министра юстиции на местах преступления по всей Германии, что они и сделали. Этот пример показывает безграничные возможности современных технологий не только для совершения преступлений, но и для того, чтобы замести следы преступников. С помощью 3D принтера высокотехнологичные воры смогут произвести и копию АК-47.

Гудман считает, что и с развитием биотехнологий и ДНК как очередная операционная система обеспечения жизни, может стать объектом криминального взлома. С помощью синтетической биологии и генетики биопреступник может делать удивительные вещи. Например, в тиши лаборатории синтезировать наркотики растительного происхождения. Зачем выращивать и собирать растения с риском для криминального бизнеса, ведь достаточно взять ДНК марихуаны, мака или листьев коки, «вырезать и вставить» нужный ген и опустить его в дрожжи. Они и будут производить синтезированный кокаин, марихуану и прочие наркотики. Анализируя скорость развития биологии и биотехнологий, можно предположить, что первые встречи с биопреступностью произойдут весьма скоро. Люди смогут создавать и печатать собственные биовирусы, например, усовершенствованную версию вируса Эбола или сибирской язвы. Биотеррористы смогут распространить в своих целях смертоносные вирусы. И это не предел. Может быть создано персонализированное биооружие, действующее только на конкретные клетки конкретного человека.

Таким образом, новейшие технологические достижения принесут не только пользу, но и создадут немалые криминальные угрозы и вызовы, как это наблюдалось и в предыдущие эпохи. Между преступностью будущего и традиционной преступностью существует не только антаго-

низм, но и существенная разница в методах и организации преступных сообществ. Преступные организации постмодерна переходят от традиционных иерархических структур, характерных для времен крестного отца дона Карлеоне, к гибким и подвижным сетевым образованиям. Футурологи от криминологии и девиантологии считают, что будущая преступность и девиантность в мире постпостмодерна будет иметь не только массовое распространение в сфере внедрения новых технологий, но и *интеллектуальный облик и гибкую организацию*.

В.С. Овчинский, опираясь на реализм, транслирует футурологический взгляд зарубежных специалистов на будущее развитие преступности в России. Криминолог справедливо подчеркивает, что преступность, как кривое зеркало, отражает технологические, социально-экономические и политические изменения и процессы и выдвигает несколько заслуживающих внимания предположений относительно развития преступности в России [12].

Первое. Кризисные явления в экономике, сложности вхождения в новую промышленную революцию увеличат напряженность на рынках труда, в межнациональных отношениях, в мигрантской среде. Все это не может не повлиять негативным образом на рост как традиционных, так и нетрадиционных видов преступлений. Никуда не уйдет, а только будет возрастать доля корыстных и корыстно-насильственных преступлений в общей структуре преступности, не только в ближайшие годы, но и в ближайшие десятилетия.

Второе. Правоохранительным органам в условиях дефицита финансовых средств на их существование придется вести борьбу на этих двух направлениях – как традиционном, так и нетрадиционном. Причем вся правоохранительная система будет постоянно запаздывать в своих ответных действиях на технологизацию преступного мира. Для того чтобы преодолеть это отставание, необходима коренная перестройка всей системы подготовки кадров правоохранительных структур, их набора. По существу, в ближайшее десятилетие полиция должна стать киберполицией, использующей новейшие достижения в работе с большими данными в передаче информации, ее визуализации.

Третье. Следует при раскрытии преступлений совершенно изменить систему использования новых технических средств получения объективной информации о виновности того или иного подозреваемого лица. Использовать под врачебным и прокурорским надзором новейшие медицинские средства, которые в журналистской среде получили название «сыворотка правды». Активно применять детекторы лжи но-

вого поколения, поскольку современная нейробиология уже сейчас позволяет практически на 100% устанавливать правдивость тех или иных показаний.

Четвертое. Должны уйти в прошлое архаичные, пещерные способы расследования уголовных дел, написание и чтение сотен томов этих дел, без машинной обработки, особенно по делам экономической направленности, организованной преступной деятельности.

Пятое. Необходима революция в экспертной деятельности. Уже сейчас новейшие открытия по целому ряду направлений науки требуют их использования в той сфере, которую мы традиционно называем криминалистической экспертизой.

Шестое. Не может оставаться без изменений и судебная система. Приговоры по конкретным делам должны одновременно основываться на глубоком психолого-психиатрическом исследовании всех обвиняемых с составлением прогнозов их индивидуального постпреступного поведения. И только на этой основе в XXI веке могут назначаться те или иные виды наказаний. Пока наше уголовное судопроизводство, система исполнения наказаний практически никак не сопряжены с новой технологической реальностью [12].

Этот криминологический прогноз-рекомендацию разделяет и автор статьи, считая целесообразным уже сегодня обсудить и оптимизировать структуру и содержание учебных планов, программ обучения будущих юристов-практиков полицейской работы на пороге новой технологической революции.

Модернизация учебного процесса на юридических факультетах университетов, в ведомственных вузах системы МВД должна состояться с ориентацией не только на передовые теории и опыт правоприменения, но и на развитие интегративных курсов и дисциплин на стыке права и девиантологии, криминологии и информатики, криминологии и генетики [13, с. 119]. Словом, перемены в организации учебного процесса должны произойти на тех прорывных направлениях в развитии науки о преступности, которые позволяют интегрировать новое знание с учетом технологических, культуральных и иных социальных изменений в «новом мире».

Только на этом инновационном пути возможно приблизить передовые рубежи криминологического знания, отражающие технологические сдвиги, к практике подготовки профессиональных правоведов-практиков для правоохранительной системы ближайшего будущего.

Литература

1. Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. 624 p.
2. Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon, 1998. 330 p.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005. 868 с.
4. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридинский центр Пресс», 2009. 504 с.
5. Гишинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2015. 140 с.
6. От страны тюрем к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки : Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. 200 с.
7. Гишинский Я.И. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 175–180.
8. Почему террор набирает обороты в развитом мире? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openrussia.org/post/view/16544/> (дата обращения: 18.06.2017).
9. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015. 392 p.
10. Девиантность в обществе потребления : коллективная монография / под ред. Я.И. Гишинского и Т.В.Шипуновой. СПб. : Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. 464 с.
11. Всемирный экономический форум в Давосе 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economtermin.ru...jekonomiki...forum...davose-2016.html> (дата обращения: 18.06.2017).
12. Овчинский В.С. Преступность недалекого будущего [Электронный ресурс] // URL :<http://www.a.mospravda.ru> (дата обращения: 19.06.2017).
13. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 248 с.

УДК 343.9
ББК 67.51

**Генезис зарубежных теорий преступности:
от позитивистских моделей
к пост-постмодернистскому синтезу
криминологических знаний¹**

***Аннотация:** пост-постмодернистская интегративная криминологическая теория может быть использована для совершенствования уголовного права, правоохранительной и пенитенциарной систем, правосудия.*

***Ключевые слова:** криминология; криминологические теории; криминологические отрасли.*

**The Genesis of Foreign Criminal Theories:
From Positivism Models to Post-Postmodern Synthesis
of Criminological Knowledge**

***Summary:** post-postmodern integrative criminological theory can be used to improve criminal law, law enforcement and penitentiary systems, justice system.*

***Keywords:** criminology; criminological theories; criminological branches.*

Первые десятилетия XXI века, продолжая эпоху постмодерна, открывают новые образы «ультрасовременного капитализма», формирующего новые уровни преступности [11] и «новый мировой порядок». В мире увеличивается число «исключённых» из социальных перспектив, а значит, усиливается социальное неравенство, и растит социальная база для всех проявлений преступности и негативной девиантности.

Социальное доминирование базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми средствами high-tech приобретают все более скрытый и целенаправленный характер.

Как отмечает А.П. Данилов, роботизацию, при поверхностном суждении, можно назвать удобством. Но, если поразмыслить и оценить её

¹ Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1 (44). С. 53-61.

последствия, приходим к обратному выводу. Куда пойдут, чем займутся «высвобождающиеся» люди, лишённые работы, не имеющие средств к существованию? Сколько из них встанут на преступный путь? Оцениваются ли на государственном уровне эти криминогенные факторы прогресса? Нынешняя терпимость к техническим достижениям, лишаящим человека работы, а значит, в конечном итоге, и самой жизни, является скрытым криминогенным фактором: тысячи и миллионы безработных, «ненужных» людей – потенциальная преступная масса. Терпимость к криминогенным факторам – это терпимость к преступности в целом [8, с. 64].

В механизмах социального контроля значительную манипулятивную роль играют интернет, электронные СМИ, изменения в культуре «большого общества» и его субкультурах. На криминальное поведение все большее влияние оказывают как структурные, процессуальные переменные, так и факторы интересубъективности, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей.

Технологии эпохи постмодерна привели к тому, что преступники быстро освоили сетевое пространство. Стала распространяться виртуализация социальной реальности, то есть её замещение образами-симуляциями в киберпространстве.

Криминология активно развивается в России и мире в целом, упрочивая свой полипарадигмальный статус. В её методологическом арсенале всё чаще встречается методологическая триангуляция, а предметная область активно расширяется за счёт междисциплинарных методологических подходов, появления новых отраслей. Необходимо отметить, что прогресс криминологии, в первую очередь, связан именно с развитием новых преступноведческих отраслей, например, криминологии закона [12].

Сложившаяся гносеологическая ситуация вызывает необходимость ещё раз «разобраться» с темой генезиса структурированных криминологических знаний в форме теорий и теоретических перспектив, сформированных в мировой криминологии на пути, пролегающем от эпохи модерна к постмодерну.

Выполненный автором ретроспективный анализ эмпирического материала, способствующий приближению к этой цели, опирается на контент-анализ ряда фундаментальных зарубежных девиантологических и криминологических работ, ещё не переведённых на русский язык [1; 2; 3; 4; 5; 7].

Для объяснения проявлений преступности и девиантности в мире «ультрасовременного капитализма» обратимся к анализу генезиса теорий преступного поведения, созданных в рамках различных теоретических перспектив, и эвристического потенциала нового криминологического знания, полученного в рамках пост-постмодернистского синтеза.

Криминолог Д. Готтфредсон считал, что «теории состоят из серии взаимосвязанных суждений, которые позволяют: описать, объяснить, предсказать события из определённого класса и, в конечном счёте, управлять ими» [7, с. 110]. К. Ховер выделил четыре основных способа использования теории в социальных науках: обеспечение образцами для интерпретации эмпирических данных; связь одного исследования с другим; создание методологической рамки, в пределах которой понятия и переменные приобретают специальное значение; качественная интерпретация полученных научных результатов [7, с. 111].

Следовательно, любая линия поведения, ведущая к преступлению, как самому социально опасному виду девиантности, может быть в некотором приближении описана той или иной теорией преступности или группой теорий.

Принято считать, что генезис структурированных криминологических знаний ведёт свое начало от работ классиков уголовного права и криминологии. Под влиянием идей эпохи Просвещения Ч. Бекариа, И. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и другие правоведы-мыслители привнесли в криминологическую теорию и юридическую практику идеи неотвратимости наказания, его гуманизации и предупреждения преступлений.

Начиная со второй половины XIX и в течение всего XX века (в эпоху модерна), активно развивается позитивистская, а затем и неопозитивистская криминология. Исследователи-позитивисты в поисках объективного, надёжного знания о преступности, в отличие от классической школы, опираются на принципы эмпиризма (наглядность, объективность, доказательность, проверяемость, причинность, ценностная нейтральность, практическая польза). В эпоху модерна активно создаются позитивистские теории криминального поведения, формируются предпосылки для конкуренции научных школ.

На основе биологического позитивизма и индивидуализма со второй половины XIX века усилиями итальянской, британской и американской антропологических школ (Ч. Ломброзо, Р. Гарофало, Э. Ферри, Ч. Горинг, Э. Хутен, У. Шелдон, П. Дхейкобс, С. Медник и др.) в теории криминологии формируется антропо-биологическое направление.

Психологию криминального поведения на тех же методологических основаниях развивают в своих работах Х. Клекли, З. Фрейд, К. Лоренс, Э. Эриксон, Э. Фромм, Д. Доллард, Р. Волтерс, С. Хэлл, Дж. Уотсон и другие. Теоретики-индивидоцентристы концентрируются на изучении патологий (атавизмы, аномалии антропологической конституции, генетические сбои) в природе человека и проблем в его психике (агрессии, комплексы неполноценности, проблемы психосексуального развития, фрустрация психотравмы, нейропсихологические дисфункции, эффекты социального научения) в качестве основных факторов криминального поведения.

Социологический позитивизм в тот же исторический период стимулирует развитие ранних социоцентрических теорий криминального поведения (А. Кетле, К. Маркс, В. Бонгер, Г. Тард, Э. Дюркгейм и другие).

В рамках *позитивистской перспективы анализа криминального поведения* преступность интерпретируется исследователями как объективное социальное явление, детерминированное социальными, социально-психологическими, экономическими факторами. По идеологически нагруженной оценке К. Маркса, преступность – исторически преходящее явление, форма социального протеста. Функционалист Э. Дюркгейм, развивая взгляды А. Герри и А. Кетле, социологически обосновывает парадоксальный, на первый взгляд, тезис о том, что преступность функциональна, что это – нормальная особенность общественной жизни: «нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления» [9, с. 82]. Дюркгеймовское понимание преступности фактически предопределяет модель социального контроля в западном мире, нацеленного не на борьбу, а на противодействие преступности. Позитивистская криминология в условиях новых социальных проблем и криминальных вызовов первой половины XX века упрочилась и получила дальнейшее развитие в работах американских социологов и криминологов. Представители Первой Чикагской школы (Р. Парк, Э. Бердхесс, У. Томас, Ф. Знанецкий, К. Шоу, Г. Маккей и др.) в 20–30-е годы прошлого века систематически изучали различные социальные проблемы города (проституцию, бродяжничество, маргинализацию, дезорганизацию, географию и экологию в контексте распределения преступлений).

Они применяли широкий круг эмпирических методов: формализованные опросы, неформализованные этнографические интервью, картографию, контент-анализ архивных материалов полиции и биографий переселенцев, статистические наблюдения. Криминологи Чикаго су-

мели преодолеть описательность и статистическую ориентацию своих европейских коллег в методологии социального анализа преступлений и девиантности.

В результате были созданы концепции социальной дезорганизации и городской экологии. Эмпирически обоснованные теоретические результаты получили широкое признание научной общественности и дали старт программам противодействия преступности («Чикагский проект»), преодоления бедности и безработицы. В последующем основные положения теории социальной дезорганизации были творчески использованы криминологами-позитивистами Ф. Трэшером, У. Уайтом, Л. Яблонским, Д. Шортом при изучении преступных групп (шак) несовершеннолетних, рост числа которых наблюдался во второй половине XX века в городских кварталах американских мегаполисов.

В конце 1930-х годов Э. Сатерленд создал теорию дифференциальной ассоциации, ставшей одной из первых и весьма удачных попыток сочетания психологических и социологических принципов в объяснении преступного поведения. Ученик Сатерленда Д. Кресси, а затем Д. Глейзер и Р. Айкерс, развили и дополнили теоретические положения теории дифференциальной связи, сформировав социологическую теорию научения преступности. Интенсивное развитие позитивистской криминологии в рамках структурно-функциональной парадигмы в Америке подарило миру теории субкультуры (Г. Сайкс, Д. Матза, У. Миллер, Ф. Ферракути, М. Вольфганг и др.), аномии и напряжения (Р. Мертон, А. Коэн, Р. Клоуорд, Л. Олин, Р. Агнью), социального контроля и сдерживания (Т. Парсонс, Ф. Най, У. Реклесс, Т. Хирши, М. Готфредсон и др.). Некоторые структурные теории напряжения (А. Коэн и др.) были дополнены явно выраженным субкультурным подходом и, как теория Сатерленда, сочетали в себе элементы интегративности.

Развитие неопозитивистской криминологии в начале 1990-х годов привело к появлению общей теории напряжения Р. Агнью, которая существенно продвинула вперёд объяснение природы криминального поведения, учитывающее интегративный эффект когнитивных, поведенческих и эмоциональных составляющих адаптации индивидов к различным типам напряжения в социальной системе. Усиление классового неравенства, обострение социальных конфликтов в западном мире во второй половине XX века способствовали криминализации и девиантации постиндустриальных обществ. Радикализация политических взглядов в обществе и научной среде на этом историческом этапе предопределила популярность конфликтологических идей К. Маркса

и Г. Зиммеля. Она подстегнула дальнейшее развитие неомарксистской криминологии, других радикально-критических течений в криминологическом дискурсе, сформировала *конфликтологическую перспективу* анализа и описания преступности. Социологи и криминологи-позитивисты, увлечённые критическим подходом, создали ряд популярных конфликтологических теорий: группового конфликта (Г. Волд), криминализации (О. Терк), политэкономии преступности (У. Чемблисс и Р. Сейдман), неомарксистской теории закона и преступности (Р. Куинн), возрастной зависимости (Д. Гринберг). Важным рубежом на этом пути развития радикально-критической криминологии стали работы Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга «Новая криминология» и «Критическая криминология».

Сторонники неомарксизма и критического направления в науке о преступности и девиантности описывали преступников в качестве жертв капиталистической системы, а правосудие – как служанку имущих классов. Яркий критик пороков постиндустриального капитализма и системы его правосудия – криминолог Д. Рейман утверждает, что «санкции уголовного судопроизводства освещают существующий социально-экономический строй» [6, с. 157]. Критический пафос в криминологии был характерен феминизму (К. Дейли, М. Чесни-Линд и др.), левому реализму (Дж. Янг, У. ДеКессереди и др.), миротворческому направлению в науке о преступности (Г. Пепински и др.).

Ретроспективный анализ развития криминологических теорий показывает, что позитивистская научная мысль развивалась в эпоху модерна в направлении поликонцептуальности и методологического плюрализма с постоянным состязанием различных теоретических перспектив изучения и описания феномена преступности: от однофакторных к многофакторным казуальным моделям.

Однофакторный подход позволял выделить причины и условия девиантности в рамках одного класса, например, в случае абсолютизации антропо-биологических данных человека или его социально-классовой принадлежности. Многофакторный подход сложился позднее как реакция на ограниченность однофакторных моделей. В его рамках отклонения в поведении не могут быть обусловлены одним, хотя и очень важным комплексом причин, а зависят от ряда разнородных и поэтому теоретически несвязных факторов.

Криминологами-позитивистами были разработаны оценочные критерии теорий: эмпирическая обоснованность, логическая последовательность и непротиворечивость, доказуемость, область применения,

практическая польза. В эпоху модерна сложились и основные классификации теорий преступности. Криминолог-позитивист Д. Кресси предложил вариант типологизации, который опирался на критерий массовости распространения преступности во всех слоях общества.

Современные исследователи, развивая этот подход, выделили «макро» и «микро» теории криминального поведения. Р. Айкерс дифференцировал теории преступности на структурные и процессуальные. Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов отличаются из-за различий в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления потому, что имеют определённый опыт делинквентности, пережили различные события, приобретая специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Наиболее распространённой с точки зрения историзма, поликонцептуальности стала междисциплинарная типологизация, которая опирается на *антропобиологический, психологический и собственно социологический подходы*. В *антропобиологических теориях* объяснительная модель преступного поведения выстраивается в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов поведения. В *психологических теориях* детерминация делинквентности описывается психологическими переменными, связанными со спецификой психоэмоционального развития личности, её установками, психическими расстройствами и вытесненными состояниями, взаимодействиями в микросреде.

В 1980–1990-е годы в рамках неопозитивизма формируется *позитивистская интегративная теоретическая перспектива* анализа преступности и девиантности. Криминологами создаются первые *интегративные теории*, как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества монотеорий преступности. Теоретическая интеграция рассматривается криминологами-позитивистами как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой отдельно взятой теории [1, с. 205–206].

В ряду неопозитивистских интегративных теорий исследователи выделяют три уровня группировки: микро, макро, микро-макро [3]. Для микротеорий существенна роль индивида в объяснении преступного поведения. Так, М. Крон в своей сетевой теории предложил ин-

тегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности.

Для макротеорий при прогнозировании преступности существенна роль структурных факторов. Д. Хагэн выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля. Для микро-макро теорий характерно объединение индивидуальных и структурных положений. Работа над теоретическим синтезом продолжалась в неопозитивистской криминологии и на рубеже XXI века. В 1995 году Б. Татум выдвигает интегративную теорию структурного притеснения. Модель Татума объясняет преступления угнетаемой части населения «структурным притеснением», отношениями между ней и социальным окружением с учётом психологического состояния отчуждения этих людей в трёх формах адаптивного поведения: ассимиляции, делинквентности, протестных девиаций. Теория Татума смещает акцент в понимании преступления «от жертв притеснения к эксплуатирующим структурам современного общества» [3].

На развитие теоретической криминологии в эпоху модерна существенное влияние оказали криминологи-интеракционисты – создатели *процессуальных теорий преступности*. Символический интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер) основывается на интерпретациях человеческого поведения по значимым символам, несущим важную социальную информацию. В основе методологии символического интеракционизма лежит позитивистский тезис о единстве научного метода, применяемого единообразно как в естественных, так и социальных науках.

Интеракционистская перспектива анализа преступности получает развитие в XX веке в работах Ф. Танненбаума, затем Э. Лемерта, Г. Беккера, Э. Шура, Ф. Зака, Дж. Брайтуайта. В её рамках создаются различные варианты теории стигматизации («драматизация зла», теории лейблов, наклеивания ярлыков и реинтегративного стыда).

После Второй мировой войны в Чикагском университете произошла смена поколений учёных, и в конце 1950-х – 1970-х годов И. Гофман, Э. Фредсон под влиянием идей интеракциониста Г. Блумера продолжили изучение девиантности и преступности. В итоге стала формироваться Вторая Чикагская школа в криминологии, но уже не столько в ме-

тодологических рамках позитивизма, сколько с использованием идей сначала символического интеракционизма, а затем и феноменологии.

Гофман считал, что поведение людей, в том числе отнесённое к норме или девиантности, можно объяснить формами организации повседневного опыта и общения. Он предложил драматургический подход к объяснению преступности, понимая социальный мир как драму не в смысле метафоры, а как теоретическую позицию.

Развитие символического интеракционизма и его приложений в криминологии, появление драматургического и феноменологического подходов привели к концу 60-х годов прошлого века к разработке *непозитивистских направлений и перспектив* теоретизирования – *феноменологической и конститутивной криминологии, конструктивизма*. До этого периода в науке о преступности доминировали структурные теории, созданные в рамках позитивизма и неопозитивизма.

Основу феноменологического подхода в криминологии составляют философские работы Э. Гуссерля и А. Шюца. Детальная разработка основных категорий в феноменологической перспективе была выполнена П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности». Феноменологи считают предметом своего исследования, прежде всего, «мир человеческой повседневности», обыденные представления (о добре и зле, судьбе и загробной жизни, норме и патологии). Интерсубъективные значения обыденных представлений образуют, с их точки зрения, сущность человеческой деятельности. В интерсубъективном мире люди выступают, с одной стороны, в качестве конструкторов социальной реальности, с другой, их сдерживают созданные их предшественниками социальные и культурные структуры [4, с. 212–217].

Криминологи феноменологической ориентации поставили под сомнение основной постулат позитивизма о том, что социальные структуры, все общественные явления, в том числе и преступления, представляют собой объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов, сознания и поведения включённых в них индивидов. Они радикально изменили направление поиска в сторону изучения интерсубъективности и жизненного мира, опыта индивида, реакции познающего сознания субъекта на его собственное криминальное поведение.

В 1996 году криминологи-конструктивисты С. Генри и Д. Милованович в работе «Конститутивная криминология» сформировали её основные положения. С точки зрения конститутивной криминологии, нет такой вещи, как преступление в смысле объективной социальной

реальности. Для Генри и Миловановича преступление и социальный контроль над ним есть социальные конструкции [1, с. 176–177]. Наряду с Генри и Миловановичем, феноменологический подход развивают П. Филмер, М. Филипсон, Д. Уолш.

Криминологи феноменологической ориентации отклоняют традиционный для криминологического позитивизма поиск причин преступности и предлагают ответить на вопрос о том, как агенты социального взаимодействия участвуют в конструировании того, что называется делинквентным поведением. Они концентрируют внимание на релятивном и конвенциональном характере преступности.

Состязательность и взаимная критика представителей различных теоретических перспектив в криминологии конца XX века стимулировали дальнейшее развитие теорий преступного поведения. Действительно, ни позитивистки выстроенные структурные теории, ни процессуальные теории феноменологической ориентации, ни критические концепции, созданные в других теоретических парадигмах, не позволяют до конца охватить и выразить все проявления и природу криминальных актов.

Быстрые и качественные изменения в обществе постмодерна обнаружили ограниченность познавательных возможностей модернистских теорий, созданных в рамках позитивизма, феноменологии и конструктивизма, при изучении преступности и девиантности. Эти феномены как в рамках структурных, так и процессуальных теорий эпохи модерн описываются типично определённо, без использования элементов рассуждения (диалога). Применение модернистских теорий и количественной методологии для исследования релятивных и конвенциональных проявлений криминального поведения оказалось не вполне продуктивным в условиях ускорения технологических и связанных с ними социальных изменений.

В итоге постмодернизм, возникший как реакция на дуалистичную, эфемерную социальную реальность, как рефлексия на кризис детерминизма и объективизма, задал особый стиль воображения и теоретизирования, иную методологию познания социальных проблем, преступности. Рост конкуренции идей и теорий в академической среде, усиление критического пафоса, эвристическая и методологическая ограниченность позитивистских концепций создали предпосылки для оформления *постмодернистской перспективы анализа преступности* как «рекурсивной продукции», как интегральной характеристики социального целого.

Генезис криминологической мысли в эпоху постмодерна характеризуется новыми вехами: *возникновением постмодернистской криминологии*, а также *постмодернистской и пост-постмодернистской интегративной криминологии*.

Постмодернизм проблематизировал представления о преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе, поскольку «сама социальная реальность девиантна» [10, с. 246]. Преступность и контроль над ней в новой парадигме получили новое представление как неопределённые, взаимосвязанные, относительные, динамические конструкции.

Сторонники постмодернизма в криминологии, проводя дискурсивный анализ и исследуя роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения, поставили вопрос о пересмотре традиционных позитивистских моделей криминального поведения. Они выдвинули новые подходы и методы исследования и анализа девиантности: дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие приёмы [5].

Криминологи-постмодернисты Б. Дикристина, Э. Янг, Д. Милованович активно поддержали плюрализм различных концепций, замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. Возникла группа новых теоретических перспектив постмодернистского анализа преступности с такими интригующими названиями, как: *конститутивная, критическая, реалистическая, топологическая, анархическая, культуральная криминологии*.

Преступность и контроль над ней рассматриваются в постмодернистской перспективе анализа как рекурсивная продукция, созданная в ходе социального процесса, в который вовлечён преступник, его жертва и общество. Преступность – интегральная часть общества, вызванная социальной структурой и идеологией, разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии [5].

В результате научной состязательности в криминологии начала XXI века развиваются не только *модернистские и постмодернистские*, но и *гибридные (смешанные) интегративные теории преступности и девиантности*. Ярким примером гибридного подхода в научном синтезе является *пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний*, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Бараком из США в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология:

интегративный подход» (2009). В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается уже не только на междисциплинарном, но и межпарадигмальном уровнях синтеза. Теоретическая конструкция Г. Барака опирается на положения теории структуризации Э. Гиденса, конститутивной и постмодернистской криминологии С. Генри и Д. Миловановича, интегративной философии Дж. Тикосинера. Из теории структуризации автором использовано положение о том, что социальные действия создают структуры («правила», «властные ресурсы»), в том числе структуры знания об обществе и поведении в нём, которые делают возможным на практике как конформное, так и девиантное поведение.

Из конститутивной, постмодернистской криминологии заимствованы концепты о неопределённом, динамичном, диалектическом, релятивном и сконструированном характере преступности и контроля над ней. Жертвы, преступники, полицейские, судьи, взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, средствами языка конструируют преступность и контроль над ней. Преступность – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях.

Новые объяснительные возможности пост-постмодернистской интеграции – результат создания *открытой к изменениям и дополнениям системы знаний о девиантности, преступности, социальном контроле*, включая специальную терминологию, а также положения смежных с учением о девиантности наук. Эта гибридная модель предполагает предельно широкий охват непротиворечивых знаний, накопленных как неопозитивистской, так и постмодернистской наукой о преступности и социальном контроле. Она объединяет дополняющие друг друга «новые» и «старые» научные знания из сферы материального мира, связанные с преступностью и репрессиями из естественных и социальных наук (культурологии, науки о СМИ, человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии).

Пост-постмодернистский синтез позволяет моделировать *диалектическую причинность* как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно на микро-, и макроуровне социальной системы. Пост-постмодернистская интеграция знаний – это путь, позволяющий в перспективе, лучше, чем с помощью других интегративных подходов, учесть взаимосвязь девиантности и социального контроля как слож-

ных, неопределённых, постоянно и достаточно быстро меняющихся феноменов во времени и пространстве ультрасовременного мира, живущего по логике виртуализации в быстро трансформирующемся глобальном мире.

Наряду с новыми объяснительными возможностями по диалектическому описанию причинности в контексте социальных и иных изменений, происходящих в социуме, пост-постмодернистская интегративная теория имеет немалые перспективы по переустройству и совершенствованию уголовного права, правоохранительной и пенитенциарной систем, правосудия. Они видятся на пути реконструкции социально неопасных составов преступлений, ухода от карающе-административной формы социального контроля в сторону более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности.

Пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний открывает не только новые объяснительные возможности, но и закладывает перспективу преодоления дуальности и конфликтности в способах мышления, созданных в рамках модернизма и постмодернизма при изучении, описании, реконструкции девиантности и социального контроля над ней. Это новый, продуктивный вектор в развитии теоретической криминологии.

Литература

1. Akers R.L. *Criminological Theories: introduction and evaluation*. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.
2. Barak G. *Criminology: An Integrated Approach*. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefeld Publishers Inc., 2009.
3. Barak G. *Integrating criminologies*. Allyn & Bacon. 1998.
4. Downes D., RoМФ P. *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking*. 3rd ed. Oxford University Press, 1998. P. 212–217.
5. Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
6. Reiman J. *A radical perspective on crime* // Kelly D. *Deviant Behavior: a text-reader in the sociological of deviance*. 5th ed. Los Angeles, 1996.
7. Schmalleger F. *Criminology today: an integrative introduction*. New Jersey. 1999;
8. Данилов А.П. Прогресс как криминогенный фактор // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2016. № 4 (43). С. 64–68.

9. Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 2.

10. Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994.

11. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–23.

12. Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1 (20). С. 16–29.

Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности¹

Раскрывается объяснительный потенциал пост-постмодернистской интегративной криминологии. Показаны эвристические возможности методологической триангуляции при изучении преступности на основе девиантологических принципов и интегративного подхода.

Ключевые слова: девиантология, интегративная криминология, пост-постмодернистская криминология, преступность, методологическая триангуляция, количественные и качественные социологические методы.

Integrative Criminology As The Basis Of The Methodological Triangulation In Studying Crime

Explanatory potential of post-postmodern integrative criminology is realized. Heuristic opportunities of a methodological triangulation in studying crime on a basis of the deviantologic principles and integrative approach are shown.

Keywords: deviantology, integrative criminology, post-postmodern criminology, crime, methodological triangulation, quantitative and qualitative sociological methods.

Криминология как социология преступности прошла достаточно длительный путь развития. Она стала не только полипарадигмальной наукой, но и во все большей степени превращается в XXI веке в междисциплинарную область научного знания, задача которой – всестороннее изучение криминальных проблем в рамках методологического плюрализма с привлечением разноаспектных знаний о феномене преступности в условиях общества постмодерна. Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году» сделал попытку структурировать новые базовые черты науки о преступности в третьем тысячелетии в следующих утверждениях:

¹ Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 6-14.

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области [1, 2].

Контент-анализ новых криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате научной состязательности в криминологии и девиантологии начала XXI века развиваются не только модернистские, постмодернистские, но и гибридные (смешанные) теории преступности и девиантности. Наряду с модернистской теоретической интеграцией, растет многообразие постмодернистских теоретических построений: конститутивная, анархическая, культуральная, реалистическая, топологическая и пост-постмодернистская интегративная криминологии. Методологический арсенал криминологов и девиантологов обогащается постмодернистскими методами деконструкции и дискурсивного анализа, синергетики, а также методологической триангуляцией [1, С. 192-194].

В российском научном дискурсе менее всего представлено такое новое направление в зарубежной науке о преступности, как пост-постмодернистская интегративная криминология [2].

Ярким примером этого гибридного подхода в теоретическом синтезе является интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Баракком в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009) [1, 2, 3]. В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается уже не только на межпарадигмальном, но и междисциплинарном уровнях синтеза.

Свое видение теоретической интеграции Г. Барак выстроил исходя из положений Zetetic-учения Дж. Тикосинера, конститутивной и постмо-

дернистской теории С. Генри и Д. Миловановича, теории структуризации Э. Гиденса.

Барак опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Основу его модели составляют постмодернистские положения конструкционистов С. Генри и Д. Миловановича о релятивном, сконструированном, взаимосвязанном, диалектическом характере преступности и социального контроля над ней, которые создаются в процессе коммуникации жертвой, преступником, полицейскими и судьями с помощью языка. Преступное поведение рассматривается как рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Преступность и социальный контроль над ней – совокупный результат воздействия всех как объективных (политических, экономических социальных), так и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе Г. Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная диалектическая причинность), а также то, что эти моделируемые явления (преступность и социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени и пространстве в условиях развивающегося постмодерна.

Согласно Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, но хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Гидденс доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ, и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом структуры и действия. Теория структуризации утверждает, что такая двойственность ложна и что социальные исследователи должны использовать и количественную, и качественную методологию, дополняющие друг друга. Этот тезис позволяет Бараку преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования, в том числе в области преступности. Опора на положения теории структуризации делает пост-постмодернистскую интеграцию криминологических знаний открытой к взаимодополняющим теориям и методам, позволяет преодолеть двой-

ственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом, между количественными и качественными методами исследования в криминологической теории и методологии.

В синтезе, предложенном Г. Бараком, объединяются полипарадигмальные и междисциплинарные знания из а) криминологии о поведении преступника и системе социального контроля, о мерах и последствиях от их применения в форме репрессии или превенции; б) социальных и естественных наук, правоведения и культурологии; в) городской экологии и политической экономии (о динамическом взаимодействии между социальной средой и развитием местной, региональной и глобальной экономики). Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и социальным контролем, из естественных и социальных наук (юриспруденции, культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии).

Его интегрально-учредительная структура предусматривает целостную модель преступления и правосудия, которая включает теоретические и прикладные знания классической, позитивистской и непозитивистской критической криминологии. Пост-постмодернистский синтез представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с наукой о преступности социальных дисциплин. Модель Барака предполагает предельно широкий охват теоретической интеграции в современной науке о преступности. Открытая к изменениям интегративная платформа Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности, их эвристический и методологический арсенал. Взаимодополнение и взаимодействие традиционных позитивистских криминологических знаний со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии [3, Р. 216-232].

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма. Именно пост-постмодернистские интегративные модели преступности и противодействия преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической теории в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы преступности, но уже в контексте глобализации [4]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает полипарадигмальное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию методологической триангуляции и реформированию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Пост-постмодернистская интегративная криминология в теоретико-эмпирическом изучении криминальной реальности позволяет на макро- и микро- уровнях критически оценивать факты, выявлять, конструировать, предсказывать и моделировать свойства и закономерности криминального поведения, а также реакцию системы социального контроля на преступность в эпоху, следующую за постмодерном.

Появление и развитие новой интегративной теоретической перспективы в криминологии XXI века позволяет эффективно конструировать теоретико-методологические фреймы (рамки) как основу для междисциплинарного изучения преступности и других форм девиантности в российских условиях с использованием эвристических возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических подходов. Пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний дает новый импульс для развития эмпирических исследований феноменов преступности и социального контроля. Она в полной мере отвечает ключевым положениям методологии современной науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.).

В работах основателя российской девиантологии Я.И. Гилянского сформулированы основные методологические принципы изучения различных форм преступности и девиантности в мире постмодерна [5, с. 44-46].

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву). Он состоит в том, что основные закономерности социальной реальности, включая девиантность и преступность, представляют собой инобытие всеобщих закономерностей самодвижения, самоорганизации мира, материи. Иначе говоря, различные практики отклонений и их закономерности не уникальны. Это дает исследователю возможность преодолеть риск чрезмерного аксиологизма при изучении криминального поведения.

Принцип универсальности общенаучных методов познания. Он вытекает из предыдущего положения и означает возможность применения различных методов и методик, созданных в рамках различных научных школ и парадигм при эмпирическом изучении девиантности и преступности (статистических, количественных и качественных эмпирических методов).

Принцип относительности знаний (релятивизм). Всякое знание о девиантности и преступности неполно и ограничено. Никогда нельзя достичь окончательного знания об исследуемом объекте, поскольку мир людей изменчив и находится в постоянном развитии. Более того, итоги познания всегда ограничены возможностями научных методов. Это принципиальное положение позволяет избежать абсолютизации полученных научных результатов.

Принцип дополнительности (противоположности дополнителны). В силу необычайной сложности реальности бытия социальные нормы и отклонения от них дополнительны в понимании Н. Бора. Их сосуществование неизбежно, поскольку они связаны друг с другом, что предопределяет совместное их изучение как общественных явлений. Социологические и иные теории девиантности и преступности, различные научные концепты, методы также дополнительны в указанном смысле.

Принцип социального детерминизма. Социальное можно объяснить социальным. Это положение восходит к классическим работам конфликтолога К. Маркса и функционалиста Э. Дюркгейма, что позволяет рассматривать и объяснять феномены девиантности в широком социальном контексте.

Представляется целесообразным дополнить перечисленные положения Гилинского принципом прагматизма, поскольку изучение девиантности и преступности, проблем социального контроля и порядка не имеют смысла лишь ради самого процесса исследования. Научная работа и ее продукция должны иметь пользу для совершенствования социального и правового регулирования в сфере противодействия преступности, девиантности и иных форм социального неблагополучия. Именно на прагматически ориентированном пути реально снижение масштабов проявлений социально опасных форм девиантности и преступности в мире постмодерна, в том числе в транзитивном российском обществе.

Теоретико-методологический фрейм для всестороннего исследования преступности, построенный на основе интегративного подхода, положений интегративной криминологии, дополнительности и других

девиантологических принципов Я.И. Гилинского, преодолевает методологический дуализм модернистских и постмодернистских теорий преступности. Он позволяет пользоваться методологической триангуляцией, то есть совместным применением различных статистических, социологических, количественных, качественных и иных методов. Методологическая триангуляция минимизирует недостатки различных, но дополняющих друг друга методов, что позволяет наращивать эвристический потенциал исследования, снижает риски фрагментарности и ограниченности обобщений и выводов. Ее применение в заявленных рамках дает органично-целостное представление о природе и причинах различных проявлений преступности, выступающих одновременно реальными поведенческими практиками и социальными, языковыми конструктами.

Отечественной криминологией хорошо освоены статистические методы, позитивистская методология в целом. В своей основе сбор и статистический анализ эмпирических данных о преступности опираются на математический аппарат (закон больших чисел, положения теории вероятностей и др.). Примерами блестящего применения статистического метода в криминологии являются работы В.В. Лунеева, Я.И. Гилинского, Д.А. Ли, С.Г. Олькова. Э.Г. Юзихановой и др.

Теоретико-методологической основой количественных методов исследования девиантности и преступности выступает представление об обществе как системно-организованной целостности, а также предположение о способности научного познания рационально-логически объяснить феноменологию криминальных реалий, разработанные в рамках позитивизма и функционализма. Количественная методология ориентирована на описание и объяснение свойств различных форм девиантности и преступности, выяснение причинно-следственных связей между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения и следует логике дедуктивного анализа (от абстракций – к фактам путем операционализации понятий). Среди количественных методов первенствуют анкетный опрос и формализованное интервью. Они успешно применяются для изучения таких массовых статистически устойчивых форм девиантности, как преступность, наркотизм, алкоголизм.

Для познания субъективных аспектов девиантных социальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир», необходимо социальное знание, основанное на понимании и интерпретации. Прошлый субъек-

тивный опыт может быть лучше понят через феноменологическое изучение и интерпретацию индивидуальных судеб, биографий, особенностей восприятия и поведения конкретных девиантов и преступников в рамках более общего социального и культурного контекстов. Отсюда оправдано в криминологических исследованиях применение качественных социологических методов, в основе которых лежит принцип «понимания» криминальной реальности как интерсубъективной конструкции. Этот принцип выработан в рамках символического интеракционизма, этнометодологии, феноменологии и понимающей социологии. Качественная социологическая методология позволяет достаточно эффективно исследовать «трудные» судьбы, единичные криминальные случаи, девиантные карьеры, не поддающиеся формализованной оценке. Она опирается на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни — к концепциям). Качественные методы раскрывают своеобразие отдельного социального объекта или события. Они весьма продуктивны при исследовании единичных, оригинальных криминальных фактов, судеб и их носителей, особенно в условиях быстрых социальных изменений. С развитием постмодернистской криминологии в открытой к изменениям интегративной модели эмпирического исследования криминологический поиск в рамках триангуляции может дополняться методами деконструкции и дискурсивного анализа при изучении преступности как реагирующей рекурсивной продукции в интересах нового прочтения и совершенствования уголовного закона и всей системы социального контроля.

Статистика преступлений, или «темная цифра преступности», по образному выражению А. Кетле, представленная в официальных отчетах правоохранительных органов, долгое время была единственным способом описания количественных характеристик преступности, таких как: объем, уровень, структура, динамика. Однако статданные не учитывают латентную составляющую преступности, мотивацию и специфику делинквентного поведения.

Сочетание статистических, количественных и качественных социологических методов в криминологическом изучении преступности позволяет описывать и массовые социально-типичные явления, и единичные кейсы — уникальные проявления криминальной активности. Количественные социологические методики позволяют в полной мере учесть латентные составляющие преступности. Качественный инструментарий позволяет выявлять нюансы психологии криминального поведения, особенности криминальных инцидентов, биографий и карьер,

интерсубъективное восприятие и конструирование криминальной реальности девиантом.

В случае применения методологической триангуляции объективные данные, полученные статистическим методом путем регистрации преступлений, как правило, дополняются данными субъективной статистики, полученными методом формализованного опроса (анкетирование или интервью), а также качественными данными, собранными с помощью биографического метода, кейс-стади, нарративного анализа или фокус групповых дискуссий или иных методов.

Позитивный опыт методологической триангуляции накоплен во многих развитых странах (США, Канада, Австралия Великобритания, Нидерланды, Швеция, Швейцария). В России в этом направлении предпринимаются лишь первые шаги.

Опросные методики по проблемам виктимизации впервые были разработаны в США в середине 60-х годов и апробированы в ходе опроса 10000 семей, проведенного в 1966 году по инициативе Президентской комиссии по законности и правосудию, которая была создана из-за стремительного роста «индексных преступлений» [2]. Программа первого виктимологического исследования включала в себя два пробных исследования, одно из которых было проведено в Вашингтоне, другое в Бостоне и Чикаго, а также общенациональный опрос общественного мнения. Результаты исследования оказались неожиданными и выявили очень высокий уровень латентной преступности в стране [6, с. 39].

Позитивный опыт социологического изучения жертв преступности в США позволил провести первый и второй международные обзоры виктимизации в 1989 и 1992 году, которые охватывали развитые и развивающиеся страны Центральной и Восточной Европы, в том числе Россию. При проведении эмпирических исследований был использован вопросник, позволявший собрать сведения о преступлениях, совершенных против лиц старше 16 лет. В анкете были поставлены вопросы, касающиеся оценок по поводу совершенных в отношении респондента преступлений, обращений в полицию, относительно страха перед преступностью, предупреждения преступности и строгости наказаний. Методика международных виктимологических исследований позволяла главным образом оценить уровень преступлений, совершенных против личности и собственности. Она исключала и оценку экологических деликтов и деяний в рамках так называемой «преступности без жертв».

Было установлено, что развивающиеся страны отличаются более высоким уровнем виктимизации населения почти по всем видам пре-

ступлений. Выявлено, что урбанизация является универсальным фактором, увеличивающим число преступлений как в развитых, так и развивающихся странах. Исследователями был отмечен высокий уровень виктимизации в Москве.

Международные обзоры виктимизации показали, что преступность – глобальная социальная проблема. Она беспокоит людей во всех странах, где проводились исследования. Оказалось, что более 20% опрошенных старше 16 лет за год сталкиваются со случаями краж, порчи имущества либо агрессивного поведения. Опросы жертв преступлений показали, что в России и других государствах на постсоветском пространстве существенно занижается уровень преступности по официальным статданным [6, с. 53].

Вместе с тем опыт национальных и международных опросов жертв преступлений выявил ряд методологических проблем по эмпирической оценке виктимизации населения и распространению преступности. Во многом они были обусловлены несовершенством выборок, сложностью квалификации состава преступления респондентами или нежеланием сообщать о факте виктимизации, например, в связи с сексуальным характером преступления. Кроме того, специальные исследования показали, что доля криминальных происшествий, сообщенных респондентом интервьюеру, во многом зависит от того, какие отношения существовали между правонарушителем и жертвой до преступления. Например, если жертва и преступник не были знакомы, то пострадавшие сообщали о 76,3% происшествий. Если жертва знала правонарушителя, то следовало сообщение только о 56,9% преступлений. Если же преступник был родственником жертвы, то респондент сообщал лишь о каждом пятом деликте.

Заметим, что опросы жертв преступлений и опросы общественного мнения с целью изучения преступности – все еще очень дорогостоящие и трудоемкие исследования. По данным американских криминологов, социологические методики исследования преступности достаточно дорого обходятся налогоплательщикам и поэтому широко применяются лишь в развитых и богатых странах. Так, в США федеральное правительство, правительства штатов и местные органы власти ежегодно тратят десятки миллионов долларов и сотни тысяч человеко-часов на то, чтобы собрать социологическими методами и проанализировать данные о преступности [7].

В настоящее время для сбора эмпирических данных с целью оценки преступности и виктимизации в разных странах сложились свои под-

ходы на основе объединения альтернативных методических приемов и решений, учитывающие местные или национальные особенности и условия. В итоге криминологи получают более взвешенную и приближенную к реальности картину преступности.

Значительный опыт триангуляции, учитывающий местную специфику, накоплен в США, где статистические данные, собранные в рамках единых отчетов о преступности по программе UCR (часть 1 – «индексные» преступления и часть 2 – менее опасные «преступления без жертв»), а также самоотчеты правонарушителей (SR–исследования) сочетаются с результатами виктимологических опросов (NCVS) и иными исследованиями, выполненными по качественной методологии (кейс-стадии, изучение биографий, нарративный анализ).

Любопытна специфика виктимологических опросов (NCVS). Они проводятся Американским бюро переписи населения ежегодно, начиная с 1972 года. В выборочном опросе участвует около 50000 домохозяйств, или примерно 100000 человек, отбор которых осуществляется с помощью вероятностных методик. По каждому адресу к респондентам интервьюеры заходят два раза в году. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса расспрашивают об уголовных происшествиях, которые произошли с ним за прошедшие шесть месяцев, что позволяет получить вполне репрезентативную криминологическую информацию.

Виктимологические опросы позволяют приблизить к реальности оценки абсолютного уровня основных составов преступлений, сформировать более объективное представление о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, а также бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, то программой обработки цепь этих деликтов будет квалифицироваться как одно правонарушение – ограбление. При этом фиксируется шесть фактов виктимизации. В случае преступлений против личности (изнасилование, разбойное нападение, грабеж, похищение имущества у частного лица) разделение на число происшествий и число жертв соблюдается особенно тщательно. Если преступление было совершено против частной собственности, то различие между виктимизацией и уголовным происшествием не

делается: жертвой преступления считается владелец похищенной собственности [7, с. 112].

Данные субъективной статистики позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению а) места, где было совершено преступления (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удастся собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества). Кроме того, в последние годы Американское бюро переписи населения включает в опросники индикаторы, характеризующие «правоохранительный ответ» на преступления, которые были зарегистрированы в полиции [8, р. 55].

Результаты обзоров виктимизации, проведенных в США в 90-е годы XX столетия, по данным Ф. Шмаллегера, показывают, что:

- участниками опросов ежегодно сообщается о 35 миллионах совершенных преступлений;
- приблизительно 23 миллиона американских домашних хозяйств, или 25 процентов от их общего количества, ежегодно становятся жертвами преступных посягательств;
- горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села;
- в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах, и примерно одна четверть краж личного имущества [8, р. 60].

Таким образом, результаты виктимологических исследований существенно уточняют картину преступности по основным количественным показателям, и она позволяет учесть латентную составляющую. Исключение составляют лишь некоторые составы преступлений, по которым возможно субъективное превышение показателей преступности.

Вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод эмпирического изучения криминальной реальности и жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных криминологов в настоящее время. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о преступном поведении и жертвах преступности под иным углом зрения, в новом социокультур-

ном или политическом контексте несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других целей.

Вторичный анализ опросных данных о преступности сокращает время и расходы исследователей, позволяет агрегировать данные в новые кластеры и анализировать тенденции в развитии преступности. Одним из фундаментальных источников, структурированных в электронные базы первичных данных для вторичного анализа, в США является Национальный архив данных криминальной юстиции (NACJD), сосредоточенный в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Архив накапливает информацию относительно различных аспектов виктимизации населения страны, деятельности системы правосудия и ювенальной преступности. Другим источником данных для вторичного анализа выступают материалы, собранные в Национальном институте публикаций по вопросам юстиции (NIJP). Для вторичного анализа используются данные из словаря источников информации о преступности и юстиции (DCJIS). Данные этого собрания периодически подвергаются обновлению и редакции. В последнем выпуске помещается резюме о структуре предоставляемых информационных услуг, о публикациях, о телефонах и адресах авторов из более чем 160 источников по проблемам оценки преступности [8, p. 122].

В ряду качественных методов в США чаще всего применяются биографический метод и кейс-стадии.

Биографический метод широко используется для исследования девиантных и криминальных карьер отдельных преступников, в которых выясняются: мотивация на совершение деликтов, специфика обучения преступному ремеслу, паттерны криминальной активности на протяжении всего жизненного пути девианта.

Изучение преступных инцидентов методом кейс-стади позволяет проникнуть в его скрытые механизмы, психологию поведения. Изучение преступных событий, случаев строится на основе всестороннего качественного описания индивидуального опыта преступного поведения. Изучение преступных случаев полезно потому, что оно может выявить то, чего следует ожидать от других подобных событий и ситуаций. Например, изучение поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля поведения лидеров в другой подобной уличной преступной группе (street gang).

Когда индивид является носителем криминальной карьеры, имеет тот или иной преступный опыт, то он выступает в качестве объекта качественного эмпирического исследования в форме «лайф истории» — истории жизни одного человека, воспринимаемую как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из непосредственно перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее, анализ таких историй может быть ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска.

В определенном смысле метод кейс-стади несет на себе печать субъективизма, который проявляет себя в смешении чувств и фактов в изложении индивида как объекта исследования относительно своего криминального прошлого. Вместе с тем этот метод изучения преступности дает возможность лучше взвесить и оценить событийные детали в жизни конкретного правонарушителя как представителя определенного социального типа, что не фиксируют количественные опросные методики.

Таким образом, для описания, объяснения и понимания преступности как наиболее опасной формы негативной девиантности и острой социальной проблемы, а также факторов, ее детерминирующих, исследователи широко используют данные уголовной статистики и социологических опросов с применением процедур вторичного анализа и качественных методик.

При осуществлении методологической триангуляции важно адекватно оценить когнитивный потенциал различных методик, эффективно использовать их сильные и нивелировать слабые стороны. Ясно, что невозможно с высокой достоверностью и точностью оценить абсолютное число таких латентных преступлений, как изнасилования, коррупционные или должностные деликты, а также киберпреступления. Более точно исчисляются и корреспондируются индексы по убийствам, кражам автотранспорта и некоторым другим резонансным преступлениям.

Уровни преступности, рассчитанные по разным методикам, в том числе опросным, не всегда согласуются между собой, но на основе сочетания разных дополнительных приемов во многом удастся избежать фрагментарности и неполноты монометодических оценок преступности и лучше реконструировать социологическими средствами социально-криминальную реальность.

В США и странах Западной Европы уголовная статистика и результаты социологических исследований по проблемам преступности и виктимизации полностью открыты, о чем свидетельствуют международные криминологические издания и материалы интернет-сайтов. Ежегодно большим тиражом издаются специальные сборники «Уголовная виктимизация в Соединенных Штатах» и «Преступность в Соединенных Штатах». Виктимологические данные опросов и статистика преступности широко обсуждаются в открытой печати, что вполне отвечает задачам правового просвещения населения и учета интересов гражданского общества, укрепляет социальную составляющую юстиции и правоохранительной деятельности.

В России криминальная статистика ведется на основании зарегистрированных в органах внутренних дел преступлений. Первые статистические сведения о преступности стали публиковаться с 1987 года в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в свет только в 1990 году и содержал наиболее общие сведения, начиная с 1961 года. В России с 1992 г. стали публиковаться ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения». Министерство внутренних дел Российской Федерации выпускает справочники «Состояние преступности в России». Есть обобщенные данные о преступности в специальных разделах из сборников Росстата. Однако объем и доступность данных о преступности периодически дозируются. Виктимологические опросы проводятся, как правило, лишь в некоторых регионах, поскольку это весьма дорогое «удовольствие». Такого рода исследования были выполнены под руководством автора в Татарстане по проблемам общеуголовной преступности, наркопреступности, наркопотребления в 1995-2007 годы. Виктимологические исследования периодически осуществляются в Москве, Санкт-Петербурге, других городах страны.

Проблематику преступности в общенациональном масштабе изучают Левада-Центр, ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ, ВНИИ МВД России. Однако систематические общенациональные виктимологические исследования еще не стали привычной практикой в нашей стране. Российский опыт весьма ограничен, а результаты исследований нельзя в полной мере использовать для сравнения, поскольку эмпирические данные субъективной статистики преступлений фиксируются в рамках различных исследовательских методик и не имеют общенациональной ре-

презентативности. Они проводятся нерегулярно и не в масштабах всей страны, что существенно затрудняет научное осмысление проблем преступности и обеспечения правопорядка.

В органах внутренних дел длительное время воспроизводятся «палочные проблемы» в системе учетов. Эта ситуация в определенной мере искажает фиксацию регистрируемых преступлений на территориях. Манипуляции со статистикой преступности снижают доверие граждан к органам внутренних дел и государству в целом.

Реформа органов внутренних дел, которая проводится на правовой основе ФЗ «О полиции» (2011), «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011) и других нормативных правовых актов, несколько меняет ситуацию к лучшему в работе полиции в целом и осуществлении статистических учетов в частности. Современную траекторию перемен уточняет «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» (2013), где также ставится проблема учета преступлений.

Есть надежда, что укрепление учетной дисциплины, внедрение новых критериев оценки работы ОВД на основе общественного мнения (контроль снизу), введение постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции с января 2017 года позволят повысить качество, надежность, доступность статданных о регистрируемой и латентной преступности в России. Использование методологической триангуляции в исследовательских проектах дает реальный шанс еще более адекватно описать многомерную картину преступности в масштабах страны и ее регионов, повысить в конечном итоге эффективность мер социального контроля.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2014.
2. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.
3. Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon, 1998.
4. Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland : Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

5. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2013.

6. Звекич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М.: ВНИИ МВД России, 1993.

7. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.

8. Schmallegger F. Criminology Today : An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

Особенности формирования девиантного поведения у поколения миллениалов¹

Многие криминологи полагают, что преступность отреагировала на позитивные изменения уголовного законодательства в контексте декриминализации и депенализации отдельных социально неопасных составов преступлений.

Действительно, в Уголовный кодекс РФ было внесено большое количество новелл, которые усилили общепрофилактическое действие уголовного закона, повлияли на изменения качественных и количественных характеристик преступности.

В ряду позитивных общероссийских трендов очевидны: снижение доли насильственных преступлений и, прежде всего, убийств и снижение показателей преступности несовершеннолетних и молодежи.

С формальной точки зрения этот отрадный факт можно объяснить рестриктивным потенциалом Федерального закона от 24.06.1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Ограничительные меры по недопущению нахождения (пребывания) несовершеннолетних лиц в общественных местах без сопровождения родителей (в возрасте от 7 до 14 лет с 21 часа до 6 часов; от 14 до 18 лет с 22 часов до 6 часов) и другие профилактические практики, институализированные в законе, несомненно, дают социальный эффект. Позитивными являются и рестриктивные меры, связанные с возрастными и временными ограничениями продаж алкогольных напитков.

Работает на конечный результат и административный запрет на реализацию алкоголя возле детских, образовательных, медицинских организаций, физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, в местах проведения культурно-массовых мероприятий.

Немаловажную роль играет и реформа ОВД, начиная с 2012 года. Ведь по опросам общественного мнения стал расти рейтинг доверия к

¹ Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел на современном этапе (300-летию российской полиции посвящается): материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. КЮИ МВД России. С. 33-42.

органам полиции на местах. А это во многом заслуга таких служб как участковые инспектора полиции, сотрудники ИДН и другие службы, работающие в тесном контакте с населением. Так, по оптимистичным данным ВЦИОМ, уровень доверия к сотрудникам полиции своего региона вырос с 2013 по 2016 годы и составил 47%¹.

Однако с преступностью и девиантностью подростков и молодежи не все так просто. Не будем забывать, что современные молодые люди из возрастной группы 14 – 18 лет – это миллениалы – дети, рожденные на рубеже третьего тысячелетия и вступившие в пору взросления в нулевые и последующие за ними годы. Их численность меньше, поскольку они – продукт демографического провала. Но не это главное в характеристике поколения миллениалов.

С моей точки зрения, главной отличительной особенностью современной молодежи и в городах, и на периферии является ее повальная вовлеченность в мир новых технологических возможностей, которые открыли третья и четвертая технологические революции. Миллениалов за рубежом называют поколением Е-ман, то есть людьми электронной эры. Да, действительно, в виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть жизни современных людей, но, прежде всего, это справедливо в отношении миллениалов, которые в значительно большей мере по сравнению с другими возрастными группами удовлетворяют свои потребности в общении, в шопинге, в работе и удовольствиях, и даже в девиантности с помощью смарт-девайсов и сетевого взаимодействия.

Рискну предположить, что наряду с конформизмом в виртуальном мире быстро распространяются различные формы девиантной активности, в том числе и преступности, риски наказания за которую минимальны в силу консерватизма дистрибутивного по сути уголовного права и практик его применения. В киберпространстве практически не работает принцип неотвратимости наказания. Криминальная активность не может никуда исчезнуть согласно Э. Дюркгейму, поскольку она функциональна. Она просто меняет форму под воздействием технологических сдвигов, трансформируется, уходя в киберпространство.

Этот взгляд на проблему трансформации или «ухода из поля зрения» девиантности и преступности в высокотехнологичную эру, где с каждым годом по экспоненте нарастает скорость социальных и технологических изменений, отчасти подкрепляют и эмпирические исследова-

¹ Работа полиции: доверие и оценки. URL: <http://www.wciom.ru>

ния моих собратьев по научному цеху, работающих в предметном поле экономической социологии. Так, недавние публикации («Миллениалы на фоне предшествующих поколений») и выступления профессора В.В. Радаева показали, что миллениалы существенно отличаются от других поколений молодежи по ценностным ориентациям (существенно менее религиозны, несмотря на некоторый ренессанс клерикализма в постсоветском социуме и более других возрастных групп удовлетворены жизнью)¹. Многие представители поколения миллениалов предпочитают традиционным молодежным тусовкам общение в чатах и блогосфере. Кроме того, они отличаются специфическим потребительским поведением. Объяснение выявленным эмпирическим фактам Радаев дает исходя из того, что мы живем в эпоху социального перелома, вызванного не столько политическими и ли экономическими преобразованиями, а скорее сменой поколений.

В частности, эконом-социологи обращают внимание на резкое снижение алкоголизации в этой возрастной группе – на 25%. Потребление спиртных напитков среди миллениалов – минимальное по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (мобилизационного или послевоенного, поколения оттепели 60-х, поколения эпохи брежневского застоя и пореформенного поколения 90-х годов прошлого века).

Со своей стороны, я бы добавил, что поколение миллениалов вместо алкогольных привычек отличается другой формой зависимого поведения – смартфон-аддикцией. Так, исследования Бэйлорского университета показали, что у многих современных студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходят на набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных устройств. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности². Появление и массовое распространение смартфон-аддикций позволило ВОЗ в 2018 году выделить эту группу в самостоятельный вид социальных заболеваний.

¹ Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. URL: <http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millennialy-na-fone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>.

² Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник КЮИ МВД России. 2018. № 1.

High-tech-эпоха порождает новых девиантов и новые формы девиантности. Среди тех, кто «продвинут» в освоении технических новшеств, немало инноваторов, совершающих безнаказанно высокотехнологические и весьма доходные преступления. Так, незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного уголовника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4%¹. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране – одной из самых развитых экономик мира составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро². В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов.

Собранный и обработанный автором с помощью метода контент-анализа в иностранных и отечественных источниках материал на основе типологизации позволяет выделить и структурировать известные и новые виды кибердевиантности, в авангарде освоения, которых идет поколение миллениалов.

Основные результаты анализа состоят в следующих обобщениях.

1. Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в «компьютерной сфере», но и деликты, совершаемые в киберпространстве, благодаря повсеместному использованию Интернета, умных мобильных устройств и новых технологий в повседневной жизни людей.

2. Киберпреступность принимает много форм. Она включает: хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем,

¹ Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

² Девиантность в обществе потребления: монография / под ред Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.

создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, киберсталкерство и кибербуллинг и другие.

Типологизация киберпреступлений. Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих многообразные проявления современной киберпреступности:

а) *криминальная активность в интернет-торговле*. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний;

б) *киберворовство как похищение программных продуктов*. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в уже в 1996 году составили 11,2 млрд. долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования программных продуктов. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно¹;

в) *киберворовство как похищение конфиденциальной информации*. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека. Современные ки-

¹ Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

берпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно было бы взломать;

г) *киберхулиганство*. Уничтожение или изменение частных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесоном с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение.

д) *киберсталкерство*. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о новых девиантах киберсталкерах (stalkers – упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов¹. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных технологических средств, прежде всего, сети интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное местью, ревностью, завистью с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, SMS-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жертве, или обозначить свое присутствие, или следовать за ней, или держать ее дом под видеонаблюдением с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ то-

¹ Meloy J.R. The Psychology of Stalking // The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives. San Diego: Academic Press, 1998.

варов от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданы, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2% женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

Новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унижительное, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг – один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность. Дети – получатели месседжей – не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида;

е) *киберпреступления на транспорте*. Специальные программы хакеров могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина во многом работает под управлением бортового компьютера. Автомобиль второго десятилетия XXI века, сошедший с конвейера, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посредством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью.

ж) *телефонный фрикинг* как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется не один десяток лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов храниться множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов;

з) *кибермошенничество в банковской сфере*. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга. Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

Второй способ – использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа w eb-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широко доступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы иницируется соответствующий диалоговый интерфейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображения. Он

формируется Java-Script'ом и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной строке преступником имитируется наличие защищенного соединения (https://), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Со»), а в фальшивой адресной строке при желании можно впечатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет. Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадают примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фризеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

3. Современные зарубежные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых криминальных проблем:

- использование инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);
- влияние распространения социальных сетей на киберпреступность;
- использование сетевого фактора в кибертерроризме;
- изучение поведения жертв и преступников в киберпространстве;
- разработка политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;
- защита инфраструктуры от киберпреступности¹.

4. Для защиты глобального киберпространства в Давосе в 2018 году было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности².

Таким образом, в эпоху постмодерна, в мире high-tech технологий, носители криминального поведения, в том числе из числа миллениа-

¹ Cybercrime: Interdisciplinary Approaches to Cutting Crime and Victimisation in Cyber Space. URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime>.

² ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>.

лов, изо щренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Сами кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии, а обеспечение кибербезопасности имеет сегодня характер глобальной проблемы. Отсюда напрашивается поиск и новых форм реакции полицейских сил на высокотехнологичные вызовы, связанные с правонарушениями в киберпространстве, найти которые может позволить модернизация полицейского образования. Отсюда пришло время открытия новых полицейских специальностей, в ряду которых термин «киберполицейский» звучит вполне актуально и современно.

Процесс inclusion/exclusion как стратификационный источник коррупции¹

К постановке проблемы.

Для девиантологов очевидно, что коррупция – проблема номер один для современного российского общества и государства. И проблема не столько в масштабности проявлений бытовой или низовой коррупции среди медицинских, вузовских работников или сотрудников ГИБДД, в массовых поборах населения, сколько в том, что основательно поражены коррупцией властные структуры в центре и на местах.

Для «бытовых» коррупционеров, как самых типичных и массовых взяткополучателей, коррупционные практики – скорее способ адаптации к рынку при низких зарплатах (определяемых государством) и резком падении социального престижа массовых профессий в условиях двойной аномии, по Э. Дюркгейму и Р. Мертону, вызванных резкой сменой парадигмы общественного развития.

Гораздо более опасной для российского социума является теневая коррупция в «верхах», в связках «власть и бизнес», «власть и население», между уровнями власти, когда покупаются контракты, лояльность, «теплые места», «распиливаются на откаты» бюджетные деньги.

Словом, наибольший вред государству наносит продажность тех, кто должен показывать обществу позитивные примеры служения делу и отечеству, но «служат примером» казнокрадства, растрат, кумовства и мздоимства. Коррупция в органах власти и бизнес-сообществе приводит к деградации менеджмента, депрофессионализации и разложению государственного аппарата, стагнации и застою. Может быть, поэтому страна «топчется» на месте: не может десятилетиями, имея баснословные природные богатства и даровитый трудовой народ, но неэффективный менеджмент, перейти от сырьевой экономики к экономике инновационной, преодолеть массовую бедность, «вырастить» доминирующий средний класс, тем самым снизив остроту социального неравенства и социальной несправедливости, преступности и коррупции.

Проблема ситуация состоит в неадекватности социальных реалий (коррупции, коррупционной преступности, девиантности), реакции социального контроля на них и научного осмысления этих феноменов.

¹ Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции: материалы Международного круглого стола. Под редакцией С.Н. Миронова. КЮИ МВД России. 2018. С. 62-68.

Гипотеза: процессы стратификации по метакоду «*inclusion/exclusion*» («включенность/исключенность») в XXI веке детерминируют девиантизацию общества и в том числе рост беловоротничковой преступности и коррупции.

«Do, ut facias» – «даю, чтобы сделал»

О девиантологической интерпретации понятий. Сегодня важно понимание социальной природы коррупции. Это позволяет избежать излишней политизации, «юридизации» и мифологизации проблемы. Коррупция – социальный феномен, порождение общества товарно-денежных отношений. Отсюда существо коррупции в феномене продажности (от лат. *corruptio* – подкуп, продажность, разложение).

Девиантологическое понимание коррупции шире коррупционных преступлений (дача взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве – ст. 290, 291, 291 УК РФ). Коррупция изучается девиантологией как самостоятельный вид негативной девиантности, который коррелирует с ее другими проявлениями.

Коррупционная деятельность была во все времена, но в обществе ультрасовременного капитализма, глобализации, HIGH-TECH и консьюмеризма она расцвела пышным цветом.

Имеется множество определений коррупции. Возможно, наиболее краткое из них сформулировал Джозеф Сентуриа: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»¹. Более полное определение содержится в документах 34-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Существует множество форм (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, nepotизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам – товарам, услугам, источникам дохода, привилегиям) и др. Хорошо известно, что в России и сегодня распространено мздоимство и лихоимство.

¹ Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. München, Wein: Oldenborg Verlag, 1994. S. 481.

Феномен коррупции, осознаваемый как социальная проблема, представляет собой социальную конструкцию. Некоторые структуры общества определяют, какие именно факты, действия и при каких условиях, с какими последствиями рассматривается как коррупция (криминализация некоторых форм коррупционной деятельности, реакция политиков, ученых, юристов, СМИ).

В ультрасовременном обществе постмодерна, включая российское, коррупция – социальный институт, элемент системы управления, тесно взаимосвязанный с другими экономическими и политическими институтами.

Коррупция выполняет ряд социальных функций – упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия и др.; характеризуется специфическими нормами (таксами) и ролями (взяточатель, взяточполучатель, посредник).

Несколько базовых характеристик коррупции в верхах.

Высокая латентность. Коррупционные скандалы происходят нечасто. В некоторых случаях факты коррупции высокопоставленного чиновничества так и не становятся предметом гласности и уголовного расследования.

Системность. Разоблачение и смена отдельных участников коррупционной системы не затрагивает ее в целом.

Сетевой характер. В центре коррупционных сетей оказываются как естественные монополии, финансовые учреждения, так и региональные и федеральные органы власти, органы правопорядка, обороны и правосудия.

Безнаказанность. Об этом свидетельствуют убедительные примеры А. Сердюкова, Е. Скрынник, Т. Голиковой, Р. Панова, Е. Васильевой и других высокопоставленных коррупционеров. Селективность полиции и уголовной юстиции не позволяют в полной мере оценить масштабы должностных преступлений представителей высших страт.

Подходы к исследованию коррупции.

Традиционная криминология описывает причинный комплекс коррупции в объективных средовых детерминантах и условиях (рыночные реформы, отставание в развитии хозяйственного, уголовного, административного права, дисфункции органов правопорядка, развитие теневой экономики и легализация преступных капиталов, сбои в работе государственной машины – приватизация и криминализация власти на местном, региональном и федеральном уровнях и др.).

Неоклассический экономический подход. Бейкер, Стиглер, Гароупа в рамках модели «Homo Economicus» обращают внимание на рациональные мотивы поведения коррупционера, увеличивающего свои доходы с помощью коррупционных практик. Рыночно ориентированные подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи – как часть трансакционных издержек. Если бы государство выполняло роль «ночного сторожа» в экономических отношениях, то, по мнению либеральных экономистов, коррупции было бы значительно меньше. При сильном государственном вмешательстве в экономику коррупция функциональна и выступает в качестве «смазки» для ускорения принятия решений, необходимых бизнесу в целях эффективного хозяйствования.

«Менеджеральный» подход. Мэннинг, Перизон, Миллер, Вентура, Макчивелло изучают дефекты функционирования институтов и организаций, связанных с бюрократизмом и реформами.

Неоинституциональный социологический подход. Шобель, Эгберт делают акцент на укорененности коррупционной деятельности, на то, что она включена в соответствующие социальные сети.

Социологический конструктивизм рассматривает коррупцию в рамках субъективистской перспективы анализа как социальную конструкцию.

Неомарксистский подход Ф. Зак, Р. Куинни трактуют коррупцию как основной порок капитализма – социальное явление, порожаемое современным буржуазным обществом, где все на продажу.

Радикально критическая криминология (Я. Тэйлор, П. Уолтон, Дж. Янг, Ф. Зак) определяет капиталистические общественные отношения как источник коррупции и респектабельной преступности «белых воротничков» («*white – collar crime*»). Фриц Зак считает, что «примат экономики губителен для общества...В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения..... Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью»¹.

Чарльз Райт Милз описал этот феномен как «*структурную безнравственность*» в деловом мире.

История криминологической мысли богата объяснительными моделями коррупции и должностной преступности. Однако чаще всего криминологи анализируют криминальные проблемы низшего клас-

¹ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1. С. 92-105.

са в контексте бедности, депривации, субкультуры насилия. Основным субъектом преступлений считаются представители социального «дна» – малоквалифицированные рабочие, безработные, бездомные, алкоголики и т.п. В мировой криминологии сложилось представление об «опасном классе» (*«dangerous class»*). При этом высоколатентная преступность элиты и «белых воротничков» – особенно коррупционная, политическая обычно остается за предметными рамками многих криминологических исследований.

Социальные и технологические изменения. На рубеже XXI века мир радикально изменился: крах биполярной системы, глобализация, технологические революции, ускорение социальных процессов, рост конфликтности и управляемый извне хаос революций при трансформации миропорядка обнаружили новые изъяны и ограниченность олигархического капитализма. Все эти перемены позволили И. Валлерстайну сделать вывод, что мир-система разделена на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм¹. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли. В более поздних работах он заключает, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис.*

Олигархи становятся еще богаче, бедные беднеют, благополучный «средний класс» – теряет свои позиции, сокращается количественно, теряет веру в «светлое капиталистическое будущее». Особенно наглядно этот процесс заявил о себе в ходе финансового кризиса в конце первого десятилетия нового века. В итоге стратификационная пирамида американского общества стала быстро менять свою ромбовидную форму и превращаться в «грушу». Отсюда возникло и спонтанное протестное движение среднего класса в США «Occupy Wall Street!» (по опросным данным движение поддерживают от 40% до 60% американцев). По сведениям швейцарского банка, Credit Suisse, в 2015 г. первые в истории человечества 1% его стал владеть 50% всех богатств, а в 2016 г. 1% населения владеет уже 52% всех богатств. А Россия, как всегда, – впереди планеты всей: 1% ее населения уже владеет 72% богатствами всей страны.

И по настоящее время в мире-системе происходит углубление степени социально – экономического неравенства обществ и социальных групп, нарастает разрыв между бедностью и богатством.

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

На этом кризисном фоне появились *новые основания для стратификации общества постмодерна и появились новые векторы в развитии криминологии.*

Рискну предположить, что к объяснению современных метаморфоз коррупции должностных лиц и других проявлений преступности белых воротничков можно подойти с позиций новой теории стратификации.

Одним из системообразующих факторов стратификации общества постмодерна является критерий или метакод *«inclusion/exclusion»* («включенность/исключенность»).

Первоначально понятие *«exclusion»* («исключение») появилось в научном дискурсе французской социологии в середине 60-х годов как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса¹. Уже в этот период наметился усиливающийся разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими.

Рене Ленуар в 1974 году показал, что феномен «исключения» приобретает значение не индивидуальной неудачи, неадаптивности некоторых субъектов, а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования структуры общества. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности². Отсюда появление «новой бедности» обусловлено тем, что «социальные программы уэлфера для неимущих классов уже не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Следовательно, чувство утраты приемлемого статуса в обществе потребления, в конечном счете, может породить еще большую фрустрацию и неудовлетворенность, чем традиционные формы бедности.

Анализ социоструктурных перемен в новом мире позволил Николасу Луману сделать вывод о том, что *положение индивида в структуре общества становится центральной, ключевой проблемой*³. При этом на рубеже веков процесс *«inclusion/exclusion»* приобрел глобальный характер.

¹ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140 – 156.

² Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

³ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94-108.

Н. Луман пишет, что «наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод *«inclusion/exclusion»*. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра; ... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения. В некоторых местах мы уже можем наблюдать это состояние»¹.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из последних книг З. Баумана. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» (*«wasted life»*), не нужными современному обществу. Это безработные, мигранты, беженцы, бедняки, бомжи, алкоголики и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития и глобализации, новой стратификации в XXI веке².

Стратификационные процессы по метакоду *«inclusion/exclusion»* применительно к государствам анализирует академик Н. Моисеев, который считает, что отсталые страны «отстали навсегда» и «всего на всех не хватит». Идет сверхжесткая борьба за ресурсы. И нам очевидно сегодня, что против России и ее союзников ополчился санкциями весь западный мир.

Бестселлером стал труд С. Жижека «Размышления в красном цвете». Автор анализирует дрейф среднего класса и стратификацию мира на два полюса: «новый глобальный класс» – замкнутый круг «включенных», успешных, богатых и всемогущих и большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан». Жижек обращает внимание на *степень различий*, «разрыва» в возможностях удовлетворения базовых потребностей людей, поэтому среди антагонизмов нового мира *«противостояние исключенных и включенных»* он считает ключевым³. Если к этому добавить господство масскульта, пропаганду морали «все на продажу» и обогащайтесь

¹ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.. С. 94-108.

² Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. P. 5 – 7.

³ Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.

любой ценой в новом мире, то снижение коррупционной активности в верхах и уличной преступности в низах становится маловероятным.

Криминологам достаточно очевидны социальные последствия процесса «*inclusion/exclusion*». Криминогенные и девиантогенные факторы глобализации превосходно описаны В.В. Лунеевым¹. Я.И. Гилинский считает, что «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.)².

Заметим, что принадлежность индивида к страте исключенных, маргиналов или успешных включенных определяет лишь вероятность тех или иных девиаций. Анализ новой стратификации общества указывает на ключ к пониманию не только «преступности приспособления», но и роста криминальной активности коррумпированных властных элит, хакеров и других белых воротничков, «преступность доминирования и подавления» в новую технологическую эру. При значениях индекса Джини, показывающего степень экономического неравенства в 0,4-0,5 и выше (Россия, США, Бразилия), рост коррупционной преступности неизбежен, тем более в условиях селективности правосудия по отношению к представителям высших классов. Увы, но большие состояния и коррупционные связи существенно снижают вероятность неотвратимости наказания.

Таким образом, успеху антикоррупционной политики в стране могут способствовать не только меры по демократизации общества и развитию политической системы, деbüroкратизации государственного управления, сокращению чиновников и чиновничьего усмотрения при регулировании хозяйственных отношений. Уместно и необходимо существенное снижение остроты социального неравенства, деполяризация социальной структуры хотя бы вдвое на уровне индекса Джини, равного 0,2. Прогрессу в этом направлении будет способствовать и снятие экономических барьеров в получении образования, занятости, роста доходов, формирования значительного среднего класса в России.

¹ Лунеев В.В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003, № 2. С. 21 – 39.

² Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной Прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69-77.

Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма¹

Во введении подробно рассматриваются предпосылки, отличительные черты технологических изменений и рисков в современном мире, а также социальные проблемы, продиктованные их появлением, в девиантологическом контексте. Отмечается актуальность и малоизученность избранной темы исследования.

В обзоре литературы сообщается о круге источников, отобранных для сбора, анализа и обобщения данных из зарубежных и отечественных работ по выделенной проблематике.

В работе использованы, наряду с общенаучными, методы компаративистики, типологизации и качественного контент-анализа.

В результирующей части описаны новые проявления и метаморфозы кибердевиантности и киберпреступности, выполнена типологизация носителей high-tech-девиантности в условиях очередной технологической революции.

В заключительной части работы сформулированы общие выводы исследования и направления дальнейшего обсуждения темы.

Ключевые слова: девиантность, киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция, компьютерный эскапизм, шопинг-аддикция, кибербуллинг, кибербезопасность, консьюмеризм, глэм-капитализм, high-tech-эпоха, high-tech-девианты

Deviation And Crimes In Time Of High-Tech, Consumerism And Glamour Capitalism

The introduction discusses in detail the background, distinctive features of technological changes and risks in the modern world and also social issues, determined by their appearance in the deviantological context. Topicality and the poor knowledge of the chosen research topic.

The review of literature gives the information on the range of sources selected for gathering, review and collation of the facts of home and foreign papers on the given issue. The methods of comparativistic, classification and fine analysis of content were used along with general scientific methods.

¹ Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 23-34.

The resulting part describes new aspects and metamorphosis of cyberdeviation and cybercrime, classification of high-tech deviated people under conditions of yet another technological revolution. At the end of the article the general study findings and ways of the further topics for discussion.

Keywords: *deviance, cybercrime, Internet addiction, smartphone addiction, computer escapism, shopping addiction, cyberbullying, cybersecurity, consumerism, glam-capitalism, glamour capitalism, high-tech-era, high-tech deviants*

Введение

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету – 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет – не более. Еще быстрее смартфоны потеснили мобильные телефоны, сочетая в себе достоинства повсеместно доступной сотовой связи с функционалом персонального компьютера на основе высокопроизводительной операционной системы и памяти, исчисляемой десятками и сотнями гигабайт. Голосовая и видеосвязь, почта, новости, данные о погоде, фото- и видеокамера, обработка данных, интернет, сетевое общение в режиме онлайн в одном устройстве за несколько лет коренным образом изменили социум. Никогда еще процессы инновационных технологических изменений не развивались такими высокими темпами, как в начале третьего тысячелетия – периода в обществе постмодерна, который характеризуют как high-tech-эпоха.

По терминологии И. Масуды, в «информационном обществе» компьютерные способы обработки данных и их сетевого распространения приобрели качество ключевого ресурса эпохи, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото. Под воздействием высокотехнологических нововведений в обществе, культуре и социальной практике произошли и происходят стремительные, фундаментальные социальные изменения. В настоящее время за экспансией смартфонов и планшетов последовали разработки новых квантовых компьютеров, ДНК-компьютеров, нейронных сетей, искусственного интеллекта и чудес робототехники. Новым мировым трендом стало быстрое распространение технологии распределенного реестра, или блок-

чейна (blockchain), для хранения и обработки данных. Эта технологическая инновация впервые была применена при реализации криптовалюты биткоин.

По прогнозам экспертов на Всемирном экономическом форуме 2018 года в Давосе, в ближайшие годы технология блокчейн станет «сердцем» будущей мировой финансовой системы. 80% банков активно ведут разработки своих онлайн-продуктов на базе распределенного реестра. Пилотные проекты с использованием блокчейна разработаны ВЭБом и Сбербанком, запущены Минэкономразвития РФ в сфере госзакупок. Технологические решения на основе блокчейна разрабатываются и внедряются не только в кредитно-финансовой сфере, но и в госуправлении, страховании, транспортной логистике и в других областях, что сулит ряд новых и неизбежных социальных изменений. Нетрудно предположить, что и кибермошенники не дремлют и ищут пути проникновения в мир распределенных данных.

Человек в обществе постмодерна окружил себя высокотехнологичными «девайсами» и новыми технологиями обработки и хранения данных, изменил нормы и способы общения, производства и потребления. При этом существенно усилились новизна, динамизм, риски и неопределенность социальных изменений.

Как известно, американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер еще полвека назад в книге «Шок будущего» описал нарастающую скорость перемен в мире под все более усиливающимся давлением новых знаний, науки, техники, различного рода информации [1]. Он предсказал рост психологических нагрузок – футурошок – как утрату чувства реальности, умения адаптироваться и ориентироваться в жизни, вызванный страхом перед неопределенным грядущим.

Гипотезу Э. Тоффлера во многом подтвердило время, поскольку люди, чем дальше, тем больше испытывают фобии в «новом мире». Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в странах Северной Америки и Европы каждый десятый житель сталкивался в 2014 году с диагностируемыми психическими отклонениями и заболеваниями такого рода («болезнями перемен»). В городах с населением более миллиона человек эта цифра достигла 30% против 10% в 80-е гг. прошлого века. В Соединенных Штатах, по данным американской психиатрической ассоциации, депрессией страдают 9% населения, а согласно оценкам ведущих центров изучения общественного мнения – от 20% до 25%. В России, согласно социологическим опросам, проведенным в 2015 году среди выпускников высших учебных заведений

в Москве и Санкт-Петербурге, более 40% респондентов испытывают страх перед будущим [2, с. 19].

Редактор журнала Nature Клиффорд Линч в 2008 году ввел в научный оборот термин «big data» – «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации. Отсюда другой отличительной чертой футурошока являются нарастающие информационные перегрузки как состояние, при котором объем потенциально полезной и актуальной информации превышает возможность ее обработки средним человеком. Определение «информационная перегрузка» было впервые дано Дэвидом Боуденом в исследовании 2008 года на тему «Темная сторона информации: перегрузка, тревожность и другие парадоксы, и патологии». Наглядным примером информационной перегрузки являются данные главы Alphabeth Эрика Шмидта, в соответствии с которыми от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 экзабайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество производит такой объем данных всего за 2 дня [2, с. 20]. При этом лавинообразное нарастание количества информации характеризует не только прогресс информационных технологий, но и рост психологических, когнитивных проблем человека как участника высокотехнологичных коммуникаций.

Есть и еще одно пока малозаметное измерение футурошока, которое вызвано настоящей и особенно грядущей массовой роботизацией рабочих мест. Автоматизацией охвачены любые производства и процессы, требующие выполнения одних и тех же рутинных операций. Еще вчера это были только конвейерные линии на автомобильных и иных сборочных производствах. Однако в настоящем почти половина всей торговли на мировой бирже – это сделки, которые совершаются между роботами. Такие крупные инвестиционные банки, как Goldman Sachs и Morgan Stanley, во многом уже заменили свои трейдинговые подразделения на роботов.

В высокотехнологичном мире происходит развитие sharing economy (модели, основанной на общем использовании товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения) с помощью онлайн-платформ на основе Uber или Uber for X. Они получили широкое применение там, где людям нужна быстрая помощь с выполнением определенных задач, за которые они не могут взяться сами и где классические сервисные компании оказываются слишком неповоротливыми, чтобы быстро удовлетворить потребности клиентов. «Юберификация» оказалась весьма эффективной в приложениях Uber-такси, в логистике при доставке больших и

мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро.

Роботизация и развитие систем искусственного интеллекта активно проникают в транспортные перевозки. Например, Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 году. Не только мировые автогиганты, но и отечественные Яндекс, КаМАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники. Вероятно, очень скоро отпадет необходимость в профессии водителя.

Совсем недавно, по открытым данным интернет-источников, на одной из китайских фабрик в Дунгуане несколькими десятками роботов заменили 90% сотрудников. Мак-Кинзи – одна из самых крупных консалтинговых компаний в мире – подсчитала, что 45% своих работников в ближайшие 15-20 лет она сможет заменить системами искусственного интеллекта. По прогнозным оценкам специалистов, около 45% рабочих мест в США могут стать полностью автоматизированными. В Британии порядка четверти миллиона госслужащих в ближайшее время могут быть заменены интеллектуальными системами. Значительная доля людей трудоспособного возраста может выйти из состава рабочей силы в мировом масштабе благодаря росту массовой кибернетизации и роботизации.

В структуре российского рынка труда весомую часть занимают люди, занятые производственной или служебной рутинной. Это охранники, вахтеры, контролеры, сотрудники ОТК, водители и многие другие. Армия отечественных «синих воротничков» в 2-3 миллиона человек может в одночасье под давлением технологического прогресса остаться без работы. Риск безработицы очевиден и для представителей интеллектуальных профессий при неизбежном пришествии роботов. В Сбербанке бот уже пишет стандартные исковые заявления в суд о взыскании с должников задолженности по потребительским кредитам. Яндекс создал нейронную сеть, которая пишет музыку. Поисковые системы, электронные платежи – это тоже обучаемые определенным алгоритмам интеллектуальные системы. Интернет-банкинг широко используется в мире и внедряется крупными кредитными организациями России, что быстро вытеснит с насиженных рабочих мест тех служащих, которых нелюбезно характеризуют неологизмом «офисный планктон».

Эксперты подчеркивают, что граница между тем, что могут делать машины, и тем, что подвластно только людям, постепенно смещается.

И если рутинные операции на рабочем месте подвергаются алгоритмизации и программированию, то очень скоро оно неизбежно будет замещено роботом. Вне всякого сомнения, рутинная работа у роботов будет получаться значительно быстрее, лучше, дешевле, с полным исключением ошибок, вызванных «человеческим фактором».

Таким образом, технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация и роботизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации. Инновации, увы, создают не только прогрессивные социальные изменения, порождая новый тип общества, культуры и уровень благосостояния, но и продуцируют технологически детерминированные формы фобий, девиантности и преступности. Эта актуальная научно-практическая проблема исследуется девиантологами, социологами, правоведами и, тем не менее, все еще остается малоизученной.

Обзор литературы

Работа подготовлена на основе изучения широкого круга зарубежных англоязычных источников и исследований отечественных авторов, в том числе представленных в свободном доступе в интернет-пространстве. К числу совершенно новых исследований нужно отнести работу полицейского аналитика Марка Гудмана (Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It, 2015) и труд отечественных исследователей Лариной Е.С. и Овчинского В.С. (Криминал будущего уже здесь, 2017.), а также публикации российских девиантологов Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева и других авторов на заданную тему [2; 3; 4; 5; 6].

Материалы и методы

В данной статье предпринята попытка систематизировать эмпирический материал, собранный и обработанный автором с помощью метода контент-анализа в иностранных и отечественных источниках по вопросам детерминации, распространения и описания различных проявлений кибердевиантности и киберпреступности, вызванных ускоренным развитием и внедрением инновационных технологий, ростом консьюмеризма в условиях глэм-капитализма. На основе типологизации выделены и структурированы известные и новые виды кибердевиантности, и носители девиантного поведения в киберпространстве.

Результаты исследования

В ускользающем настоящем быстро распространяются и начинают доминировать такие новые формы девиантного поведения, как киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция,

шопинг-аддикция, компьютерный эскапизм, кибербуллинг и другие отклонения.

Компьютерный век породил виртуальную реальность как симуляцию, как замещение реального мира в киберпространстве компьютерных сетей. Киберпространство постоянно заполняется всевозможными фантазийными мирами, которые затягивают не только детей и подростков, «подсевших» на компьютерные игры, но и вполне взрослых людей.

С распространением Интернета во всем мире глобальным явлением стал рост социальных сетей. Социальные сети стали формироваться как интерактивные многопользовательские веб-сайты, контент которых наполняется самими участниками виртуального общения [7, с. 278]. О признаках сети свидетельствует наличие блогов – интернет-дневников, где люди представляют себя, объединяются в сообщества по интересам. Более 30 процентов пользователей российского интернета сегодня имеют свои блоги. Рост числа сетевых пользователей происходит по экспоненте. Так, в марте 2007 года их было 500 млн, в октябре 2011 пользователей Facebook – уже около 1,5 млрд. Другим сетевым гигантом является сетевой ресурс Youtube. Количество страниц с видеозаписями только на этом ресурсе уже перевалило за 1 трлн. Ежемесячно этот сайт посещает около 450 млн пользователей. Согласно результатам мониторинга в открытых интернет-источниках, в мире насчитывается более 2,5 млрд аккаунтов в различных социальных сетях.

По данным компании World Wide Web Size, более чем на 644 млн сайтов размещается более 8 млрд интернет-страниц, в том числе и создаваемых самими пользователями. В конце 2017 года общий объем информации в мировой сети составлял около 1,8 зеттабайта [8]. В настоящее время социальными сетями пользуются 82% от всех интернет-пользователей.

Посещение социальных сетей – самая популярная в мире интернет-активность. Тревожным сигналом, по оценкам девиантологов, является рост интернет-зависимости среди юных пользователей. Так, 70% российских детей ежедневно заходят в интернет (около трети имеют свои профили), а 10% детей страдают выраженной интернет-зависимостью.

Многие аналитики считают, что именно в сетевом направлении интернет и будет развиваться в ближайшем будущем. Социальные сети – это новый глобальный технологический и культурный феномен high-tech эпохи. Высокий уровень сетевой экспансии отражает один из главных трендов глобальной сети – как только люди подключаются к интернету, они незамедлительно начинают сетевое общение.

За последние несколько лет количество часов, которое интернет-пользователи провели в социальных сетях, увеличилось втрое. Использование сетевого общения стало самым массовым занятием интернет-аудитории. Увеличение времени на обращение к социальным сетям произошло за счет уменьшения частоты обращений к электронной почте и мессенджерам.

Самой популярной в мире социальной сетью является Facebook. Ее посещают 55% интернет-пользователей. На конец 2011 года доля сетевой интернет-аудитории колебалась от 53% в Китае до 98% в США (в КНР выход в Facebook заблокирован властями). В 41 стране из 43 этот уровень превышает 85%. В России сетевой сегмент составляет 88%. Не менее популярным в последние годы становится использование микроблоговых платформ. Так, каждый десятый пользователь интернета имеет аккаунт в Twitter. Среди других быстро набирающих популярность микроблоговых платформ следует назвать китайскую SinaWeibo [9]. Экспансия сетевого общения продолжает расти, вызывая массовую сетевую зависимость и интернет-аддикцию в целом.

Девиантологи обращают внимание на развитие новых девиантных практик, опосредованных технологиями. Это не только сетевая аддикция, но и компьютерный эскапизм. Если природа сетевой зависимости в интернет-пространстве связана с дефицитом человеческого общения в современном урбанизированном мире, с его симуляцией технологическими средствами, то природа компьютерного эскапизма состоит в «бегстве от повседневной действительности». Компьютерные симуляции и Интернет предложили человеку новый способ ухода от действительности, не сопряженного ни с тяготами путешествий, ни с внутренней напряженностью религиозного опыта или медитации, ни даже с интенсивным эстетическим переживанием произведения искусства. Погружение эскейперов в виртуальный мир – это нередко бегство от неудач, скуки и «гнета повседневности», это и протест против запрограммированности и рутины повседневной жизни.

Виртуальный мир, создавая яркие и привлекательные образы и сильные ощущения, зачаровывает своих посетителей. К сожалению, некоторые эскейперы, погружаясь в виртуальное пространство, могут достичь до «точки невозврата» – такого момента, когда путь назад в обыденность, становится затруднительным или нежеланным, а человек утрачивает способность различать «первичную» и «виртуальную» реальности. Виртуальная реальность Интернета на некоторых субъектов действует как наркотик, вызывая зависимость, которая получила назва-

ние «синдром альтернативного мира». Как и любая другая аддикция, компьютерный эскапизм нередко приобретает патологические формы. В своем экстремальном выражении он может привести к изменению сознания, к заболеванию, к полному и окончательному уходу в форме суицида.

Исследования Бэйлорского университета показали, что у некоторых студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходят на набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных телефонов. Некоторые из них утверждают, что начинают переживать и волноваться, если не находят свой телефон в поле зрения. Некоторые приложения, например, Instagram и Pinterest, могут показать, насколько студент зависим от смартфона. «При увеличении возможностей и функций мобильного телефона зависимость к этому, казалось бы, незаменимому устройству становится все более реальной проблемой», – уверяет исследователь Джеймс Робертс [10]. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности.

В киберпространстве Интернета, а затем и во всех остальных сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации и социального контроля), следуя логике виртуализации, происходит замещение социальных практик образами-симуляциями [11; 12; 13, с. 9-20]. Действительно, на современном рынке перед потребителем конкурируют бренды, а не реальные свойства товара; в политике потребитель политических услуг выбирает образ политика, а не его реальные качества и практики; в киберпространстве сети Интернет хакеры воруют не реальные банкноты, а их виртуальные аналоги. Девиантность и преступность перешагнули из социальной реальности в реальность виртуальную.

Как известно, радикальные изменения в технологиях, духовной и материальной культуре, образе жизни людей второй половины XX столетия в промышленно развитых странах позволили Дж. Гэлбрейту выделить в «новом индустриальном обществе» рост потребления как его базовую черту. Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» (1970) постулировал новую роль потребления, которое охватывает все сферы жизни современного человека. Ж. Шор описала новый феномен

сверхпотребления на этапе постмодерна в книге «Сверхрасходующие американцы» (1998). Массовое потребление товаров и услуг в постиндустриальном мире породило повседневную философию консьюмеризма как систему доминирующих идей и ценностей потребительского поведения. Однако эти перемены сформировали не только новые ценности и нормы потребления, но релятивизировали и транспонировали некоторые ценности индустриальной эпохи. В «обществе потребления» стало приветствоваться то, что осуждалось в пору индустриального капитализма.

В результате появилась еще одна новая форма не гативной девиантности, связанная с гиперпотреблением, – шопинг-аддикция. Шопинг-маны в определенные дни недели берут приступом гипермаркеты, ради товаров, продающихся по скидкам. С развитием информационных технологий гипертрофированное киберпотребление распространилось не только на информационно-телекоммуникационные услуги, но и сетевые товары. Многие люди проводят все свое свободное время в Интернет-магазинах ради поиска дешевых, как правило, модных (брендовых или гламурных), но не совсем нужных товаров. Кибершопинг-аддикция стала технологически возможной благодаря тому, что практически любой индивид имеет компьютер (и не один), смартфон и постоянный доступ в Интернет. По оценке экономиста Д. Койл, доля высокотехнологичных сетевых товаров в общем объеме экономики постоянно растет, особенно в таких отраслях, как массовые коммуникации, сфера развлечения и финансов [14, с. 156]. У. Бек (1986), описывая характеристики современного мира, вводит понятие «общество риска». У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, С. Лаш, Б. Тернер обращают внимание на то, что рост благосостояния сопровождается напряжением и рисками на рынке труда (сокращаются рабочие места, необходимо постоянно менять профессии), в сфере экологии (загрязняется окружающая среда). Модернизация рассматривается не только как источник различных благ (богатства, плюрализма, либерализма и др.), но и как источник экологических, экономических, политических и иных рисков. В сфере девиантности размываются нормы, дифференцируются отклонения, растет преступность и армия девиантов. Причем в «обществе потребления» страховаться от количественного и качественного возрастания рисков становится все сложнее. М. Фуко, анализируя роли дисциплинарных институтов (бюрократии, формального социального контроля) в постиндустриальном обществе, определяет его современное состояние как «дисциплинарное», где власть имущие поддерживают порядок с

помощью институтов формального социального контроля и принуждения, «административного ресурса», в том числе над потоками информации.

Все эти перемены основательно отчуждают индивида от общества и государства, способствуя дальнейшей девиантзации и криминализации социума. Теоретики девиантности и социального контроля (Т. Матисен, Н. Кристи, Я. Гилинский и др.) поставили роковой диагноз дисциплинарному обществу массового потребления, обозначив его метафорой кризис «наказания» или полицейского контроля [15, с. 522-523].

Современная Россия, как и другие страны, вошла в эру массовой информатизации. Российское общество, несмотря на кризисы, переживает потребительский бум, что еще 15-20 лет назад было трудно представить. По мысли Д.В. Иванова, вследствие развития феномена виртуализации в информационном обществе и сверхпотребления определенной его части на этапе постмодерна стал формироваться современный глэм-капитализм [16]. Глэм-капиталисты не живут по заповедям индустриального общества. Они в каждом новом проекте капитализируют броские образы гламура, превращая их в новый технологичный источник баснословных доходов. Сверхновые буржуа, или «бобосы», как только источник дохода теряет максимальную отдачу, тотчас переходят к другому перспективному глэм-проекту. Эти новые капиталисты как правообладатели изобретений, бизнес-идей, текстов, музыки, контролируя самые притягательные бренды, быстро сколачивают состояния. Их бизнес – создание продукта, привлекательного для лидеров консьюмеризма – шопингманов. Они ориентируются на «потогонное» потребление, а не на трудовую этику традиционных буржуа, описанную М. Вебером. Отсюда, глэм-капиталисты – лучше других занимаются «созидательным разрушением», ниспровергая социальные нормы индустриального общества. В современном постиндустриальном, потребительском, дисциплинарном, информационном обществе, переходящем, следуя логике сверхпотребления, информационно-технологического детерминизма и виртуализации, в глэм-капитализм, негативная девиантность в форме сетевой аддикции, компьютерного эскапизма, шопинг-аддикции и, особенно, киберпреступности стала не только трудно отличимой от нормативности, но и малоизученной и трудно контролируемой формой социального бытия.

Эпоха high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма постоянно синтезирует и воспроизводит новые технологически и культурно обуслов-

ленные практики социальных отклонений и деликтов. Неслучайно ряд зарубежных и отечественных девиантологов (С. Спитсер, Д. Доунс, П. Рок, Ф. Шмаллегер, Г. Барак, Я. Гилинский, Я. Костюковский, Ю. Комлев и др.), исследуя эти метаморфозы, обращают внимание на масштабы и проблематику различных проявлений девиантности и преступности. Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 года (гл. 28). В 1997 году было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз [17, с. 376].

Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в «компьютерной сфере», но и деликты, совершаемые в киберпространстве благодаря повсеместному использованию интернета, умных мобильных устройств и новых технологий в повседневной жизни людей. Киберпреступность принимает много разных форм. Она включает: хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, киберсталкерство и кибербуллинг и другие.

Современные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых проблем:

- использование инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);
- влияние распространения социальных сетей на киберпреступность;
- использование сетевого фактора в кибертерроризме;
- изучение поведения жертв и преступников в киберпространстве;
- разработка политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;
- защита инфраструктуры от киберпреступности [18].

Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность [19]. Не случайно в по-

следние годы при существенном сокращении уличной, насильственной преступности, как в мире, так и России, криминальная активность никуда не исчезла, а постепенно сместилась в виртуальную сферу интернет-пространства, где «чувствует себя хорошо», поскольку там практически не работает принцип неотвратимости наказания.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране – одной из самых развитых экономик мира – составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [7].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов. Для защиты глобального киберпространства в Давосе было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности [20].

Таким образом, понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений, который выступает сегодня как новая глобальная криминальная угроза.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих современную кибердевиантность и киберпреступность:

1. Девиации и преступления широко распространились в информационной сфере. Незаконный доступ к информации – легкий путь к обогащению и недобросовестной конкуренции при использовании патентов на новые продукты, на химический состав инновационных и эффективных лекарств, на корпоративные маркетинговые стратегии и бренды, на финансовые ресурсы корпораций. Преступность в информационной сфере приобретает все более изощренные и слабо контролируемые формы. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется

интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний.

2. Похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний-разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к девиантности и нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта.

3. Похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека.

4. Уничтожение или изменение приватных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесом с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение.

5. Технологические инновации и развитие сети Интернет послужили толчком для бурного развития компьютерной преступности и незаконной деятельности хакеров. По оценкам аудиторской фирмы Ernst & Young, стоимость компьютерных преступлений в такой высокотехнологичной стране, как США, еще в 1996 году составляла от 3 млрд до 5 млрд долларов в год. Впрочем, реальные финансовые потери бизнеса от преступников в мире компьютеров существенно далеки от экспертных данных [21]. Хакеры сегодня могут атаковать не только информа-

ционные системы банков или военных ведомств, но и активировать управляемую компьютером «радионяню», чтобы шпионить за семьями. Киберворы анализируют посты социальных медиа, чтобы подготовить домашние вторжения. Киберсталкеры эксплуатируют GPS по смартфонам, чтобы отследить каждое движение их жертв. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно взломать.

6. Киберсталкеры. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о девиантах-сталкерах и киберсталкерах (stalkers – упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов [22]. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных, технологических средств, прежде всего, сети интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное мстостью, ревностью, завистью, с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, SMS-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жертве, или обозначить свое присутствие, или следовать за ней, или держать ее дом под видеонаблюдением, с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ товаров от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданны, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2% женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

7. Новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унижительное, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг – один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность. Дети – получатели месседжей, не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида.

8. Преступниками стали вредоносные вирусные программы, созданные для автоматизации киберпреступлений. Они могут действовать как программы-вымогатели, которые зашифровывают персональные данные и заставляют пользователей сети платить. Они могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина на колесах во многом работает под управлением бортового компьютера. Современный автомобиль, сошедший с конвейера в последние несколько лет, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посредством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью. Бот-сети из тысяч зараженных компьютеров могут быть использованы хакерами против банков, компаний и правительств. Времена, когда преступления в Интернете совершались опытными одиночками, первыми программистами-хакерами, уже прошли. Сегодня любой нездоровый пресле-

дователь или киберсталкер, недовольный работник или начинающий террорист может купить вредоносную программу, чтобы взломать компьютер, смартфон или счет в банке. Эта угроза распространяется в мире постмодерна с геометрической прогрессией. Это значит, что, даже находясь в тюрьме, «оснащенный» преступник может совершать безнаказанно киберпреступления.

9. Несанкционированное копирование и тиражирование программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в 1996 году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно [21].

10. Телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется уже несколько десятков лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов хранится множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов.

11. Кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга.

Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

Второй способ – использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа web-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широко доступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы иницируется соответствующий диалоговый интерфейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображения. Он формируется Java-Script'ом и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной строке преступником имитируется наличие защищенного соединения (<https://>), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Со»), а в фальшивой адресной строке при желании можно впечатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет.

Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадают примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фризеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

12. Девиантная киберпанк-субкультура криминальных хакеров и фризеров. Компьютерные преступления и хулиганства совершаются в виртуальной реальности киберпространства, которое конструируют информационные high-tech-технологии и психология человека, взаимодействуя в электронной сети. Киберпространство – это место, где

компьютеры и человеческие существа сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, удовлетворяя потребность в симуляциях реального мира, которые активно стимулируют своими сверхпотребительскими проектами глэм-капиталисты. Виртуальная среда дает возможность бесконечных анонимных межличностных контактов, ролевых игр, общения, наслаждений и сделок. Рост числа эскейперов, киберпреступников и других пользователей сети Интернет, разделяющих ценности девиантной киберпанксубкультуры, формирует в условиях релятивизации базовых норм индустриального капитализма тенденцию увеличения количества компьютерных девиаций и преступлений. Среди них: воровство и пиратское тиражирование компьютерных программ, бесплатные междугородные телефонные переговоры, несанкционированный доступ к компьютерам, мошенничество с кредитными картами (денежные авансы и несанкционированные закупки товаров), создание и тиражирование компьютерных вирусов.

13. В киберпространстве получают все более широкое распространение крупные электронные платежи виртуальными деньгами, существующими в виде битов на компьютерах сервис-провайдеров банков. Взлом защиты компьютера снабжает хакеров информацией, которая помогает быстро и легко отправлять большие суммы денег в любую точку мира. Несмотря на многомиллиардные «электронные» сделки, происходящие каждый день в мире бизнеса, не существует точных данных в отношении убытков, понесенных в таких операциях компаниями и частными лицами. Они отсутствуют из-за того, что высокотехнологичный уровень преступников настолько эффективен, что не позволяет установить даже момент утечки крупных денежных сумм.

14. Девиантологи считают совокупность компьютерных преступлений хакеров, фрикеров, сталкеров новой формой преступности «белых воротничков». Действительно, их объединяет то, что:

- киберпреступления совершаются без использования насилия с помощью высокотехнологичного оборудования;
- последствия этих преступлений в глазах общественного мнения выглядят как менее опасные, чем деликты с применением физического насилия;
- преступники имеют доступ к компьютерам, информационным технологиям и технические навыки;
- их действия обычно связаны с манипуляцией информацией, которая прямо или косвенно создает прибыль или убытки;

- киберпреступления могут быть совершены одним человеком или несколькими людьми в сговоре, в том числе организацией;
- киберпреступления крайне латентны, их трудно обнаружить;
- для предотвращения таких высокотехнологичных преступлений требуется сочетание правовых, технических, социально-психологических знаний, а также знаний из области безопасности, аудита, менеджмента.

15. Типология high-tech-девиантов. Одна из самых простых классификаций может быть построена на основе психологических характеристик хакеров и фрикеров, стремящихся к девиантному самовыражению или к получению компенсации за чувство личной неполноценности. Среди них можно выделить:

- пионеров – лиц, которые используют новейшие компьютеры, технологии сотовой связи и интернета;
- хулиганов, обуреваемых чувством обиды;
- гедонистов – тех, кто получает удовлетворение от вскрытия защиты новых компьютерных систем. Чем дальше такая система удалена географически от хакера, тем больше уровень удовольствия от взлома;
- вандалов – злоумышленников, которые намеренно стремятся причинить вред без видимой выгоды для себя;
- наркоманов или компьютерных «ботаников», у которых сформировалась аддикция, поэтому жить без взломов компьютерных программ они не могут.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в эпоху постмодерна, в мире high-tech-технологий, консьюмеризма и глэм-капитализма носители девиантного и криминального поведения изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные девианты и преступники широко применяют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, интернет. Сами кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии. Представляется необходимым продолжить девиантологическую дискуссию в заявленном предметном поле и развить исследовательские подходы к изучению новых проявлений киберстокерства и, прежде всего, кибербуллинга, чреватого серьезными последствиями для здоровья и жизни детей.

Литература

1. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.
3. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.
4. Комлев Ю.Ю. Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник ВЭГУ. 2013. №1.
5. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.
6. Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб., 1998.
7. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография/ под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.
8. Что такое WEB 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bistro-site.ru/articles/web2>
9. Социальные сети в 2011 году: исследование comScore [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/>
10. Студенты страдают зависимостью от смартфонов [Электронный ресурс]. URL: [http://www.4pda.ru/Архив за 2014 год/8/31/173735](http://www.4pda.ru/Архив%20за%202014%20год/8/31/173735)
11. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
12. Иванов Д.В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002.
13. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.9-20
14. Койл Д. Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
15. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013.
16. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
17. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.

18. Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime>

19. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

20. ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>

21. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

22. Meloy J.R. The psychology of stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives, Meloy J.R., ed. San Diego: Academic Press, 1998.

Миллениалы, или куда уходит девиантность?¹

В представленной статье автор исследует вопросы влияния технологий на поведение подростков; девиаций, вызванных технологическим прогрессом; показывает, как развивается преступность в рамках кибернетизации общества; делает акцент на том, что деятельность органов внутренних дел не должна отставать от правонарушений, совершающихся при помощи компьютерных технологий.

Ключевые слова: миллениалы, high-tech, киберпреступление, девиантность, киберворовство, киберхулиганство, киберсталкерство, кибермошенничество, кибербезопасности

Millenials, Or Where Deviance Goes?

In the present article, the author explores the impact of technology on behavior of adolescents; deviations caused by technological progress; shows how crime develops within cybernization of society; emphasizes that the activities of the internal affairs bodies should not lag behind the offenses committed with the help of computer technology.

Keywords: millennials, high-tech, cybercrime, deviance, cyber stealing, cyber bullying, cyberstalking, cyber fraud, cyber security

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету – 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет – не более. Никогда еще процессы инновационных технологических изменений не развивались такими высокими темпами, как в начале третьего тысячелетия – периода в обществе постмодерна, который характеризуют как high-tech-эпоха. Технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации, которая в значительной мере проходит в латентной форме.

¹ Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 6. С. 59-66.

Впрочем, на поверхности явления, согласно официальной статистике, все выглядит вполне пристойно.

В российском социуме не первый год, начиная с 2006, происходит существенное снижение регистрируемой преступности.

Многие криминологи полагают, что преступность отреагировала на позитивные изменения уголовного законодательства в контексте декриминализации и депенализации отдельных социально неопасных составов преступлений.

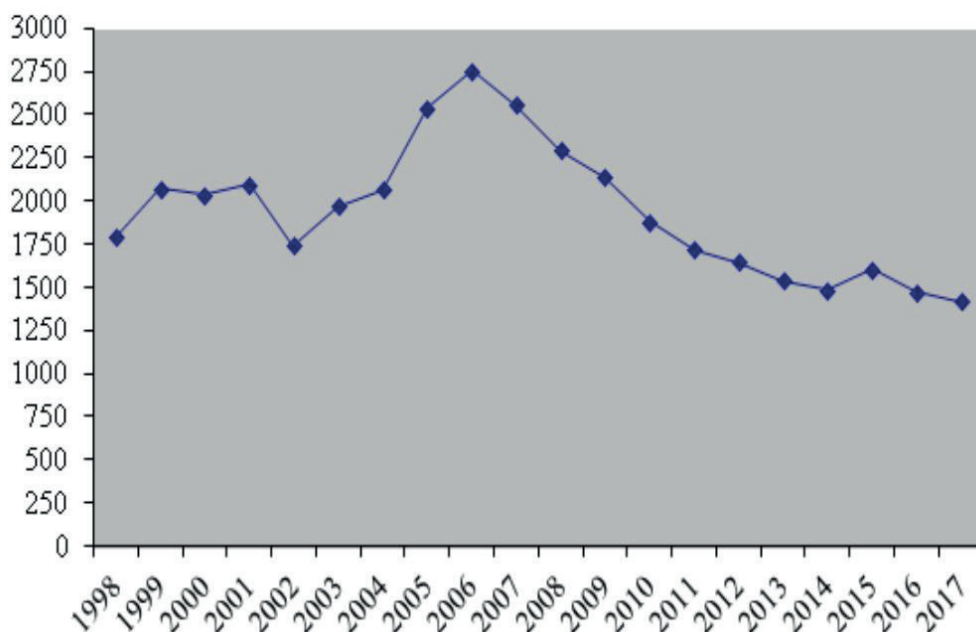

Рисунок 1. Динамика коэффициентов преступности в России в 1998 – 2017 гг.

Действительно, в Уголовный кодекс РФ было внесено большое количество новелл, которые усилили общепрофилактическое действие уголовного закона, повлияли на изменения качественных и количественных характеристик преступности.

В ряду позитивных общероссийских трендов очевидны: снижение доли насильственных преступлений и, прежде всего, убийств и снижение показателей преступности несовершеннолетних и молодежи.

С формальной точки зрения этот отрадный факт можно объяснить рестриктивным потенциалом Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Ограничительные меры по недопущению нахождения (пребывания) несовершеннолетних лиц в общественных местах без сопровождения родителей (в возрасте от 7 до 14

лет с 21 часа до 6 часов; от 14 до 18 лет с 22 часов до 6 часов) и другие профилактические практики, институализированные в законе, несомненно, дают социальный эффект. Позитивными являются и рестриктивные меры, связанные с возрастными и временными ограничениями продаж алкогольных напитков. Работает на конечный результат и административный запрет на реализацию алкоголя возле детских, образовательных, медицинских организаций, физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, в местах проведения культурно-массовых мероприятий.

Немаловажную роль играет и реформа органов внутренних дел, начиная с 2012 года. Согласно опросам общественного мнения, стал расти рейтинг доверия к органам полиции на местах. А это во многом заслуга таких служб, как участковые инспектора полиции, сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних и другие службы, работающие в тесном контакте с населением. Так, по оптимистичным данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень доверия к сотрудникам полиции своего региона вырос с 2013 по 2016 годы и составил 47%¹.

Однако с преступностью и девиантностью подростков и молодежи не все так просто. Не будем забывать, что современные молодые люди из возрастной группы 14 – 18 лет – это миллениалы – дети, рожденные на рубеже третьего тысячелетия и вступившие в пору взросления в нулевые и последующие за ними годы. Их численность меньше, поскольку они – продукт демографического провала. Но не это главное в характеристике поколения миллениалов.

С моей точки зрения, главной отличительной особенностью современной молодежи и в городах, и на периферии является ее повальная вовлеченность в мир новых технологических возможностей, которые открыли третья и четвертая технологические революции. Миллениалов за рубежом называют поколением Е-ман, то есть людьми электронной эры. Да, действительно, в виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть жизни современных людей, но, прежде всего, это справедливо в отношении миллениалов, которые в значительно большей мере, по сравнению с другими возрастными группами, удовлетворяют свои потребности в общении, в шопинге, в работе и удовольствиях, и даже в девиантности с помощью смарт-девайсов и сетевого взаимодействия.

¹ Работа полиции: доверие и оценки. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.06.2018).

Рискну предположить, что наряду с конформизмом в виртуальном мире быстро распространяются различные формы девиантной активности, в том числе и преступности, риски наказания за которую минимальны в силу консерватизма дистрибутивного, по сути, уголовного права и практик его применения. В киберпространстве практически не работает принцип неотвратимости наказания. Криминальная активность не может никуда исчезнуть согласно Э. Дюркгейму, поскольку она функциональна. Она просто меняет форму под воздействием технологических сдвигов, трансформируется, уходя в киберпространство.

Этот взгляд на проблему трансформации или «ухода из поля зрения» девиантности и преступности в высокотехнологичную эру, где с каждым годом по экспоненте нарастает скорость социальных и технологических изменений, отчасти подкрепляют и эмпирические исследования моих собратьев по научному цеху, работающих в предметном поле экономической социологии. Так, недавние публикации (например, «Миллениалы на фоне предшествующих поколений») и выступления профессора В.В. Радаева показали, что миллениалы существенно отличаются от других поколений молодежи по ценностным ориентациям (существенно менее религиозны, несмотря на некоторый ренессанс клерикализма в постсоветском социуме, и более других возрастных групп удовлетворены жизнью) [1]. Многие представители поколения миллениалов предпочитают традиционным молодежным тусовкам общение в чатах и блогосфере. Кроме того, они отличаются специфическим потребительским поведением. Объяснение выявленным эмпирическим фактам В.В. Радаев дает исходя из того, что мы живем в эпоху социального перелома, вызванного не столько политическими или экономическими преобразованиями, а скорее сменой поколений.

В частности, эконом-социологи обращают внимание на резкое снижение алкоголизации в этой возрастной группе – на 25%. Потребление спиртных напитков среди миллениалов – минимальное по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (мобилизационного или послевоенного, поколения оттепели 60-х, поколения эпохи брежневского застоя и пореформенного поколения 90-х годов прошлого века).

Со своей стороны я бы добавил, что поколение миллениалов вместо алкогольных привычек отличается другой формой зависимого поведения – смартфон-аддикцией. Так, исследования Бэйлорского университета показали, что у многих современных студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходит на

набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных устройств. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности [2]. Появление и массовое распространение смартфон-аддикций позволило Всемирной организации здравоохранения в 2018 году выделить эту группу в самостоятельный вид социальных заболеваний.

High-tech-эпоха порождает новых девиантов и новые формы девиантности. Среди тех, кто «продвинут» в освоении технических новшеств, немало инноваторов, совершающих безнаказанно высокотехнологические и весьма доходные преступления. Так, незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного уголовника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4% [3]. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, Федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране с одной из самых развитых экономик мира составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [4]. В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения: годовой внутренний валовой продукт Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов. Собранный и обработанный автором с помощью метода контент-анализа в иностранных и отечественных источниках материал на основе типологизации позволяет выделить и структурировать известные и новые виды кибердевиантности, в авангарде освоения которых идет поколение миллениалов.

Основные результаты анализа состоят в следующих обобщениях.

1. Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в компьютерной сфере, но и де-

ликти, совершаемые в киберпространстве, благодаря повсеместному использованию Интернета, умных мобильных устройств и новых технологий в повседневной жизни людей.

2. Киберпреступность принимает много форм. Она включает хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, киберсталкерство, кибербуллинг и другие. Типологизация киберпреступлений.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих многообразные проявления современной киберпреступности:

а) криминальная активность в интернет-торговле. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний;

б) киберворовство как похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в уже в 1996 году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования программных продуктов. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно [5];

в) киберворовство как похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разра-

ботанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно было бы взломать;

г) киберхулиганство. Уничтожение или изменение частных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесом с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение;

д) киберсталкерство. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гишинского, практически нет упоминаний о новых девиантах-киберсталкерах (stalkers – упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов [6]. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных технологических средств, прежде всего, сети Интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное местью, ревностью, завистью с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, СМС-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жертве, или обозначить свое присутствие, или следовать за

ней, или держать ее дом под видеонаблюдением с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ товаров от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданны, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2% женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

Новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унижительное, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг – один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность. Дети – получатели месседжей не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида;

е) киберпреступления на транспорте. Специальные программы хакеров могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина во многом работает под управлением бортового компьютера. Автомобиль второго десятилетия XXI века, сошедший с конвейера, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посред-

ством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью;

ж) телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется не один десяток лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов храниться множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов;

з) кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга. Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

Второй способ – использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа web-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широкодоступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы иницируется соответствующий диалоговый интер-

фейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображения. Он формируется при помощи Java-Script и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной строке преступником имитируется наличие защищенного соединения (<https://>), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Go»), а в фальшивой адресной строке при желании можно впечатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет. Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадают примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фризеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

3. Современные зарубежные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых криминальных проблем:

- использования инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);
- влияния распространения социальных сетей на киберпреступность;
- использования сетевого фактора в кибертерроризме;
- изучении поведения жертв и преступников в киберпространстве;
- разработке политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;
- защите инфраструктуры от киберпреступности¹.

4. Для защиты глобального киберпространства в Давосе в 2018 году было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы

¹ Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space. URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime> (дата обращения: 20.06.2018).

для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности¹.

Таким образом, в эпоху постмодерна в мире high-tech технологий носители криминального поведения, в том числе из числа миллениалов, изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Сами кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии, а обеспечение кибербезопасности имеет сегодня характер глобальной проблемы. Отсюда напрашивается поиск и новых форм реакции полицейских сил на высокотехнологичные вызовы, связанные с правонарушениями в киберпространстве, найти которые может позволить модернизация полицейского образования. Пришло время открытия новых полицейских специальностей, в ряду которых термин «киберполицейский» звучит вполне актуально и современно.

Литература

1. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. URL: <http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millennialy-na-fone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>
2. Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник КЮИ МВД России. 2018. № 1.
3. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.
4. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
5. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.
6. Meloy J.R. The Psychology of Stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives. San Diego: Academic Press, 1998.

¹ ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php> (дата обращения: 20.06.2018).

Big data в развитии интегративной криминологии и полицейской деятельности¹

Криминология XXI века стала социологической полипарадигмальной, в значительной мере интегративной наукой, задача которой – всестороннее изучение криминальных проблем с привлечением разнообразных позитивистских и непозитивистских методов исследования и разноаспектных знаний о социальных феноменах в условиях общества постмодерна.

Развитие зарубежной и отечественной криминологической теории характеризуется новыми вехами, которые во многом обусловлены рефлексией мыслителей на технологические и социальные перемены в новом мире. Так, в числе оригинальных теоретических перспектив науки о преступности можно назвать постмодернистскую криминологию и такие ее направления, как конститутивная, феминистская, критическая, топологическая, культуральная, анархическая, интегративная. В последнее время повышенный интерес зарубежные исследователи, по сведениям *The British Journal of Criminology*, проявляют к прогностическому потенциалу цифровой или вычислительной криминологии, сочетающей полипарадигмальность интегративной науки о преступности и вычислительные методы, алгоритмы информатики и IT инженерии.

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету – 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет – не более. Еще быстрее смартфоны потеснили мобильные телефоны.

В «информационном обществе», по терминологии И. Масуды, компьютерные способы обработки данных и их сетевого распространения приобрели качество ключевого ресурса эпохи, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото. За экспансией смартфонов последовали новые технологические разработки квантовых компьютеров, ДНК-компьютеров, нейронных сетей, искусственного интеллекта и чудес робототехники. Очередным мировым трендом

¹ Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань. 2019. С. 108-117.

специалисты называют быстрое распространение технологии распределенного реестра или блокчейна (blockchain) для хранения и обработки данных.

Глава компании Alphabet Эрик Шмидт показал, что от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 экзабайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество продуцирует такой объем данных всего за 2 дня¹. В 2008 году редактор журнала Nature Клиффорд Линч ввел в научный оборот термин «big data» – «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации.

Взрывной рост цифровых данных, развитие информационных технологий, систем искусственного интеллекта производят революционные изменения в обществе, культуре и социальной практике. При этом технологические сдвиги меняют и криминальный мир. В 2015 году в книге «Будущее преступности» попытку представить картину преступности будущего как результат развития технологий и информационного бума, предпринял бывший полицейский аналитик Марк Гудман, который, будучи практическим полицейским, работающим в сфере новых технологий, обратил внимание на колоссальные изменения криминальной активности, вызванные новыми технологическими решениями в области информатики, робототехники, синтетической биологии, нанотехнологий, искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов. Четвертая технологическая революция, на основе которой будет построено будущее, по мнению полицейского футуролога, создаст предпосылки для роста новой преступности, что сделает человека более уязвимым перед криминалом, чем когда-либо².

Отечественный криминолог В.С. Овчинский, также опираясь на реализм, транслирует футурологический взгляд зарубежных специалистов на будущее развитие преступности в России. Овчинский подчеркивает, что преступность, как кривое зеркало, отражает технологические, социально-экономические и политические изменения и процессы³.

В мире постмодерна в силу влияния технологических инноваций ускоряются социальные процессы, происходит быстрая релятивизация

¹ Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017. С. 20.

² Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

³ См.: Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017; Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Москва: Норма : ИНФРА-М, 2018.

знаний о преступности, нарастает кризис детерминизма, «кризис наказания» или полицейского контроля. Отсюда, не скрою, формируется естественный научный интерес девиантологов к достижениям как постмодернистской интегративной криминологии, так вычислительной криминологии, о развитии и применении которой в российском научном дискурсе еще нет печатных работ.

К использованию постмодернистских положений и методов вычислительной криминологии в практической полицейской деятельности имеет смысл присмотреться, поскольку технологические и социальные перемены трансформируют не только картину преступности, но традиционную связь причины и следствия.

Отсюда вместо традиционной для позитивистской или модернистской криминологии модели линейной или множественной причинности постмодернистская теория преступлений обосновывает диалектическую причинность, которая является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Такая модель характеризуется существенно большей сложностью, поскольку охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно и учитывает ситуации, когда причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия и меняются местами¹.

Кризис детерминизма в эпоху постмодерна predetermined и «кризис наказания» или кризис полицейского социального контроля. Действительно, дистрибутивное уголовное и административное право, практика создания и применения соответствующих кодексов инертны и не успевают за темпами технологических и социальных перемен постмодерна.

В мировой науке о преступности идут интенсивные поиски ответов на вызовы времени. Изучение новых зарубежных источников, фиксирующих влияние big data и информационных технологий на развитие криминологии и полицейской практики во втором десятилетии XXI века, позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, новым социальным фактом является *сетевизация общества постмодерна*. Развитие социальных сетей достигло такого уровня, что с помощью этого высокотехнологического ресурса можно охватить практически все социальные слои современного общества, его профессиональные, территориальные и поло-возрастные группы. Влияние этих массовых социальных медиа колоссально. Расширяющееся по экспоненциальному закону социальное онлайн-пространство пред-

¹ Комлев Ю.Ю. Теории преступности. Казань: КЮИ МВД России, 2017. С. 85-86.

ставляет собой, по оценке Mossbergper, новую «социально-техническую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство»¹. Отсюда следует, что криминологические исследования в обществе постмодерна не должны игнорировать его *сетевизацию*, поскольку сетевое измерение общественной жизни кардинально изменило мир, в том числе криминальный. Сетевая среда киберпространства привела к изменению социальных коммуникаций, стала одним из самых крупных накопителей «big data».

Во-вторых, *развивается цифровая экономика*, Интернет вещей, растет число систем искусственного интеллекта, онлайн-платформ, включая умные девайсы, умные автомобили, системы слежения и видеофиксации и др. (Chan & Bennett, 2016; McCormick, Ferrell, Karr, & Ryan, 2014). Переход «на цифру» происходит не только в телевидении. Этот тренд набирает силу во многих областях банковской, страховой деятельности, медицины. В постиндустриальном мире происходит развитие и внедрение технологии распределенного реестра или блокчейна для хранения и обработки данных.

С помощью онлайн-платформ на основе Uber или Uber for X развивается *sharing economy* (модель, опирающаяся на общее использование товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения). «Юберификация» оказалась весьма эффективной в приложениях Uber-такси, в логистике при доставке больших и мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро. Развитие систем искусственного интеллекта активно проникает в транспортные перевозки. Например, Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 году. Не только мировые автогиганты, но и отечественные Яндекс, КаМАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники.

Не трудно представить, что перемены в экономике и сфере услуг благодаря роботизации и искусственному интеллекту уже в ближайшее время, выведут из состава рабочей силы значительные группы трудоспособного населения, лишив их традиционной занятости. Трансфор-

¹ See: Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data//The British Journal of Criminology, Volume 56, Issue 2, March 2016, Pages 211238, <https://doi.org/10.1093/bjc/azv059>

мация же рынка труда неизбежно приведет к качественным изменениям уровня и структуры преступности.

В-третьих, на разворот в сторону цифровой экономики, внедрение систем искусственного интеллекта быстрее всего отреагировала криминальная среда. Нечуждые инновациям преступники стремительно перестраиваются, осваивая мир социальных сетей и киберпространство Интернета в целом. Об этом свидетельствует не только статистика, но и постоянная модификация мошеннических схем, криминальных взломов, фишинга, поскольку незаконный доступ к информации – сегодня самый легкий и безопасный путь к обогащению. Так, криминальный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника.

Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений всего 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность¹. Собственно, из-за инерции законотворчества и правоприменительной практики в киберпространстве блокировано действие ключевого положения классической криминологии и уголовного права, а именно принципа неотвратимости наказания.

Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 года (гл.28). В 1997 году было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 – 10 214, то есть их количество выросло в 310 раз².

Стремительно нарастает ущерб от киберпреступлений. В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов. Понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений.

В-четвертых, ряд зарубежных исследователей, по данным англоязычных источников, уже сегодня обрабатывают big data с помощью вычислительных методов и алгоритмов и извлекают значимую информацию

¹ Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

² Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 376.

о быстро развивающихся процессах девиантзации и криминализации, происходящих мире в беспрецедентных, нередко глобальных масштабах. Учеными широко используются данные социальных сетей, будь то изображения, сообщения, геолокация или реляционные сети. Извлекаются разноплановые сведения о деликтах, кодируются и агрегируются с историческими данными о преступлениях и другими аналитическими материалами, чтобы предсказать, когда и где в будущем может произойти преступление. Предпринимаются попытки идентифицировать людей, которые, вероятнее всего, будут вовлечены в преступные инциденты (Farinosi, 2011; Mayer-Schönberger & Cukier, 2013).

В-пятых, несмотря на растущий интерес к криминологическим исследованиям на основе использования big data, все еще очень мало научных работ, посвященных потенциальному применению аналитики больших данных для полицейской службы в России и других технологически достаточно развитых странах. При этом совершенно очевидна диссертабельность, научная и практическая ценность таких проектов и исследований. Вычислительная криминология, увы, остается еще малоизвестной маргинальной научной областью, расположенной на периферии криминологии из-за неразвитости междисциплинарного дискурса на стыке социальных и точных наук, IT-дисциплин.

В-шестых, распространение методологии обработки big data происходит в самых различных областях, включая медицину, коммуникацию, банковскую сферу, транспортные системы. В полицейской деятельности ее интегрированное применение все еще ограничено, несмотря на то что полиция ежедневно собирает огромное количество цифровых данных. Внедрение технологии использования больших данных в российской и зарубежной полиции более всего ощутимо в работе по контролю за безопасностью дорожного движения, благодаря современным системам видеофиксации транспортных потоков и административных правонарушений. Однако этого совершенно недостаточно. Есть острая необходимость в сборе и обработке миграционных данных, оценки содержания электронных ресурсов с запрещенным контентом, электронной почты, социальных сетей. Нужен мониторинг и анализ неструктурированных данных, таких как изображения и видео, экстремистского контента социальных сетей, сопряженного с террористической активностью и триггерными преступлениями.

В-седьмых, по данным контент-анализа англоязычной литературы, среди способов применения технологии больших данных в полицейской деятельности можно выделить ряд приоритетов:

- прогнозное картирование преступлений для выявления территорий, где преступность наиболее вероятна, что позволяет повысить социальную эффективность полиции, направляя на локальные участки для контроля и профилактики более мобильные и плотные, но всегда ограниченные полицейские наряды и иные ресурсы;

- прогнозирующая аналитика по большим данным может быть использована для выявления рисков, связанных с конкретными людьми. Это включает в себя выявление лиц, которые подвергаются повышенному риску совершения правонарушений, а также лиц, которым грозит пропасть без вести или стать жертвами преступления;

- расширенная аналитика может позволить полиции использовать весь потенциал видеоданных, собранных с помощью визуального наблюдения, в том числе, данных автоматического распознавания автомобильных номерных знаков;

- технология больших данных может применяться к сведениям, собранным в социальных сетях, для более глубокого понимания конкретных проблем преступности, что в конечном итоге послужит основой для эмпирических исследований и разработки стратегий превентивной работы полиции.

Таким образом, молодым российским исследователям давно пора создавать и развивать научные проекты в междисциплинарном поле интегративной и вычислительной криминологии с опорой на big data, вычислительные методы и алгоритмы. Кроме того, в ведомственной образовательной системе необходимо предпринимать реальные шаги по специализации в вопросах подготовки полицейских кадров с учетом сетевизации общества постмодерна, развития цифровой экономики и глобальных изменений в криминальных практиках, все активнее использующих новые технологические решения. Высокотехнологичная криминальная активность латентна, она быстро смещается в киберпространство. Отсюда назрела необходимость готовить киберполицейских. Во всяком случае, хотя бы на первых порах, ввести в учебный оборот такой междисциплинарный курс, как «вычислительная криминология».

Алкогольные тренды, социум и миллениалы¹

Алкоголь давно известен и встроен в культуру, историю определенной части человечества. С одной стороны, он – эликсир празднества, способ релаксации тела и духа, а в некоторых случаях и лечебный напиток. Не случайно в трудах Гиппократу вину, разбавленную водой, приписываются целебные свойства почти от всех болезней. В современных публикациях популярно мнение о том, что 30-50 грамм водки в день в жизни взрослого человека способствует предупреждению инфаркта и инсульта, 150-200 грамм сухого красного вина рекомендуется пить при гипотонии. Вид предпочитаемых алкогольных изделий, допустимая норма, форма потребления, реакция общества и государства на алкоголепотребление определенно зависят от типа общества и его культурных традиций. В повседневной жизни можно встретить обыденное или застольное потребление алкоголя, ритуальную выпивку на свадьбах, крестинах и поминках. Алкоголь как вид легального наркотика используется некоторыми людьми и как средство анестезии.

Проблемой же во все времена является не сам алкоголь, а его неумеренное потребление, или злоупотребление (alcohol abuse), ведущее к глубокой зависимости и в итоге – к деградации личности². Проблематичное потребление алкоголя – как вид физической и психологической аддикции от спиртного – форма негативного девиантного поведения. Злоупотребление алкоголем прямо или косвенно, но неизбежно влечет за собой утрату здоровья. Это цирроз печени, панкреатит, алкогольные психозы, потеря трудоспособности из-за травм и ДТП, суициды и ранняя смертность, особенно среди мужского населения. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), алкоголь убивает каждого пятого мужчину в России³.

Исследования научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследователь-

¹ Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. ISBN 978-5-7889-0276-0. С. 11-16.

² Шинкевич В.Е. Феномен зависимости как проблема социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1.

³ Гогитидзе К. Алкоголь убивает каждого пятого мужчину в России. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/02/110218_alcohol_russia_who.shtml.

ского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) установили, что главная причина, определяющая уровень смертности мужчин трудоспособного возраста в России и Европе, – это объем потребляемого алкоголя. При этом алкоголизм уверенно лидирует среди таких факторов, определяющих мужскую смертность, как курение, употребление наркотиков, недостаток овощей и фруктов, уровень затрат на здравоохранение¹. Увы, учтенная доля водки долгое время в России превышала 50% в структуре продаж алкогольных напитков. В последние же годы произошло определенное снижение спроса на легально продаваемый крепкий алкоголь и соответственно рыночным законам уменьшение объемов его производства. В 2012 году разливали в бутылки порядка 100 миллионов декалитров крепкого спиртного, в 2017 году объемы легальной розничной продажи водки сократились до 67,5 миллионов декалитров.

Статистические данные о потреблении алкоголя в России разных ведомств несколько разнятся. Так, ВОЗ оценивает среднедушевое потребление в 13,9 литра в год, Минздрав и Роспотребнадзор заявляют о 10 литрах. Официальные лица сообщают, что за последние 5-7 лет потребление алкоголя удалось снизить на 80%². Отметим, потребление легально проданных спиртных напитков, по данным статистики, в стране снижается уже несколько лет подряд. Позитивный тренд. Возможно, это и так. Хотелось бы верить, однако статистические наблюдения не учитывают латентное производство и потребление алкоголя в домашних условиях. Так, по результатам эмпирических исследований «Левада-центра» 2017 года в России 3-5% населения не употребляют алкоголь, изредка и умеренно потребляют алкогольные напитки 70-80% населения, 3-5% страдают алкоголизмом, 10-12% злоупотребляют алкоголем. Показатели группы тех, кто не может обойтись без алкоголя, держатся в пределах 13-17%.

Сомнения в столь радикальном снижении алкоголизации возникают еще и потому, что доля только выявленных и расследованных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, выросла более чем в два раза с 16,0% в 2008 году до 39,1% в 2017 год у. Как известно из девиантологической теории, связь между алкоголизмом, преступностью и другими проявлениями девиантности всегда существенна, а причинный комплекс нередко один и тот же. Поэтому риск-

¹ Закон последнего стакана. URL: <http://www.Rg.Ru/2018/08/15/alkogol-stal-glavnoj-prichinoj-prezhdevremennyh-smertej-sredi-muzhchin.html>.

² За Здоровье! Сколько и где употребляют алкоголя. URL: <http://www.ria.ru/20180510/1520153487.html#Pv=G%3d1520153487%2fp%3d1516854663>.

ну предположить, что либеральное отношение к самогоноварению, рост акцизов и, соответственно, цен на легально реализуемый крепкий алкоголь провоцируют население с низкими доходами на собственное производство спиртных напитков. Более того, из-за разницы цен на крепкий алкоголь вдоль границ России, например с Казахстаном и не только, растет объем нелегальной торговли водкой, произведенной в государствах – членах таможенного союза. Для выяснения реальной динамики и картины потребления алкоголя в российском обществе требуются специальные социологические исследования.

Алкогольные привычки, закрепленные в культуре, описываются, как известно, двумя моделями: южный и северный паттерн. Южный паттерн алкоголизации характерен для винодельческих стран Европы (Италия, Франция, Испания, Португалия), где потребляют практически ежедневно до 200 мг, но сухого вина. Северный паттерн – особенность доминантных финских, исландских, английских, шотландских, ирландских, польских, эстонских и российских практик алкоголепотребления, когда выпивка происходит, как правило, один раз в конце недели, но в ход идут 40-градусные напитки, и пьющие нередко в результате возлияний теряют человеческий облик.

Во всех случаях – и в рамках южного и тем более северного паттернов – неумеренное потребление алкогольных напитков (пиво, вино, водка и др.) разрушает личность, нормальную жизнь людей, семьи, предопределяет бедность, травматизм, криминальную и девиантную активность. Так, по оценкам девиантологов, наблюдается возрастание количества преступлений в конце рабочей недели как результат «северного» паттерна алкоголепотребления. В России, где поляризация населения по доходам крайне высока, сочетание безудержного пьянства и повышенной «криминальности» в большей мере характерно для беднейших слоев населения, особенно в малых городах и сельской местности.

Девиантологические исследования показывают, что за последние десятилетия определенно изменились алкогольные привычки россиян. Если прежде питье имело застольный, праздничный характер и касалось в основном взрослых мужчин, то сегодня это, увы, удел части неустроенной молодежи, незанятых мужчин и даже женщин. Многие из них сочетают в потреблении как крепкий алкоголь, так и слабые алкогольные напитки, например пиво, от случая к случаю. Нередко среди малоимущих в ход идут суррогаты, жидкости для протирки стекол и тонизирующие средства – все, что содержит этанол.

Риски алкоголизации особенно велики в таких демографических группах, как молодежь на селе и в регионах с низкой занятостью, мужчины трудоспособного возраста, не занятые работой или имеющие низкие и нестабильные заработки и полное отсутствие социальных перспектив.

Отрадно, что, по данным Федеральной службы государственной статистики, в последние годы в стране все же происходит позитивный сдвиг в сфере труда и занятости. Так, по итогам второго квартала 2018 года безработица в России составила 4,8%. Это один из самых низких показателей за всю новейшую историю страны. В кризисном 2009 году этот показатель был значительно больше – 8,3%¹. Рост занятости экономически активного населения – это один из ключевых структурных факторов деалкоголизации российского общества. Как известно, власти США смогли снизить процент безработицы с 9,5% в 2013 году до 5,0% в 2016 году. Это вызвало и ярко выраженную тенденцию снижения общего количества потребления спиртного среди занятого населения.

Не будем забывать, что алкоголизация наиболее опасна в раннем возрасте. Экономсоциологи установили, что миллениалы – молодые люди из возрастной группы 14-19 лет, то есть рожденные на рубеже третьего тысячелетия и вступившие в пору взросления в нулевые и последующие за ними годы – демонстрируют резкое снижение потребление алкоголя (на 25%). Это весьма впечатляющий показатель в небольшой из-за демографического провала демографической когорте по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (мобилизационного или послевоенного, поколения оттепели 1960-х годов, поколения эпохи брежневского застоя и пореформенного поколения 1990-х годов). Отличие миллениалов от предшествующих поколений состоит не только в существенном росте реальной трезвости, но и в изменении ценностных ориентаций. Так, они существенно менее религиозны, несмотря на некоторый ренессанс клерикализма в постсоветском социуме, и более других возрастных групп удовлетворены жизнью².

Многие представители поколения миллениалов предпочитают традиционным молодежным тусовкам общение в чатах и блогосфере. Кроме того, они отличаются специфическим потребительским поведением. Объяснение выявленным эмпирическим фактам В.В. Радаев дает и сходя из того, что мы живем в эпоху социального перелома, вызванного не

¹ Уровень безработицы в России. URL: <http://vkreditbe.ru/uroven-bezrabotitsy-v-rossii/>.

² Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. URL: <http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millennialy-na-fone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>.

столько политическими и экономическими преобразованиями, сколько сменой поколений.

С другой стороны, следует добавить, что поколение миллениалов отличается не только минимизацией алкогольных привычек. Так, исследования Бэйлорского университета показали, что у многих современных школьников и студентов быстро формируются смартфон-аддикции. Миллениалы используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходят на набор текстовых сообщений, 48,5 минут – на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут – на общение в социальных сетях, 34,4 минуты – на посещение сайтов сети Интернет, 26,9 минут – на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных устройств. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности в мире постмодерна.

Миллениалов за рубежом называют поколением Е-ман, то есть людьми электронной эры. Да, действительно, в виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть жизни современной молодежи, рожденной в пору миллениума. Они лучше приспособлены к новым технологическим реалиям и в значительно большей мере по сравнению с другими возрастными когортами удовлетворяют свои потребности в общении, учебе, шопинге, работе и удовольствиях и даже в девиантности с помощью смарт-девайсов и сетевого взаимодействия.

Рискну предположить, что наряду с конформизмом в виртуальном мире быстро распространяются различные формы девиантной активности молодежи, в том числе и преступности, риски наказания за которую минимальны в силу консерватизма дистрибутивного, по сути, уголовного права и практик его применения. В киберпространстве практически не работает принцип неотвратимости наказания. Девиантность в форме зависимости от «веселящих» спиртных напитков в поколении миллениалов может активно замещаться практиками высокотехнологичной аддикции и даже криминальной активности. Молодежная девиантность подвижна, функциональна, по Э. Дюркгейму. В среде миллениалов, вероятно, она просто меняет форму под воздействием технологических сдвигов, трансформируется, уходя в киберпространство¹.

¹ Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1.

Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности¹

В статье на основе контент-анализа англоязычных источников рассмотрено развитие постмодернистской интегративной криминологии. Предложено использовать в социологическом изучении преступности расширенную методологическую триангуляцию и вычислительные методы для обработки «big data».

Ключевые слова: *постмодернистская интегративная криминология, гибридные теории преступности, расширенная методологическая триангуляция, сетевизация общества постмодерна, вычислительная криминология, «big data».*

Век XXI – век постмодерна характеризуется стремительным ускорением социальных перемен, вызванных четвертой технологической революцией. Нарастает релятивизация ценностных ориентаций, социальных норм и поведенческих практик. В итоге девиантизация общества постмодерна идет по пути изменения свойств, проявлений и масштабов девиантности, увеличения рисков, в том числе криминальных, к теоретико-эмпирическому исследованию и осмыслению которых отечественная социологическая наука только приступает.

Действительно, «современная эпоха постмодерна выдвигает перед обществом невиданные ранее проблемы вживания и выживания, а перед общественными науками – осмысление происходящих тотальных изменений в жизни современного человечества» [1, с. 36].

Развитие зарубежной и отечественной криминологической мысли обозначается новыми вехами и трендами, которые во многом обусловлены рефлексией исследователей на технологические и социальные перемены первых десятилетий XXI в. Перед криминологией как социологической наукой – наиболее развитой частью девиантологии – стоит задача всестороннего изучения криминальных проблем с привлечением разнообразных позитивистских, непозитивистских методов иссле-

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 97-104.

дования и разноаспектных знаний о феноменах преступности в новых условиях общества постмодерна.

Интеграцию криминологических знаний и методов исследования наиболее полно отражает постмодернистский дискурс. Впрочем, первые попытки интегрировать различные положения и подходы прослеживаются уже в теории дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда (1939) и последующих ее модификациях, предложенных Д. Глейзером (1956) и Р. Айкерсом (1966). В теории фрустрации статуса А. Коэн (1955) развивает структурную теорию напряжения Р. Мертона (1938, 1949) в сочетании с явно выраженным субкультурным подходом. Общая теория напряжения Р. Агнью (1992) еще больше учитывает интегративный эффект когнитивных, поведенческих и эмоциональных составляющих адаптации индивидов к различным типам напряжения в социальной системе [2, с. 98-139]. Практически все позитивистские теории девиантности и преступности, начиная с середины XX в., в той или иной мере содержат элементы интегративности.

Позитивистский интегративный дискурс в криминологии приводит к созданию ряда модернистских (неопозитивистских) интегративных теорий преступности в конце прошлого столетия. Это работы Г. Каплана (1975), Р. Куинни (1977), Д. Эллиота (1979), М. Колвина и Дж. Паули (1983), Дж. Уилсона и Р. Хернштайна (1985), Т. Бернарда (1986), М. Крона (1986), Р. Старка (1987), Дж. Хагэна (1988), Дж. Коулмана (1989), Т. Мифа и Р. Мейера (1994), Б. Татума и др. (1995) [2, с. 196-203].

Обобщая подходы криминологов-позитивистов, можно сказать, что теоретическая интеграция рассматривается в их работах как комбинация двух или более позитивистских теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем он есть в каждой исходно взятой теории. Эвристический потенциал модернистских интегративных теорий возрастает за счет простого объединения, сочетания непротиворечивых положений или самих модернистских монотеорий преступности.

Интегративные теории преступности века XX-го в той или иной мере учитывают объективные факторы, детерминанты и условия криминального поведения. Однако, они, как правило, подразумевают лишь линейную или множественную причинность¹. При этом теоретики-по-

¹ В 1995 г. Эйнстэдтер и Генри выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (линейная, множественная, интерактивная, диалектическая). Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит

зитивисты в криминологии игнорируют такие типы социального знания, как культура, медиа-дискурсы, контекстуальность, участвующие в конструировании криминальной реальности, а также субъективно-психологические характеристики людей, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта как членов различных общностей.

В отличие от позитивистской интегративной криминологии эпохи модерна феноменологический, конструктивистский взгляд на преступность в рамках конститутивной криминологии развивают постмодернисты С. Генри и Д. Милованович (1996), рассматривая ее во всех проявлениях как релятивный, конвенциональный социальный конструкт. Преступное поведение и сама система социального контроля существуют постольку, поскольку это продукты «дискурсивных практик» среди преступников, жертв преступлений, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей), криминологов. Одни агенты дискурса разыгрывают преступные образцы, другие участники взаимодействия стремятся соответствовать стандартам социального контроля над делинквентностью, третьи пытаются исследовать или судить о преступности. В 1997 г. Д. Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и деконструкции уголовного закона. Деконструкция интерпретируется как метод (индивидуальные действия актора) критического исследования объекта и самого субъекта, характеризующийся двойной рефлексией [3, с. 31-32]. Постмодернисты явно отклоняют традиционный для криминологов-позитивистов поиск объективных причин преступности. Они считают, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются в ходе дискурса и предлагают ответить на вопрос о том, как агенты социального взаимодействия участвуют в конструировании делинквентности.

финальный криминальный акт. Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно.

Таким образом, постмодернисты С. Генри, Д. Милованович и иже с ними Дж. Кац, Дж. Фэррел, Б. ДиКристина на рубеже XXI в. Существенно проблематизируют представления о преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе «ультрасовременного капитализма».

С. Месснер и Р. Розенфельд (1994) идентифицируют концепт «культура» как центральное понятие интегративной криминологической теории. Д. Гарланд, К. Хейворд, Дж. Фэррел и другие сторонники культурального подхода в криминологии рассматривают преступность и контроль над ней как творческие конструкции (as creative constructs).

Дж. Мессершмидт в своих работах (1997, 2012) конструирует преступность с помощью историко-культурных дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных изменчивых социальных, временных контекстах и ситуациях. Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные и правовые нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах.

Широко используя дискурсивный анализ, постмодернисты исследуют роль культуры, языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения и социального контроля. Опираясь на методологию деконструктивизма, они аргументировано ставят вопрос о пересмотре, реконструкции традиционных позитивистских моделей криминального поведения и контроля над ними, поскольку они не вполне адекватны темпу технологических и социальных изменений в обществе постмодерна.

На преступное поведение в новом, быстро меняющемся мире все большее влияние оказывают факторы возраста, гендера, класса, включенности в социальные сети и виртуальный мир киберпространства и другие социальные характеристики индивидов.

Криминологическая полипарадигмальность, научная состязательность как реакция на многообразную и весьма изменчивую криминальную реальность в эпоху постмодерна, а также критический пафос постмодернистской криминологии привели к ценному опыту постмодернистского теоретического синтеза.

Криминологи Роберт Сэмпсон, Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак с середины 90-х гг. прошлого и в начале нового века пришли к созданию постмодернистской интегра-

тивной криминологии, выдвинув ряд интегративных теорий преступности [2, с. 203-206].

Заметим, что постмодернистская теоретическая интеграция отличается от модернистских интегративных теорий прежде всего тем, что она полнее учитывает более сложную связь причины и следствия. Это и множественная интерактивная и диалектическая причинность, включающая как объективные, так и субъективные факторы и риски преступного поведения. Неслучайно Джефф Фэррел заявлял, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления и гендерных различий» [4, р. 217].

Постмодернистская интегративная криминология обосновывает диалектическую причинность, которая является образцом множественной интерактивной взаимосвязи причины и следствия. Такая модель характеризуется существенно большей сложностью, поскольку охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно и учитывает ситуации, когда причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия и меняются местами [5, с. 85-86].

Контент-анализ новых зарубежных криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате полипарадигмальности, многообразия подходов к построению теоретической интеграции, идейной конкуренции в мировой криминологии XXI в. развиваются не только модернистские, постмодернистские, но и гибридные (смешанные) или пост-постмодернистские интегративные теории преступности. Весьма ценно, что гибридные формы теоретической интеграции эффективно сочетают теоретические подходы и методы, созданные как в рамках позитивизма, так и феноменологии, постмодернизма.

Ярким примером гибридного теоретического синтеза является пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Бараком в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). В этих трудах интеграция криминологических знаний предпринимается не только на межпарадигмальном, но и междисциплинарном уровнях синтеза. Гибридная модель конструируется, исходя из положений интегративного подхода Дж. Тикосинера или Zetetic-учения как науки, изучающей творческую деятельность. Она

использует положения конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, постмодернистской криминологии и теории структуризации социолога Э. Гидденса. Барак опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Из конститутивной и постмодернистской криминологии им заимствуются положения о релятивном, конвенциональном, контекстуальном и сконструированном характере девиантности и преступности, системы социального контроля. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в некотором временном и пространственном измерениях. Кроме того, преступность и социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических, культуральных, социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение смешанной модели интеграции криминологических знаний, затрагивающей макросоциальные структуры и микросоциальные процессы, на постмодернистской основе обосновывается тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что моделируемые явления (преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в стремительном мире постмодерна.

Согласно Э. Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, они хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Социолог-теоретик утверждает, что конечным субстратом социальной жизни являются непрерывно развивающиеся «социальные практики», с помощью которых и обеспечивается постоянное воспроизводство и трансформация общества, то есть поддерживается как его относительное постоянство, так и изменения. Социальная структура существует только постольку, поскольку она реализуется в социальных практиках. Она складывается из правил и ресурсов, мобилизованных посредством практик и используемых в них, которые в то же время являются результатом этих практик. Тем самым Гидденс в теории структуризации отслеживает дуализм

социальной структуры. Более того, он доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ, и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом социальной структуры и социального действия. Теория структурирования приводит к выводу, что такая двойственность ложна и что исследователи должны использовать и количественные, и качественные методы сбора и анализа данных, дополняющие друг друга (принцип дополнительности Я.И. Гилинского). Этот тезис позволяет преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования социальных явлений, в частности, преступности.

Положения теории структурирования делают гибридную интегративную теорию преступности, открытой к взаимодополняющим подходам и методам, позволяет преодолеть двойственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом в криминологической теории и исследовательских методах. В «Энциклопедии преступности и наказания» Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках постпостмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского деконструктивизма [6].

Таким образом, взаимодополнение разнородных знаний и методов при изучении преступности – ключевое положение интегративной постпостмодернистской криминологии.

Дальнейшее развитие гибридного синтеза теорий преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри. Эта концепция моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный криминологами, – попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать гибридный подход к пониманию природы преступ-

ности, но уже в контексте глобализации [7]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, развивает методологию гибридного изучения преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Как видим, в открытый к изменениям и дополнениям теоретический фрейм, построенный на основе гибридного подхода, легко включаются непротиворечивые знания из социальных наук, имеющие отношение к феноменам преступности и социального контроля над ней. На его основе могут объединяться междисциплинарные, полипарадигмальные положения из социологии, психологии, криминологии, правоведения, культурологии, лингвистики и других социальных наук.

Опора на постмодернистскую криминологию и теорию структуризации в гибридной модели существенно расширяет методологическую рамку исследования преступности и социального контроля за счет сочетания как «старых» позитивистских, так и «новых» методов исследования (статистические, количественные и качественные социологические методы, дискурсивный анализ, методология деконструктивизма и др.). Наряду с большими объяснительными возможностями гибридный подход создает теоретическую основу для использования в эмпирических исследованиях расширенной, то есть неограниченной только позитивистскими методами, методологической триангуляции, в основе которой лежит совместное использование статистических, количественных и качественных социологических методов, постмодернистских подходов при изучении преступности и системы социального контроля [8, с. 189-210; 9, с. 103-113].

Использование расширенной методологической триангуляции в криминологических исследованиях особенно важно в силу того, что подавляющее большинство отечественных социологов и юристов традиционно используют лишь позитивистские методы, а робкие попытки методологической триангуляции распространяются в лучшем случае лишь на количественные и качественные социологические методы. Расширенная триангуляция различных методов исследования при эмпирическом изучении преступности позволяет не только снизить риски фрагментарности и ограниченности обобщений и выводов, но и более адекватно моделировать диалектическую причинность как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно на микро-, и макроуровне социальной системы.

Применение расширенной методологической триангуляции в рамках гибридного подхода дает органично-целостное представление о природе и причинах различных проявлений преступности, выступающих одновременно и социальными конструктами, и реальными поведенческими практиками.

Выделим лишь основные векторы расширенной методологической триангуляции, построенной на основе фрейма гибридной интеграции криминологических знаний.

В эмпирическом изучении преступности чаще всего используется статистический метод. По оценке Ф. Шмаллегера, в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах, и примерно одна четверть краж личного имущества [10, р. 60]. Статистика преступности не учитывает ее латентную составляющую, что требует непрямого использования и других позитивистских и непозитивистских методов исследования.

В изучении преступности эффективно используются количественные социологические методы (метод опроса, прямое наблюдение, формализованный контент-анализ). Анкетные опросы и формализованные интервью, обращенные к жертвам преступлений, дополняют картину преступности за счет учета латентных преступлений. Количественная методология позволяет описать свойства различных форм и свойств преступности, выявить причинно-следственные связи между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения, следует логике дедуктивного анализа (от абстракций – к фактам путем операционализации понятий). Количественные данные опросов позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению: а) места, где было совершено преступление (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удастся собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества).

Эффективным приемом является и вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод изучения жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных криминологов. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных

данных о преступном поведении и жертвах преступности под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контекстах, несмотря на то что исходная информация была предназначена для других исследовательских целей.

Для познания субъективных сторон криминальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир» индивида, используются качественные социологические методы, основанные на принципах понимающей и феноменологической непозитивистской социологии. Они опираются на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни – к концепциям и обобщениям). Прошлый субъективный опыт преступного поведения может быть лучше понят на основе таких качественных методов, как: нарративный анализ, кейс-стади, кейс-стори, лайф-стори посредством феноменологического изучения криминальных карьер и биографий девиантов, особенностей конструирования деликтов правонарушителями и представителями правоохранительной системы.

Сравнительный и исторический методы позволяют сравнивать генезис правовых норм и конструкций составов преступлений в различных обществах в разные периоды времени. Компаративистика позволяет анализировать тренды и сравнивать взаимосвязи преступности с такими факторами ее детерминации, как уровень развития экономики, степень урбанизации, а также влияние процессов глобализации и массовой культуры. Исторический метод дает возможность оценить то, как трансформировалась преступность, и какой была реакция на нее общества и государства в различные периоды времени в контексте социальных и политико-экономических изменений.

Методология деконструктивизма позволяет переосмыслить «застывшие», то есть неработающие нормы уголовного права, выдвинуть новые замещающие правовые конструкции, более релевантные обществу постмодерна. В юридическом контексте, по Ж. Деррида, «деконструировать – значит освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению, а без совершенствования языкового механизма это невозможно. А поэтому деконструкция становится полноправным участником и условием динамики законов, одним из механизмов их совершенствования» [см.: 3, с. 33].

Разумеется, методологическая триангуляция не является панацеей для исследователя, но в расширенном варианте она приводит к соединению преимуществ различных методов, минимизирует их издержки и как результат – способствует получению более надежных эмпириче-

ских данных о преступности и системе социального контроля над ее проявлениями.

Эпоха постмодерна – это эпоха цифровизации всех сфер деятельности человека. Глава компании Alphabet Эрик Шмидт показал, что от начала цивилизации и до 2003 г. было создано около 5 экзбайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество продуцирует такой объем данных всего за 2 дня [11, с. 20]. В 2008 г. редактор журнала Nature Клиффорд Линч вводит в научный оборот термин «big data» – «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации.

Технологические сдвиги, цифровизация быстро меняют мир в целом и криминальный мир в частности. В 2015 г. в книге «Будущее преступности» попытку представить картину преступности будущего, как результат развития технологий и информационного бума, предпринял бывший полицейский аналитик Марк Гудман. Гудман, как практик полицейской работы в сфере новых технологий, обратил внимание на колоссальные изменения криминальной активности, вызванные новыми технологическими решениями в области информатики, робототехники, синтетической биологии, нанотехнологий, искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов. Четвертая технологическая революция, на основе которой будет построено будущее, по мнению полицейского футуролога, создает предпосылки для роста новой преступности, что сделает человека более уязвимым перед криминалом, чем когда-либо [12].

Неслучайно в последнее время повышенный интерес зарубежные исследователи, по публикациям The British Journal of Criminology, проявляют к прогностическому потенциалу цифровой или вычислительной криминологии, сочетающей полипарадигмальность постмодернистской интегративной науки о преступности и вычислительные методы, алгоритмы информатики и IT инженерии.

К использованию в зарубежных исследованиях преступности положений гибридных интегративных теорий, расширенной методологической триангуляции с применением вычислительных методов для обработки «big data» имеет смысл присмотреться, поскольку технологические и социальные перемены трансформируют не только картину преступности, но и взаимосвязи причины и следствия.

Кризис позитивистского детерминизма в описании преступности в эпоху постмодерна predetermined и «кризис наказания» или кризис полицейского социального контроля. Действительно, дистрибутивное

уголовное и административное право, практика создания и изменения соответствующих кодексов, опыт правоприменения весьма инертны и не успевают за темпами технологических и социальных перемен в мире постмодерна. Затраты на обеспечение формального социального контроля над преступностью растут, а безопасности больше не становится. Эти проблемы повсеместны, поскольку имеют глобальный характер. В мировой науке о преступности идут интенсивные поиски ответов на проблемы и вызовы нового времени. Контент-анализ зарубежных источников, фиксирующих влияние «big data» и информационных технологий на развитие криминологии и полицейской практики во втором десятилетии XXI в., позволяет сделать ряд обобщений:

во-первых, новым социальным фактом является сетевизация общества постмодерна. Развитие социальных сетей достигло такого уровня, что с помощью этого высокотехнологического ресурса можно охватить практически все социальные слои современного общества, его профессиональные, территориальные и половозрастные группы, криминальное сообщество. Влияние этих массовых социальных медиа колоссально. Расширяющееся по экспоненциальному закону социальное онлайн-пространство представляет собой, по оценке Mossbergper, новую «социально-техническую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [13]. Отсюда следует, что криминологические исследования в обществе постмодерна не должны игнорировать его сетевизацию, поскольку сетевое измерение общественной жизни кардинально изменило мир, в том числе криминальный. Сетевая среда киберпространства привела к изменению социальных коммуникаций, стала одним из самых крупных накопителей «big data».

Во-вторых, развивается цифровая экономика, Интернет вещей, растет число систем искусственного интеллекта, онлайн-платформ, включая умные девайсы, умные автомобили, системы слежения и видеофиксации и др. (Chan & Bennett, 2016; McCormick, Ferrell, Karr, & Ryan, 2014). Переход «на цифру» происходит не только в телевидении. Этот тренд набирает силу во многих областях банковской, страховой деятельности, медицины. В постиндустриальном мире происходит развитие и внедрение технологии распределенного реестра или блокчейна для хранения и обработки данных.

С помощью онлайн-платформ на основе Uber или Uber for X развивается sharing economy (модель, опирающаяся на общее использование товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения). «Юберификация»

оказалась весьма эффективной в приложениях Uber-такси, в логистике при доставке больших и мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро. Развитие систем искусственного интеллекта активно проникает в транспортные перевозки. Например, Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 г. Не только мировые автогиганты, но и отечественные Яндекс, КамАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники.

Нетрудно представить, что перемены в экономике и сфере услуг благодаря роботизации и искусственному интеллекту уже в ближайшее время выведут из состава рабочей силы значительные группы трудоспособного населения, лишив их традиционной занятости. Трансформация же рынка труда неизбежно приведет к качественным изменениям уровня и структуры преступности в новом мире.

В-третьих, на разворот в сторону цифровой экономики, внедрение систем искусственного интеллекта быстрее всего реагирует криминальная среда. Нечуждые инновациям преступники стремительно перестраиваются, осваивая мир социальных сетей и киберпространство Интернета в целом. Об этом свидетельствует не только статистика роста различных форм «цифрового мошенничества», но и постоянная модификация мошеннических схем, криминальных взломов, фишинга, поскольку незаконный доступ к информации – сегодня самый легкий и безопасный путь к обогащению. Так, криминальный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений всего 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность [12]. Собственно, из-за инерции законотворчества и правоприменительной практики в киберпространстве заблокировано действие ключевого положения классической криминологии и уголовного права, а именно принципа неотвратимости наказания.

Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 г. (гл. 28). В 1997 г. было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 г. – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз [14, с. 376].

Стремительно нарастает ущерб от киберпреступлений. В 2018 г. на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 млрд долл. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 г. оценивался в 659 млрд долл. Понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений.

В-четвертых, ряд зарубежных исследователей, по данным англоязычных источников, уже сегодня обрабатывают «big data» с помощью вычислительных методов и алгоритмов и извлекают значимую информацию о быстро развивающихся процессах девиантации и криминализации, происходящих мире в беспрецедентных, нередко глобальных масштабах. Учеными широко используются данные социальных сетей, будь то изображения, сообщения, геолокация или реляционные сети [13]. В целях обработки извлекаются разноплановые сведения о деликтах. Они агрегируются с историческими, социокультурными данными о преступлениях и другими аналитическими материалами, чтобы предсказать, когда и где в будущем может произойти преступление. В работах криминологов (Farinosi, 2011 Mayer-Schönberger & Cukier, 2013) предпринимаются попытки идентифицировать людей, которые, вероятнее всего, будут вовлечены в преступные инциденты [13].

В-пятых, несмотря на растущий интерес к криминологическим исследованиям на основе использования «big data», все еще очень мало научных работ, посвященных потенциальному применению аналитики больших данных для полицейской службы в России и других, технологически достаточно развитых странах. При этом совершенно очевидна диссертабельность, научная и практическая ценность таких проектов и исследований. Вычислительная криминология, увы, остается еще малоизвестной маргинальной научной областью, расположенной на периферии отечественной науки о преступности из-за неразвитости междисциплинарного дискурса на стыке социальных и точных наук, IT-дисциплин.

В-шестых, распространение методологии обработки «big data» происходит в самых различных областях, включая медицину, коммуникацию, банковскую сферу, транспортные системы. В полицейской деятельности ее интегрированное применение все еще ограничено, несмотря на то что полиция ежедневно собирает огромное количество цифровых

данных. Внедрение технологии использования больших данных в российской и зарубежной полиции более всего ощутимо в работе по контролю за безопасностью дорожного движения, благодаря современным системам видеофиксации транспортных потоков и административных правонарушений. Однако этого совершенно недостаточно. Есть острая необходимость в сборе и обработке миграционных данных, оценке содержания электронных ресурсов с запрещенным контентом электронной почты, социальных сетей. Нужен мониторинг и анализ неструктурированных данных, таких как изображения и видео экстремистского контента социальных сетей, сопряженного с террористической активностью, терроризмом и триггерными преступлениями.

В-седьмых, по данным открытых англоязычных источников, среди способов применения технологии больших данных в полицейской деятельности можно выделить ряд приоритетов:

- прогнозное картирование преступлений для выявления территорий, где преступность наиболее вероятна, что позволяет повысить социальную эффективность полиции, направляя на локальные участки для контроля и профилактики более мобильные и плотные, но всегда ограниченные полицейские наряды и иные ресурсы;
- прогнозирующая аналитика по большим данным может быть использована для выявления рисков, связанных с конкретными людьми. Это включает в себя выявление лиц, которые подвергаются повышенному риску совершения правонарушений, а также лиц, которым грозит пропасть без вести или стать жертвами преступления;
- расширенная аналитика может позволить полиции использовать весь потенциал видеоданных, собранных с помощью визуального наблюдения, в том числе данных автоматического распознавания автомобильных номерных знаков;
- технология больших данных может применяться к сведениям, собранным в социальных сетях, для более глубокого понимания конкретных проблем преступности, что в конечном итоге послужит основой для эмпирических исследований и разработки стратегий превентивной работы полиции.

Таким образом, молодым российским исследователям пора обратить внимание на новые ключевые тренды в развитии мировой науки о преступности в обществе постмодерна. Пришло время создавать и развивать научные проекты в междисциплинарном поле постмодернистской либо гибридной интегративной криминологии с применением расширенной методологической триангуляции, в том числе с использованием

достижений вычислительной криминологии, опирающейся на анализ «big data», математические методы и алгоритмы.

Литература

1. Гишинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна // Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография; Под ред. Ю.А. Клейберга и Kwami S. Dartey. – London: UK Academy of Education, 2016. – 309 с.
2. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. – 222 с.
3. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
4. Barak G. Integrating criminologies. – Allyn & Bacon, 1998.
5. Комлев Ю.Ю. Теории преступности. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 107 с.
6. Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002). – URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm
7. Barak G. Criminology: An Integrated Approach. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.
8. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 248 с.
9. Комлев Ю.Ю. Пост-постмодернистская (гибридная) интеграция криминологических знаний как теоретический фрейм для расширенной методологической триангуляции в эмпирических исследованиях преступности // Социальный контроль над преступностью: что делать? (Social control over crime: what has to be done?): Материалы XXXII Международной Балтийской криминологической конференции, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2019 г. Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Я.И. Гишинского. – СПб.: Изда-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.
10. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. – New Jersey, 1999.
11. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2017. – 512 с.
12. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. – Doubleday, 2015.
13. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and

Big Data // The British Journal of Criminology. – 2016. – Vol. 56. – Iss. 2. – P. 211–238. – URL: <https://doi.org/10.1093/bjc/azv059>

14. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 574 с.

**Подростково-молодежная девиантность:
объяснительный потенциал субкультурного подхода
на примере теории нейтрализации¹**

В статье раскрывается эвристический потенциал субкультурного подхода в объяснительной модели девиантного поведения подростков и молодежи с применением теории нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы.

Ключевые слова: девиантность, субкультурный подход, девиантная субкультура, девиантная социализация, стигматизация, ресоциализация, техники нейтрализации

**Teenage And Youth Deviance:
Explanatory Potential Of Subcultural Approach
Through A Theory Of Neutralising**

The article reveals the heuristic potential of the subcultural approach in the explanatory model of the deviant behavior of adolescents and youth using the theory of neutralization of G. Sykes and D. Matza.

Keywords: deviance, subcultural approach, deviant subculture, deviant socialization, stigmatization, resocialization, neutralization techniques

Девиантность как социальное явление имеет широкое распространение в подростково-молодежной среде. Поведение считается девиантным, если поступок, действие человека (группы лиц) не соответствуют официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям. Словом, девиант – это тот, кто в своем поведении систематически не соблюдает социальные нормы (или ожидания), характерные для доминирующей в социуме нормативной культуры. В современном динамичном мире социальные нормы, в частности те из них, которые закреплены и поддерживаются нормативной культурой, достаточно подвижны, изменчивы в силу их сконструированности, релятивности, конвенциональности. Этот эффект заметен

¹ Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2 (8). С. 135-139.

при появлении и распространении молодежных субкультур. Субкультура, как известно, есть система норм, ценностей, установок, образцов и стилей поведения определенной социальной группы, отличная от господствующей в данном обществе нормативной культуры. Субкультурам присущи свои специфические языки (профессиональный или молодежный сленг, уголовный жаргон), традиции (ритуал приема новых членов, принесение клятвы) и социальные нормы (табу). Любая субкультура, как и нормативная культура, осваивается индивидами в процессе социализации путем интериоризации соответствующих норм и ценностей, стилей и моделей поведения.

В девиантологии и криминологии как социологии преступности субкультурный подход стал использоваться в объяснении различных форм девиантности еще в первой половине XX века.

Так, в 1927 году Ф. Трэшер одним из первых обратил внимание на эффект субкультуры в работе «Банда». Криминолог проанализировал 1 313 преступных групп, орудовавших в «переходной зоне» Чикаго, в границах которой полностью отсутствовало культурное влияние «большого общества». Эта новаторская работа носила в основном описательный характер, но позволила Трэшеру структурировать основные типы преступных групп, возникших в дезорганизованном сообществе иммигрантских кварталов и гетто. В целом ранние исследования молодежных преступных шак (гэнгс) были частью более общей проблемы, которой занимались криминологи Первой чикагской школы в контексте феномена социальной дезорганизации, заявлявшего о себе в быстро растущих городских районах. Кроме того, этой проблематике были посвящены исследования Эсбери (1928), К. Шоу (1930), К. Шоу и Г. МакКей (1942), У. Уайта (1943). Так, Уильям Уайт, описывая итальянские гетто, названные им «Корневилем», пришел к выводу, что на социальном дне можно добиться успеха только в рамках девиантной субкультуры трущоб, занимаясь насилием и рэкетом. Эмпирически обоснованные теоретические результаты в рамках социокультурного подхода, дезорганизации, городской экологии получили широкую поддержку научной общественности и дали старт первым программам превенции подростковой преступности («Чикагский проект»).

Субкультурный подход в объяснении различных форм девиантности в целом опирается на посыл, сформулированный Э. Сатерлендом (1939), относительно того, что девиантному, в частности, преступному поведению обучаются при общении с теми, кто разделяет ценности и установки преступной среды (девиантной субкультуры). Говоря современ-

ным языком, подростки проходят девиантную социализацию в уличной (нередко криминальной) среде, интериоризируя нормы и ценности девиантной субкультуры. В результате некоторые индивиды и социальные группы в подростково-молодежной когорте, ориентированные на девиантную субкультуру, систематически демонстрируют девиантное и криминальное поведение, связанное со сквернословием, насилием (групповыми драками), употреблением алкоголя и наркотиков, безответственным сексуальным поведением.

Вторая волна исследований подростково-молодежной преступности начинается в США с середины 1950-х годов: А. Коэн (1955), У. Миллер (1958), Л. Яблонский (1959), Р. Кловард и Л. Олин (1960), И. Сперджел (1963), Д. Шорт и Ф. Стродбек (1965), М. Клейн (1971). В этих работах анализ подростково-молодежных групп в значительно большей мере опирается на субкультурный подход, поскольку внимание исследователей уделяется преимущественно субкультурным аспектам молодежных шаек [1, 2].

В России субкультурный подход широко используется криминологами и социологами Волжско-Невской школы. Наиболее значительные работы были подготовлены казанским профессором А.Л. Салагаевым и его многочисленными учениками. В этих исследованиях, в частности, с социокультурных позиций отрефлексированы «моталки», «казанский феномен» в городской молодежной среде конца 80- годов – начала 90-х годов прошлого века.

Процессы группообразования негативных девиантов-подростков продолжают в мире и современной России. Об этом свидетельствует статистика правонарушений. Появляются новые формы девиантности подростков и молодежи, связанные с гэмблингом, вандализмом (граффити), наркотизмом, проституцией, киберпреступностью (киберсталкеры), преступлениями ненависти (hate crimes), терроризмом. Следовательно, для курсантов и адъюнктов образовательных организаций МВД России, практиков в правоохранительных органах чрезвычайно полезно освоение мирового и отечественного опыта применения субкультурного подхода, накопленного в исследованиях подростково-молодежной делинквентности и девиантности в целом.

Субкультурный подход обладает немалым объяснительным, эвристическим и, следовательно, превентивным потенциалом, поскольку разобщение групп девиантов, переориентация их на модели относительно конформного поведения средствами ресоциализации возможны без применения насилия, репрессивных полицейских и пенитенциарных

мер, что в долгосрочной перспективе дает значительно больший социальный эффект. Применение легального насилия со стороны системы формального социального контроля, увы, нередко запускает механизм стигматизации подростков и открывает путь для них в направлении создания девиантных карьер и рецидивизма.

В связи с этим практическим ракурсом в девиантологической теории есть замечательный пример использования субкультурного подхода, который реализовали в 1957 году Грэшем Сайкс и Дэвид Матза в теории нейтрализации. Эта теория превосходно иллюстрирует немалый объяснительный потенциал субкультурного подхода в случае анализа негативной девиантности и преступности подростков на примере практик нейтрализации обвинения, обеспечения самозащиты и самооправдания девиантных поступков [3].

Как известно, нормативная система «большого общества» в силу сконструированности и возросшей релятивности, подвижности в условиях быстрых социальных и технологических изменений начала XXI века не отличается жесткостью: она не состоит из свода правил, которые обязательно связывают индивида при всех условиях поступка. Гибкость норм в полной мере относится и к уголовному закону. В Уголовном кодексе РФ от 1996 года постоянно вносятся поправки и изменения.

Многие подростки и молодые люди в силу возраста – носители «скользящей морали». В целом они разделяют социальные нормы, характерные для нормативной культуры, но субкультурный эффект «скользящей морали» дает им возможность для маневра (культурного дрейфа) применительно к той или иной социальной ситуации. Так, подростки нередко выбирают модель девиантного поведения в зависимости от тех или иных обстоятельств, ситуаций (например: в семье ведут себя прилично, а на улице в компании сверстников – отвратно). Следовательно, девиантность подростков может быть результатом различного давления, оказываемого на них как со стороны нормативной системы общества, требующей законопослушания, так и субкультурных норм и ценностей делинквентной уличной среды, ориентирующих на нарочитую девиантность. Однако девиантность и правонарушения рано или поздно приводят к конфликту с законом, задержанию и расследованию деликта. В случае реальной угрозы обвинения и привлечения к ответственности несовершеннолетние правонарушители нередко прибегают к самооправданию и активно используют, исходя из ситуации, конвенциональность и условность некоторых правовых и культурных норм.

Г. Сайкс и Д. Матза доказали, что индивид может нейтрализовать моральную виновность преступного деяния и тем самым избежать отрицательных санкций со стороны общества и государства, если докажет, что у него не было преступных намерений. Для нейтрализации социальной, в частности правовой, нормы девиант интерпретирует ее требование в выгодном для себя значении. Например: бегство из дома и бродяжничество – это результат плохого отношения родителей, вандализм – озорство и хулиганство, кража имущества – «одалживание» (богатые наживут себе еще). Сайкс и Матза, опираясь на субкультурный подход, выделили 5 техник нейтрализации, которые используются девиантами для самозащиты и оправдания своего поведения. Среди них: отрицание ответственности (девиант представляет себя как жертву обстоятельств, пытается обосновать отсутствие злого умысла в своих действиях или переложить ответственность на других); отрицание вреда (ответственность за содеянное слишком очевидна, поэтому девиантом предпринимаются попытки минимизировать наличие ущерба или вреда от совершенных действий); отрицание наличия жертвы (когда девиант признает свою ответственность за содеянное и допущенный вред отрицать невозможно, тогда применяется прием переключения внимания на жертву преступления); осуждение осуждающих (внимание переводится с делинквентных действий на действия осуждающих); обращение к ценностям или важным обстоятельствам (оправдание строится на основе торжества групповых или субкультурных ценностей).

Подростки, особенно в группе, нередко совершают субкультурные деликты, которые затем оправдывают, используя указанные выше техники нейтрализации. Подобным образом, например, относительно недавно поступили несовершеннолетние из поселка Осиново, расположенного недалеко от г. Казани, задержанные за управление транспортом без документов сотрудниками ГИБДД. Угон старого «Москвича-412», по их терминологии «маргарина», они оправдывали в полиции перед дознавателем тем, что пожилой водитель оставил машину без присмотра с ключом в замке зажигания. Ничего плохого подростки, с их точки зрения, не замыслили. Хотели просто покататься и вернуть машину. Как видим, несовершеннолетние правонарушители в случае задержания в целях нейтрализации норм и последствий их нарушения «рационализируют» свои действия, распространяя на конкретный случай девиации или деликта наиболее целесообразное смягчающее обстоятельство.

Наряду с теорией нейтрализации, развитию субкультурного подхода способствовала работа Франко Ферракути и Марвина Вольфганга «Субкультура насилия: на пути к интегративной криминологической

теории» (1967). Криминологи выдвинули положение о том, что насильственное поведение подростков и молодежи является формой адаптации к определенным проблемам и жизненным обстоятельствам, которая реализуется в контексте девиантной социализации, социального научения в контексте субкультурной среды, подчеркивающей преимущества насилия над другими формами поведения.

Классические и современные девиантологические знания, теории, использующие субкультурный подход, дают практическим работникам адекватную основу для описания феноменологии той или иной подростковой девиантности, что расширяет круг превентивных возможностей для работы с подростками, оказавшимися в силу «скользящей морали» перед выбором девиантной карьеры или отказа от нее. Основательное изучение культурологических теорий девиантности – ключ к пониманию как «старых», так и «новых» форм девиантного поведения подростков и молодежи, разработке социально эффективных мер социального контроля над ними.

Наука о девиантах не стоит на месте. Развитие субкультурного подхода в XXI веке привело к появлению нового направления в девиантологии – культуральной криминологии (Дж. Янг, Дж. Феррел, К.Хейворд). В ее рамках преступность рассматривается как элемент культуры, сконструированный «культурный продукт». Действительно, культура задает способы существования человека, результатом которого являются «Мона Лиза» да Винчи и надписи на заборе, героизм и убийство. Однако осмысление и трансляция в учебный процесс правоприменительной практики основ культуральной криминологии – это тема последующего поиска молодых исследователей применительно к девиантным реалиям нового мира, их рефлексии в рамках новой научной парадигмы.

Литература

1. Комлев Ю.Ю., Ненароков С.В. Социологические аспекты проблемы организованного насилия среди молодежи // Проблемы законности и правопорядка в российском обществе: сборник научных трудов. Казань: Казанского юридического института МВД России, 2001. С. 215 – 220.
2. Салагаев А.Л. Проблемы социальных девиаций: социологический подход. Ч. 1. Казань: Эко-центр, 2004. С. 74 – 85.
3. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения, 2-е изд., испр. и доп. СПб.: «АЛЕФ-ПРЕСС», 2014. С. 116 – 123.

От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантизации социума и ее интегративному изучению¹

Аннотация. Описаны цифровизация и сетевизация общества В эпоху постмодерна, как факторы цифровой девиантизации социума. На основе содержательного анализа англоязычных источников, интернет-исследования рассмотрены новые формы кибердевиантности и интегративные подходы по их изучению.

Ключевые слова: цифровизация; сетевизация; эпоха постмодерна; цифровое общество; киберпреступность; кибердевиантность; цифровая девиантизация общества; «большие данные»; цифровая девиантология; интегративный подход

From Digitalization And Networkization To Digital Deviantization Of Society And Its Integrative Study

Abstract. The digitalization and networkization of society in the postmodern era are described as factors of digital deviantization of society. Based on a content analysis of English-language sources, Internet research, new forms of cyber deviance and integrative approaches to their study are considered.

Keywords: digitalization; networkization; postmodern era; digital society; cybercrime; cyber deviance; digital deviantization of society; «big data»; digital deviantology; integrative approach

Технологии радикально меняют жизнь общества и отдельно взятого человека. Середина прошлого века – это рубеж, с которого начинается компьютерная эра.

Компьютеры и информационные технологии в последующем быстро и постоянно совершенствуются, широко внедряются в жизнь и деятельность человека. С развитием интернета и социальных сетей изменился мир постмодерна. В итоге технологических и социальных сдвигов на-

¹ Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. Отв. редактор В.А. Мансуров. 2020. С. 1986-1994.

ука и практика столкнулись со все возрастающей кибердевиантностью и киберпреступностью – глобальными социальными проблемами в интернет-пространстве. Ответы на эти вызовы может дать интегративное социально-технологическое знание, которое формируется в новом предметном поле цифровой девиантологии на стыке социологии, юриспруденции, теории масс-медиа, математики, информационных технологий.

Что характеризует хронологию социально-технологических перемен в мире постмодерна?

Во-первых, благодаря техническому и технологическому прогрессу к концу XX века персональные компьютеры становятся доступными для массового потребителя. На рубеже нового века идет процесс развития связанных между собой компьютерных станций от частных и ведомственных закрытых сетей до открытой, глобальной информационной системы Интернет, объединяющей по каналам цифровой связи всех своих абонентов.

«Глобальная сеть» становится потенциально общедоступной различным пользователям с появлением графического браузера. Она предоставляет им неограниченные возможности для общения, создания, накопления, передачи, получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных. Интернет входит важной составной частью в повседневную жизнь и деятельность не только организаций, но и обычного человека. В последующем новые программные продукты и системы online доступа к «мировой паутине» с мобильных телефонов и других устройств многократно расширяют круг её пользователей. По оптимистическим прогнозам, в 2020 году количество пользователей Интернета достигнет отметки в 5 млрд человек [Комлев, 2020: 31-40].

Во-вторых, с 2002 по настоящее время происходит стремительное распространение online-платформ и социальных сетей в Интернете. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной эпохи. Однако создание Интернета и online-платформ привело к многократному расширению социальных контактов и связей в реальном времени между множеством людей, распределенных по всему земному шару. В 2019 году в мире насчитывалось 250 социальных сетей и их количество продолжает расти. Среди online-платформ особенно популярны «Facebook», «Twitter», «Instagram», «Вконтакте», «Одноклассники». Стремительный рост числа сетевых связей наблюдается особенно в молодежной среде. По

числу интернет-пользователей Россия занимает 8-е место в мире [Комлев, 2020: 31-40].

Цифровизация и цифровое общество в России. За весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и цифровым технологиям обработки и передачи данных, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты *цифрового общества*. Процесс *цифровизации* («перехода на цифру») можно определить в широком социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности — жизни и деятельности человека.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние на основные подсистемы российского социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на его социальную структуру («цифровая стратификация») и функционирование, вызывая новые социально-коммуникативные эффекты и практики. Цифровизация наиболее наглядно проявляет себя в экономической сфере. Весьма успешно она развивается в банковском деле, в распространении интернет-торговли, в транспортных системах, в нефте- и газодобыче, а также на ТВ и мультимедиа, в образовании и медицине. Примером реальной цифровизации в повседневной жизни россиян является использование интернета вещей в управлении транспортом с помощью Яндекс.Навигатора. По индексу цифровизации (digital evolution index) Россия находится на 39 месте, соседствуя с Китаем и Индией [Комлев, 2020: 31-40].

Цифровизация как процесс движения к цифровому обществу — неотвратимый, но неоднозначный тренд. С одной стороны, она стимулирует позитивные социальные перемены. Например, в хозяйственной деятельности: исключает рутинный бумажный документооборот, ускоряет все технологические процессы, повышает производительность труда, прибыль, снижает издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров, минимизирует влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором».

С другой стороны, цифровизация уже сегодня создает немало социальных, экономических и правовых проблем. Среди них — феномен «цифрового неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми, в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. В цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы, учителя, госслужащие, банковские клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди,

как жертвы массовой безработицы, могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, как и где хранятся, используются его данные.

Сетевизация и online-сообщество. Экономическая и социальная динамика нового века, происходящая под влиянием фундаментальных последствий информационных технологий, описывается в работах М. Кастельса. По его предположению, именно сети будут составлять новую социальную морфологию современного постиндустриального мира. В «сетевом обществе» все ключевые социальные структуры и деятельность его членов будут организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [Кастельс, 2000]. Действительно, в первые два десятилетия XXI века, благодаря развитию online-платформ в Интернете произошел взрывной рост социальных сетей – состоялась *сетевизация социума*. Сетевизация, происходящая за счет роста числа сетевых ресурсов и сетевых пользователей, достигла такого уровня к настоящему времени, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и социальные слои социума. Она привела к образованию и стремительному расширению online-сообществ. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой, по оценке Моссбергпер, «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [Williams, Burnap, 2016: 211-238].

К плюсам сетевизации можно отнести: неограниченные социальные возможности для общения вне расстояния и времени, создание новых и поиск утраченных контактов, а также неограниченный потенциал для самовыражения и саморазвития личности, для обучения, чтения, просмотра и прослушивания, использования развлечений, для рекламы и продвижения бизнеса, интернет-торговли, организации заработка. Однако социально-технологический феномен сетевизации, как и цифровизация, порождает не только новые возможности, но и новые социальные проблемы, глобальные риски, связанные с распространением сетевой девиантности и виктимизацией сетевых пользователей.

От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантации социума.

Цифровизация создает невиданные ранее возможности для развития высокотехнологичной кибердевиантности и, прежде всего, её крими-

нальных форм: хищений, мошенничества, взломов и других проявлений инновационной, по Р. Мертону, адаптации девиантов в киберпространстве Интернета. В результате наблюдается всплеск *цифровой девиантизации* социума как распространение в киберпространстве «старых» и новых форм девиантности и преступности. Эти перемены иллюстрируют результаты многочисленных интернет-исследований. Так, в обзоре австралийских криминологов структурирован ряд киберпреступлений, обусловленных технологическими факторами цифровизации. Среди них:

киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и/или «вредоносных программ, вирусов»;

киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;

кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;

киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве [Stratton, Powell, Cameron, 2017].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических, глобальных рисков. По экспертным оценкам финансовый ущерб от кибератак в мировой экономике составил в 2019 году до 2 трлн долларов, в 2020 году приблизится к 3 трлн долларов. Причем, эти оценки весьма условны, поскольку не отражают в полной мере положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций избежать репутационных потерь.

По данным аналитиков Сбербанка, потери от киберпреступлений в 2017 году во всех отраслях российской экономики оценивались в 550-600 млрд рублей. В следующем году, согласно ожиданиям экспертов, размеры ущерба должны приблизиться к 1 трлн рублей [Комлев, 2020: 31-40].

Online-платформы и социальные сети порождают не только *online-сообщества* и новые возможности для общения, но и социотехнологические предпосылки для дальнейшей цифровой девиантизации социума. Среди новых проявлений кибердевиантности, следует выделить такие, как: сетевая зависимость с утратой навыков реального общения, бегство от действительности (искейперство), киберлудомания, виртуальные сексуальные домогательства и насилие; компьютерная пе-

дофилия; запугивание и киберпреследование, интернет-торговля наркотиками, пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей.

Кроме того, сетевизация является источником новых форм *кибервиктимизации*. Многие молодые люди, беспечно размещая в социальных сетях личную информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online- платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Например, серверы «Facebook» каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации. По мере роста online-сообществ быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы, где похищаются и продаются личные данные пользователей и клиентов, различных чаще всего банковских сервисов. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как обладатели электронных кошельков, а также подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства, участвующие в сетевом общении.

3. *Интегративные исследования кибердевиантности и киберпреступности.* На протяжении десяти последних лет к изучению девиантности и других социальных феноменов Интернета активно обращаются зарубежные и отечественные социологи и девиантологи, другие представители обществоведения. В интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории масс-медиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Так, начиная с 2010-2012 годов ряд американских и британских социологов (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис и др.) сосредоточили внимание на определении предметного поля цифровой социологии как интегративной науки о цифровом обществе и его киберфеноменах. В частности, Д. Лаптон, обратил внимание на большой социальный смысл включения цифровых технологий, цифровых средств массовой информации и социальных сетей в повседневную жизнь современного человека. Особую роль цифровой реальности он увидел в контексте совершения киберпреступлений, наступления последствий цифровой виктимизации, цифрового неравенства и обеспечения социальной справедливости в цифровом мире. Для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Среди них: изучение online- сообществ, представителей маргинальных групп, расовых и этнических меньшинств, ЛГ-БТ-сообществ, а также экстремистов и групп ненависти.

Весьма интересные обобщения в рамках социологической рефлексии цифровой социальной реальности содержат публикации российских

исследователей: М.В. Кибакина, С.А. Гришаевой, В. Ф. Ницевича и др. В работах отечественных социологов широко обсуждается научный арсенал различных социологических концепций, подходов и методов, применяемых к осмыслению социальных аспектов цифровизации и сетевизации. Исследователи обращают внимание на социальные эффекты и проблемы, создаваемые Интернетом, популярными социальными сетями и медиа в российском обществе [Кибакин, Гришаева, 2019; Ницевич, 2018].

В целом зарубежные и отечественные социологические работы посвящены анализу проблематики «цифрового разрыва в стратификации»; специфики функционирования социальных медиа, новых идентификационных процессов, новых коммуникативных, в том числе девиантных практик. В результате непродолжительного развития цифровой социологии были концептуализированы такие понятия, как «цифровое общество», «социальная цифровизация», «цифровое неравенство», «цифровое наблюдение». Вместе с тем социальной теории цифровизации все еще нет, несмотря на существенный рост числа социологических интернет-исследований.

Судя по возрастающему количеству научных конференций и публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению киберпреступности и кибердевиантности как последствий цифровизации и сетевизации в мире постмодерна, специфики социального контроля над их проявлениями.

На начальном этапе цифровизации в конце XX и первые годы XXI века интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был преимущественно обращен к киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов [Stratton, Powell, Cameron, 2017]. При изучении киберпреступлений, «сфокусированных на компьютере», в этот период еще используются традиционные теории преступности и объяснительные модели, выстроенные на их основе для обычных «уличных» краж.

На следующем этапе с развитием цифровизации и сетевизации, когда невероятно возросла доступность online-информации, у киберпре-

ступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения online-преступлений и девиаций, прежде всего, в отношении обычных людей – пользователей цифровых услуг и сетевых ресурсов. Типичным инновационным способом кибератак и по сей день является рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет-пользователям, с целью войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество. Наряду с корыстной киберпреступностью, в исследовательский ракурс социологов и девиантологов вошли новые социально опасные проявления кибердевиантности. Они включают в себя: online сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-торговлю людьми и секс-туризм (Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.) [Stratton, Powell, Cameron, 2017]. В новом междисциплинарном поиске продуктивно работают и российские исследователи. Ряд оригинальных обобщений содержат публикации Я.И. Гилинского, Я.В. Костюковского, Д.Н. Карповой, С.В. Бондаренко, Ю.Ю. Комлева, В.А. Номоконова, Т.Л. Тропиной, Э.Л. Кочкиной, А.В. Федорова, М.В. Немова и многих других авторов.

Стало очевидно, что новые проявления кибердевиантности и способы совершения киберпреступлений стали сложнее, разнообразнее, динамичнее. Потенциал традиционных криминологических теорий оказался недостаточным для их объяснения и моделирования. Отсюда, для изучения кибердевиантности и киберпреступности, в зарубежных и отечественных работах, стали больше использоваться интегративные концепции и подходы. Эмпирические интернет-исследования в этой области широко опираются не только на бесконтактные методы сбора информации, но и вычислительные алгоритмы и аналитику «big data» («больших данных»), что весьма поучительно для отечественных молодых исследователей. Девиантологи и криминологи за рубежом активно ассоциируются в исследовательские группы с прикладными математиками, IT-специалистами. Так, например, поступили британские исследователи, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность [Williams, Burnap, 2016: 211-238].

Опыт изучения цифровой девиантизации социума формирует предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении социологических и юридических наук, семиотики, теории масс-медиа, математики и информационных технологий. Так,

в работах криминологов Ш. Браун (2006), М. Яра (2012) К. Хейворда (2012) широко использовались идеи гибридизации социологических, криминологических и технологических знаний для исследования цифровых проявлений девиантности и преступности [Stratton, Powell, Cameron, 2017]. Эти и другие труды наметили основные пути построения интегрированного социально- технологического знания о природе и детерминации кибердевиантности и киберпреступности. Исследователи предложили для построения объяснительных моделей различных проявлений киберпреступности объединить знания из различных социальных и технологических дисциплин с опорой на непротиворечивые положения дополняющих друг друга криминологических теорий. Например, гибридизированный подход, обозначенный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы киберпреступности.

Австралийские исследователи Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон – теоретики цифровой криминологии – также использовали интегративный подход, концептуализируя киберпреступность и кибердевиантность как техносоциальные практики в цифровом мире. Они исходили из объединения знаний социологии, криминологии, юриспруденции, политической науки, культурологии, теории масс- медиа, информационных технологий [Stratton, Powell, Cameron, 2017].

Таким образом, интегративное теоретико-эмпирическое изучение киберпреступности и кибердевиантности позволяет многомерно и диалектично моделировать причины и следствия, формы многообразной девиантной активности в цифровом обществе. Использование расширенной методологической триангуляции в интернет-исследованиях с привлечением бесконтактных опросных методик, контент- анализа цифровой текстовой и видеоинформации, вычислительных алгоритмов для обработки структурированных, неструктурированных «больших данных» и других эмпирических материалов – надежный путь для построения прогностических моделей киберпреступности и кибердевиантности [Комлев, 2019: 97-104]. Возможность предвидеть с помощью аналитики «big data» время и место совершения киберпреступлений позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. Более того, за математически выверенным прогнозированием следует и выра-

ботка новых правовых форм и практик социального контроля в киберпространстве более адекватных социально-технологической реальности «цифрового мира».

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Кибакин М.В., Гришаева С.А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций. // Цифровая социология / Digital Sociology. 2019; 2 (1). С. 4–9 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Комлев Ю.Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // Вестник ВЭПС. 2019. № 3. С. 97–104.
4. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник КЮИ МВД России. 2020. № 1. С. 31-40.
5. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: Теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология / Digital Sociology. 2018; (1): 18-28 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28> (дата обращения: 28.10.2019).
6. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology, Volume 56, Issue 2, March 2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059> (дата обращения: 19.10.2019).
7. Stratton G, Powell A. and Cameron R (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6 (2): 17-33 [Электронный ресурс] // [Веб-сайт]. URL: <http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facschlawrev> (дата обращения: 28.10.2019).

Кибердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия¹

Аннотация. В статье описаны феномены и причины кибердевиантности миллениалов с позиций цифровой девиантологии. Для обоснования путей противодействия кибердевиантности молодежи использованы методы контент-анализа и фокус-групп.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, киберпреступность, кибердевиантность, цифровая девиантология, миллениалы.

Annotation. The article describes the phenomena and reasons for the cyberdeviance of millennials from the standpoint of digital deviantology. Methods of content analysis and focus groups were used to substantiate the ways of counteracting the cyber deviance of young people.

Keywords: digitalization, networkization, cybercrime, cyberdeviance, digital deviantology, millennials.

Постановка проблемы. Кибердевиантность в среде миллениалов — одно из негативных последствий технологического сдвига, разрыва поколений и развития глобальных процессов цифровизации и сетевизации современного мира. Отсюда на фоне недостаточности знаний о феноменологии, путях противодействия нарастающей кибердевиантности подростков и молодежи возникает необходимость в их осмыслении с теоретико-методологических позиций цифровой девиантологии.

Целью статьи является обобщение материалов в российских и зарубежных источниках по вопросам кибердевиантности миллениалов с эмпирическим анализом материалов фокус групповых дискуссий в студенческой среде и обоснованием предложений по противодействию ее вызовам.

Изложение основного материала исследования. В мировой науке о девиациях последних десятилетий сформировалось предметное

¹ Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии: сборник материалов Второй международной научно-практической конференции. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Гуманитарно-педагогическая академия. Симферополь, 2020. С. 77-81.

поле цифровой девиантологии, которое лежит на пересечении криминологии, социологии, юриспруденции, психологии, педагогики семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математических. Разумеется, терминология в этой области исследований еще не устоялась. Отсюда кибердевиантность, киберпреступность – чрезвычайно дискуссионные термины, которые активно обсуждаются в работах зарубежных и отечественных исследователей (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, П. Грабоски, Ш. Браун, М. Яра, К. Хейворд, М. Уильямс, П. Бернап, Г. Стрэттон, А. Пауэл, Р. Кэмерон, М. Айкен, Ф. Амман, Я. Гилинский, Я. Костюковский, Д. Карпова, С. Бондаренко, Ю. Комлев, В. Номоконов, Т. Тропина, Э. Кочкина и другие).

С точки зрения цифровой девиантологии кибердевиантность можно определить как множество проявлений девиантного поведения в киберпространстве Интернета, состоящих в нарушении социальных норм с использованием компьютеров, цифровых технологий, обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей. Естественно, что ученых и практиков больше интересует феноменология негативной кибердевиантности, ее личностно и общественно опасные проявления, причины и пути противодействия.

Цифровая девиантология разрабатывает этот круг вопросов и вводит в научный оборот не только новые понятия, но и переопределяет границы, как теории, так и исследовательской практики при изучении кибердевиантности и, особенно, киберпреступности. На начальном этапе цифровизации в конце XX и в первые годы XXI века интерес исследователей был преимущественно обращен к киберпреступлениям, «сфокусированным на компьютере», таким как взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам.

В настоящее время, с развитием цифровизации и сетевизации, у киберпреступников появилось значительно больше возможностей для совершения online-преступлений и девиаций, прежде всего, в отношении многочисленных частных пользователей Интернета.

Они подвергаются атакам с помощью вирусов-шифровальщиков и вредоносных программ с целью вымогательства, мошенничества, кибербуллинга. В 2019-2020 годы кибердевианты стали чаще нападать на интернет-торговлю (онлайн-магазины) и облачные сервисы, перешли на Интернет «умных» вещей, а в связи с пандемией и на сферу цифрового здравоохранения.

При этом как старые, так и новые феномены кибердевиантности получили весьма широкое распространение в подростково-молодежной среде.

Теоретики цифровой девиантологии опираются на интегративный подход – объединение непротиворечивых положений теорий сетевого и цифрового общества, девиантологических теорий, созданных в рамках, как неопозитивизма, так и постпозитивизма. В частности, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон процесс цифровизации интерпретируют как совмещение цифрового и социального, а кибердевиантность как техно-социальные практики в цифровом мире [1]. Интегративная исследовательская платформа позволяет использовать методологическую триангуляцию, включающую методы бесконтактных опросов, фокус группы, дискурсивный анализ, контент-анализ цифровой, текстовой и видеоинформации, вычислительные алгоритмы для обработки структурированных и неструктурированных «больших данных» [2].

В данной работе с позиций цифровой девиантологии отражены предварительные результаты изучения кибердевиантных практик миллениалов – молодых людей, рожденных на рубеже XXI века. Обобщения опираются на материалы фокус-групповых дискуссий в студенческой среде и контент-анализ отечественных и англоязычных источников по проблемам молодежной кибердевиантности.

В работе В.В. Радаева «Миллениалы на фоне предшествующих поколений» показано, что миллениалы существенно отличаются от других поколений молодежи по ценностным ориентациям (существенно менее религиозны и более других возрастных групп удовлетворены жизнью). Обращает внимание на себя резкое снижение алкоголизации в этой возрастной группе (на 25%). Потребление спиртных напитков среди миллениалов минимальное по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (60-х, 70-х, 80-х, 90-х годов прошлого века) [3].

При этом существенной отличительной особенностью «продвинутых» миллениалов в мегаполисах, средних и малых городах и даже сельской периферии является повальная вовлеченность в мир новых возможностей, которые открыли третья и четвертая технологические революции. Так, многие из них традиционным молодежным тусовкам предпочитают общение в чатах, в социальных сетях. В виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть времени этих молодых людей по сравнению с другими возрастными когортами. Там они удовлетворяют свои потребности в общении, в учебе, в шопинге, в работе, в играх и иных удовольствиях.

В фокус-групповых дискуссиях со студентами предметное поле исследования было ограничено феноменологией кибердевиантности миллениалов, поскольку средний возраст киберпреступников, по оценкам экспертов, составляет 17-18 лет. Оказалось, что в силу «скользящей морали» многие из миллениалов не считают для себя проблемой нарушение социальных, в том числе правовых норм, если это сулит выгоду или удовольствие в анонимной среде киберпространства. Нет и негативного отношения к использованию пиратского или нелегального программного обеспечения и хакерам, которые «взламывают» защиту баз данных.

В механизме вовлечения в киберпреступность участниками дискуссий были обозначены факторы низкого самоконтроля, дефектов социализации, негативного влияния участников сетевого общения, гэмблинг-зависимости, отсутствия родительского контроля. В этих условиях подросток или юноша ради материального «выигрыша» нередко готов пойти на сделку с совестью. О влиянии проблемной социализации на кибердевиантность свидетельствуют и исследования зарубежных криминологов. В них подчеркивается, что молодые люди, набравшие более низкие баллы по шкале самоконтроля, в большей степени связаны не только с преступным поведением, но и с киберпреступностью [4]. В соответствии с теорией нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы многие подростки и молодые люди «рационализируют» и оправдывают свои девиантные поступки в Интернете. Они отрицают ответственность и минимизируют вред при существенной материальной выгоде или удовлетворенном тщеславии. Участники фокус-групп считают, что на начальном этапе девиантной карьеры хакера получение несанкционированного доступа к компьютерной сети, так называемый «взлом», не больше, чем хулиганство, обусловленное желанием покуражиться, сделать то, что не могут другие. Более резкие высказывания касались кибермошенничества (фишинга), приобретения наркотиков в сети, кибертерроризма и кибербуллинга. Однако, во всех перечисленных выше проявлениях сетевой девиантности нельзя говорить о преступности без жертв, что предполагает достаточно серьезную правовую оценку.

Важный вывод из обсуждения состоит в том, что вовлечению в кибердевиантность способствует не только отсутствие самоконтроля, но и внешнего контроля за хакерским контентом в Интернете – это еще одна важная предпосылка для криминальных экспериментов в киберпространстве. Так, о наличии в Интернете пошаговых инструкций о

том, как получить доступ к компьютерам, украсть пароли или использовать другие хакерские инструменты с иллюстрацией в видеоиграх сообщили некоторые участники обсуждения. Оказалось, что для совершения киберпреступления необходимы лишь минимальные навыки в использовании компьютеров и программного обеспечения. В этом плане показательны примеры из жизни подростков-миллениалов. В 2014 году 13-летний Ван Чжэньян, которого окрестили «китайским вундеркиндом», взломал школьную компьютерную систему, чтобы получить ответы на свои домашние задания. В другом случае британский подросток 13 лет, который работал «хакером по найму», организовал кибератаки на глобальные учреждения из своей спальни.

Следовательно, не нужно жить и социализироваться в криминальной среде, чтобы быть вовлеченным в кибердевиантность и киберпреступность. Киберпреступником может стать любой подросток с внешне вполне пристойным, конформным поведением.

Молодые люди хорошо осознают, что технологический прогресс опережает дистрибутивное уголовное законодательство и практики его применения. Распространение кибердевиантности и киберпреступности они объясняют еще и тем, что риски наказания за нарушения закона минимальны. Неслучайно студенты-юристы, участники фокус-групп, обратили внимание на то, что в киберпространстве практически «не работает неотвратимость наказания» как классический принцип уголовного права.

Киберэксперименты миллениалов во многом продукт всплеска импульсивности и желания подростков повысить самооценку, утвердиться с помощью рискованного поведения в глазах сверстников, прослыть «крутыми парнями».

По итогам дискуссий можно сделать вывод, что социо-технологические процессы цифровизации и сетевизации сдвигают девиантную активность миллениалов в киберпространство. С другой стороны и статистика правоохранительных органов свидетельствует о неуклонном снижении, начиная с 2007 года и по настоящее время, уровня регистрируемой преступности (на 100 тыс. человек населения) в России, в том числе «уличной» преступности среди подростков и молодежи.

Наряду с криминальным аспектом в дискуссии была обозначена проблема смартфон-аддикции, как негативная девиантность, состоящая в зависимом поведении молодых людей от мобильных устройств. Стало меньше алкогольной зависимости, но, увы, больше смартфон-аддикции. Многие из участников дискуссий не могут представить себе

свою жизнь без мобильных устройств, доступа к Интернету или социальным сетям. Из типичной реплики студента: «Мой айфон всегда со мной, не представляю, как жить без него...». Большая часть времени миллениала расходуется на посещение сайтов, общение, игры. Смартфон-аддикция – новый тип современной высокотехнологичной девиантности.

Обсуждение темы кибердевиантности со студентами вышло за пределы обозначенного круга вопросов и коснулось виктимизации подростков и молодых людей в значении контактов в Интернете с материалами, содержащими дискриминационный, насильственный или сексуальный характер. Впрочем, эта проблематика может составить предмет специального интернет-исследования.

Выводы. Обычно криминологи обращают внимание на две стратегии в профилактике кибердевиантности и киберпреступности среди подростков и молодежи – миллениалов. Они состоят в совершенствовании и усилении внешнего социального контроля, или в развитии путем социализации внутреннего социального контроля. Очевидно, необходимо осуществлять и то и другое. Обобщая материалы исследований и публикаций на эту тему в открытом доступе, в частности фундаментальной работы «Youth Pathways into Cybercrime» (2016) [5], можно следующим образом структурировать предварительные выводы и предложения применительно к российским условиям:

1. Среди миллениалов, вовлеченных в кибердевиантность, много хорошо продвинутых в современные информационные технологии молодых людей, которые не видят для себя легальных возможностей по удовлетворению своих растущих потребностей и амбиций. Отсюда эффективность внешнего сдерживания зависит, если пользоваться терминологией Ф.И. Ная, социальным контролем посредством «законного удовлетворения потребностей». В этом случае альтернативой киберпреступности для потенциального хакера может быть учеба, а затем престижная и высокооплачиваемая работа в сфере кибербезопасности и ИТ-технологий.

2. Кибердевиантность и киберпреступность могут затронуть любого подростка или молодого человека из любой социальной среды. Многие родители убеждены в том, что если дочь или сын дома играют на компьютере, то они в безопасности и нет причин для беспокойства. Но это не так. На уровне семьи, родителей чрезвычайно важен плотный неформальный социальный контроль за тем, сколько времени и где в Интернете проводит подросток. Родители должны играть ключевую

роль в ежедневном мониторинге активности детей в Интернете, чтобы защищать их, рассказывать о девиантных проступках и рисках кибервиктимизации.

3. Развитие самоконтроля. Социализация в цифровом мире приобретает особое значение, поскольку формирующаяся личность должна своевременно интериоризировать общепринятые нравственные, а также правовые нормы, осознавать собственную ответственность за девиантное поведение в сети, которые блокируют риски кибердевиантности и виктимизации.

4. На уровне школы, правоохранительных органов весьма важно правовое просвещение. Подростки и молодые люди должны знать о последствиях криминальных экспериментов в киберпространстве. Поскольку привлечение к суду может повлиять на образование, испортить жизнь и карьеру. Эти методики не новы, они, по сути, аналогичны тем, что используются в случае антинаркотического или антиалкогольного просвещения.

5. Между миллениалами и их родителями, учителями быстро нарастает «технологический разрыв». Молодые более восприимчивы к цифровым инновациям. Отсюда необходима консультационная помощь и родителям, и учителям, чтобы те могли распознать девиантную активность в Интернете своих подопечных еще на ранних стадиях.

6. В семье и школе необходимо обратить внимание на ограничение доступа к запрещенному контенту и установку более безопасного Интернета.

7. Органам внутренних дел в целях профилактики необходимо осмыслить и реализовать опыт организации практик веб-констебля, которые касаются полицейской деятельности в киберпространстве. Такие онлайн-программы нацелены на профилактику кибердевиантности миллениалов, повышение их осведомленности о рисках и последствиях противоправного поведения в Интернете, содержат общие рекомендации по кибербезопасности.

Литература

1. Stratton G, Powell A and Cameron R (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'//International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2):17-33. [Электронный ресурс]. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev. (дата обращения: 28. 10. 2019).

2. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник КЮИ МВД России, 2020, № 1.

3. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millennialy-na-fone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>. (дата обращения: 28. 10. 2019).

4. Teens and Cybercrime: the reasons behind it. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buguroo.com/en/blog/teens-and-cyberdelinquency-the-impact-of-low-online-self-control> (дата обращения: 24. 08. 2020).

5. Youth Pathways into Cybercrime. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mdx.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0025/245554/Pathways-White-Paper.pdf (дата обращения: 24. 08. 2020).

Цифровизация и киберпреступность в мире постмодерна¹

Технологии радикально меняют жизнь человечества и отдельно взятого человека. Компьютеры и Интернет, социальные платформы и сети изменили общество постмодерна, в том числе криминальный мир.

Обобщение материалов интернет-исследований из англоязычных и отечественных источников с помощью метода качественного контент-анализа позволяет сделать ряд констатаций, дефиниций и обобщений². Некоторые из них, наиболее существенные, состоят в следующем.

1. Цифровизация и общество постмодерна. В настоящее время большинство пользователей предпочитает выходить в Интернет с мобильных устройств. По оптимистическим прогнозам, в 2020 г. количество пользователей Интернета достигнет отметки 5 млрд человек. За весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и информационным технологиям, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты «цифрового общества».

Процесс цифровизации («перехода на цифру») можно определить в широком социологическом значении как широкомасштабное внедрение информационных цифровых технологий во все сферы социальной реальности, жизни и деятельности человека.

Цифровизация особенно наглядно и в первую очередь проявляет себя в экономической сфере. Поэтому нередко ее интерпретируют в узком смысле как процесс перехода к цифровой экономике. Прежде всего, это развитие интернет-банкинга, интернет-торговли, интернет-рекламы, электронных платежей, электронного документооборота, online-услуг, интернета вещей, электронного доступа к государственным услугам. В число стран лидеров цифровой экономики по индексу цифровизации (digital evolution index) входят Норвегия, Швеция, Дания, Южная Корея, США. Россия в этом рейтинге находится на 39 месте, соседствуя с Китаем и Индией³.

Цифровизация в России развивается стремительными темпами. Наи-

¹ Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Часть 2. С. 175-179.

² Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии девиантологии // Вестник КЮИ МВД России. 2020. № 1.

³Что такое цифровая экономика? URL: <http://www.fingramota.org/teoria-finansov/item2198-2198-chto-takoe-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 26.10.2019).

более успешно это происходит в банковской сфере, в распространении интернет-торговли, в ТВ и мультимедиа, в образовании и медицине, в транспортных системах, в нефте- и газодобыче. По числу пользователей Интернетом Россия занимает 8 место в мире.

Закономерно, что вопросы развития цифровой экономики и других сфер бытия определены стратегией развития информационного общества в России на 2017-2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹. Цифровизация в экономике и других сферах общества постмодерна – неотвратимый, но неоднозначный тренд. С одной стороны, она стимулирует позитивные социальные перемены. С другой стороны, цифровизация уже сегодня создает немало социальных проблем.

2. Киберпреступность – риски для цифровых пользователей и проблемы определения. Внедрение новых открытий, как это уже не раз бывало в истории, приносит не только благо, но и вред. Цифровизация создает невиданные ранее возможности для инновационной преступной активности в Интернете. Криминализация некоторых деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г. (гл. 28). В 1997 г. были зарегистрированы 33 преступления, а в 2005 – 10 214, то есть их количество выросло за 9 лет в 310 раз².

На начальном этапе цифровизации наибольшую общественную опасность представляли:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным с помощью взломов, онлайн-атак и (или) вредоносных программ, вирусов;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ.

Высокие темпы повсеместного роста киберпреступности заставили признать в 2018 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, что киберпреступность – это один из наиболее критических глобальных рисков современности. По одним экспертным оценкам, ежегодные потери мировой экономики в результате киберпреступлений достигают 500 млрд долларов³. По Мнению других экспертов, финансовый ущерб от

¹ Администрация Президента России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 26.10.2019).

² Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 376.

³ ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности. URL: <https://>

кибератак в мировой экономике составил в 2019 г. до 2 трлн долларов, в 2020 г. – до 3 трлн¹. Причем и эти оценки весьма условны. По данным аналитиков Сбербанка, потери от киберпреступлений в 2017 г. во всех отраслях российской экономики оцениваются в 550-600 млрд рублей. В следующем году размеры ущерба, по мнению экспертов, приблизятся к 1 трлн рублей². При этом в юридическом дискурсе, в уголовном законодательстве нет Однозначности относительно определения феномена киберпреступности.

На начальном этапе цифровизации (конец XX- первые годы XXI в.) интерес зарубежных исследователей был преимущественно обращен к киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров. Среди них взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов³. Киберпреступность определяется в англоязычных работах предельно широко. Одно из рабочих определений киберпреступности в российской традиции, адекватное начальному этапу цифровизации, приводит профессор В.А. Номоконов. Оно состоит в том, что киберпреступность – это «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных»⁴. Более поздние определения киберпреступности концентрируют внимание на компьютере как инструменте и одновременно как объекте преступления⁵. Примечательно, что во всех указанных трактовках кибер-

www.securitylab.ru/news/491033.php (дата обращения: 20.10.2019).

¹ МИД РФ: ущерб мировой экономике от киберпреступности в 2019 году может достичь \$2. URL: <https://www.tass.ru/politika/5551244> (дата обращения: 20.10.2019).

² Данные исследования Сбербанка и его дочерней компании Vi.Zone «Новые вызовы цифрового мира», посвященное современным киберугрозам и противодействию им. URL: <https://www.roscongress.org> (дата обращения: 28.10.2019).

³ Stratton G, Powell A and Cameron R (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2) : 17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev (дата обращения: 28.10.2019).

⁴ Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1(24). URL: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.10.2019).

⁵ Joseph Aghatise Cybercrime definition. URL: https://www.researchgate.net/publication/265350281_Cybercrime_definition (дата обращения: 29.10.2019).

преступности отсутствует человек как жертва высокотехнологичного преступления. Между тем на современном этапе цифровизации, когда невероятно возросла доступность online-информации, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения online-преступлений, прежде всего в отношении многочисленных частных пользователей Интернета и цифровых услуг. Так, по последним данным, 97% сетевых хищений у частных лиц совершается с помощью фишинга. С нашей точки зрения, рост нелегального обогащения в условиях сетевого обмена и обращения к различным ресурсам Интернета порожден новой специфической кибермотивацией преступников. Мотивация обогащения и адаптация в новых цифровых условиях происходит по инновационному типу (Р. Мертон). По данным департамента полиции Нью-Йорка, криминальный доход среднего киберпреступника в современном американском мегаполисе в семь раз превышает добычу обычного преступника. Кроме того, раскрываемость традиционных преступлений составляет в разные годы 40-60%, а киберпреступлений – всего 4%. Словом, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность, особенно в отношении частных пользователей.

Не случайно киберпреступники по всему миру стали атаковать не столько вычислительные машины и базы данных финансовых и других деловых организаций с помощью вирусов-шифровальщиков и внедрения вредоносных программ (supply chain-атак), сколько обычных людей – массовых пользователей цифровых услуг и сетевых ресурсов с помощью инновационных криминальных приемов. Типичным способом является рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет-пользователям с тем, чтобы войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество.

Кроме того, в последние годы (2014-2019 гг.) происходит дифференция кибердевиантности и киберпреступности, растет ее общественная опасность. Это и online сексуальная эксплуатация детей и детская порнография, и кибер-секс-бизнес, кибер-секс-торговля людьми, и продажа наркотиков, и кибер-секс-туризм; различные формы кибернасилия, киберпреследования, киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), домогательства, а также кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ.

Стало очевидно, что новые формы и способы совершения киберпреступлений, другие проявления кибердевиантности, вызванные цифровизацией, интенсивными технологическими и социальными изменени-

ями в обществе постмодерна, стали сложнее и разнообразнее. И все они в значительной мере или в конечном счете обращены прежде всего против сетевых пользователей. Отсюда, с девиантологической точки зрения, киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей.

3. Проблемы социального контроля в киберпространстве. Цифровизация, вооружая киберпреступников новыми технологическими возможностями, создает не только относительно высокую профитность для киберпреступников, но и относительную безопасность.

Система формального социального контроля сдержать волну цифровой криминализации социума не может. В Интернете практически заблокирована реализация классического принципа неотвратимости наказания в условиях несовершенного и запаздывающего законодательного регулирования в киберсфере, инертности правоприменительной практики, высокой степени анонимности злоумышленников и рядовых сетевых пользователей.

Цифровые технологии позволяют злоумышленникам оставаться анонимными, менять геолокацию, «взламывать» чужие аккаунты, тем самым скрывать информационные следы, что затрудняет расследование киберпреступлений.

Законодатели разных стран, реагируя на глобальные вызовы в цифровой социальной реальности, принимают законы, направленные против киберпреступлений, вводят и совершенствуют уголовную ответственность за их совершение. Однако консервативное уголовное законодательство с национальной юрисдикцией и тем более правоприменительная практика без развития международного сотрудничества в правовом регулировании отстают от требований дня, что порождает серьезные проблемы в сфере обеспечения кибербезопасности. Кроме того, эти проблемы обусловлены дефицитом подготовленных для правоохранительной системы кадров, недостаточно развитым взаимодействием между бизнесом и правоохранителями по вопросам безопасности в киберпространстве.

Обобщая отечественные и зарубежные источники, можно выделить несколько перспективных форм противодействия киберпреступлениям.

1. Совершенствование правового регулирования в цифровой сфере (необходимы своевременные изменения законодательных актов о связи, информационных технологиях, СМИ, социальных сетях и др.).

2. Поддержка рестриктивных практик и судебных решений по селективной блокировке информационных ресурсов, распространяющих запрещенную в России информацию, адресованную целевой молодежной аудитории при обязательном сохранении связи Рунета с глобальной сетью (без существенного сокращения прав пользователей на получение информации, то есть цензуры).

3. Разработка технических средств и инструментов, позволяющих эффективно препятствовать совершению преступлений, защищать цифровые данные и раскрывать преступления.

4. Разработки специальной главы в УК РФ, посвященной противодействию киберпреступности в контексте международных правовых норм и соглашений, регулирующих глобальные риски киберпреступности.

5. Необходима целенаправленная работа с институтами социализации подростков и молодежи по повышению эффективности самоконтроля и формированию цифровой идентичности, неформального родительского социального контроля в целях снижения вероятности киберпреступного поведения в молодежной среде, вызванного мотивами гедонизма, наживы и обогащения.

В целом информационные технологии создают предпосылки для трансформации традиционных форм управления и обеспечения социального порядка, стимулирования работы над созданием и внедрением новых цифровых форм социального контроля и слежения за пользователями «мировой паутины», участниками сетевого общения. Однако цифровой мониторинг и другие практические аспекты совершенствования социального контроля в цифровом мире все еще недостаточно отражены в работах интернет-исследователей. Это удел новых, молодых сил в девиантологии и юриспруденции.

На научных конференциях в КЮИ МВД России

На научных конференциях в КЮИ МВД России

На научных конференциях в КЮИ МВД России

На Международной Балтийской криминологической конференции

*На Международной
Балтийской криминологической конференции*

В гостях у Я.И. Гилинского

На Всероссийском круглом столе по проблеме противодействия коррупции в УУ ТИСБИ

Обсуждение доклада

На аттестации адъюнктов

На защите магистерских диссертаций в УУ «ТИСБИ»

Награждения

От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантизации в обществе рисков¹

В статье описаны цифровизация и сетевизация в эпоху постмодерна, в обществе рисков, как факторы цифровой девиантизации. На основе содержательного анализа англоязычных источников, интернет-исследований рассмотрены новые формы кибердевиантности и интегративные подходы к их изучению.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, цифровизация, сетевизация, эпоха постмодерна, киберпреступность, кибердевиантность, цифровая девиантизация социума, цифровая девиантология, интегративный подход.

From Digitalization and Networkization to Digital Deviantization in a Society of Risks

The article describes digitalization and networkization in the postmodern era, in a society of risks, as factors of digital devianization. Based on a content analysis of English-language sources, Internet research, new forms of cyber deviance and integrative approaches to their study are considered.

Keywords: coronovirus pandemic, digitalization, networkization, postmodern era, cybercrime, cyber deviance, digital deviantization of society, digital deviantology, integrative approach.

Все возрастающие риски и неопределенности и, в частности, те, что вызваны пандемией коронавируса, побуждают к осмыслению социальных, технологических проблем девиантизации социума в эпоху постмодерна. Социально-медицинская сторона пандемии и массового социального дистанцирования требует специальных исследований, поскольку это предмет самостоятельного социологического анализа. Однако фактом является и то, что развитие глобальной эпидемии повлияло на стремительное вторжение в жизнь современных людей феноменов и эффектов цифровизации. В сфере управления, бизнеса, образования, перешедшей на «удаленку» в срочном порядке, оказались востребован-

¹ Вестник экономики, права и социологии, 2020, № 2.

ными цифровые технологии. Не стала исключением и криминальная среда. Так, российские банки, в том числе Сбербанк, в условиях пандемии выявляют все новые уловки мошенников с использованием социальной инженерии, чтобы выманить у граждан персональные данные и даже оформить на них кредиты в режиме онлайн [1].

Показателен и собственный опыт автора. Как вузовский преподаватель, готовясь к очередному вебинару с курсантами КЮИ МВД России, принимаю звонок из Москвы с трогательной заботой о моем банковском депозите. Интеллигентный, взволнованный голос «банковского клерка» сообщает, что злоумышленники попытались проникнуть в мой личный кабинет, и для того, чтобы заблокировать транзакции, голос из далека просит сообщить реквизиты счета. ...Но у меня не открыт личный кабинет в Сбербанке. После этой реплики связь мгновенно прекращается.

Кибержульничество, кибермошенничество и другие преступления в цифровом мире подстерегают многих из нас на каждом шагу, особенно в сию пандемийную пору. Это обстоятельство и побудило автора серии девиантологических работ в ВЭПС и других социологических и юридических журналах еще раз обратиться к теме цифровизации и сетевизации социума и влияния этих глобальных социально-технологических процессов на девиантизацию общества все возрастающих рисков.

Действительно, информационные технологии радикально изменили мир постмодерна и жизнь отдельно взятого в нем человека.

С середины прошлого века начинается компьютерная эра. Компьютеры и информационные технологии постоянно совершенствуются, быстро и широко внедряются в многообразную деятельность человека. С развитием Интернета и социальных сетей социум меняется еще быстрее.

В итоге технологических и социальных сдвигов наряду с массой положительных результатов цифровизации человечество столкнулось со все возрастающей кибердевиантностью и киберпреступностью в виртуальном пространстве — новыми глобальными социальными вызовами и рисками. Ответы на них может дать интегративное социально-технологическое знание, которое формируется в новом предметном поле цифровой девиантологии на стыке социологии, юриспруденции, теории масс-медиа, математики, информационных технологий.

Что в главном характеризует хронологию социально-технологических перемен на рубеже и в первые десятилетия XXI в.?

Во-первых, благодаря техническому и технологическому прогрессу к концу XX столетия персональные компьютеры становятся доступ-

ными для массового потребителя. В начале нового века идет процесс развития связанных между собой компьютерных станций от частных и ведомственных закрытых сетей до открытой, глобальной информационной системы Интернет, объединяющей по каналам цифровой связи всех своих абонентов.

«Глобальная сеть» становится потенциально общедоступной различным пользователям с появлением графического браузера. Она предоставляет им неограниченные возможности для общения, создания, накопления, передачи, получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных. Интернет входит важной составной частью в повседневную жизнь и деятельность не только организаций, но и обычного человека. В последующем новые программные продукты и системы *online* доступа к «мировой паутине» с мобильных телефонов и других устройств многократно расширяют круг ее пользователей. По оптимистическим прогнозам, в 2020 г. количество пользователей интернета достигнет отметки в 5 млрд чел. [2, с. 31-40].

Во-вторых, с 2002 г. по настоящее время происходит стремительное распространение *online*-платформ и социальных сетей в Интернете. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной эпохи. Однако создание Интернета и *online*-платформ привело к многократному расширению социальных контактов и связей в реальном времени между множеством людей, распределенных по всему земному шару. В 2019 г. в мире насчитывалось 250 социальных сетей и их количество продолжает расти. Среди *online*-платформ особенно популярны «Facebook», «Twitter», «Instagram», «ВКонтакте», «Одноклассники». Стремительный рост числа сетевых связей наблюдается особенно в молодежной среде. По числу интернет-пользователей Россия занимает 8-е место в мире [2, с. 31-40].

1. *Цифровизация и цифровое общество в России*. За весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и цифровым технологиям обработки и передачи данных, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты *цифрового общества*. Процесс *цифровизации* («перехода на цифру») можно определить в широком социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности — жизни и деятельности человека. Особенно ярко и даже безальтернативно этот процесс заявил о себе в условиях пандемии коронавируса.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние на основные подсистемы российского социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на его социальную структуру («цифровая стратификация») и функционирование, вызывая новые социально-коммуникативные эффекты и практики. Цифровизация наиболее наглядно проявляет себя в экономической сфере. Весьма успешно она развивается в банковском деле, в распространении интернет-торговли, в транспортных системах, в нефте- и газодобыче, а также на ТВ и мультимедиа, в образовании и медицине. Примером реальной цифровизации в повседневной жизни россиян является использование интернета вещей в управлении транспортом с помощью Яндекс.Навигатора. По индексу цифровизации (*digital evolution index*) Россия находится на 39 месте, соседствуя с Китаем и Индией [2, с. 31-40].

Цифровизация как процесс движения к цифровому обществу – неотвратимый, но неоднозначный тренд. С одной стороны, она стимулирует позитивные социальные перемены. Например, в хозяйственной деятельности: исключает рутинный бумажный документооборот, ускоряет все технологические процессы, повышает производительность труда, прибыль, снижает издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров, минимизирует влияние ошибок, связанных «человеческим фактором».

С другой стороны, цифровизация уже сегодня создает немало социальных, экономических и правовых проблем. Среди них – феномен «цифрового неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми, в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. В цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы, учителя, госслужащие, банковские клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди, как жертвы массовой безработицы, могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, как и где хранятся, используются его данные.

2. *Сетевизация и online-общество.* Экономическая и социальная динамика нового века, происходящая под влиянием фундаментальных последствий информационных технологий, описывается в работах М. Кастельса. По его предположению, именно сети будут составлять новую социальную морфологию постиндустриального мира. В «сете-

вом обществе» все ключевые социальные структуры и деятельность его членов будут организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [3]. Действительно, в первые два десятилетия XXI в. благодаря развитию *online*-платформ в Интернете произошел взрывной рост социальных сетей – состоялась *сетевизация социума*. Сетевизация, происходящая за счет роста числа сетевых ресурсов и сетевых пользователей, достигла такого уровня к настоящему времени, что позволяет электронным коммуникациям с помощью *online*-платформ охватить практически все общности и социальные слои социума. Она привела к образованию и стремительному расширению *online*-сообществ. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное *online*-пространство представляет собой, по оценке Моссбергпер, «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [4, р. 211-238].

К плюсам сетевизации можно отнести: неограниченные социальные возможности для общения вне расстояния и времени, создание новых и поиск утраченных контактов, а также неограниченный потенциал для самовыражения и саморазвития личности, для обучения, чтения, просмотра и прослушивания, использования развлечений, для рекламы и продвижения бизнеса, интернет-торговли, организации заработка. Однако социально-технологический феномен сетевизации, как и цифровизация, порождает не только новые возможности, но и новые социальные проблемы, глобальные риски, связанные с распространением сетевой девиантности и виктимизацией сетевых пользователей.

3. *От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантизации социума.* Цифровизация создает невиданные ранее возможности для развития высокотехнологичной кибердевиантности и прежде всего ее криминальных форм: хищений, мошенничества, взломов и других проявлений инновационной, по Р. Мертону, адаптации девиантов в киберпространстве Интернета. В результате наблюдается всплеск *цифровой девиантизации* социума как распространение в киберпространстве «старых» и новых форм девиантности и преступности. Эти перемены иллюстрируют результаты многочисленных интернет-исследований. Так, в обзоре австралийских криминологов структурирован ряд киберпреступлений, обусловленных технологическими факторами цифровизации. Среди них:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным с помощью взломов, онлайн-атак и/или «вредоносных программ, вирусов»;

- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве [5].

В 2018 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических, глобальных рисков. По экспертным оценкам финансовый ущерб от кибератак в мировой экономике составил в 2019 г. до 2 трлн долл., в 2020 г. приблизится к 3 трлн долл. Причем эти оценки весьма условны, поскольку не отражают в полной мере положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций избежать репутационных потерь. По данным аналитиков Сбербанка, потери от киберпреступлений в 2017 г. во всех отраслях российской экономики оценивались в 550-600 млрд руб. В следующем году, согласно ожиданиям экспертов, размеры ущерба должны приблизиться к 1 трлн руб. [2, с. 31-40].

Online-платформы и социальные сети порождают не только *online-сообщества* и новые возможности для общения, но и социотехнологические предпосылки для дальнейшей цифровой девиантизации социума. Среди новых проявлений кибердевиантности следует выделить такие, как: сетевая зависимость с утратой навыков реального общения, бегство от действительности (искейперство), киберлудомания, виртуальные сексуальные домогательства и насилие; компьютерная педофилия; запугивание и киберпреследование, интернет-торговля наркотиками, пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей.

Кроме того, сетевизация является источником новых форм *кибервиктимизации*. Многие молодые люди, беспечно размещая в социальных сетях личную информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку *online*-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Так, серверы «Facebook» каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации. По мере роста *online*-сообществ быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы, где похищаются и продаются личные данные пользователей и клиентов, различных чаще всего банковских сервисов. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как

обладатели личных кабинетов – электронных кошельков, а также подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства, участвующие в сетевом общении. С кейса на данную тему и начинается эта статья.

4. *Интегративные исследования кибердевиантности и киберпреступности.* На протяжении десяти последних лет к изучению девиантности и других социальных феноменов Интернета активно обращаются зарубежные и отечественные социологи и девиантологи, другие представители обществоведения. В интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории масс-медиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Так, начиная с 2010-2012 гг. ряд американских и британских социологов (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис и др.) сосредоточили внимание на определении предметного поля цифровой социологии как интегративной науки о цифровом обществе и его киберфеноменах. В частности, Д. Лаптон обратил внимание на большой социальный смысл включения цифровых технологий, цифровых средств массовой информации и социальных сетей в повседневную жизнь современного человека. Особую роль цифровой реальности он увидел в контексте совершения киберпреступлений, наступления последствий цифровой виктимизации, цифрового неравенства и обеспечения социальной справедливости в цифровом мире. Для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Среди них: изучение *online*-сообществ, представителей маргинальных групп, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистов и групп ненависти.

Весьма интересные обобщения в рамках социологической рефлексии цифровой социальной реальности содержат публикации российских исследователей: М.В. Кибакينا, С.А. Гришаевой, В.Ф. Ницевича и др. В работах отечественных социологов широко обсуждается научный арсенал различных социологических концепций, подходов и методов, применяемых к осмыслению социальных аспектов цифровизации и сетевизации. Исследователи обращают внимание на социальные эффекты и проблемы, создаваемые Интернетом, популярными социальными сетями и медиа в российском обществе [6; 7].

В целом зарубежные и отечественные социологические работы посвящены анализу проблематики «цифрового разрыва в стратификации»; специфики функционирования социальных медиа, новых идентификационных процессов, новых коммуникативных, в том числе девиантных

практик. В результате непродолжительного развития цифровой социологии были концептуализированы такие понятия, как «цифровое общество», «социальная цифровизация», «цифровое неравенство», «цифровое наблюдение». Вместе с тем социальной теории цифровизации все еще нет, несмотря на существенный рост числа социологических интернет-исследований.

Судя по возрастающему количеству научных конференций и публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению киберпреступности и кибердевиантности как последствий цифровизации и сетевизации в мире постмодерна, специфики социального контроля над их проявлениями.

Весьма существенно то, что на начальном этапе цифровизации в конце XX в. и первые годы XXI в. интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был преимущественно обращен к киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов [5]. При изучении киберпреступлений, «сфокусированных на компьютере», в этот период еще используются традиционные теории преступности и объяснительные модели, выстроенные на их основе для обычных «уличных» краж.

На следующем – современном этапе с развитием цифровизации и сетевизации, когда невероятно возросла доступность *online*-информации, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения *online*-преступлений и девиаций, прежде всего в отношении обычных людей – пользователей цифровых услуг и сетевых ресурсов. Типичным инновационным способом кибератак и по сей день являются не только звонки частным клиентам банков, но и рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет-пользователям с целью войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество. Наряду с корыстной киберпреступностью, в исследовательский ракурс социологов и девиантологов вошли новые социально опасные проявления кибердевиантности. Они включают в себя: *online* сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-торговлю людьми и секс-туризм (Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер, 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования

и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.) [5]. В новом междисциплинарном поиске продуктивно работают и российские исследователи. Ряд оригинальных обобщений содержат публикации Я.И. Гилинского, Я.В. Костюковского, Д.Н. Карповой, С.В. Бондаренко, Ю.Ю. Комлева, В.А. Номоконова, Т.Л. Тропиной, Э.Л. Кочкиной, А.В. Федорова, М.В. Немова и многих других авторов.

Стало очевидно, что новые проявления кибердевиантности и способы совершения киберпреступлений стали сложнее, разнообразнее, динамичнее. Потенциал традиционных криминологических теорий оказался недостаточным для их объяснения и моделирования. Отсюда, для изучения кибердевиантности и киберпреступности в зарубежных и отечественных работах стали больше использоваться интегративные концепции и подходы. Эмпирические интернет-исследования в этой области широко опираются не только на бесконтактные методы сбора информации, но и вычислительные алгоритмы и аналитику «*big data*» («больших данных»), что весьма поучительно для отечественных молодых исследователей. Девиантологи и криминологи за рубежом активно ассоциируются в исследовательские группы с прикладными математиками, IT-специалистами. Так, например, поступили британские исследователи, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность [4].

Опыт изучения цифровой девиантизации социума формирует предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении социологических и юридических наук, семиотики, теории масс-медиа, математики и информационных технологий. Так, в работах криминологов Ш. Браун (2006), М. Яра (2012) К. Хейворда (2012) широко использовались идеи гибридизации социологических, криминологических и технологических знаний для исследования цифровых проявлений девиантности и преступности [5]. Эти и другие труды наметили основные пути построения интегрированного социально-технологического знания о природе и детерминации кибердевиантности и киберпреступности в первые десятилетия XXI в. Исследователи предложили для построения объяснительных моделей различных проявлений киберпреступности объединить знания из различных социальных и технологических дисциплин с опорой на непротиворечивые положения дополняющих друг друга криминологических теорий. Например, гибридизированный подход, обозна-

ченный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы киберпреступности.

Австралийские исследователи Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон – теоретики цифровой криминологии – также использовали интегративный подход, концептуализируя киберпреступность и кибердевиантность как техносоциальные практики в цифровом мире. Они исходили из объединения знаний социологии, криминологии, юриспруденции, политической науки, культурологии, теории масс-медиа, информационных технологий [5].

Таким образом, интегративное теоретико-эмпирическое изучение киберпреступности и кибердевиантности позволяет многомерно и диалектично моделировать причины и следствия, формы многообразной девиантной активности в цифровом обществе. Использование расширенной методологической триангуляции в интернет-исследованиях с привлечением бесконтактных опросных методик, контент-анализа цифровой текстовой и видеоинформации, вычислительных алгоритмов для обработки структурированных, неструктурированных «больших данных» и других эмпирических материалов – надежный путь для построения прогностических моделей киберпреступности и кибердевиантности [8, с. 97-104]. Возможность предвидеть с помощью аналитики «*big date*» время и место совершения киберпреступлений позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. Более того, за математически выверенным прогнозированием следует и выработка новых правовых форм и практик социального контроля в киберпространстве более адекватных социально-технологической реальности «цифрового мира», в том числе в условиях новых технологически и биологических обусловленных рисков, пандемий.

Литература

1. Банки рассказали о новых уловках. – URL: <https://news.mail.ru/economics/41522024/?frommail=1> (дата обращения: 28.04.2020).
2. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник КЮИ МВД России. – 2020. – № 1. – С. 31-40.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

4. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the Aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology. – 2016. – Vol. 56. – Iss. 2. – URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059> (дата обращения: 19.10.2019).

5. Stratton G, Powell A., Cameron R. Crime and Justice in Digital Society: Towards a ‘Digital Criminology’// International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2017. – № 6(2). – P. 17-33. – URL:http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev (дата обращения: 28.10.2019).

6. Кобакин М.В., Гришаева С.А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология. – 2019. – № 2 (1). – С. 4-9. – URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9> (дата обращения: 28.10.2019).

7. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. – 2018. – № (1). – С. 18-28. – URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28> (дата обращения: 28.10.2019).

8. Комлев Ю.Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 97-104.

Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии¹

Введение: в статье анализируется состояние современного общества постмодерна в ситуации цифровой девиантизации социума. Новые глобальные вызовы требуют разработки интегрированного социально-технологического знания в предметном поле таких новых областей науки, как цифровая девиантология и цифровая криминология.

Материалы и методы: в статье предпринята попытка систематизировать положения новых теоретических работ по кибердевиантности и киберпреступности, обобщить материалы интернет-исследований. Собранные автором англоязычные и отечественные источники обработаны методом качественного контент-анализа.

Результаты исследования: цифровизация и сетевизация стали новыми измерениями социума. Наряду с прогрессивными переменами они породили невиданные возможности для хищений, мошенничества, взломов, насилия и других новых форм негативной девиантности в киберпространстве. В последние годы сформировалось предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении девиантологии, криминологии, социологии, юриспруденции, семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математических. Для изучения киберпреступности и кибердевиантности исследователи обращаются к интегративным концепциям и подходам, широко используют не только бесконтактные методы сбора и обработки цифровой информации, но и вычислительные алгоритмы и аналитику больших данных.

Обсуждение и заключения: развитие цифровой девиантологии и криминологии закладывает теоретические основы для диалектического моделирования причинно-следственных связей, построения адекватных реалиям цифрового мира прогностических моделей отклоняющегося поведения. Эвристические возможности цифровой науки значительно улучшают использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур в деле обеспечения правопорядка и реализации социального контроля в XXI веке.

¹ Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 31-40.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, эпоха постмодерна, большие данные, цифровое общество, киберпреступность, кибердевиантность, цифровая криминология, цифровая девиантология

Digitalization, Networkization of Post-Modern Society and the Development of Digital Criminology and Deviantology

Introduction: the article analyses the state of current post-modern society under digital deviance of society. New global challenges require the development of integrated social and technological knowledge in the subject field of such new areas of the science as digital deviantology and digital criminology.

Materials and methods: the author attempted to systemize principles of new theoretical works on cyberdeviance and cybercrime, generalize internet-surveys. English and domestic sources collected by the author had been processed by qualitative content analysis.

Results: digitalization and networkization have become new dimensions of society. Along with progressive changes, they have created unprecedented opportunities for theft, fraud, hacking, violence and other new forms of negative deviance in cyberspace. In recent years, the subject field of digital deviance and criminology has formed, which lies at the intersection of deviance, criminology, sociology, law, semiotics, media theory and other sciences, including mathematics. To study cybercrime and cyberdeviance, researchers turn to integrative concepts and approaches, widely use not only contactless methods of collecting and processing digital information, but also computational algorithms and analysis of big data.

Discussion and conclusions: the development of digital deviantology and criminology lays the theoretical foundation for dialectical modelling of causal relations, building predictive models of deviant behavior adequate to the realities of the digital world. The heuristic possibilities of digital science significantly improve the use of limited law enforcement resources of police and other law enforcement agencies in law enforcement and social control in the XXI century.

Keywords: digitalization, networkization, post-modern era, big data, digital society, cybercrime, cyberdeviantry, digital criminology, digital deviantology

Введение

Технологии радикально меняют жизнь человечества и отдельно взятого человека. Середина прошлого века – это рубеж, с которого начинается компьютерная эра. Как известно, в 1941 году в США была разработана первая электронно-вычислительная машина «Марк I». Затем последовала серия ЭВМ: «Марк II, III, IV», ENIAC, EDVAC, IBM. В ноябре 1950 года коллектив под руководством академика С.А. Лебедева создал советскую ЭВМ – МЭСМ.

Изобретение компьютера – величайшее событие XX века, сопоставимое с появлением колеса, изобретением письменности, огнестрельного оружия, летательных аппаратов, с освоением космоса и покорением атома. Компьютеры и информационные технологии быстро и постоянно совершенствуются, широко внедряются в жизнь и деятельность человека во всех ее проявлениях. Компьютерные станции, а затем Интернет и социальные сети изменили общество постмодерна, в том числе мир криминальный.

В итоге технологических и социальных перемен происходит масштабная цифровая девиантизация социума. Появление новых и развитие «старых» проявлений кибердевиантности и особенно киберпреступности, потери, к которым они приводят, – это новые глобальные вызовы. Ответы на них может дать лишь интегрированное социально-технологическое знание, которое формируется в новом предметном поле таких областей науки, как цифровая девиантология и ее наиболее развитая часть – цифровая криминология.

Обзор литературы

Работа является продолжением серии публикаций автора по развитию девиантологии и криминологии как социологии преступности в интегративной парадигме применительно к новым социально-технологическим реалиям эпохи постмодерна (цифровизации и сетевизации), феноменам кибердевиантности и киберпреступности. Она подготовлена на основе изучения широкого круга новых англоязычных источников и исследований отечественных авторов, в том числе представленных в свободном доступе на интернет-ресурсах. К числу фундаментальных исследований в области цифровой криминологии нужно отнести работы британских криминологов Мэтью Уильямса и Пита Бернапа (Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology), австралийских исследователей Грега Стрэттона, Анастасии Пауэл и Роберта Кэмерона (Crime and Justice in Digital Society:

Towards a 'Digital Criminology'// International Journal for Crime, Justice and Social Democracy) и публикации других зарубежных ученых, а также российских социологов, девиантологов и криминологов.

Материалы и методы

В статье предпринята попытка систематизировать положения теоретических работ и обобщить материалы интернет-исследований в контексте цифровизации и сетевизации общества постмодерна и его цифровой девиантзации. Собранные автором материалы из англоязычных и отечественных источников обработаны с помощью метода качественного контент-анализа. Это позволило описать процессы цифровизации и сетевизации как новые измерения социума в эпоху постмодерна; специфику и различные проявления кибердевиантности и киберпреступности; методологию интернет-исследований, а также развитие новых интегративных областей социально-технологического знания — цифровую девиантологию и цифровую криминологию.

Результаты исследования

Хронология перемен в мире постмодерна такова, что, во-первых, в 50-е — 80-е годы происходит стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения, что многократно повышает мощность и быстродействие ЭВМ, емкость магнитных накопителей и технологические возможности для передачи цифровых данных. Эти сдвиги в технологиях приводят к удешевлению производства ЭВМ, их минитюаризации и персонализации при фантастическом росте вычислительного потенциала. Персональные компьютеры, в итоге, становятся доступными для массового потребителя. За короткое время они завоевывают мир: получают широкое распространение не только в системах управления, исследовательских и образовательных организациях, государственных учреждениях, в деловых офисах, но и в повседневной жизни обычного человека.

Во-вторых, с 80-х годов XX века до нулевых годов XXI века идет процесс развития связанных между собой компьютерных станций от частных и ведомственных закрытых сетей до открытой повсеместно объединяющей по каналам связи компьютеры и компьютерные сети в глобальную информационную систему Интернет. С появлением первого текстового браузера в 1991 году, а затем графического браузера в 1993 «глобальная сеть» становится потенциально общедоступной различным пользователям, предоставляя им практически неограниченные возможности для создания, накопления, передачи, получения тексто-

вых, графических, аудио- и видеоданных в цифровой форме. Современные черты Интернет приобретает к 1995 году после создания системы гипертекста (World Wide Web), «дружественных» браузеров для операционной системы Windows и удобных для пользователей сервисов. Он взрывообразно завоевывает мировую популярность, поскольку эффективно связывает и объединяет миллионы обычных людей по всему миру как постоянных пользователей гигантской цифровой библиотеки, осуществляющих почтовую переписку, online-общение в чатах, электронные покупки, обучение и развлечения. В последующем новые программные продукты и системы online-доступа к Интернету с мобильных сотовых телефонов и других устройств многократно расширяют круг пользователей «мировой паутины». В настоящее время большинство пользователей предпочитает выходить в Интернет с мобильных устройств. К концу 2018 года в мире было зафиксировано 5,3 млрд мобильных подключений и только 1,1 млрд подключений к Интернету с помощью проводной связи¹. К марту 2019 года число интернет-пользователей в мире превысило 4 млрд. В Китае насчитывается наибольшее число – 829 млн интернет-пользователей, в Индии – 560 млн, в США – 293 млн, в России – 109,5 млн². По оптимистическим прогнозам, в 2020 году количество пользователей Интернета достигнет отметки в 5 млрд человек.

В-третьих, с 2002 по 2010 годы происходит стремительное расширение online-платформ, социальных сетей в Интернете. Online-платформа (сайт социальной сети) предоставляет своим пользователям киберпространство, открывая неограниченные возможности для социального взаимодействия во времени и пространстве, для обмена различными типами контента. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной революции. Создание же Интернета и online-платформ привело к экспоненциальному расширению социальных связей между людьми и возникновению взаимосвязанных online-сообществ. Популярность социальных сетей в Интернете и сегодня обусловлена расширяющимися возможностями online-платформ и специальных сервисов для удобного общения, выстраивания социальных отношений, развлечений, образования, рекламы и бизнеса.

¹ Интернет-доступ (мировой рынок). URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

² Там же.

В 2019 году в мире насчитывалось 250 социальных сетей, их количество продолжает расти. Среди online-платформ особенно популярны Facebook, Twitter, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники». Так, Facebook – самая большая интернациональная социальная сеть, созданная в 2004 году. Количество аккаунтов в рамках этой платформы превышает 1,2 млрд. Twitter стал работать в 2006 году, объединив 0,5 млрд пользователей. Instagram появился в 2010 году и сегодня им пользуются 0,1 млрд человек. Самые популярные российские социальные сети основаны в 2006 году. Количество пользователей «ВКонтакте» приближается к отметке 300 миллионов; «Одноклассники» объединяют 290 млн человек¹. Рост числа сетевых пользователей продолжается и сегодня, особенно в молодежной среде.

За весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и информационным технологиям, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты цифрового общества. Процесс цифровизации («перехода на цифру») можно определить в широком социологическом значении как широкомасштабное внедрение информационных цифровых технологий во все сферы социальной реальности, жизни и деятельности человека.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние на основные подсистемы социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на социальную структуру общества («цифровая стратификация») и его функционирование, вызывая новые социальные, коммуникативные, девиантные эффекты и практики. Цифровизация особенно наглядно проявляет себя в экономической сфере. Поэтому нередко ее интерпретируют в узком смысле как процесс перехода к цифровой экономике. Прежде всего, это развитие интернет-банкинга, интернет-торговли, интернет-рекламы, электронных платежей, электронного документооборота, online-услуг, интернета вещей, электронного доступа к государственным услугам.

В число стран-лидеров цифровой экономики по индексу цифровизации (digital evolution index) входят Норвегия, Швеция, Дания, Южная Корея, США. Россия в этом рейтинге находится на 39 месте, соседствуя с Китаем и Индией². Цифровизация в России в целом находится на начальном этапе. Наиболее успешно она развивается в банковской сфере, в распространении интернет-торговли, в ТВ и мультимедиа, в

¹ Самые популярные соцсети в мире.ТОП-20.URL://<http://www.samye-populyarnye-socsety-v-mire-top-20> (датаобращения:25.10.2019).

² Что такое цифровая экономика? URL: <http://www.fingramota.org/teoria-finansov/iterm2198-2198-chto-takoe-tsifrovaya-ekonomika>. (дата обращения: 26.10.2019).

образовании и медицине, в транспортных системах, в нефте- и газодобыче. Примером реальной цифровизации в повседневной жизни россиян является использование интернета вещей в управлении транспортом с помощью Яндекс.Навигатора. Этот сервис обеспечивает обмен цифровыми данными в online-режиме между сервером, приложениями и водительским смартфоном без участия человека. Яндекс.Навигатором пользуются 13 млн российских водителей. Процесс цифровизации в России быстро набирает обороты. Так, по числу интернет-пользователей страна занимает уже 8-е место в мире. Закономерно, что вопросы развития цифровой экономики и других сфер бытия определены стратегией развития информационного общества в России на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203¹.

Цифровизация в экономике и других сферах общества постмодерна – неотвратимый, но неоднозначный тренд. С одной стороны, она стимулирует позитивные социальные перемены. Например, в хозяйственной деятельности: исключает рутинный бумажный документооборот, ускоряет все технологические процессы, повышает производительность труда, прибыль, снижает издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров, минимизирует влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором». С другой стороны, цифровизация уже сегодня создает немало социальных и экономических проблем. Среди них – феномен «цифрового неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми, в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. В цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы, учителя, госслужащие, банковские клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди, как жертвы массовой безработицы, могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Перевод личной и конфиденциальной информации на цифровые носители создает невиданную ранее зависимость человека от того, как и где хранятся и используются эти данные.

Внедрение новых открытий, как это уже не раз бывало в истории, приносит не только благо, но и вред: во все времена появляются новые, более технологичные преступления. Цифровизация создает невиданные ранее возможности для хищений, мошенничества, взломов и других форм негативной инновационной, по Р. Мертону, девиантности

¹ Кремлин.ру. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>. (дата обращения: 26.10.2019).

в киберпространстве Интернета. Понадобилось всего несколько высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера и первых компьютерных преступлений до массовой киберпреступности. В результате цифровизации экономики и сферы услуг, наряду со «старыми» киберпреступлениями, быстро распространяются новые формы киберпреступности и кибердевиантности. Эти перемены иллюстрируют результаты интернет-исследований. Так, в обзоре австралийских криминологов структурированы киберпреступления, обусловленные технологическими факторами:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и/или «вредоносных программ, вирусов»;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве [1].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических глобальных рисков. По одним экспертным оценкам, ежегодные потери мировой экономики в результате киберпреступлений достигают 500 млрд долларов. Для сравнения – годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 млрд долларов¹. По мнению других экспертов, финансовый ущерб от кибератак в мировой экономике составит в 2019 году до 2 трлн долларов, в 2020 году – до 3 трлн долларов². Причем и эти оценки весьма условны, поскольку не отражают реального положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций утаить реальные потери, чтобы сохранить репутацию и не растерять своих клиентов. По данным аналитиков Сбербанка, потери от киберпреступлений в 2017 году во всех отраслях российской экономики оцениваются в 550-600 млрд рублей. В следующем году планировалось, что размеры ущерба должны были приблизиться к 1 трлн рублей³.

¹ ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>

² МИД РФ: ущерб мировой экономике от киберпреступности в 2019 году может достичь \$2 трлн. URL: <https://www.tass.ru/politika/5551244> (дата обращения: 20.10.2019).

³ Данные исследования Сбербанка и его дочерней компании Vi.Zone «Новые вызо-

Мир постмодерна в начале XXI века, благодаря распространению online-платформ и взрывному росту социальных сетей в Интернете, иначе говоря, в силу сетевизации, приобрел еще одно новое измерение, которое характеризуется термином «сетевое общество». По оценке М. Кастельса, именно сети составляют новую социальную морфологию современного социума. С его точки зрения в «сетевом обществе» все ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [2]. Сетевизация, как было показано выше, достигла такого уровня к настоящему времени, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и социальные слои. Она привела к образованию и стремительному расширению online-сообществ. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой, по оценке Моссбергпер, новую «социально-техническую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [3].

Среди явных плюсов сетевизации: неограниченные возможности для общения вне расстояния и времени, создание новых и поиск утраченных контактов, а также неограниченный потенциал для самовыражения и саморазвития, обучения, чтения, просмотра и прослушивания, развлечений, для рекламы и продвижения бизнеса, интернет-торговли, организации заработка.

Феномен сетевизации, как и цифровизация, порождает не только новые возможности, но и новые проблемы, глобальные риски. Среди отрицательных моментов сетевизации и сетевой активности, особенно в среде молодежи, следует выделить новые формы кибердевиантности. Среди них: сетевая зависимость и утрата навыков реального общения, бегство от действительности (искейперство), киберлудомания, виртуальные сексуальные домогательства и насилие, компьютерная педофилия, запугивание и киберпреследование, интернет-торговля наркотиками, пропаганда ненависти, распространение экстремистских идей и сетевой кибертерроризм. Многие молодые люди, беспечно размещая в социальных сетях личную текстовую информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Так, например, серверы Facebook каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации. Не афишируемое online-платформами

«коллекционирование» сведений о сетевых пользователях порождает предпосылки для виктимизации. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства. Доступность сетевой online-информации значительно расширяет возможности не только для виктимизации пользователей, но и для появления новых форм киберпреступности и кибердевиантности.

По мере роста online-сообществ, расширения социальных сетей быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы. Разумеется, не вся информация в «темной паутине» обязательно является незаконной. Тем не менее, этот сегмент сети обеспечивает идеальную среду для распространения незаконного контента, ориентированного на распространение экстремистских идей и кибертерроризм, изготовление отравляющих, взрывчатых веществ и другого оружия, вовлечение молодых людей в суицидальное поведение и отклонения в сексуальном поведении.

Цифровизация и сетевизация, вооружая киберпреступников и кибердевиантов новыми технологическими возможностями, создают и относительно безопасную среду для эскалации криминальной активности в киберпространстве. При этом система формального социального контроля сдерживать волну цифровой девиантизации социума не может в условиях несовершенного законодательного регулирования, поскольку в Интернете практически заблокирована реализация классического принципа неотвратимости наказания.

Законодатели разных стран, реагируя на глобальные вызовы в цифровой сфере, принимают законы, направленные против киберпреступлений, вводят и совершенствуют уголовную ответственность за их совершение. Однако консервативное уголовное законодательство с национальной юрисдикцией и, тем более, правоприменительная практика в силу инерции отстают от требований дня, что порождает серьезные проблемы в сфере обеспечения кибербезопасности. Кроме того, эти проблемы обусловлены дефицитом подготовленных для правоохранительной системы кадров, недостаточно развитым международным сотрудничеством, взаимодействием между бизнесом и правоохранителями по вопросам безопасности в киберпространстве.

Вместе с тем Интернет и социальные сети создали предпосылки для трансформации традиционных форм управления и обеспечения социального порядка, стимулировали работу над созданием и внедрением новых цифровых форм социального контроля и слежения за пользова-

телями «мировой паутины», участниками сетевого общения. Цифровой мониторинг и другие практические аспекты совершенствования социального контроля в цифровом мире все еще недостаточно отражены в работах интернет-исследователей.

Однако на протяжении десяти последних лет к изучению социальных эффектов Интернета, воздействию процессов цифровизации и сетевизации на социум и человека активно обращаются зарубежные и отечественные социологи, другие представители обществоведения. В интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории масс-медиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Так, начиная с 2010-2012 годов ряд американских и британских социологов (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис и др.) сосредоточили внимание на определении предметного поля цифровой социологии как интегративной науки о цифровом обществе и его киберфеноменах. В частности, Д. Лаптон обратил внимание на большой социальный смысл включения цифровых технологий, цифровых средств массовой информации и социальных сетей в повседневную жизнь современного человека. Особую роль цифровой реальности он увидел в контексте совершения киберпреступлений, наступления последствий цифровой виктимизации, цифрового неравенства и обеспечении социальной справедливости в цифровом обществе. Для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Одно из них – формирование киберобщностей: сетевых пользователей, представителей маргинальных сообществ, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистских групп и групп ненависти.

Весьма интересные обобщения в рамках социологической рефлексии цифровой социальной реальности содержат публикации и российских исследователей: О.В. Крыштановской, М.В. Кобакина, В.Ф. Ницевича, И.В. Грошева и др. В работах отечественных социологов широко обсуждается научный арсенал различных социологических концепций, подходов и методов, применяемых к осмыслению социальных аспектов цифровизации и сетевизации. Исследователи обращают внимание на социальные эффекты и проблемы, создаваемые Интернетом, социальными медиа и популярными online-платформами в российском обществе [4]. В целом зарубежные и отечественные социологические работы посвящены анализу проблематики «цифрового разрыва в стратификации»; специфики функционирования социальных медиа, новых идентификационных процессов, новых коммуникативных, в том чис-

ле девиантных практик. В результате непродолжительного развития цифровой социологии были концептуализированы такие понятия, как «цифровое общество», «социальная цифровизация», «цифровое неравенство», «цифровое наблюдение» и др. [5]. Вместе с тем социальной теории цифровизации все еще нет, несмотря на существенный рост числа социологических интернет-исследований.

Технологические и социальные сдвиги в киберпространстве привели к тому, что с постоянным ростом числа интернет-пользователей, развитием цифровой экономики и сферы online-услуг постоянно формируются и пополняются колоссальные массивы цифровых данных. Online-платформы аккумулируют персональные сведения об участниках сетевого общения. В этой информации находит отражение гипертрофированное стремление большого числа пользователей «мировой паутины» к самопрезентации; желание давать собственные оценки тем или иным фактам (комментарии, лайки, посты, репосты), в том числе и криминальным событиям. В теневом секторе киберпространства сохраняется и стремительно приумножается незаконный контент. Отсюда эмпирическую основу для изучения социальных эффектов и проблем Интернета, феноменов кибердевиантности составляют материалы субъективной статистики, полученные с использованием бесконтактных опросных методик, содержательного анализа цифровой текстовой и видеоинформации.

Судя по возрастающему количеству научных конференций и публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные, отечественные исследователи проявляют к изучению новых форм киберпреступности и кибердевиантности, специфики информационного социального контроля над ними, других социальных феноменов и последствий цифровизации и сетевизации в мире постмодерна.

В итоге сформировалось предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении девиантологии, криминологии, социологии, юриспруденции, семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математических. Разумеется, терминология в этой области исследований еще не устоялась. Так, киберпреступление, киберпреступность — все еще чрезвычайно дискуссионные термины, которые обсуждаются в работах девиантологов и криминологов, например, Я.В. Костюковского, Д.Н. Карповой, С.В. Бондаренко, Ю.Ю. Комлева, В.А. Номоконова, Т.Л. Тропиной, Э.Л. Кочкиной, А.В. Федорова, М.В. Немова и многих других. Нет определенности

относительно феномена киберпреступности в юридическом дискурсе, в уголовном законодательстве. Киберпреступность нередко интерпретируют предельно широко: как «преступления в сфере компьютерной информации»; «преступления с использованием компьютерных технологий»; «преступления, совершаемые в киберпространстве». Впрочем, одно из рабочих определений киберпреступности, адекватное начальному этапу цифровизации, приводит профессор В.А. Номоконов. Оно состоит в том, что киберпреступность – это «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [6]. В англоязычных источниках обычно предлагаются наиболее общие конструкции, в соответствии с которыми киберпреступность определяется, как «любая преступная деятельность, включающая использование информационных технологий»; «преступная деятельность, которая осуществляется с помощью компьютеров или Интернета»; «преступная деятельность, которая связана с Интернетом, компьютерной системой или компьютерной технологией»; «преступления, в которые вовлечены компьютер и сеть». Более поздние определения киберпреступности концентрируют внимание на компьютере как инструменте и одновременно как объекте преступления. Например, киберпреступность – «это преступления, совершенные в Интернете с помощью компьютеров, которые используются в качестве инструмента или целевой жертвы» [7]. Примечательно, что во всех этих трактовках отсутствует человек как жертва высокотехнологичного преступления. Отсюда с девиантологической точки зрения киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей.

В англоязычных источниках находит отражение и многообразие определений цифровой криминологии. За рубежом криминология рассматривается чаще всего как наука социологическая, поскольку преступность – ее объект – явление социальное [2, 8]. Иногда она определяется как область социальных наук, которая занимается изучением и анализом преступности, причин преступного поведения, что также вполне укладывается в девиантологический дискурс. Судя по публикациям на тему киберпреступности, можно встретить такие

словосочетания, как «компьютерная криминология», «вычислительная криминология», «виртуальная криминология», «киберкриминология», «алгоритмическая криминология», «цифровая криминология». Несмотря на некоторые смысловые различия, все эти концепты, по сути, используются как синонимы. Так, компьютерная криминология рассматривается исследователями как междисциплинарная область социальных исследований, которая занимается изучением и анализом преступности, порожденной широким использованием компьютеров. Вычислительная криминология объединяет криминологические исследования с методами прикладной математики и информационными технологиями.

На начальном этапе цифровизации в конце XX и первые годы XXI века интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был преимущественно обращен к киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов [1]. В этот исследовательский период чаще всего используется концепт «компьютерная криминология». Изучение киберпреступлений, «сфокусированных на компьютере», хорошо описывает метафора, предложенная П. Грабоски – «старое вино в новых бутылках». Иначе говоря, традиционные теории преступности и объяснительные модели, выстроенные на их основе для обычных «уличных» краж, были еще вполне применимы и для описания причин киберпреступлений в отношении организаций, использующих обработку цифровых данных с помощью компьютеров¹.

На следующем историческом этапе с дальнейшим развитием цифровизации и сетевизации, когда невероятно возросла доступность online-информации, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения online-преступлений и девиаций, прежде всего, в отношении многочисленных частных пользователей. Различные формы нелегального обогащения в условиях сетевого обмена и обращения к различным ресурсам Интернета (интернет-серфинга) породили и новую специфическую кибермотивацию преступников. Они стали атаковать не только вычислительные машины

¹ Grabosky P.N. Virtual criminality: Old wine in new bottles? // Social & Legal Studies. 2001. № 10 (2).

и базы данных финансовых и других деловых организаций с помощью вирусов-шифровальщиков и внедрения вредоносных программ (supply chain-атак), но и обычных людей – пользователей цифровых услуг и сетевых ресурсов с помощью инновационных криминальных приемов. В их числе типичным способом является рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет-пользователям, с тем чтобы войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество.

Внимание ученых, изучавших в этот период киберпреступность, расширилось до изучения новых форм негативной кибердевиантности. Они включали в себя online сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-бизнес, секс-торговлю людьми и секс-туризм (Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), домогательств, кибертерроризма и распространения инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.).

Стало очевидно, что новые формы и способы совершения киберпреступлений, другие проявления кибердевиантности, вызванные цифровизацией и сетевизацией, интенсивными социальными изменениями в обществе, стали сложнее и разнообразнее. Отсюда следует, что для их моделирования и объяснения уже не вполне подходят традиционные криминологические теории, построенные без учета теоретической интеграции и социотехнологических эффектов цифрового общества. В публикациях криминологов в этот период все чаще стал использоваться концепт «цифровая криминология».

В последнее время развитие цифровой криминологии и исследовательской практики пошло по интегративному пути. Зарубежные криминологи активно ассоциируются в исследовательские группы с прикладными математиками, IT-специалистами [8]. Для изучения киберпреступности и кибердевиантности они стали больше обращаться в криминологической теории – к интегративным концепциям и подходам, в эмпирических исследованиях – не только к бесконтактным методам сбора и обработки цифровой информации, но и к вычислительным алгоритмам и аналитике big data (большие данные). Так, например, поступили британские криминологи, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность [3].

В работах криминологов Ш. Браун (2006), М. Яра (2012) К. Хейворда (2012) также широко использовались идеи гибридизации социологических, криминологических и технологических знаний. Эти и другие

труды наметили основные пути построения интегрированного социально-технологического знания в цифровой криминологии о природе и детерминации киберпреступности. Исследователи предложили для построения объяснительных моделей различных проявлений киберпреступности объединить знания из различных социальных и технологических дисциплин с опорой на непротиворечивые положения дополняющих друг друга криминологических теорий. Для усиления эвристического потенциала гибридного подхода они обосновали необходимость широкого привлечения математических методов и алгоритмов для обработки и анализа больших сетевых данных о преступности и преступниках. Например, гибридизированный подход, обозначенный Ш. Браун, далеко выходит за пределы ответственности традиционной криминологии и становится частью криминологии, цифровой или виртуальной, поскольку позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы киберпреступности в эпоху постмодерна.

Австралийские исследователи Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон – теоретики цифровой криминологии – также использовали интегративный подход, концептуализируя киберпреступность и кибердевиантность как техносоциальные практики в цифровом мире, а цифровизацию общества интерпретировали как совмещение цифрового и социального. Криминологи, опираясь на теории сетевого и цифрового общества, стали рассматривать киберпреступность и кибердевиантность в еще более интегративном ракурсе. Они исходили из объединения знаний в области информационных технологий, социологии, криминологии, политической науки, культурологии, теории масс-медиа, а также юриспруденции.

Цифровая криминология в интерпретации этой группы ученых дает объяснение стимулирующему воздействию информационных технологий на феноменологию киберпреступности и создает интегративную платформу для расширения границ интегративной теории киберпреступности и ее эмпирического исследования [1].

Обсуждение и заключения

Таким образом, наряду с онтологическими предпосылками, обусловленными процессами цифровизации и сетевизации в глобальном мире постмодерна, сложились и гносеологические условия для развития

цифровой криминологии и, следовательно, цифровой девиантологии, поскольку они соотносятся как часть и целое.

Цифровая девиантология задает более широкое предметное поле, раздвигает границы, как теории, так и исследовательской практики, при изучении преступности и других взаимосвязанных с нею форм негативной девиантности, получивших широкое распространение в киберпространстве Интернета, в социальных сетях.

Интегративное изучение киберпреступности и кибердевиантности в рамках цифровой девиантологии позволяет многомерно и диалектично моделировать причины и следствия, формы многообразной девиантной активности в цифровом обществе, о чем убедительно свидетельствует, судя по англоязычным источникам, зарубежный опыт. Это актуальное направление в развитии девиантологии создает интегративную теоретическую основу, немалые вычислительные и эвристические возможности для изучения, предупреждения новых общественно опасных форм киберпреступности и кибердевиантности. Использование на теоретической платформе цифровой девиантологии бесконтактных опросных методик, контент-анализа цифровой текстовой и видеоинформации, вычислительных алгоритмов для обработки структурированных, неструктурированных «больших данных» и других эмпирических материалов – надежный путь для построения прогностических моделей киберпреступности и кибердевиантности. Возможность предвидеть с помощью аналитики big data время и место совершения преступлений позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. Более того, за математически выверенным прогнозированием следует и выработка новых правовых форм и практик информационного социального контроля над киберпреступностью и кибердевиантностью, более адекватных социально-технологической реальности быстро меняющегося «цифрового мира».

Литература

1. Stratton G., Powell A. and Cameron R. Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'// International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2):17-33. 2017.[Электронный ресурс]. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev. (дата обращения: 28.10.2019).
2. Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. John Wiley & Sons, 15 August 2000.

3. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology, Volume 56, Issue 2, March 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059> (дата обращения: 19.10.2019).

4. Кибакин М.В., Гришаева С.А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология/Digital Sociology. 2019;2(1):4-9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9> (дата обращения: 28.10.2019).

5. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология / Digital Sociology. 2018;(1):18-28. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28> (дата обращения: 28.10.2019).

6. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. №1(24). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.10.2019).

7. Aghatise J. Cybercrime definition [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265350281_Cybercrime_definition (дата обращения: 29.10.2019).

8. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.

9. Комлев Ю.Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // Вестник ВЭПС. 2019. № 3.

**Семья в эпоху постмодерн:
ракурс интегративного социологического
исследования
(итоги всероссийского круглого стола)¹**

В статье описаны социальные перемены, функции и дисфункции института семьи эпохи постмодерна. Автором показаны эвристические возможности интегративного подхода по изучению семьи в условиях быстрых социальных изменений.

Ключевые слова: семья, брак, постмодерн, интегративный подход, дисфункции семьи, социальный контроль.

**Family in the Postmodern Era:
the Perspective
of an Integrative Sociological Study**

The article describes the social changes, functions and dysfunctions of the family institution in the postmodern era. The author shows the heuristic possibilities of an integrative approach to the study of the family in the context of rapid social changes.

Keywords: family, marriage, postmodernism, integrative approach, family dysfunctions, social control.

В условиях постмодерна в российском обществе, как и в мире в целом, под влиянием социокультурных, технологических и иных изменений – в том числе глобализации, миграции, девиантизации, цифровизации и виртуализации социальной реальности – фантастически возросли изменчивость, неопределенность, инновации и риски во всех аспектах личной и общественной жизни человека. Не стала исключением и сфера брачно-семейных отношений. Изменился образ семьи и основные практики людей в поле сексуальности и семейного строительства в XXI в. по сравнению с веком XX.

Очевидно, что с развитием социальных институтов многие материальные и даже нематериальные потребности современный человек мо-

¹ Научный компонент. 2020. 4 (8). С. 121-129.

жет удовлетворить без ведения домашнего хозяйства, без отношений родства и брака, супружества, кооперации с родственниками и даже без взращивания и социализации новых поколений, выступающих на смену предыдущим. Семья эпохи постмодерн как объект исследования приковала к себе пристальное внимание специалистов в области социологии, социологии права, девиантологии, юриспруденции и многих других научных областей.

Впрочем, социокультурные и функциональные аспекты брака и семьи, традиционно привлекали внимание социологов, юристов и социальных психологов (как классиков, так и современников). Этот факт находит отражение в превосходных работах М. Ковалевского, П. Сорокина, Т. Парсонса, К. Дэвиса, Э. Гидденса, Р. Хилла, Д. Хансена, У. Гуда, Р. Фридмана, А.Г. Харчева, С. Голода, А. Антонова и многих других отечественных и зарубежных исследователей.

Традиционный социологический анализ семьи и брака чаще всего осуществляется на макроуровне (семья и брак как социальные институты). Т. Парсонс и К. Дэвис считали, что семья – одна из ключевых функциональных подсистем общества, «работа», которая обеспечивает его устойчивость посредством воспроизводства населения, социализации и «поддержания образца». Брак на основе комплекса социальных правовых и неправовых норм, обязанностей легитимизирует одобряемые обществом не только разрешенные, но и обязательные сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, состоящими в брачном союзе.

Все чаще социологи изучают семью в междотраслевом или дисциплинарном ключе. Этот ракурс заключается в пристальном внимании к фундаментальному значению посредничества института семьи во взаимодействиях личности и общества, гармонизации взаимосвязей гражданина и государства. Официальная регистрация брака неотделима от права, связанного с ним. Оно регулирует вопросы расторжения брака, раздела или наследования имущества, совместно нажитого супругами, обязательства по отношению к детям. Государство берет на себя определенные функции по поддержке и защите брака и налагает на вступивших в брак определенную ответственность за материальное обеспечение и социализацию детей, а следовательно, за будущее семьи и социума в целом. Не случайно новая редакция Конституции России 2020 г. защищает традиционный для российского общества образ брачно-семейных отношений. Поэтому предметное поле междисциплинарных исследований теснейшим образом связано с социологией права,

семейным правом, поскольку анализу подвергаются социально-правовые проблемы брака и семьи, процессы легитимизации, становления и распада семьи во взаимодействии с другими социальными институтами и государством. Создание законодательных основ федеральной и региональной политики в области брачно-семейных отношений – это одна из продуктивных областей междисциплинарного сотрудничества социологов и юристов. В интеграции научных усилий социологов и правоведов по изучению семьи все большее значение приобретает девиантологический дискурс, в русле которого обсуждаются не только ее дисфункции, но и проблематика девиантной социализации детей и подростков, пути совершенствования неформального социального контроля в этой сфере.

С конца XX в. и до наших дней в отечественной общественной науке наблюдается теоретический плюрализм, развивается интегративная перспектива анализа социальных институтов, в том числе института семьи. Суть ее в том, что различные методологические подходы: структурно-функциональный, интеракционистский, конфликтологический, феминистский, постмодернистский в той части, в которой они не противоречат друг другу, существенно дополняют и обогащают эвристический потенциал интегративного социологического исследования семейной проблематики.

Как известно, наиболее разработан структурно-функциональный анализ семьи как социального института. Функционалисты традиционно изучают функционирование семьи, ее связи с другими институтами общества и то, какой взнос она вносит в общественное благосостояние и социальные изменения. Семья – универсальный институт, несмотря на то что формы брака и семьи как продукты культуры контекстуальны и существенно отличаются в разных социумах и на разных этапах исторического процесса. Тем не менее универсальность семьи обеспечивается тем, что она реализует шесть специфических функций, удовлетворяющих базовые потребности людей, что обеспечивает выживание и сохранность любого общества. Это репродуктивная функция (рождение детей и воспроизводство самого человека), социализация детей, забота о больных и пожилых, отдых, сексуальный контроль, хозяйственно-бытовая. Специфические функции в основе своей остаются неизменными, пока существует институт семьи. Может измениться характер взаимоотношений в семье, однако до тех пор, пока в обществе существует необходимость в воспроизводстве вида *homo sapiens*, специфические функции семьи не теряют своего значения.

По мере перехода от модерна к постмодерну с развитием социальных институтов социум и государство все в большей мере оказывают помощь семье в процессе воспитания и социализации подрастающего поколения, в решении хозяйственно-бытовых вопросов и рекреации. При этом имеют место и дисфункции семьи как социального института, на чем справедливо концентрируют внимание девиантологи и функционалисты. Так, относительная изоляция нуклеарной семьи в отличие от расширенной приводит к тому, что ее члены не могут рассчитывать на помощь большого числа родственников в вопросах материальной или эмоциональной поддержки. По мере урбанизации нарастают отчуждение и социальные дистанции между ближайшими родственниками, снижается значение расширенной, а тем более нуклеарной семьи в механизмах социального контроля. Нуклеарные семьи оказываются весьма уязвимы перед эмоциональной перегрузкой в случае потери работы или иного стресса. Это давление в условиях быстрых социальных изменений создает большую нагрузку на каждого члена семьи.

В эпоху постмодерна с развитием феноменов виртуализации социальной реальности любовь, брак и семья все меньше определяются реальными материальными, физиологическими и тому подобными потребностями и все больше становятся производными от образов сексуальности и семьи, создаваемых/конструируемых индивидами, а чаще заимствованных из массового медийного пространства или продукции киноиндустрии. По мнению постмодернистов, семья подразумевает эмоциональные и родственные связи между людьми, которые сами определяют свои отношения как семейные [2, с. 209].

В мире постмодерна физиологические потребности все чаще удовлетворяются без жесткой идентификации/ориентации, без официального принятия обязательств в отношении партнера и потомства. Ныне санкционируется практически любая ориентация сексуального поведения. Сексуальная свобода выражается в практиках «открытых отношений», пробных браков, партнерства/сожительства, которые еще несколько десятилетий назад в эпоху модерна были девиациями. Так, если в Европе и России сожительство в 1960-е годы было морально рискованным поведением, а в США и некоторых католических странах считалось почти правонарушением, то к миллениуму сожительство и пробный брак стали рутинными практиками в западном полушарии. Порядка четверти неженатых мужчин и незамужних женщин в возрасте 25-40 лет живут, не оформляя брак со своим сексуальным партнером. Растет число детей, рожденных вне брака. На рубеже и в начале

XXI в. в сети Интернет происходит отчуждение интимной сферы человеческой сущности, естественной природы человека в изолированные формы киберпротезирования сексуальных отношений с использованием порнопродукции и глобальной системы виртуального секса. Все это свидетельствует о виртуализации брака как института в обществе постмодерна [1, с. 58-59].

Институциональное регулирование сексуального поведения становится все более виртуальным, а не реальным, как это было в эпоху модерн. Интегративная перспектива анализа семьи в социологических исследованиях на основе положений и результатов структурно-функционального и постмодернистского подходов – весьма продуктивный методологический фрейм.

Постмодернизм в исследованиях брака и семьи предполагает критический пересмотр основных теорий сексуальности и семьи, созданных в эпоху модерн как не вполне соответствующих возросшей скорости социальных изменений в брачно-семейной сфере. Постмодернистский подход позволяет полнее «подключить» эвристические возможности девиантологического дискурса для обсуждения семейных проблем, в частности семейного насилия. Так, еще в конце XX в. общенациональное виктимологическое исследование в США (1976 г.) показало, что растет семейное насилие: 25% всех нападений на женщин были совершены их настоящими или бывшими мужьями. Интервью с избитыми замужними женщинами подтверждали, что они подвергались мужскому насилию не в единичных случаях, а систематически, нередко в течение нескольких лет супружества. Проблема физического насилия в отношении замужних женщин с тех пор публично артикулируется, увязывается со статистикой разводов, однако практики семейных побоев, особенно в России и других странах СНГ, еще весьма поверхностно изучены.

Социологи-постмодернисты развивают интегративную перспективу анализа социальных проблем семьи на основе объединения непротиворечивых положений как модернистских, так и постмодернистских теорий и методов, широко опираются на дискурсивный анализ и реконструкцию как методы исследования пересечения предметных полей социологии семьи, социологии права и девиантологии. В рамках социологического исследования такой подход обеспечивает более широкий охват дополняющих друг друга знаний, накопленных современной социологией, что позволяет избежать фрагментарности и точнее учесть перемены и проблемы в функционировании институтов брака и семьи.

Обзор материалов интегративных исследований показывает, что на рубеже веков на «семейном фронте» сначала в западном мире, а затем и в России базовые практики брачно-семейного поведения модерна претерпевают заметные трансформации. Так, зачастую молодые люди не соблюдают ритуалы добрачного поведения, не дожидаются согласия родителей на брак, не регистрируют его, а переходят к апофеозу любви и совместной жизни в рамках «открытых отношений», партнерства или сожителства. В атомизированном, эфемерном, индивидоцентричном мире культуры постмодерна выбор брачного партнера крайне индивидуален, затруднителен, поскольку сопровождается ошибками и разочарованиями. При этом он практически не зависит от родительской позиции в этом вопросе.

В Европе, Америке, России в XXI в. любовь все еще остается главным основанием на пути ко вступлению в брак и созданию семьи. Однако в отличие от интерпретаций фольклора любовь как социальный феномен, безусловно, не слепое чувство. Нередко влюбленность миллионеров дополняет и здравый расчет. Для выбора брачного партнера значение имеют и такие социальные характеристики молодых, как возраст, образование, социальный класс, этничность, раса и религия. Если бы было иначе, то семейные модели были бы совершенно размыты, неустойчивы и непредсказуемы. Однако процесс, судя по открытым статистическим фактам, развивается в этом направлении, поскольку больше трети браков расторгаются в первые годы совместной жизни.

Как известно, основные установки относительно сексуального поведения у европейцев, в том числе россиян, веками формировались христианством. Допустимыми считались лишь гетеросексуальные связи в рамках брака и семьи. В целом церковный подход сводил сексуальную жизнь к минимализму, необходимому лишь для реализации деторождения. Абсолютное большинство девушек были девственны до брака и совершенно невежественны в вопросах сексуального поведения. Викторианская эпоха изобиловала сексуальным лицемерием. Считалось, что добродетельные женщины должны быть равнодушны к любви и сексуальному удовлетворению, принимая ухаживания своих супругов в браке лишь в силу долга. При этом многие вполне благопристойные мужчины отличались супружеской неверностью, что не порицалось общественным мнением. Скандал за адюльтер грозил лишь женщине, если он становился достоянием гласности.

Ряд общественных движений в Европе и США, и прежде всего феминистского толка, бросили вызов традиционным христианским цен-

ностям в вопросах половой морали. Либеральные установки среди женщин относительно сексуальности стали распространяться в общественном мнении начиная с 1960-х гг. XX в. Контркультура и образ жизни хиппи активно проповедовали свободу от условностей буржуазного мира вообще и сексуальную свободу в частности. Медикаментозный контроль и новые средства контрацепции защитили женщин от нежелательной беременности, что позволило отделить сексуальное удовольствие от репродуктивной функции.

Феминистские организации повели активную борьбу за большую независимость женщин от сексуальных ценностей мужчин, за отказ от «двойных стандартов», за обеспечение потребности женщин достигать большего удовлетворения в сексуальных отношениях. В кино и театре стали показывать сцены, которые прежде были непристойными и совершенно недопустимыми. Половое удовлетворение расценивалось общественностью как крайне желательная и важная черта брачных отношений. Увеличилось количество бракоразводных процессов.

В результате сексуальных революций (то есть очень быстрых изменений) в мире постмодерна стало значительно более терпимым отношение людей к добрачным связям и разнообразию половой жизни. В итоге сформировалось различное отношение в обществе к сексуальному поведению мужчин и женщин – «двойной стандарт», который нередко проявляется и по сей день, что находит отражение в девиантации сексуальных отношений с распространением проституции и других отклонений. Законодатели некоторых европейских стран на рубеже XXI в. «нормализовали» гомосексуальные браки. Семейные группы, объединяющие взрослых членов одного пола, стали легальными в Дании (1989 г.), Норвегии (1993 г.), Швеции (1995 г.), Голландии (1998 г.).

На быденном языке сексуальную революцию можно представить как моральную эмансипацию женщин или переход к единому стандарту сексуального поведения для мужчин и женщин. Итогом стало переосмысление нравственно-эмоциональных понятий и ценностей (новое отношение к девственности, тщательный отбор сексуального партнера нередко методом проб и ошибок, рост в жизни человека роли эротического наслаждения). Революционные сдвиги в сфере морали существенно изменили поведение большинства девушек, зрелых женщин и некоторой части мужчин. Словом, за последние десятилетия в вопросах любви, секса, брака, семьи произошли очень серьезные стремительные изменения.

Распространение разнообразных, в том числе раскрепощенных, моделей сексуального поведения до брака неизбежно повлекли за собой трансформацию семейно-брачных отношений. На рубеже веков сожителство, к примеру в США, было в 8 раз больше распространено, чем в 1980-е годы прошлого столетия. Около половины супружеских пар стали жить вместе до бракосочетания. Хотя еще несколько поколений назад эти практики занимали только 8% и считались девиантными. Существенно снизилась рождаемость, увеличился и продолжает расти удельный вес разводов, серийных браков и неполных семей [3, р. 342].

В мире постмодерна (нулевые, десятые годы XXI в.) произошла дальнейшая глобализация современной мира-системы за счет цифровизации и сетевизации социума, продолжилась эмансипация женщин. Весьма существенную роль в этом процессе играют сексуализация литературы и кино, массовое производство и потребление доступных за счет оцифровки аудиовизуальных эротических материалов, распространение проституции, возросшая социальная мобильность молодежи и ослабление родительского, а также в широком смысле социального контроля, существенно изменившие половую мораль широких масс.

В итоге у значительной части юношей и девушек мира постмодерна возникла иллюзия абсолютной свободы и вседозволенности в сексуальной сфере. Многие молодые люди стали руководствоваться в принятии решений не страхом перед возможными последствиями, а либеральными ценностями. Чем меньше внешних запретов, тем важнее индивидуальный самоконтроль, тем выше ответственность человека за принимаемые решения. Это значит, что индивид должен лучше знать себя, свои чувства и вероятные последствия своих поступков, что происходит, увы, не всегда.

Кроме того, имеет место определенная смена ценностных ориентаций и установок девушек и молодых женщин в сфере занятости. Одна из таких тенденций состоит в том, что женщины ни в чем не хотят уступать мужчинам и не считают для себя доминантным образ домохозяйки. Это проявляется в тотальном желании, в том числе замужних женщин, работать по найму. Доля домохозяек стремительно уменьшается. Это обстоятельство приводит и к переменам в семейных отношениях, ведет к еще большей эмансипации женщин, к изменению семейного законодательства. Например, неформальные опросы курсантов Казанского юридического института МВД России по вопросам брака и семьи, показывают, что девушки, которых стало до 50% на специальности

«Правовое обеспечение национальной безопасности», имеют в большинстве своем установки не только на семью, но и самореализацию в полицейской профессии, где всегда доминировали мужчины. Все эти перемены убедительно свидетельствуют о релятивизации ценностных установок и социальных норм в брачно-семейном поведении молодых людей XXI в.

Тем не менее общества, пережившие промышленные, технологические, социальные и сексуальные революции, постепенно вырабатывают конструктивные и адекватные постмодерну принципы организации интимных и семейных отношений. Обобщая эмпирические источники, можно структурировать их в следующем приближении: равноправие мужчины и женщины в вопросах сексуальных отношений; право человека самостоятельно, без вмешательства государства или извне устраивать свою личную жизнь; индивидуальная романтическая половая любовь как ключевая основа брака; укрепление семьи как ячейки общества и забота о детях, несмотря на снижение рождаемости.

Вместе с конструктивными переменами в ряде социальных проблем, к которым привели социальные сдвиги последних десятилетий, на первом плане стоят дисфункции института семьи, поскольку человек, до крайности раскрепощенный в интимных вопросах, стал, как утверждают некоторые социологи, снова мало отличаться от животного, как это было в варварские времена: место Эроса занял Секс. Базовые компоненты брачно-семейных практик модерна (любви/заботы) – сексуальность, супружество, родительство – во многом симулируются. Институты брака, родства (по нуклеарному типу), воспитания виртуализируются, то есть замещаются новыми практиками [1, с. 60].

Таким образом, на этапе постмодерна в сфере сексуальности и брака, в семейной жизни произошли перемены, которые нуждаются в основательном социологическом изучении, осмыслении, поскольку нет единых и однозначных форм, рецептов, норм и правил сексуального и брачно-семейного поведения. Поиск и реализация практик укрепления института семьи в изменчивом новом мире отвечают решению проблем правового воспитания, целям неформального социального контроля и формирования навыков законопослушного поведения, а значит, способствуют совершенствованию системы национальной безопасности России.

Литература

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000.
2. Социология гендерных отношений / под ред. З.Х. Саралиевой. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004.
3. Henslin James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach- 5th ed. – Boston : Allyn and Bacon, 2004.

От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу¹

Аннотация. Описаны цифровизация и сетевизация общества в эпоху постмодерна. На основе обобщения англоязычных и отечественных источников рассмотрено развитие цифрового гражданства и цифрового гражданского общества.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, эпоха постмодерна, социальные сети, цифровые граждане, цифровое общество, цифровое гражданское общество

From Digitalization and Networkization to Digital Citizenship And Digital Civil Society

Abstract. The article describes the digitalization and networkization of society in the postmodern era. Based on the generalization of English-speaking and domestic sources, the development of digital citizenship and digital civil society is considered.

Keywords: digitalization, networkization, postmodern era, social networks, digital citizens, digital society, digital civil society

Технологии радикально меняют жизнь социума и отдельно взятого человека. С середины прошлого века начинается компьютерная эра. В 1941 году в США была разработана первая электронно-вычислительная машина «Марк I». В 1950 в СССР были созданы автоматическая цифровая вычислительная машина АЦВМ М-1 в Москве и малая электронная счетная машина МЭСМ в Киеве. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению массовых персональных компьютеров. Изобретение компьютера – величайшее событие XX века, сопоставимое с

¹ Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 273-281.

появлением колеса, изобретением письменности или огнестрельного оружия.

С 80-х годов и до конца XX столетия стали создаваться локальные и связанные между собой вычислительные станции. Объединение частных и ведомственных закрытых компьютерных сетей привело к созданию глобальной сети «Интернет». Современные черты «мировая паутина» приобрела к 1995 году после создания системы гипертекста (World Wide Web), что позволило ее пользователям иметь практически неограниченные возможности для создания, накопления, передачи, получения текстовых, графических, аудио и видео данных в цифровой форме.

Интернет эффективно связывает миллионы обычных людей по всему миру; предоставляя им все больше возможностей не только для поиска информации и почтовой переписки; но и визуального онлайн-общения, онлайн-бизнеса, онлайн-гражданской активности, онлайн-шопинга, онлайн-обучения, онлайн-развлечения и других форм деятельности. Как показывает отчет Digital-2020, количество интернет-пользователей в мире достигло 4,54 миллиарда. В России в 2020 году зарегистрировано 118 миллионов интернет-пользователей [1]. По числу посетителей «мировой паутины» наша страна занимает 8-е место в мире.

Компьютеризация, Интернет и развитие информационных технологий привели к цифровизации социума эпохи постмодерна. Цифровизацию в социологическом значении можно определить как широкомасштабное внедрение компьютерных систем, информационных технологий во все сферы социальной реальности [2, с. 31–40].

С 2002 года по настоящее время продолжается стремительное распространение сетевых сервисов в формате онлайн-платформ, управляемых компаниями-разработчиками, на основе которых создаются социальные сети как форма электронной коммуникации. Они открывают своим пользователям все более удобные цифровые возможности для социального взаимодействия во времени и пространстве, создания и обмена различными типами контента.

По открытым интернет-источникам известно, что в мире на январь 2020 года насчитывалось более 3,8 миллиарда пользователей социальных сетей. Численность участников сетевого общения в России на начало того же года составила 70 миллионов или 48 % от всего населения страны. К 2019 году в мире насчитывается 250 социальных сетей и их количество продолжает расти. Среди онлайн-платформ особенно популярны: Facebook, Youtube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Twitter. Среди российских платформ наиболее популярны: Вконтакте, Одноклассни-

ки. Самую большую глобальную социальную сеть образует Facebook – 2,5 миллиарда активных пользователей в месяц. Затем идут по убыванию популярности Youtube (2 млрд), WhatsApp (1,6 млрд), Instagram (1 млрд), Tiktok (0,8 млрд). Количество пользователей «ВКонтакте» приближается к отметке 300 миллионов, «Одноклассники» соединяют 290 млн человек.

Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали во всех обществах и задолго до компьютерной революции, поскольку социабельность как способность или склонность к установлению социальных связей с другими людьми – фундаментальная черта человека разумного.

М. Кастельс, яркий исследователь социальных трансформаций глобального постиндустриального мира еще на исходе XX века предрекает грядущие цифровые перемены, указав на то, что под влиянием быстро развивающихся информационных технологий «сети составляют новую социальную морфологию социума». Сетевое общество (network society), по Кастельсу, применительно к эпохе использования микроэлектронных устройств – это такое общество, в котором ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [3].

Благодаря компьютеризации и цифровизации, развитию Интернета, 3G, 4G и 5G каналов связи, а также массовой цифровой социабельности за весьма короткое по историческим меркам время, на онлайн-платформах произошла сетевизация социума как экспоненциальное расширение горизонтальных социальных связей между людьми в цифровом публичном пространстве с формированием сетевых онлайн-сообществ.

Сетевизация не только глобальный тренд, но и важнейшее измерение общества эпохи постмодерна, которое определяет характер социальных перемен. Среди них: индивидуализация акторов сетевых коммуникаций как конструирование собственной автономии, самореализация, самопрезентация, самоорганизация. Например, в сетевых связях акторы посредством включения или исключения из них себя или других людей определяют и переопределяют список своих контактов с другими участниками. Они самостоятельно создают веб-ссылки и без указки извне выбирают, транслируют или иначе используют тот контент, который отвечает их интересам и целям.

Таким образом, сетевые пользователи автономно устанавливают и поддерживают социальные связи и взаимодействия, что в итоге формирует социальные сети как цифровое публичное пространство. На онлайн-платформах разворачиваются практически все виды эффектив-

ной деятельности – не только персональное дружеское общение, но и бизнес, коммерция, маркетинг, образование, развлечения, обсуждения проблем отдыха и здоровья, путешествий и социально-политической активности.

Для «продвинутых» пользователей цифровых услуг стали повседневностью не только онлайн-платформы, но и облачные ресурсы, интернет вещей, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), новинки робототехники.

Цифровизация, сетевизация, другие связанные с ними инновации четвертой технологической революции оказывают все большее влияние не только на человека, преобразуя его поведение и образ жизни, но и на общество в целом, все его подсистемы (экономику, политику, социальную сферу, культуру). Они генерируют реальность новой цифровой социальной структуры («цифровая стратификация») и функционирования социальных институтов (интернет-банки, интернет-вузы, интернет-магазины, электронные правительства и т. п.), а также сетевых интернет-сообществ пользователей расширяющегося пула цифровых услуг. В итоге социум все больше приобретает зримые черты цифрового общества.

Относительно новый концепт «цифровое общество» утвердился в научном дискурсе. Он широко используется в мировой и отечественной цифровой социологии для описания социально-технологической реальности первой четверти XXI века, в которой быстро и многогранно возрастает роль цифровых технологий и соответствующих им социальных практик. Особенно заметно эти перемены в последнее время, поскольку пандемия актуализировала необходимость удаленной работы, общения и обслуживания. Цифровые инновации трансформировали качество общественной и частной жизни очень многих, особенно, молодых людей – миллениалов. Это поколение более восприимчиво к нововведениям и быстрее других социальных групп адаптируется к технологическим переменам, заполняя социальное online-пространство. В этой среде существенно возросла ценность таких базовых прав как свобода выражения мнений и свобода информации. Карен Моссбергер в одной из первых своих оценок феноменологии цифрового общества определила социальное онлайн-пространство как «социальнотехнологическую совокупность», а членство в нем как новую публичную сферу – «цифровое гражданство» [4].

В правовом смысле гражданство определяется как устойчивая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. В условиях цифровизации и сетевизации россий-

ского социума в научном обороте социологов и политологов все чаще используется понятие «цифровое гражданство», которое характеризует новую социально-технологическую реальность включения все большего числа людей в сетевое взаимодействие с помощью информационных технологий, online-платформ и Интернета.

Цифровое гражданство имеет несколько интерпретаций. Можно встретить его трактовки в контексте доступа к социальным сетям и социальным медиа или участия в сетевом взаимодействии, а также в плане соблюдения цифровых прав и обязанностей пользователей социальных сетей и Интернета. Под цифровым гражданством нередко понимают и первый важный шаг на пути к медиаграмотности в двадцать первом веке. Более широкая интерпретация цифрового гражданства дается В.В. Бродовской в качестве культурного феномена, отражающего социализацию новых поколений под влиянием цифровых коммуникаций [5]. Можно сказать, что цифровое гражданство объединяет ответственных участников сетевых сообществ, пользователей социальных медиа и Интернета, знающих правила использования цифровых технологий и пользующихся ими без нанесения вреда или ущерба друг другу или обществу в целом.

Майк Риббл выделяет девять основных элементов цифрового гражданства. Они включают в себя: цифровой доступ (1), цифровую торговлю (2), цифровую коммуникацию (3), цифровую грамотность (4), цифровой этикет (5), цифровое законодательство (6), цифровые права и обязанности (7), цифровое здоровье и благополучие (8) и, наконец, цифровую безопасность (9) [6]. Эти элементы могут быть разделены на две группы: одна касается индивидуального использования сетевых ресурсов, вторая относится к соблюдению прав других сетевых пользователей – цифровых граждан.

1. Цифровой доступ к технологиям все еще распределяется неравномерно, в силу цифрового неравенства. В интересах укрепления и развития цифрового гражданства чрезвычайно важно чтобы цифровые технологии были доступными для всех.

2. Цифровая торговля или покупки и продажи в Интернете ныне также распространены, как и обычная торговля. При этом поведение покупателей и продавцов на цифровом рынке должно быть законным.

3. Цифровая коммуникация с развитием мобильных устройств, а также распространением 4G и 5G каналов связи осуществляется повсеместно. Отсюда вытекает необходимость в обретении и совершенствовании соответствующих коммуникативных навыков.

4. Цифровая грамотность – результат постоянного обучения, поскольку технологии не стоят на месте и на рынке цифровых услуг появляются новые устройства и сервисы, информационные ресурсы.

5. Цифровой этикет – это нормы правильного поведения в Интернете и социальных сетях. Каждый пользователь, использующий цифровые технологии, должен придерживаться общепринятого правила: «относится к другим так, как бы он хотел, чтобы относились к нему». Уважительное отношение к другим пользователям и к себе – важнейшие принципы сетевого online-общения.

6. Цифровое законодательство определяет, что считается недопустимым и уголовно наказуемым в цифровом мире. Это касается кражи личных данных, чужой интеллектуальной собственности, денег, а также различных форм мошенничества и других негативных девиаций.

7. Цифровые права и обязанности – атрибут тех людей, кто становится участником цифровых коммуникаций. Эта область цифрового гражданства предоставляет право на доступ в Интернет и использование online-продуктов. При этом члены online-сообщества имеют право на свободу слова и общения.

8. Цифровое здоровье и благополучие предполагает, что пользователи социальных сетей и Интернета должны знать о физических и эмоциональных последствиях использования цифровых устройств. Излишнее «подключения» могут иметь непредвиденные и опасные последствия: стресс, нагрузку на зрение, головные боли. Отсюда необходимость в ответственном использовании цифровых технологий.

9. Цифровая безопасность и конфиденциальность в Интернете состоят в контроле и защите личных данных пользователя с помощью надежных паролей, антивирусных программ, резервного копирования данных. Кибердевианты всегда присутствуют в онлайн-сообществе, используя для неблагоприятных целей вирусы, полиморфных червей для того чтобы осуществить взлом, киберкражу или кибербуллинг.

Цифровой мир в силу новых технологических форм кооперации и самоорганизации членов онлайн-сообществ предоставил им немалый объем самостоятельности и автономии не только в потребительском поведении, общении, творчестве, учебе, но и в общественнополитической активности. Многие социологи и политологи разделяют точку зрения относительно того, что цифровые технологии снижают барьеры на пути к участию в качестве гражданина в деятельности общества, его политических институтов. В частности, в таком ключе убедительно высказывался в открытом доступе известный британский социолог Томас Хамфри Маршалл. Развитие феномена цифрового гражданства

все больше затрагивает сферу взаимодействий между гражданами – сетевыми пользователями, обществом и государством. В цифровом мире интенсифицируются отношения власти и гражданского общества, часть которого постоянно обитает, «живет» в блогосфере или иных сетевых коммуникациях. В наибольшей мере этот тезис справедлив в отношении активных цифровых граждан. Они не только черпают информацию на сайтах и дискуссионных платформах, но и явно заявляют о своей гражданской позиции: собирают подписи под петициями, обращаются с заявлениями, выступают в дебатах, проводят онлайн-опросы и цифровое голосование, организуют участие во флешмобах и иных акциях. Эти факты дают основание полагать, что в цифровом социуме складывается цифровое гражданское общество, как форма самореализации свободных и активных цифровых граждан.

М. Кастельс водной из своих относительно новых работ «Власть коммуникации» подробно показывает, что для большинства представителей «цифрового» поколения защита свободного доступа к интернет-сетям стала приоритетной по сравнению с любой другой потребностью. Для них свободная коммуникация – это необходимое условие важнейших практик и переживаний от музыки до политики, от предпринимательства до эмоционального общения [7, с. 11–12]. Свобода индивидуализированных горизонтальных коммуникаций – один из важнейших атрибутов формирующегося цифрового гражданского общества. Так, протестные и критические практики онлайн-сообществ, бросают вызов властным отношениям, укорененным в традиционных «дисциплинарных» по М. Фуко социальных институтах и организациях.

Как справедливо считает Кастельс, с развитием социальных сетей и online-сообществ с явными признаками и притязаниями на автономию сетевого гражданского общества «взаимоотношения коммуникации и власти в этих обстоятельствах становятся куда более неопределенными, не скованными жесткими правилами. Дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире» [7, с. 16–17].

Впечатляющим примером таких перемен в первые десятилетия XXI века является взаимодействие нарождающихся структур цифрового гражданского общества и официальных властей. Кастельс подробно раскрывает в этом ключе разоблачительную роль WikiLeaks. Эта организация широко известна тем, что апеллирует к обеспечению права граждан на свободный доступ к социально значимой информации, раскрывает манипуляции с ней и сокрытие ее от общества со стороны американских властей. Автономный контроль со стороны WikiLeaks

позволил в прошлом австралийскому хакеру и журналисту Джулиану Ассанжу за счет информационных вбросов проявить власть цифровых граждан и напугать разоблачительной информацией тех, кто заседает в правительственных кабинетах. Ассанж не только реализовал разоблачительные практики, но и сделал гласной тайную информацию о преступлениях властей, заявил о себе как позитивный девиант – борец за свободу информации и самовыражения. В итоге попал под арест, за что многие адепты цифровизации именуют его Робин Гудом цифрового мира.

Предоставляя цифровым гражданам закрытую информацию о принимаемых втайне властных решениях без учета мнения цифровой общественности, о фактах продажности и коррупции в бой за свободу информации и Интернета вступают все новые сетевые силы. Среди них обращает внимание на себя «Anonymous», идеология которого определяется целями борьбы за общедоступность информации, против притеснения цифровых свобод со стороны правительств, корпораций и вездесущей коррупции. Другим ярким отечественным примером является деятельность вольного сетевого сообщества журналистов, блогеров и экспертов «Диссернет», которая направлена на выявление мошенников и фальсификаторов в научном сообществе. Как известно, процесс разоблачения высокопоставленных кандидатов и докторов наук в коридорах российской власти и образовательных организациях, в бизнесе привел к непрекращающемуся «диссергейту».

Другим примером является рост протестных социальных движений, мобилизованных online-сообществами через Интернет и социальные сети против несправедливости существующего социального порядка в Западном мире. Среди них наиболее примечательно протестное движение в США «Occupy Wall Street», которое в 2011 году пыталось захватить Wall Street в центре Нью-Йорка с целью привлечения внимания американского и мирового сообщества к «преступлениям элиты». Это движение подорвало авторитет истеблишмента и стало для него непреодолимой головной болью.

Другой интернет-феномен относительно недавно преподнесли сетевые пользователи форума Wallstreetbets на сайте Reddit, которые устроили грандиозный флешмоб со скупкой акций продавца видеоигр GameStop, подняв их стоимость на 700 %, и в итоге совершили переворот на фондовом рынке США, из-за которого многие крупные фонды потеряли миллиарды долларов.

Таким образом, есть все основания считать, что такие детища четвертой технологической революции как цифровое гражданство и цифро-

вое гражданское общество отнюдь не иллюзорные, а вполне реальные онтологические факты. Цифровизация и сетевизация в социуме XXI века – неоднозначные тренды. Наряду с позитивными сдвигами, они породили и порождают новые социальные проблемы цифрового мира. Макросоциологи не первый год бьют тревогу по поводу роста «цифрового неравенства», неизбежной компрессии рынка труда. Девиантологи же обращают внимание на то, что массовое вовлечение цифровых граждан в сетевую жизнь порождает цифровой эскапизм, как бегство некоторых из них в виртуальное пространство от суровой действительности, сетевую аддикцию и сетевую виктимизацию, отрывают человека от реального физического общения в социуме. Кроме того, цифровые технологии формируют и новые формы тотального цифрового социального контроля, посягающие на приватность и естественные права граждан. Однако, это тема другого междисциплинарного исследования, проведение которого под силу молодым девиантологам «продвинутым» в вопросах цифровизации социальной жизни.

Литература

1. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/>
2. Комлев Ю. Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник КЮИ МВД России, 2020, № 1.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Digital Citizenship The Internet, Society and Participation By Karen Moss-berger, Caroline J. Tolbert and Ramona S. McNeal. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
5. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4.
6. Ribble M. Digital citizenship: using technology appropriately. Retrieved from [digitalcitizenship.net](http://www.digitalcitizenship.net) [Электронный ресурс]. URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html
7. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой ; под науч. ред. А.И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 592 с.

Пост-постмодернистская интеграция криминологических и иных знаний как актуальное направление в развитии науки о преступности¹

Контент-анализ англоязычных источников показывает, что в результате научной состязательности в зарубежной криминологии первых десятилетий XXI века развиваются не только модернистские, постмодернистские, но и гибридные на их основе интегративные теории преступности. Этот факт свидетельствует о возникновении нового актуального и перспективного научного направления.

Ярким примером реализации гибридного подхода является пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом Грэггом Баракком в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается на полипарадигмальном и междисциплинарном уровнях синтеза².

Свою модель Барак выстраивает исходя из интегративного подхода Дж. Тикосинера или Zetetic-учение как науки, изучающей творческую деятельность, позволяющую объединить все социальные исследования и знания в единую гуманитарную науку. Криминолог в качестве исходных посылов использует понятийный аппарат и положения конститутивной теории преступности феноменолого-конструктивистской ориентации, постмодернистскую криминологию С. Генри и Д. Миловановича, теорию структуризации социолога Э. Гидденса. Это – криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия преступности – положения о релятивном и сконструированном характере преступности и социальном контроле над ней; о взаимосвязанном, динамическом и диалектическом характере этих явлений. Из постмодернистской криминологии Барак опирается на концепты о преступности как рекурсивной продукции – однообразных действи-

¹ Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции. Часть 2. Красноярск, 2021. С. 256-259.

² Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. 2-е изд. доп. и перераб. М.: ГСК МВД России, 2019. С. 147-152.

ях, ставших частью исторического и культурного контекстов и получивших относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Исследователь объясняет все менее определенную, многообразную и более динамичную преступность и социальный контроль над ней в быстро меняющемся мире постмодерна как результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических, социальных, культурологических) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

По Э. Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами социального действия, но хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Гидденс доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ и теми, кто придерживается микро-социологических исследований, определяются дуализмом структуры и действия. Теория структуризации утверждает, что такая двойственность ложна, поэтому исследователи социальных проблем должны использовать и количественные и качественные методы исследования, дополняющие друг друга. Этот тезис позволяет преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования, в том числе такого социального явления как преступность. Опора на социологическое наследие Гидденса делает интегративную модель Барака открытой к взаимодополняющим теориям преступности, подходам и методам, позволяет преодолеть двойственность, антагонизм и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом в криминологии XXI века.

В развитии своего гибридного подхода Г. Барак, объединяет знания из модернистской криминологии о поведении преступника и системе социального контроля, о мерах и последствиях от их применения в форме уголовно-правовой репрессии, а также постмодернистской науки о сконструированности преступности как рекурсивной продукции. Он дополняет свою модель знаниями о динамическом взаимодействии между социальной средой (городской экологией) и развитием местной, региональной и глобальной политической экономики, а также положениями из теорий СМИ и культурологии, естественных наук. Благодаря теории структуризации пост-постмодернистский синтез представляет собой фрейм, позволяющий объединять и дополнять открытую к изменениям систему полипарадигмальных криминологических знаний и непротиворечивых теоретических положений из других научных дис-

циплин. Открытая к дополнениям гибридная модель составляет, по мысли ученого, основу пост-постмодернистской интегративной криминологии¹. В последовавшей затем «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и пост-модернистского реконструкционизма². Следовательно, предложенный исследователем гибридный подход предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной социальной науке о преступности.

Кроме того, Барак выдвигает и обосновывает тезис о том, что сориентированная на обновления и развитие гибридная интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии и способ ухода от ведущей в модернистском дискурсе карающе-административной формы социального контроля. Интегративная трансформация, по Бараку, включает как синтез, так и «разрушение, и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля»³.

Дальнейшее развитие пост-постмодернистского синтеза в теории преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри. Эта концепция моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Сторонники гибридного подхода в криминологии, наряду с эвристическим потенциалом пост-постмодернистской интеграции криминологических знаний развивают идеи по совершенствованию уголовного права, правоохранительной и пенитенциарной системы, правосудия. Они видят их на пути решительной реконструкции (декриминализации) социально неопасных составов преступлений и ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля, что снижает масштабы рецидивизма и криминальных карьер, в сторону более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности. Для устранения наиболее существенных причин преступности в контексте ее превенции к ряду практически ориенти-

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn&Bacon, 1998. P. 216-232.

² Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002). URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_html.

³ Barak G. Integrating criminologies. P. 236-255

рованных решений теоретики интеграции относят организационную работу институтов государства и гражданского общества с целью элиминации социального неравенства, обеспечения занятости и искоренения бедности.

В последующей работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Г. Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский синтез к пониманию природы преступности, но уже в контексте глобализации¹. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает интегративное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия, но уже в глобальном измерении. В итоге пост-постмодернистский синтез позволяет ему моделировать диалектическую причинность как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно в контексте преступности и социального контроля на микро-, и макроуровне социальной системы в быстро меняющемся глобальном мире.

Среди видных российских криминологов на пост-постмодернистскую интеграцию Г. Барака отреагировали Д.А. Шестаков и Я.И. Гилинский. Положительно оценивая интегративный криминологический дискурс, его познавательный потенциал в целом. Д.А. Шестаков, в частности, считает, что теоретическая интеграция криминологических теорий существенно осложняется тем, что эти теории рассматривают проблемы преступного поведения на разных уровнях: микроуровень, на котором происходит поведение отдельного человека, структурно-культурный уровень, уровень преступности в целом как некий социальный феномен... Столь обширная сложная интеграция может вести к чрезмерно значительному отходу от первоначальных формулировок, сделанных различными криминологами»².

Пост-постмодернистский интегративный дискурс активно развивается. Так, криминологи в своих теоретических построениях учитывают не только феномены глобализации, но и цифровизации и сетевизации социумов. Это работы Ш. Браун (2006), М. Яра (2012) К. Хейворда (2012), Г. Страттона (2017) и других, в которых реализованы идеи гибридизации социологических, криминологических, культурологических, а также технологических знаний в объяснении различных проявлений

¹ Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

² Шестаков Д.А. Криминология. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

киберпреступности. Для усиления эвристического и прогностического потенциала гибридного подхода теории в области киберкриминологии обосновывают необходимость широкого привлечения математических методов и алгоритмов для обработки и анализа больших сетевых данных о преступности и преступниках, что далеко уходит за пределы традиционной модернистской и даже постмодернистской криминологии¹.

Таким образом, предложенный пост-постмодернистами гибридный подход и вид расширительного синтеза чрезвычайно актуален в настоящее время. Он полнее учитывает новые знания, возникающие на пересечении классовых, расовых, гендерных отношений с динамикой формирования социальных идентичностей массовыми коммуникациями, Интернетом при моделировании детерминант преступности и реформировании системы социального контроля в условиях глобализации мира-системы и четвертой технологической революции, пандемии и стремительной цифровой трансформации социумов.

¹ Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник КЮИ МВД России. 2020. № 1. С. 31-40.

Релятивизация норм брачного поведения, дисфункции семьи и семейная девиантность в мире постмодерна¹

В статье описана релятивизация норм брачного поведения в мире постмодерна. На основе содержательного анализа открытых источников, обобщения социологических исследований и данных статистики рассмотрены релятивные формы брачных отношений и проявления семейной девиантности.

Ключевые слова: эпоха постмодерна, брак, семья, нормы брачного поведения, семейная девиантность, домашнее насилие.

Relativization of Norms of Marital Behavior, Family Dysfunction and Family Deviance in the Postmodern World

The article describes the relativization of the norms of marital behavior in the postmodern world. On the basis of a meaningful analysis of open sources, generalization of sociological research and statistical data, the author considers the relative forms of marital relations and manifestations of family deviance.

Keywords: postmodern era, marriage, family, norms of marital behavior, family deviance, domestic violence.

Социологическое изучение семьи началось с развитием позитивизма со второй половины XIX столетия. Функциональные, социокультурные, социально-правовые, девиантологические аспекты брака и семьи всегда привлекали к себе внимание социологов и социальных психологов – как классиков, так и современников. Особенно активно эти исследования происходили в XX в., что находит отражение в превосходных работах М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина, Т. Парсонса, К. Дэвиса, Э. Гидденса, Р. Хилла, Д. Хансена, У. Гуда, Р. Фридмана, А.Г. Харчева, С.И. Голода, позднее – А.И. Антонова, В.М. Медкова, М.С. Мацковско-го и других.

¹ Вестник экономики, права и социологии, 2021, № 1. С. 138-145.

Как правило, социологический анализ семьи осуществляется на макроуровне (семья рассматривается как социальный институт) и микроуровне (семья изучается как малая социальная группа или социальный конструкт). Семья, согласно Т. Парсонсу, – одна из ключевых функциональных подсистем общества, «работа» которой обеспечивает его устойчивость посредством воспроизводства населения, социализации и «поддержания образца». Неслучайно, институциональная стабильность семьи, ее функциональность/дисфункциональность в современном изменчивом мире постмодерна – объект пристального внимания исследователей начала XXI в. Анализ социальных проблем семьи в таких значимых вопросах, как изменения в брачно-репродуктивном поведении, прочность семейных отношений, содержание и социализация детей, осуществление социального контроля, забота о больных и пожилых, рекреация и отдых, сексуальная жизнь, хозяйственно-бытовая деятельность служат работы современных российских исследователей. Среди них: А.А. Клецина, Г.И. Колесникова, Л.В. Карцева, Е.И. Зритнева, Ф.А. Игебаева, И.В. Попова, С.И. Кириченко и многие другие.

В своих изысканиях социологи широко используют эвристические возможности таких методологических подходов, как: структурно-функциональный, интеракционистский, конструктивистский, конфликтологический, постмодернистский, интегративный. При этом современная фамилистика теснейшим образом связана с междисциплинарным полем на пересечении семейного права и девиантологии, поскольку успешность брака и семьи во многом определяется тем, как складываются и развиваются законодательные основы семейной политики. Исследователи все чаще обращают внимание на традиционные и новые формы легитимизации брачно-семейных отношений, на вопросы регуляции имущественных и других прав супругов, соблюдение прав детей, меры по предотвращению семенного насилия и других форм девиантности в семейной жизни современного человека.

Наиболее близкий автору девиантологический дискурс позволяет сконцентрироваться на релятивизации и трансформации социальных норм брачного поведения, дисфункциях семьи, проблематике насилия и других форм негативной девиантности в семейной жизни эпохи постмодерна, последовавшего за либеральными сексуальными революциями.

Неюридические социальные нормы в основании брака – это нормы брачного поведения, отраженные в морали, обычаях, закреплённых культурой. В европейской и российской культурных традициях такие

нормы включают знакомство мужчины и женщины, ухаживание, обручение, венчание, свадебную церемонию, обмен кольцами, медовый месяц. В целом в период модерна в качестве социальных норм предполагались добрачное целомудрие, супружеская верность, обязательство супругов растить детей, поддерживать друг друга всю жизнь и многие другие. Правовые нормы брачного поведения – продукт официальной регистрации брака. Они определяют обязательства супругов по отношению друг к другу и детям, вопросы расторжения брака, раздела или наследования совместно нажитого имущества. Современное государство берет на себя определенные обязательства по защите брака и поддержке семьи, поскольку от нынешнего состояния этих социальных институтов во многом зависит будущее социума в целом.

Стремительные социальные сдвиги, а в последнее время цифровизация и сетевизация в мире как «глобальной деревне», по образной метафоре канадского философа Г.М. Маклюэна, все больше вторгаются в личную жизнь человека XXI в. В итоге относительную стабильность брачно-семейных отношений предыдущей эпохи развеял непредсказуемый и разрушительный высокотехнологичный постмодерн. Он изменил многие брачные социальные нормы и традиции, релятивизировал правила брачного поведения и, прежде всего, широко распространил практику добрачных и внебрачных сексуальных отношений. Перемены в брачных социальных нормах и поведенческих практиках весьма заметны во всем постиндустриальном мире, в России и на постсоветском пространстве. Нередко то, что было несколько десятков лет назад девиантностью, стало социально приемлемой нормой брачного поведения и наоборот.

Ныне встречаются и «старые» (гетерогенный церковный брак, никах, ала качуу («хватай и беги»), калымный брак, экзогамный, эндогамный, договорный), и относительно «новые» по форме и содержанию брачные союзы: гомогенные браки (например, «бостонский»), пробный брак, брак в форме партнерства/сожительства, гостевой брак, серийный брак, «самбо» и многие другие.

В ряде стран законодатели, реагируя на перемены, легитимизировали еще «вчера» бывшие девиантными практики гетеросексуального сожительства и гомосексуальных отношений. Так, на рубеже и начале XXI в. в Дании (1989), Норвегии (1993), Швеции (1995), Венгрии (1996), Нидерландах (1998), Канаде (1999), Португалии (2001), Чехии (2006), Финляндии (2017), Швейцарии (2020) и других странах полностью легализованы все еще экзотические для российской культуры

однополое браки. Одни культуры принимают для себя новые брачные нормы, другие сдержанно относятся к их трансформации и конструируют их как девиации в брачно-семейной сфере. Примечательно, что новая редакция Конституции России от 2020 г. защищает традиционный для российского общества образ брачно-семейных отношений.

В эпоху модерн, например, еще в 60-е гг. прошлого столетия в Европе и России сожительство было морально рискованным в целом девиантным поведением, а в США и некоторых католических странах считалось почти правонарушением, но к миллениуму сожительство и пробный брак стали практически рутинными практиками в большинстве постиндустриальных обществ. Так, в США на рубеже веков сожительство было уже в 8 раз больше распространено, чем в 80-е гг. прошлого столетия. Около половины супружеских пар стали жить вместе до бракосочетания. Хотя еще несколько поколений назад эти практики составляли только 8%. Существенно снизилась рождаемость, увеличился удельный вес разводов, серийных браков и неполных семей [1, р. 342].

По данным российской переписи населения 1989, 2002 и 2010 гг. в нашей стране также постоянно растет доля сожительств. Например, с 2002 по 2010 г. она выросла на 3% и составила 13,2% от общего числа семей [2]. Более того, Интернет и социальные сети стали местом поиска и образования как новых, так и традиционных форм брачных союзов.

Шведские социологи в 1988 г. зафиксировали, что, наряду с официальным церковным браком, в королевстве легализована такая специфическая для скандинавов форма брачных отношений, как «самбо» или зарегистрированное партнерство. В рамках «самбо» молодые люди публично заявляют, что будут жить вместе, но без регистрации брака, хотя и с пропиской на местном уровне и совместными расходами по коммунальным платежам. При этом «самбо» не всегда приводит к официальному браку. В случае если молодые не «притираются» друг к другу, то они расстаются без формальностей развода. «Самбо» не влечет за собой никаких юридических обязательств. Партнеры раздельно владеют имуществом, сбережениями, заработками. Отсюда и нет проблемы дележа совместно нажитой собственности, как это бывает при расторжении формального брака. Закон лишь обязывает заботиться о совместных детях мужчину и женщину, живущих в рамках зарегистрированного партнерства [3].

В России специфика практик сожительства состоит в том, что мужчина и женщина могут проживать вместе, вести совместное хозяйство, но отношения в таком союзе лишь частично регулируются Граждан-

ским и Семейным кодексами. Сожительствующие не могут заключить брачный договор. Если же родился ребенок, то использовать Семейный кодекс можно лишь в определенных случаях, например, при условии признания отцовства.

В целом сожителство как формат брачно-семейных отношений не защищено законом. Главное его отличие в неопределенности, в том, что оно отнюдь не всегда приводит к законному браку.

В осмыслении отклоняющегося поведения в брачно-семейной сфере продуктивна интеграция эвристических возможностей гендерного, интеракционистского, конструктивистского, структурно-функционального подходов. Эмпирические исследования показывают, что в мире постмодерна наблюдается все больше эгалитаризма в нуклеарных семьях. Молодые мужья отказываются от старых стереотипов маскулинности и возлагают на себя большую ответственность за ведение домашнего хозяйства, а замужние женщины все больше работают вне дома.

Вместе с тем значительная доля современных мужчин все еще отказываются заниматься рутинными домашними делами. Тогда как их жены, имея восьмичасовую оплачиваемую занятость вне дома, еще и в семье делают почти всю работу (убирают, готовят еду, занимаются с детьми). Жены в восемь раз чаще заявляют, по данным опросов, что гендерное разделение домашнего труда является несправедливым. Гендерная специфика социальных ролей и несправедливое разделение труда в семье — одна из причин негативной девиантности в семье и роста разводов в новых условиях, особенно тогда, когда женщина вносит в семейный бюджет не меньшие взносы, чем ее мужчина.

Интеракционистский подход к изучению социальных проблем семьи позволяет сконцентрироваться на значениях тех или иных действий в семье, которые люди определяют своим опытом. Отсюда нетрудно установить, почему даже те мужья, которые зарабатывают меньше своих жен, реально несут по сравнению с женщинами значительно меньшую домашнюю нагрузку. Ответ на этот вопрос состоит в понимании значения гендерных ролей, усвоенных в ходе социализации в родительской семье. Так, если жена зарабатывает больше мужа, то это символически «угрожает» традиционным представлениям мужа о своей маскулинности и воспринимается им как знак того, что он — неудачник, поскольку не смог обеспечить свою семью. Однако, выполнение «женской» работы по дому в его глазах еще более грозный символ того, что маскулинность мужа ставится под сомнение в большей мере, чем тот факт, что у него маленькая зарплата. Поэтому, обходя домашнюю работу и пре-

вращаясь в домашнего тунеядца, такой мужчина частично «восстанавливает» свою пошатнувшуюся маскулинность, но порождает дальнейшую домашнюю девиантность в виде пьянства или рукоприкладства. С другой стороны, немало стало молодых мужчин, состоящих в брачном партнерстве с более зрелыми и материально успешными женщинами, которые их содержат. Такие дамы готовы терпеть иждивенчество своего молодого сексуально привлекательного партера ради символического «восстановления» феминности в смысле фактического супружества.

В рамках конструктивизма семья подразумевает эмоциональные и родственные связи между людьми, которые сами определяют свои отношения как «семейные» [4, с. 209]. Исследователи конструктивисты и постмодернисты обращают внимание на то, что в «новом мире» любовь, брак и семья все меньше определяются реальными материальными, физиологическими потребностями. Они все больше становятся производными от образов сексуальности и семьи, создаваемых/конструируемых индивидами, а чаще заимствованными из масс медиа или продукции киноиндустрии. В обществе постмодерна и тотальной цифровизации, увы, физиологические потребности могут удовлетворяться без жесткой идентификации/ориентации, без официального принятия обязательств в отношении брачного партнера и потомства.

«Пустота кинематографа» и продолжающаяся сексуализация литературы, «авангардизм на театральных подмостках» и массовое производство и потребление доступных за счет цифровизации аудио-визуальных эротических материалов, распространение проституции, возросшая интернет-зависимость молодежи и ослабление социального контроля трансформируют половую мораль новых поколений, как это было в пору сексуальной революции 60-х гг. В итоге у значительной части юношей и девушек миллениалов и генерации, последовавшей за ним, как показывают опросы, возникла иллюзия абсолютной свободы и вседозволенности в сексуальной сфере.

Благодаря побочным эффектам цифровизации и снижению социально-правового контроля над контентом в сети Интернет происходит определенное отчуждение в интимной сфере человеческой сущности, естественной природы человека в изощренные формы киберпротезирования сексуальных отношений с массовым использованием порнопродукции и глобальной системы виртуального секса.

В итоге ныне конструируется/реконструируется практически любая ориентация сексуального поведения. Сексуальная свобода и релятивизм в брачном поведении наиболее полно выражаются во все

новых практиках «открытых отношений», пробных браков, партнерства/сожительства, сексуальных экспериментов. Эти сдвиги приводят к релятивизации, пересмотру или даже отказу от традиционных норм брачно-семейных отношений. По оценке экспертов, происходит виртуализация брака как института в обществе постмодерна, поскольку институциональное регулирование сексуального поведения становится все более релятивным, виртуальным, а не реальным как это было в сфере брачно-семейных отношений в эпоху модерн [5, с. 58-59].

Девиантизация в брачно-семейном поле всегда контекстуальна, зависит от культуры и исторического этапа в социо-технологическом развитии общества. Весьма примечательно, что она может выступать и как ренессанс архаичных форм брака, который наблюдается у некоторых народов на постсоветском пространстве. Так, еще недавно антропологи утверждали, что брак в форме умыкания – похищения женщин реально практикуется в XXI в. лишь у некоторых племен Австралии, Африки и Южной Америки.

Как известно, и в России обычай похищения невесты сохранился у некоторых народов Кавказа. При этом за похищение молодых женщин практически не бывает суда. Так, в Чечне несколько лет назад был введен штраф для похитителей невесты в 1 млн руб., однако желающих украсть приглянувшуюся девушку и принудить ее к браку меньше не стало. Конечно, похищение может быть стилизованным в постановочном плане по предварительной договоренности как дань традиции, и этот акт в рамках конкретной культуры не является девиацией. Однако в случае насильственного умыкания женщин с принуждением к сексу и браку следует, несомненно, считать негативной девиантностью в брачно-семейных отношениях.

По открытым источникам известно, что в постсоветской Киргизии практика насильственного похищения девушек в брачных целях приобрела весьма широкое распространение в XXI в., несмотря на ужесточение ее уголовно-правового запрета в последнее время. Архаичный обычай похищения невесты — ала качуу («хватай и беги») был характерен в былые века традиционной культуре киргизов и сегодня популяризируется в СМИ в контексте национально-культурного возрождения. Как результат, свадьбе – самому счастливому дню в жизни девушки – часто предшествует кошмарное преступление в форме грубого похищения, а нередко избиения и сексуального насилия.

Разумеется, значительная часть инцидентов умыкания является результатом договоренностей сторон, однако большинство этих девиант-

ных актов на практике происходит в весьма грубой форме, против воли и желания девушек. Примечателен кейс, описанный Айгуль из Таласской области. Девушка так описывает историю своего похищения.

«...Это было 19 сентября в день рождения отца. Я ушла с работы пораньше, чтобы подготовиться. На улице увидела автомобиль соседа. Он сказал, что моя тетя послала его, чтобы помочь. Я без раздумий села в машину: была молодая и наивная... Осознав, что происходит, стала вырываться, но он велел водителю свернуть в сторону села. В машине было еще два его друга. Они смеялись и говорили: "Ты никуда не денешься, сиди тихо!" Сначала крепко держали меня, а потом выволокли из машины, когда привезли в дом жениха... В чужом доме я плакала без перерыва...

Через несколько дней мои родители согласились на этот брак. Но я всё не могла поверить, что действительно должна выйти за него замуж. Затем провели нике (обряд бракосочетания), и мне надо было идти с ним в постель. Он сделал всё силой, а потом я потеряла сознание. Его родственницы умыли мне лицо и отпоили горячим чаем с малиновым вареньем, — с ужасом вспоминает Айгуль.

Она добавляет, что испытывала к этому мужчине только страх и отвращение.

— Когда мы переехали в город, он насиловал меня снова и снова. Позже я узнала, что за два дня до моего похищения он украл другую девушку, но та сумела сбежать. "Ему было стыдно перед родней — требовалось скорее привести в дом любую другую невесту, потому что всё было готово к свадьбе", — объясняет девушка, которой позже всё-таки удалось уйти от ненавистного "мужа"» [6].

По статистике ежедневно в Киргизии похищают до 30 женщин, за год — около 10 тысяч. Примерно 20% всех браков в этой республике создаются в девиантной форме ала-качуу. В сельской местности, где доминируют традиционные ценности, практики похищения лежат в основе 60% браков.

Бывает, что несогласные с похищением родственники обращаются в правоохранительные органы. Однако местные полицейские реагируют на такие заявления без энтузиазма. В правоохранительные органы Киргизии за последние пять лет поступило 895 подобных заявлений, в 727 случаях из них уголовные дела не были возбуждены [6]. Новые поправки в Уголовный кодекс, направленные против ала-качуу, не защитили девушек в киргизском обществе от принуждения к браку, что лишний раз показывает, что эта архаичная форма выглядит не только дикостью

и является негативной девиантностью, но и указывает на зависимый, поразительно низкий правовой статус женщины в этой стране. Максимальное наказание похитителю невесты может составить до 10 лет лишения свободы, а за кражу домашнего скота вору полагается 11 лет тюремного заключения.

Конструктивизм, феминизм и постмодернистская традиция изучения семьи проблематизируют семейное насилие. Выборочное социологическое исследование американских семей, проведенное в 1975 г., показало, что 3,8% от общего числа женщин испытывали физическое насилие в браке. Общенациональное виктимологическое исследование в США показало в 1976 г., что 25% всех нападения на женщин были совершены их настоящими или бывшими мужьями [3]. Интервью с избитыми женщинами показали, что они подвергались мужскому насилию не в единичных случаях, а систематически, нередко в течение нескольких лет. Действительно, во многих странах в патриархальных семьях мужчины прибегают к физическому насилию над женами и детьми, вовсе не опасаясь правовых последствий. Проблема физического насилия в отношении замужних женщин с тех пор публично артикулируется, но опыт семейных побоев, особенно в России, других странах СНГ еще плохо изучен. Тем не менее в 2017 г. Государственной Думой приняты поправки в УК РФ, позволившие декриминализовать домашнее насилие, переведя этот состав в разряд административных правонарушений.

Дисфункции семьи. С точки зрения структурно-функционального подхода, семья – универсальный социальный институт, несмотря на то что формы брака и семьи как продукты культуры контекстуальны и существенно отличаются в разных социумах и на разных этапах исторического процесса. Универсальность семьи обеспечивается тем, что она реализует ряд специфических социальных функций, удовлетворяющих базовые потребности людей, что обеспечивает выживание и сохранность любого общества. Это, прежде всего, репродуктивная, экзистенциальная функция и функция социализации. Неспецифические функции семьи позволяют ей приспособливаться к определенным историческим условиям. Они связаны с накоплением и передачей собственности, статуса; организацией потребления, отдыха и досуга; с заботой о здоровье и благополучии. Специфические и неспецифические функции семьи не теряют своего значения и в условиях стремительной трансформации и турбулентности социума эпохи постмодерн.

Р. Мертон, как известно, показал, что полное функциональное единство, в том числе института семьи, противоречит социальной реальности. То, что функционально для одного социального контекста, может быть дисфункционально для другого, и наоборот. Дисфункция означает то последствие, к которому не стремились и которого не ждали в результате социального действия. В итоге невыполнение, ненадлежащее исполнение, недостаточность ресурсов для выполнения функции семьи оборачивается дисфункциональностью семьи как социального института. Девиантологи, используя структурно-функциональный подход, концентрируются прежде всего на дисфункциях и социальных девиациях в семье.

Как известно, современное российское государство, реагируя на проблематизацию брачно-семейных отношений, все в большей мере оказывают помощь семье в решении жилищных проблем, в обеспечении процесса социализации подрастающего поколения, в решении хозяйственно-бытовых вопросов и рекреации, в реализации других ее специфических и неспецифических функций. Тем не менее массовая нуклеаризация семейной жизни в условиях урбанизации и глобализации приводит к относительной изоляции двухпоколенной семьи, живущей под одной крышей, в отличие от семьи расширенной. В итоге ее члены не могут рассчитывать на помощь большого числа родственников в вопросах материальной или эмоциональной помощи. Отсюда нуклеарные семьи нередко дисфункциональны в плане «эмоциональной перегрузки» в случае потери работы или иного стресса, на фоне которой снижается эффективность рекреации и семейной поддержки. Так, в значительной мере и происходит в условиях пандемии или иных проблем с занятостью на рынке труда.

Моногамный секс на определенных стадиях жизненного цикла семьи или при определенных условиях, например, при развитии гедонистической культуры свободного секса нередко ведет к такой дисфункции, как секс вне брака, особенно за деньги (проституция). Косвенно дисфункциональность семьи в части неудовлетворенности при реализации сексуальных потребностей характеризует рост масштабов проституции в России. По данным аналитиков мобильного приложения NumBuster, в конце 2017 г. насчиталось 4,5 млн телефонных номеров, связанных с предложением секс-услуг. Численность женщин, занятых в российской секс-индустрии, сегодня сравнима с численностью работников ЖКХ (около 3 млн чел.) [3].

Дисфункцией семьи выступает и отказ от помощи престарелым и больным членам семьи, принудительная изоляция их в соответствующих социальных учреждениях. Другим примером дисфункции института семьи в вопросах социализации и неформального социального контроля выступает девиантная социализация детей. Среди подростков немало ретретистов и искейперов и не только из материально неблагополучных семей, которые реализуют стратегию ухода, бегства из семьи и социализируются на улице в «дурных» уличных компаниях, в киберпространстве интернета, социальных сетях как девианты. Неслучайно в России регистрируется «армия» детей-беспризорников (около 2 млн). У детей из неблагополучных семей значительно чаще встречается: нарушение нормального общения со сверстниками; неадекватность самооценки, снижение способности самоанализа и социально-психологической адаптированности; неразвитость чувства эмпатии, делинквентность и негативная девиантность [7].

Чрезмерная артикуляция функции обеспечения благосостояния супругами в двухкарьерной семье приводит нередко к такой дисфункции, как отчуждение детей и родителей, а также супругов между собой, что часто у мужчин и женщин сопровождается развитием алкоголизма или чревато фактами суицидального поведения.

Относительная изоляция нуклеарной семьи создает предпосылки и для таких проявлений девиантности, как инцест, бытовое и сексуальное насилие. Так, например, в Старом свете, где перечисленные выше дисфункции семьи особенно заметны, постоянно растет молодежная преступность, экстремизм и суицидальное поведение среди подростков [8, с. 144].

Дисфункции института семьи имеют печальным следствием и проблемы с репродукцией, ведут к разводам и материнской депривации. Так, рост числа разводов – в определенном смысле индикатор дисфункциональности института семьи.

На протяжении многих веков брак на Западе, да и России был практически нерасторжимым. Разводы допускались лишь в особых случаях, таких, например, как неспособность к нормальным брачным отношениям. И сегодня в Испании, Ирландии не признается право на развод. Между тем в большинстве постиндустриальных обществ разводы легализованы.

К концу XX столетия число разводов в развитых странах заметно увеличилось. Так, в Великобритании отмечен рост с 3 чел. на 1000 состоящих в браке в 1961 г. до почти 12 чел. на 1000 в 1981. При этом

40% заключаемых браков, считают социологи, скорее всего, закончатся разводом. Наиболее уязвимой семья оказывается в первые 4 года (38% разводов), когда формируется ее модель (распределение власти, авторитета, обязанностей), возникают первые конфликты [9].

Уровень разводов в России в 50, 60, 70-е гг. прошлого века постоянно рос. Максимум был достигнут в 1979 г. – 594 тыс. разводов. В 80-е годы число разводов оставалось практически неизменным, но с началом перестройки баланс был снова нарушен, социальное и материальное положение граждан пошатнулось, и в 1991 г. число разводов увеличилось и составило 598 тыс. По данным переписи населения в РФ в 1989 г., на 1000 человек приходилось 72 развода. В 2010 г. на каждую 1000 чел. было зарегистрировано уже 98 разводов [2].

Заметим, что возросшая доля разводов отражает не только рост семейной дисфункциональности. Браки распадаются и по другим причинам. В условиях постмодерна стало гораздо больше психологических и социально-экономических источников конфликта, либерализация в брачно-семейной сфере изменила мир ценностей и представлений супругов, возросли индивидуальные требования к браку и семейной жизни, особенно у женщин, которые значительно чаще мужчин подаются на развод. Социальные приоритеты изменились и в общественном мнении. Отношение в обществе к разводам стало более толерантным, и расторжение брака нередко рассматривается как адекватная реакция на его не успешность.

Рост числа разводов закономерно привел к увеличению доли семей с одним родителем. Изменилась и численность повторных или серийных браков между разведенными. Стало больше семей с детьми, в которых один или оба родителя были разведены.

Негативная девиантность в семейной жизни. Есть, увы, вещи в жизни семьи, о которых не принято говорить. Темная сторона семейных отношений связана с дисфункциональностью института семьи и, как следствие, проявлениями внутрисемейной негативной девиантности, среди которых широко распространены: домашнее насилие (избиения), жестокое обращение с детьми, отклонения в сексуальном поведении (инцест и др.).

Домашнее насилие определяется как физическое наказание, принуждение одним членом семьи другого или других, как правило, детей или женщин. Для изучения домашнего насилия девиантологи используют неформализованные интервью и нарративный анализ. Опросы показывают, что насилие в семье имеет явную гендерную специфику: женщи-

ны намного чаще, чем их мужья обращаются за медицинской помощью в результате побоев. Насилие в отношении женщин, живущих в законном браке или сожительстве, обычно связано с агрессивностью и пьянством мужей, которые полагают, что имеют право на силовое наказание и подчинение женщин. Транскрибирование текстов нарративов показывает, что когда мужчины разочарованы в отношениях или возникают серьезные разногласия или конфликты, другие веские причины, то они, пользуясь силой, прибегают к девиантным поступкам в отношении жен или сожительниц, полагая, что их жертвы не дадут делу огласку. Еще печальней обстоит ситуация с психологической травлей и физическим насилием со стороны родителей и взрослых членов семьи по отношению к детям. Подобных историй немало.

Из интервью покупателя, осматривавшего дом, выставленный на продажу: *«Хозяйка жилья, которую соседи и прежде уличали в жестоком обращении со своим нездоровым ребенком, показала весь свой дом, который был прибран и неплохо обставлен. Внимание покупателя привлекла коробка из фанеры в спальне мальчика. Коробка была с маленькими отверстиями и имела маленькую дверь с висячим замком. Из любопытства возник вопрос: "Что это такое?" Женщина, как ни в чем не бывало, ответила, что у ее сына проблемы с поведением и она запирает его тут время от времени. Она также добавила, что ранее с мужем привязывала сына к кровати или запирала его надолго в кладовой... Ничего не помогало...»* [3].

Общепринятая социальная норма состоит в том, что родители должны любить, защищать и воспитывать детей. Однако так бывает не всегда. Беспомощные дети, зачастую нездоровые физически или с расстройством психики, нередко становятся жертвами своих бессердечных родителей или старших детей в семье. Имеют место случаи, когда дети подвергаются и сексуальному насилию. Так, сожитель одной женщины из материнской семьи избил и изнасиловал девочку-подростка, пока ее мама была на работе, отчего девочка оказалась в коме. При этом большинство случаев жестокого обращения с детьми и насилия над ними очень латентны и остаются семейной тайной. По свидетельству Джеймса Хенслина, семейное насилие над детьми весьма распространено в США. Каждый год 3 млн детей, по официальной статистике (статистике заявлений), являются жертвами домашнего насилия. Около 1 млн из этих случаев подтверждаются в ходе проверок органов опеки [1, р. 347]. В Великобритании дом – это одно из самых опасных мест, поскольку в стране из четырех убийств одно совершается в семье [9].

Почему в мире постмодерна так распространена негативная девиантность в форме домашнего насилия? С этим связано несколько факторов. Наряду с либерализацией и релятивизацией социальных норм в сфере сексуальных и брачно-семейных отношений, дисфункциями семьи, как социального института, исследователи-девиантологи в один ряд с ними ставят и социально-психологические причины. Одна из них состоит в сочетании интенсивной эмоциональности и интимности, характерных для семейной жизни. Семейные узы обычно неотделимы от сильных эмоций, и в них нередко смешиваются любовь и ненависть. Домашние ссоры даже из-за пустяка, незначительных событий могут вызвать приступы агрессии, которая в другом социальном контексте была бы маловероятной. Так, мужчина, терпимо относящийся к странностям других женщин, может впасть в ярость, если его собственная жена слишком откровенничает с подругами по поводу подробностей его интимной жизни с супругой. Другой фактор связан с терпимостью и даже одобрением в массовом сознании семейного насилия, поскольку в обществе все еще распространена точка зрения, что у родителей есть «право на битье» детей, а брачный союз – это контракт «с правом на битье», чтобы поучать строптивых жен.

Семейное насилие как проявление негативной девиантности – острая социальная проблема мира постмодерна. Зарубежные исследования показывают, что насилие в семье отражает склонность к насильственным действиям вообще. Многие мужья, физически оскорбляющие своих жен и детей, замечены в насилии и при других обстоятельствах. Так, в исследованиях Джеффри Фэгана, по свидетельству Энтони Гидденса, установлено, что более половины мужей, регулярно избивавших своих жен, совершали насильственные акты и по отношению к другим людям. Более 80% из них были, по крайней мере, один раз под арестом в связи с насилием несемейного характера [9].

Сексуальные отношения между близкими родственниками (например, между братьями и сестрами или между родителями и их детьми) называются инцестом. Проявления кровосмешения в современном мире считаются негативной девиантностью, хотя о них известно, начиная с матриархата. В настоящее время в постиндустриальных странах инцест осуждается на уровне общественной морали, а в ряде стран запрещен и наказуем как уголовное преступление.

Инцест чаще всего бывает в социально закрытых семьях. Его жертвами нередко становятся юные девушки, почти дети. Исследованиями установлено, что принуждением к сексу чаще других занимаются дяди,

двоюродные братья – взрослые мужчины из ближайшего окружения. По свидетельству исследователя-эмпирика проблем семейного насилия И.В. Поповой, в принуждении к сексу девочек замечены и отчимы [10].

Очевидно, что сексуальная эксплуатация детей и женщин со стороны взрослых мужчин в семье – это центральная проблема, формирующая в последующем психику и опыт жизни немалого числа женщин, подверженных сексуальной виктимизации. В России инцест прямо не криминализован. Его масштабы и последствия изучены недостаточно в силу высокой латентности. Между тем на протяжении последних лет принуждение к сексу и инцест стали объектом девиантологических и криминологических исследований [11, с. 414-422].

Без научного всестороннего осмысления феноменологии релятивизации норм брачного поведения, дисфункциональной и девиантологической проблематики семьи не выстроить социально эффективную систему профилактики, не преодолеть насилие как темную сторону семейной жизни. Впрочем, это – предмет междисциплинарных девиантологических проектов для специалистов по социологии и психологии семейной жизни, криминологов, который ждет своих новых исследователей.

Литература

1. Henslin James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach 5-th ed. – Boston: Allyn and Bacon, 2004.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.01.2021).
3. Комлев Ю.Ю. Основы социологии семьи: учеб. пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2020.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – 96 с.
5. Социология гендерных отношений / Под ред. З.Х. Саралиевой. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 270 с.
6. Похитители естества: как девушек в Киргизии принуждают к свадьбе. – URL: [https:// iz.ru/870018/igor-karmazin/pokhititeli-estestva-kak-devushek-v-kirgizii-prinuzhdaiut-k-svadbe](https://iz.ru/870018/igor-karmazin/pokhititeli-estestva-kak-devushek-v-kirgizii-prinuzhdaiut-k-svadbe) (дата обращения: 20.01.2021).
7. Беседин А.А. Дисфункциональная семья как фактор девиантного поведения несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Харьков, 2002.
8. Филлипс Ч. Томас. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Антонова. – М.: «Грааль», 2002. – 176 с.

9. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
10. Попова И.В. Опыт исследования проблемы семейного насилия. – URL: [https:// socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:31339:14407073](https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:31339:14407073) (дата обращения: 20.01.2021).
11. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология. – М.: Московский университет МВД России, Изд-во «Щит», 2008. – 552 с.

Противодействие кибердевиантности миллениалов в контексте формирования основ цифрового общества и цифрового гражданства¹

В статье описаны некоторые тренды киберпреступности миллениалов с позиций цифровой девиантологии. Для обоснования путей противодействия кибердевиантности подростков и молодежи использованы материалы фокус-групповых дискуссий и контент-анализ научных источников. Меры профилактики кибердевиантности обоснованы в контексте формирования основ цифрового общества и цифрового гражданства.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, киберпреступность, кибердевиантность, цифровая девиантология, миллениалы, цифровое общество, цифровое гражданство.

Countering the Cyberdeviance of Millennials in Digital Society and Digital Citizenship

This article describes some of the cybercrime trends of millennials from the standpoint of digital deviantology. To substantiate the ways of counteracting the cyberdeviance of adolescents and young people, materials of focus group discussions and content analysis of scientific sources are used. Cyberdeviance prevention measures are justified in the context of forming the foundations of a digital society and digital citizenship.

Keywords: digitalization, networkization, cybercrime, cyberdeviance, digital deviantology, millennials, digital society, digital citizenship.

Кибердевиантность в среде миллениалов² — один из негативных результатов развития глобальных процессов цифровизации и сетевизации современного мира [1, с. 77-82]. В работе В.В. Радаева «Миллениалы

¹ Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, № 2 (12). С. 183-193.

² Поколение молодых людей, рожденных на рубеже XX – XXI века. В эту возрастную когорту включают группы 14-16, 17-18, 19-20, 21-22 лет.

на фоне предшествующих поколений» показано, что миллениалы существенно отличаются от других поколений молодежи по ценностным ориентациям (существенно менее религиозны и более других возрастных групп удовлетворены жизнью). Обращает на себя внимание резкое снижение уличной преступности, особенно алкоголизации, в этой возрастной группе (на 25%). Потребление спиртных напитков среди миллениалов – минимальное по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (60-х, 70-х, 80-х, 90-х годов прошлого века) [2].

При этом существенной отличительной особенностью «продвинутых» миллениалов в мегаполисах, средних и малых городах и даже сельской периферии является повальная вовлеченность в мир новых кибервозможностей, которые открыла человеку четвертая технологическая революция. Так, многие из них традиционным молодежным тусовкам, непосредственному общению лицом к лицу предпочитают общение в чатах, в социальных сетях. В виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть времени миллениалов по сравнению с теми, кто уже вышел из этой возрастной когорты. Оказалось, что в силу «скользящей морали» многие из миллениалов не считают для себя проблемой нарушение социальных, в том числе правовых норм, если это сулит выгоду или удовольствие в анонимной среде киберпространства. Нет и негативного отношения к использованию пиратского или нелегального программного обеспечения и хакерам, которые взламывают защиту баз данных. При этом существенно, что в настоящее время кибердевиантность в целом и среди миллениалов в частности все больше направлена в отношении многочисленных частных пользователей социальных сетей и Интернета.

Автор не раз обращал внимание на явный дефицит знаний о феноменологии, путях противодействия нарастающей в мире постмодерна кибердевиантности подростков и молодежи [1, 4]. В настоящей работе акцент делается на осмыслении противодействия кибердевиантности в направлении развития цифрового общества, цифрового просвещения и формирования социально ответственной гражданской позиции миллениалов как носителей основных атрибутов цифрового гражданства.

О цифровой девиантологии. В мировой науке о девиациях последних лет сформировалось новое предметное поле цифровой девиантологии, которое лежит на пересечении криминологии как социологической науки о преступности, цифровой социологии, традиционной позитивистской и постмодернистской юриспруденции, психологии, педагогики, семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математиче-

ских. Разумеется, и сама наука, и ее терминология еще не устоялись. Отсюда кибердевиантность, киберпреступность – чрезвычайно дискуссионные термины, которые активно обсуждаются в работах зарубежных и отечественных исследователей (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, П. Грабоски, Ш. Браун, М. Яра, К. Хейворд, М. Уильямс, П. Бернап, Г. Стрэттон, А. Пауэл, Р. Кэмерон, М. Айкен, Ф. Амман, Я. Гилинский, Я. Костюковский, Д. Карпова, С. Бондаренко, Ю. Комлев, В. Номоконов, Т. Тропина, Э. Кочкина и многие другие).

Теоретики зарубежной и отечественной цифровой девиантологии опираются на интегративный подход – объединение непротиворечивых положений теорий сетевого и цифрового общества, девиантологических теорий, созданных в рамках как неопозитивизма, так и постпозитивизма. В частности, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон процесс цифровизации интерпретируют как совмещение цифрового и социального, а кибердевиантность как техносоциальные практики в цифровом мире [3].

С точки зрения цифровой девиантологии кибердевиантность можно определить как множество проявлений девиантного поведения в киберпространстве Интернета, состоящих в нарушении социальных норм с использованием компьютеров, цифровых технологий, обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их конечных пользователей. Интегративная исследовательская платформа в рамках цифровой девиантологии позволяет при изучении кибердевиантности использовать методологическую триангуляцию, включающую методы бесконтактных опросов, фокус-группы, дискурсивный анализ, контент-анализ цифровой текстовой и видеоинформации, вычислительные алгоритмы для обработки структурированных и неструктурированных больших данных [4, с. 1986-1994].

В настоящей работе в дискуссионный дискурс о кибердевиантности миллениалов и путях контроля над ее проявлениями включены предварительные результаты изучения этих практик на основе обобщения материалов фокус-групповых дискуссий в студенческой среде и контент-анализа отечественных и англоязычных источников по проблемам молодежной кибердевиантности.

Естественно, что исследователей из юридических вузов и практиков системы МВД России больше интересует феноменология такой формы негативной кибердевиантности, как киберпреступность, в силу ее общественной опасности, а также специфические причины ее распространения и пути противодействия. Цифровая девиантология разраба-

тывает этот круг вопросов, переопределяя и расширяя границы предметного поля исследований противоправных киберфеноменов, вводя в научный оборот не только новые понятия, но и теории, новые исследовательские подходы. Она акцентирует внимание не только на правовой оценке деяний кибердевиантов, но и на социально эффективных способах социального контроля над ними через предоставление цифровых образовательных услуг молодежи, вовлечение подростков и молодых людей, их родителей в цифровую культуру и, в конечном счете, приобщение миллениалов к полноценному цифровому гражданству.

О состоянии, трендах и некоторых закономерностях киберпреступности. По данным МВД России, в стране ежегодно сокращается число традиционных преступлений. Этот тренд фиксируется и в когортном измерении, характеризующем миллениалов. В каждой возрастной группе (14-16, 17-18, 19-20, 21-22) в течение нескольких лет происходит снижение общего уровня регистрируемой преступности. В полиции сокращение численности юных преступников связывают с влиянием пандемии коронавируса и успехами работы «межведомственных программ и просветительских акций, направленных на профилактику детской преступности»¹. Этот факт, конечно же, в какой-то мере отражает социальную реальность как результат межведомственной профилактической работы.

Вместе с тем в России и других странах с высокой степенью цифровизации социума, с одной стороны, сокращается число традиционных деликтов, но, с другой – быстро увеличивается в структуре преступности объем киберпреступлений. Неслучайно эксперты МВД России свидетельствуют, что в настоящее время доля регистрируемых преступлений, совершаемых в Интернете или в компьютерной сфере, постоянно растет и превысила 25% от общего их числа². Из-за стремительного роста киберпреступности органы внутренних дел наращивают свои структурные (новые подразделения) и технологические возможности (новые IT-инструменты). Однако только правоохранными мерами радикально изменить ситуацию не удастся. Феноменология киберпреступности имеет социотехнологическую природу, мало изучена и требует поиска и применения не только традиционных уголовно-правовых решений, но и необычных подходов к осмыслению девиантной реальности и социально-правовой и технологической реакции на нее.

¹ Подростки не идут на дело. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/4742628> (дата обращения: 18.09.2021).

² Доля цифрового криминала в России превысила 25%. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html (дата обращения: 18.09.2021).

С точки зрения автора, если анализировать феномен киберпреступности девиантологически, то криминальная активность, как форма негативной девиантности, с улиц и подворотен переходит в киберпространство не столько благодаря внешнему формальному социальному контролю, по Ф.И. Наю, сколько в силу внутренних присущих этому феномену закономерностей. Этот переход стал побочным следствием четвертой технологической революции, результатом более сложных социальных процессов цифровизации и сетевизации мира постмодерна. Впрочем, подобные трансформации преступности в результате технологических открытий были всегда. Например, с появлением огнестрельного оружия преступники стали широко использовать его в своих неблагоприятных целях. Сегодня высокотехнологичным «инструментом» для совершения преступлений все чаще выступает компьютер, смартфон или онлайн-платформа. Аналитически преобразование и развитие киберпреступности как социальную закономерность можно описать формулой «баланса социальной активности» Я.И. Гилинского, из которой следует, что при неизменной сумме форм социальной активности, если снижается девиантная активность в виде традиционной, например уличной преступности, то при этом закономерно растет ее такая новая форма, как киберпреступность¹.

Киберпреступность невероятно латентна. Органами внутренних дел фиксируется лишь малая часть цифровых преступлений, из которых раскрывается лишь каждое четвертое². И еще одно наблюдение. Представляется, что весьма динамичный криминальный мир быстро реагирует на то, что в киберпространстве практически «не работает» неотвратимость наказания – классический принцип уголовного права. Неслучайно в наши дни массовыми стали различные весьма изобретательные проявления кибермошенничества. Это и фейковые звонки, и спамерские рассылки, когда пользователю сообщают, к примеру, что он выиграл что-то и должен заплатить с выигрыша налоги. Сетевые пользователи подвергаются атакам с помощью вирусов-шифровальщи-

¹ Баланс социальной активности в определенном пространственно–временном континууме может быть представлен как: $\sum p_i + \sum n_i + \sum k_i = 1$, где: p – квантифицированные позитивные формы девиантного поведения, n – квантифицированные формы негативных форм девиантного поведения, k – квантифицированные формы «нормального», конформного поведения. При этом увеличение интенсивности (уровня) одних форм активности (p – позитивных или же n – негативных девиаций) приводит к снижению интенсивности других форм по принципу «сообщающихся сосудов». Возможен и вариант одновременного увеличения (уменьшения) значений p и n при соответствующем снижении (увеличении) значения k .

² URL: <https://www.ng.ru/content/articles/716518/>

ков и вредоносных программ с целью вымогательства или кибербуллинга. В последние годы кибердевианты стали все чаще нападать на интернет-торговлю (онлайн-магазины) и облачные сервисы, перешли на интернет вещей, а в связи с пандемией COVID-19 и на сферу цифрового здравоохранения, например, отмечаются случаи подделки прививочных сертификатов. При этом как старые, так и новые феномены кибердевиантности получили весьма широкое распространение в подростковой и молодежной среде.

Некоторые итоги фокус-групповых дискуссий. Фокус-группы со студентами, курсантами, магистрантами позволили установить, что в механизме вовлечения в киберпреступность важны факторы низкого самоконтроля, дефектов социализации, негативного влияния участников сетевого общения, гэмблинг-зависимости, отсутствия родительского контроля за кибердосугом детей. Подросток или юноша, вовлеченный в цифровой мир, ради удовлетворения тщеславия или получения материального «выигрыша» нередко готов пойти на сделку с совестью в силу эффекта «двойной морали». О влиянии проблемной, девиантной социализации на кибердевиантность свидетельствуют и исследования зарубежных криминологов, в которых подчеркивается, что молодые люди, набравшие более низкие баллы по шкале самоконтроля, в большей степени связаны не только с преступным поведением, но и с киберпреступностью¹. Многие подростки и молодые люди «рационализировать» и оправдывают свои девиантные поступки в Интернете. Они отрицают ответственность от содеянного при существенной материальной выгоде, как это следует из теории нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы. Участники фокус-групп отметили, что на начальном этапе девиантной карьеры хакера получение несанкционированного доступа к компьютерной сети, так называемый взлом, – не больше чем хулиганство, обусловленное желанием сделать то, что не могут другие. Более категоричные высказывания касались кибермошенничества в форме фишинга, приобретения наркотиков в сети, кибертерроризма и кибербуллинга.

Важный вывод из обсуждения состоит в том, что вовлечению в кибердевиантность способствует не только отсутствие самоконтроля, но и внешнего контроля, прежде всего родительского, за хакерским контентом в Интернете – это еще одна важная предпосылка для крими-

¹ Teens and Cybercrime: the reasons behind it. URL: <https://www.buguroo.com/en/blog/teens-and-cyberdelinquency-the-impact-of-low-онлайн-self-control> (дата обращения: 18.09.2021).

нальных экспериментов в киберпространстве. Так, о наличии в Интернете пошаговых инструкций, как получить доступ к компьютерам, украсть пароли или использовать другие хакерские инструменты, с иллюстрацией в видеоиграх сообщили некоторые участники обсуждения. Оказалось, что для совершения киберпреступления необходимы лишь минимальные навыки в использовании компьютеров и программного обеспечения при неразвитой или полностью отсутствующей цифровой культуры. В этом плане показательны примеры из жизни подростков-миллениалов. Так, например, в 2014 году 13-летний Ван Чжэньян, которого окрестили «китайским вундеркиндом», взломал школьную компьютерную систему, чтобы получить ответы на свои домашние задания¹. В другом случае британский подросток 13 лет, который работал «хакером по найму», был избавлен от тюремного заключения за то, что организовал кибератаки на глобальные учреждения из своей спальни.

Следовательно, не нужно жить и социализироваться в криминальной среде, чтобы быть вовлеченным в кибердевиантность и киберпреступность. Киберпреступником может стать любой подросток из любой социальной страты с внешне вполне пристойным, конформным поведением, но без хорошо усвоенных норм цифровой культуры – важнейшего атрибута цифрового общества. Отсюда следует, что наряду с правоприменительными мерами чрезвычайно важно развивать образовательные программы, формировать ценностные ориентиры у подростков и молодых людей на конформизм и социально ответственное поведение в Интернете.

Цифровизация и сетевизация, как весьма значительные процессы в социуме постмодерна, обусловлены четвертой технологической революцией. Они оказывают все большее влияние не только на человека, преобразуя его поведение и образ жизни, но и общество в целом, все его подсистемы. В итоге российский социум все больше трансформируется и приобретает зримые черты *цифрового общества*.

Концепт «цифровое общество» утвердился в научном дискурсе российской цифровой социологии лишь в последние годы. Однако он достаточно давно и широко используется в мировой цифровой социологии и цифровой девиантологии для описания социально-технологической реальности первой четверти XXI века, в которой быстро и многогранно возрастает роль цифровых технологий и соответствующих им социальных практик. Особенно заметно эти перемены в наши дни, поскольку

¹ 13-летний китайский хакер выступил на Международной конференции по кибербезопасности. URL: <http://ekd.me/2014/10/little-hacker/>

пандемия актуализировала необходимость удаленной работы, общения и обслуживания. Цифровые инновации трансформировали качество общественной и частной жизни очень многих, особенно, молодых людей и, прежде всего, миллениалов.

Миллениалы, вовлеченные в мир цифровых технологий, испытывают на себе значительное влияние новой цифровой социальной структуры («цифровая стратификация») и функционирования социальных институтов (онлайн-вузы, онлайн-магазины, онлайн-развлечения, онлайн-сервисы, онлайн-банки и т.п.), а также сетевых онлайн-сообществ пользователей расширяющегося пула цифровых услуг. Миллениалы более других и больше своих родителей, а тем более прародителей как агентов первичной социализации, восприимчивы к нововведениям и быстрее других возрастных групп адаптируются к технологическим переменам, заполняя собой социальное онлайн-пространство. Социальные сети и Интернет становятся в их жизни существенными агентами социализации. В значительной мере в анонимной киберсреде существенно возросла ценность таких базовых прав, как свобода выражения мнений и свобода доступа к любой, в том числе запретной информации. Карен Моссбергер в одной из первых своих оценок феноменологии цифрового общества определила социальное онлайн-пространство как «социально-технологическую совокупность», а членство в нем как новую публичную сферу – *«цифровое гражданство»*¹.

В правовом смысле гражданство определяется, разумеется, как устойчивая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. В условиях цифровизации и сетевизации российского социума в научный оборот социологов, девиантологов, политологов вошло понятие «цифровое гражданство», которое характеризует новую социально-технологическую реальность включения все большего числа людей в публичную сферу сетевого взаимодействия с помощью информационных технологий, онлайн-платформ и Интернета. Естественно, термин «цифровое гражданство» дискуссионный и имеет несколько интерпретаций. Можно встретить его трактовки в контексте доступа к социальным сетям и социальным медиа или участия в сетевом взаимодействии, а также в плане соблюдения цифровых прав и обязанностей пользователей социальных сетей и Интернета. Под цифровым гражданством нередко понимают и первый важный шаг на пути к медиаграмотности в XXI веке. Более широкая интерпре-

¹ Digital Citizenship the Internet, Society and Participation By Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert and Ramona S. McNeal. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

тация цифрового гражданства дается В.В. Бродовской в качестве культурного феномена, отражающего социализацию новых поколений под влиянием цифровых коммуникаций [9, с. 65 – 69]. Можно сказать, что цифровое гражданство объединяет социально ответственных участников сетевых сообществ, пользователей социальных медиа и Интернета, знающих нормы и правила использования цифровых технологий без нанесения вреда или ущерба друг другу или обществу в целом.

В условиях быстрых социальных и технологических изменений чрезвычайно важно еще на ранних этапах социализации в школе, а может быть, и в старших группах дошкольных образовательных учреждений запустить программы цифровой подготовки. Это необходимо для обучения детей и подростков жизни в новой социально-технологической реальности, чтобы сделать постмиллениалов и последующие за ними поколения зрелыми социально ответственными гражданами цифрового общества. Работа в этом направлении – один из путей эффективной ранней профилактики кибердевиантности среди подростков и молодежи. Майкл Риббл выделил 9 основных элементов цифрового гражданства в цифровом социуме и способов их достижения. Они распространяются на: *цифровой доступ, цифровую торговлю, цифровую коммуникацию, цифровую грамотность, цифровой этикет, цифровое законодательство, цифровые права и обязанности, цифровое здоровье и благополучие и, наконец, цифровую безопасность* [10]. Эти элементы могут быть разделены на две группы: одна касается индивидуального использования сетевых ресурсов, вторая относится к соблюдению прав других сетевых пользователей – цифровых граждан.

1. В силу цифрового неравенства доступ к IT-технологиям все еще распределяется в обществе неравномерно. В интересах укрепления и развития цифрового гражданства чрезвычайно важно, чтобы цифровые технологии были доступными для всех людей из всех социальных слоев и возрастных групп.

2. Цифровая торговля (покупки и продажи в Интернете) получает все большее распространение, особенно среди молодых людей. При этом поведение покупателей и продавцов на цифровом рынке должно быть законным, социально ответственным.

3. Цифровая коммуникация с развитием мобильных устройств, а также распространением 4G и 5G каналов связи осуществляется практически повсеместно. Отсюда вытекает необходимость в обретении и совершенствовании соответствующих коммуникативных навыков подростков и молодежи.

4. Цифровая грамотность – результат постоянного обучения в рамках специальных программ и курсов, поскольку технологии не стоят на месте и на рынке цифровых услуг появляются новые устройства и сервисы, информационные платформы, ресурсы.

5. Цифровой этикет – это нормы правильного поведения в Интернете и социальных сетях. Каждый пользователь, использующий цифровые технологии, должен придерживаться общепринятого правила: «относится к другим так, как бы он хотел, чтобы относились к нему другие». Уважительное отношение к другим пользователям и к себе – важнейшие принципы сетевого онлайн-общения.

6. Цифровое законодательство определяет, что считается недопустимым и уголовно наказуемым в цифровом мире. Это касается кражи личных данных, чужой интеллектуальной собственности, денег, а также различных форм мошенничества и других уголовно наказуемых девиаций.

7. Цифровые права и обязанности – атрибут тех людей, кто становится участником социально ответственных цифровых коммуникаций. Эта область цифрового гражданства характеризует право на доступ в Интернет, к получению и использованию информации и других онлайн-продуктов. При этом члены онлайн-сообщества имеют право на свободу слова и общения.

8. Цифровое здоровье и благополучие предполагает, что пользователи социальных сетей и Интернета должны знать о физических и эмоциональных последствиях использования цифровых устройств. Излишние «подключения» могут иметь непредвиденные и опасные последствия: стресс, нагрузку на зрение, головные боли, интернет-зависимость. Отсюда необходимость в ответственном и умеренном использовании цифровых технологий.

9. Цифровая безопасность и конфиденциальность в Интернете состоят в контроле и защите личных данных пользователя с помощью надежных паролей, антивирусных программ, резервного копирования данных. Эти меры необходимы, поскольку кибердевианты всегда будут присутствовать в онлайн-сообществе.

Систематическая работа с подростками и молодежью по цифровому просвещению, формированию цифровой культуры, освоению технологий и практик цифрового гражданства – путь, по которому идут страны с высоким индексом цифровизации. Зарубежный опыт свидетельствует, что раннее формирование основ цифрового гражданства в подростково-молодежной среде снижает масштабы кибердевиантности и кибервиктимизации.

Выводы. Как правило, девиантологи интегрируют две стратегии в противодействии молодежной кибердевиантности и киберпреступности. Одна состоит в совершенствовании и усилении внешнего социального, правового контроля, в разработке традиционных уголовно-правовых решений, в наращивании структурных и технологических возможностей правоохранительных органов и других институтов социального контроля. Другая предполагает деконструкцию институтов социализации, направленную на работу по развитию внутреннего социального контроля индивида (самоконтроля) как гражданина цифрового общества. Очевидно, что необходимо и то, и другое. Однако в условиях кризиса института семьи из-за роста семейных дисфункций [11, с. 74-81] необходимо, прежде всего, обратить внимание на социальную поддержку семьи, цифровое просвещение не только детей, но и их родителей как ключевых агентов первичной социализации.

Обобщая материалы исследований и предложений на эту тему в открытом доступе, в частности, в работе *Youth Pathways into Cybercrime* (2016) [12], можно следующим образом структурировать предварительные выводы и предложения применительно к российским условиям.

Среди миллениалов и постмиллениаллов, вовлеченных в кибердевиантность, много хорошо разбирающихся в современных информационных технологиях подростков и молодых людей, которые не видят и не находят для себя легальных возможностей по удовлетворению своих растущих потребностей, амбиций, реализации своей социальной активности в направлении конформизма или позитивной девиантности. Отсюда эффективность внешнего сдерживания зависит, если пользоваться терминологией Ф.И. Ная, от социальным контролем посредством «законного удовлетворения потребностей». В этом случае альтернативой киберпреступности для потенциального хакера может быть доступная учеба и затем престижная, высокооплачиваемая работа в сфере кибербезопасности и IT-технологий.

Кибердевиантность и киберпреступность могут затронуть сегодня любого подростка или молодого человека из любой социальной среды. Многие родители убеждены в том, что если их ребенок дома за компьютером, то они в безопасности и нет причин для беспокойства. Однако это не так. Отсюда на уровне института семьи, родителей чрезвычайно важен плотный неформальный социальный контроль за тем, сколько времени и где в Интернете проводит подросток. Именно родители должны играть ключевую роль в ежедневном мониторинге социальной активности детей в интернет-пространстве, чтобы защитить их от нежелательного контента, рассказать о недопустимости девиантных проступков и рисках кибервиктимизации.

Развитие самоконтроля. Социализация в родительской семье, дошкольных учреждениях и в школе приобретает в цифровом мире особое значение, поскольку формирующаяся личность должна своевременно интериоризировать общепринятые нравственные, а также правовые нормы, в том числе относящиеся к основам цифрового гражданства, осознать собственную ответственность за рискованное поведение в киберпространстве.

На уровне школы, правоохранительных органов весьма важно не только цифровое, но и правовое просвещение. Подростки и молодые люди должны знать о правовых последствиях криминальных экспериментов в киберпространстве, поскольку привлечение к суду может испортить молодому человеку и жизнь, и карьеру.

Между миллениалами, постмиллениалами и их родителями, учителями быстро нарастает «технологический разрыв». Молодые более восприимчивы к цифровым инновациям. Отсюда необходима консультационная помощь и родителям, и учителям, чтобы те могли распознать девиантную активность, искейперство или лудоманию в Интернете своих подопечных еще на ранних стадиях.

В семье и школе следует обращать внимание на обеспечение закрытого доступа к запрещенному контенту, поддерживать установку и использование безопасного Интернета. Необходимо, наконец, за счет разумных рестрикций организовать семейный или, может быть, подростковый Интернет. При этом без рестриктивных мер не удастся подготовить детей как молодых интернет-пользователей ко вступлению в социально ответственное цифровое гражданство на следующих этапах цифровой социализации.

В органах внутренних дел в целях профилактики кибердевиантности следует изучить и реализовать зарубежный опыт организации практик веб-констебля, которая касается полицейской деятельности в киберпространстве. Такие полицейские онлайн-программы, отработанные в ряде стран, нацелены на социальную профилактику кибердевиантности подростков и миллениалов, повышение их осведомленности о рисках и последствиях противоправного поведения в Интернете.

Обсуждение путей противодействия кибердевиантности миллениалов и постмиллениалов в контексте формирования основ цифрового общества и цифрового гражданства легко выходит за пределы обозначенной темы и прямо затрагивает кибервиктимизацию подростков и молодых людей в значении контактов в Интернете с мошенниками, киберсталкерами, а также материалами, содержащими дискриминацион-

ный, насильственный или сексуальный характер. Впрочем, актуальная проблематика защиты жертв цифровизации может составить предмет специального девиантологического исследования.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Кибердевиантность миллениаллов: феноменология и пути противодействия // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. материалов Второй международной научно-практической конференции («КФУ им. В.И. Вернадского», Ялта 8-10 октября 2020 г.) / Симферополь: АРИАЛ, 2020.

2. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. URL:<http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millennialy-nafone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>. (дата обращения: 28.10.2019).

3. Stratton G., Powell A., Cameron R. Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2):17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev. (дата обращения: 28.10.2019).

4. Комлев Ю.Ю. От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантации социума и ее интегративному изучению // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14-16 октября 2020 г.). М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. 192 192 Ученые записки Казанского юридического института МВД России 2021 Том 6 № 2(12) ISSN 2541-8262

5. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27. № 4.

6. Ribble M. Digital citizenship: using technology appropriately. URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html (дата обращения: 18.09.2021).

7. Комлев Ю.Ю. Основы социологии семьи. Казань: КЮИ МВД России, 2020.

8. Youth Pathways into Cybercrime. URL: https://www.mdx.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0025/245554/Pathways-White-Paper.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

Дисфункции института семьи и негативная девиантность как теневая сторона семейной жизни¹

Аннотация: В статье рассматривается семья как социальный институт, функционирующий в реалиях эпохи постмодерна. Делается акцент на дисфункциях института семьи и девиантных проявлениях этих дисфункций в семье. Показываются основные формы и последствия девиантности в семье.

Ключевые слова: дисфункция, семья, девиантность, семейное насилие, постмодерн.

Dysfunctions of the Family Institution and Negative Deviance as the Dark Side of Family Life

Summary: The article examines the family as a social institution functioning in the realities of the postmodern era. The emphasis is made on the dysfunctions of the institution of the family and the deviant manifestations of these dysfunctions in the family. Shows the main handicaps and consequences of deviance in the family.

Key words: dysfunction, family, deviance, domestic violence, postmodern.

Семья – универсальный институт, несмотря на то, что формы брака и семьи как продукты культуры существенно отличаются в разных социумах и на разных этапах исторического процесса. Универсальность семьи обеспечивается тем, что она реализует ряд специфических функций, удовлетворяющих базовые потребности людей, что обеспечивает выживание и сохранность любого общества. Это, прежде всего, репродуктивная, экзистенциальная функция и функция социализации. Неспецифические функции семьи позволяют ей приспосабливаться к определенным историческим условиям. Они связаны с накоплением и

¹ Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 1 (5). С. 75-81.

передачей собственности, статуса; организацией потребления, отдыха и досуга; с заботой о здоровье и благополучии. Специфические и неспецифические функции семьи не теряют своего значения и в условиях стремительной трансформации и турбулентности социума эпохи постмодерн.

Р. Мертон, как известно, показал, что полное функциональное единство, в том числе института семьи, противоречит социальной реальности. То, что функционально для одного социального контекста, может быть дисфункционально для другого, и наоборот. Дисфункция означает то последствие, к которому не стремились и которого не ждали в результате социального действия. В итоге невыполнение, ненадлежащее исполнение, недостаточность ресурсов для выполнения функции семьи оборачивается дисфункциональностью семьи как социального института. Девиантологи, используя структурно-функциональный подход, концентрируются, прежде всего, на дисфункциях и социальных проблемах семьи; выясняют то, какой взнос они делают в феноменологию семейной девиантности.

Как известно, в мире постмодерна социум и государство все в большей мере оказывают помощь семье в процессе воспитания и социализации подрастающего поколения, в решении хозяйственно-бытовых вопросов и рекреации, в реализации других ее специфических и неспецифических функций. Массовая нуклеаризация семейной жизни в условиях урбанизации и глобализации приводит к относительной изоляции нуклеарной семьи в отличие от расширенной. В итоге ее члены не могут рассчитывать на помощь большого числа родственников в вопросах материальной или эмоциональной помощи. Отсюда нуклеарные семьи нередко дисфункциональны в плане «эмоциональной перегрузки» в случае потери работы, или иного стресса, на фоне которой снижается эффективность рекреации и семейной поддержки.

Моногамный секс на определенных стадиях жизненного цикла семьи или при определенных условиях, например, при развитии гедонистической культуры свободного секса нередко ведет к такой дисфункции как секс вне брака, особенно за деньги (проституция). Косвенно, дисфункциональность семьи в части неудовлетворенности при реализации сексуальных потребностей характеризует рост масштабов проституции в России. По данным аналитиков мобильного приложения NumBuster в конце 2017 года насчиталось 4,5 млн. телефонных номеров, связанных с предложением секс-услуг. Численность женщин, занятых в россий-

ской секс-индустрии, сегодня сравнима с численностью работников ЖКХ (около 3 млн. человек).

Дисфункцией семьи выступает и отказ от помощи престарелым и больным членам семьи, принудительная изоляция их в соответствующих социальных учреждениях. Другим примером дисфункции института семьи в вопросах социализации и неформального социального контроля выступает девиантная социализация детей. Среди подростков немало ретретистов и искейперов и не только из материально неблагополучных семей, которые реализуют стратегию ухода, бегства из семьи и социализируются на улице в «дурных» уличных компаниях, в киберпространстве Интернета, социальных сетях как девианты. Неслучайно в России регистрируется «армия» детей-беспризорников (около 2 млн.). У детей из неблагополучных семей значительно чаще встречается: нарушение нормального общения со сверстниками; неадекватность самооценки, снижение способности самоанализа и социально-психологической адаптированности; неразвитость чувства эмпатии, делинквентность и негативная девиантность [Беседин, 2002].

Чрезмерная артикуляция функции обеспечения благосостояния супругами в двухкарьерной семье приводит нередко к такой дисфункции как отчуждение детей и родителей, а также супругов между собой, что часто у мужчин и женщин сопровождается развитием алкоголизма или чревато фактами суицидального поведения.

Относительная изоляция нуклеарной семьи создает предпосылки и для таких проявлений девиантности как инцест, бытовое и сексуальное насилие. Там, например, в Старом свете, где перечисленные выше дисфункции семьи особенно заметны, постоянно растет молодежная преступность, экстремизм и суицидальное поведение среди подростков [Филлипс Ч. Томас, 2002, с. 144].

Дисфункции института семьи имеют печальным следствием и проблемы с репродукцией, ведут к разводам и материнской депривации. Так, рост числа разводов – в определенном смысле индикатор дисфункциональности института семьи.

На протяжении многих веков брак на Западе, да и России был практически нерасторжимым. Разводы допускались лишь в особых случаях, таких, например, как неспособность к нормальным брачным отношениям. И сегодня в Испании, Ирландии не признается право на развод. Между тем в большинстве развитых обществ разводы легализованы.

В последнее время число разводов в постиндустриальных обществах заметно увеличилось. Так, в Великобритании отмечен рост с 3 человека на 1000 состоящих в браке в 1961 году до почти 12 человек на 1000 в 1981 году. При этом 40% заключаемых браков, считают социологи, скорее всего, закончатся разводом. Наиболее уязвимой семья оказывается в первые 4 года (38% разводов), когда формируется ее модель (распределение власти, авторитета, обязанностей), возникают первые конфликты [Гидденс, 1999].

Уровень разводов в России в 50, 60, 70-е годы прошлого века постоянно рос. Максимум был достигнут в 1979 г. — 594 тыс. разводов. В 80-е годы число разводов оставалось практически неизменным, но с началом перестройки баланс был снова нарушен, социальное положение граждан пошатнулось, и в 1991 г. число разводов увеличилось и составило 598 тыс. По данным переписи населения в РФ в 1989 году на 1000 человек приходилось 72 развода. В 2010 году на каждую 1000 человек было зарегистрировано уже 98 разводов [Итоги Всероссийской переписи. Электр. ресурс].

Заметим, что возросшая доля разводов отражает не только рост семейной дисфункциональности. Браки распадаются и по другим причинам. В условиях постмодерна стало гораздо больше психологических и социально-экономических источников конфликта, либерализация в брачно-семейной сфере изменила мир ценностей и представлений супругов, возросли индивидуальные требования к браку и семейной жизни, особенно у женщин, которые значительно чаще мужчин подают на развод. Социальные приоритеты изменились и в общественном мнении. Отношение в обществе к разводам стало более толерантным и расторжение брака нередко рассматривается как адекватная реакция на его не успешность.

Брак, тем не менее, остается популярным институтом и 2/3 разведенных в конце концов вновь приступают к совместной жизни. Рост числа разводов закономерно привел к увеличению доли семей с одним родителем. Изменилась и численность повторных или серийных браков между разведенными. Стало больше семей с детьми, в которых один или оба родителя были разведены.

Негативная девиантность в семейной жизни. Есть, увы, вещи, в жизни семьи о которых не принято говорить. Темная сторона семейных отношений связана с дисфункциональностью института семьи и, как следствие, проявлениями негативной девиантности, среди которых широко распространены: домашнее насилие (избиения), жестокое об-

ращение с детьми, отклонения в сексуальном поведении (инцест и др.) [Комлев, 2020, с. 78-81].

Домашнее насилие определяется как физическое наказание, принуждение одним членом семьи другого или других, как правило, детей или женщин. Для изучения домашнего насилия, социологи используют неформализованные интервью и нарративный анализ. Опросы показывают, что насилие в семье имеет явную гендерную специфику: женщины намного чаще, чем их мужья обращаются за медицинской помощью в результате побоев. Насилие в отношении женщин, живущих в браке или сожительстве, обычно связано с агрессивностью и пьянством мужей, которые полагают, что имеют право на силовое наказание и подчинение женщин. Транскрибирование текстов нарративов показывает, что когда мужчины разочарованы в отношениях или возникают серьезные разногласия или конфликты, другие веские причины, то, они, пользуясь силой, прибегают к девиантным поступкам в отношении жен или сожительниц, полагая, что их жертвы не дадут делу огласку.

Жестокое обращение с детьми и сексуальное насилие. Из интервью покупателя, осматривавшего дом, выставленный на продажу: «Хозяйка жилья, которую соседи и прежде уличали в жестоком обращении со своим нездоровым ребенком, показала весь свой дом, который был прибран и неплохо обставлен. Внимание покупателя привлекла коробка из фанеры в спальне мальчика. Коробка была с маленькими отверстиями и имела маленькую дверь с висячим замком. Из любопытства возник вопрос: «Что это такое?» Женщина, как ни в чем не бывало, ответила, что у ее сына проблемы с поведением, и она запирает его тут время от времени. Она также добавила, что ранее с мужем привязывала сына к кровати или запирала и надолго в кладовой... Ничего не помогало...». Подобных историй не мало.

Общепринятая социальная норма состоит в том, что родители должны любить, защищать и воспитывать детей. Однако, так бывает не всегда. Беспомощные дети, зачастую нездоровые физически или с расстройством психики, нередко становятся жертвами своих бессердечных родителей или старших детей в семье. Имеют место случаи, когда дети подвергаются и сексуальному насилию. Так, сожитель одной женщины из материнской семьи избил и изнасиловал девочку-подростка, пока ее мама была на работе, отчего девочка оказалась в коме. При этом большинство случаев жестокого обращения с детьми и насилия над ними очень латентны и остаются тайной. По сви-

детельству Джеймса Хенслина, семейное насилие над детьми весьма распространено в США. Каждый год 3 миллиона детей по официальной статистике (статистике заявлений), являются жертвами домашнего насилия. Около 1 миллиона из этих случаев подтверждаются в ходе проверок органов опеки [Henslin, 2004, с. 347]. В Великобритании дом — это одно из самых опасных мест, поскольку в стране из четырех убийств одно — совершается в семье [Гидденс, 1999, с. 386].

Почему в мире постмодерна так распространена негативная девиантность в форме семейного насилия? С этим связано несколько факторов. Наряду с дисфункциями семьи, как социального института, исследователи-девиантологи в один ряд с ними ставят и социально-психологические причины. Одна из них состоит в сочетании интенсивной эмоциональности и интимности, характерных для семейной жизни. Семейные узы обычно неотделимы от сильных эмоций и в них нередко смешиваются любовь и ненависть. Домашние ссоры даже из-за незначительных событий могут вызвать приступы агрессии, которая в другом социальном контексте была бы маловероятной. Так, мужчина, терпимо относящийся к странностям других женщин, может впасть в ярость, если его собственная жена слишком откровенничает с подругами по поводу подробностей его интимной жизни с супругой. Другой фактор связан с терпимостью и даже одобрением в массовом сознании семейного насилия, поскольку в обществе все еще распространена точка зрения, что у родителей есть «право на битье» детей, а брачный союз — это контракт «с правом на битье», чтобы поучать строптивых жен.

Семейное насилие как проявление негативной девиантности — острая социальная проблема современности. Зарубежные исследования показывают, что насилие в семье отражает склонность к насильственным действиям вообще. Многие мужья, физически оскорбляющие своих жен и детей, замечены в насилии и при других обстоятельствах. Так, в исследованиях Джеффри Фэгана, по свидетельству Энтони Гидденса, установлено, что более половины мужей, регулярно избивавших своих жен, совершали насильственные акты и по отношению к другим людям. Более 80% из них, были, по крайней мере, один раз под арестом в связи с насилием несемейного характера [Гидденс, 1999, с. 386]. К этому же выводу приходят и отечественные специалисты [Егорышев, 2020, с. 168-195].

Инцест. Сексуальные отношения между близкими родственниками (например, между братьями и сестрами или между родителями и их детьми) называются инцестом. Проявления кровосмешения в совре-

менном мире считаются негативной девиантностью, хотя о них известно, начиная с матриархата. В настоящее время в постиндустриальных странах инцест осуждается на уровне общественной морали, а в ряде стран запрещен и наказуем как уголовное преступление.

Инцест чаще всего бывает в социально закрытых семьях. Его жертвами нередко становятся юные девушки, почти дети. Немногими исследованиями установлено, что принуждением к сексу чаще других занимаются дяди, двоюродные братья, отчимы – взрослые мужчины из ближайшего окружения.

Очевидно, что сексуальная эксплуатация детей и женщин со стороны взрослых мужчин в семье – это центральная проблема, формирующая в последующем психику и опыт жизни немалого числа женщин, подверженных сексуальной виктимизации. В России инцест прямо не криминализован. Его масштабы и последствия изучены недостаточно в силу высокой латентности. Хотя на протяжении последних лет инцест стал объектом девиантологических и криминологических исследований [Дерягин, 2008, с. 414-422].

Без научного осмысления этой сложной девиантологической проблемы не выстроить социально эффективную систему профилактики, не преодолеть негативную девиантность как темную сторону семейной жизни. Впрочем, это предмет специальных междисциплинарных девиантологических исследований криминологов и специалистов по социологии и психологии семейной жизни.

Литература

1. Беседин А.А. Дисфункциональная семья как фактор девиантного поведения несовершеннолетних: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук (22.02.04). Харьков, 2002. С. 5-14.
2. Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 1999. С.5-507.
3. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология. Курс лекций для юридических факультетов. М.: Московский университет МВД России, Изд-во «Щит», 2008. 552 с.
4. Егорышев С.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних в Республике Башкортостан // Межнациональная семья в полиэтническом обществе: региональный и глобальный контекст: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (13 ноября 2020 г., Уфа) / Отв. Ред. Ф.Б. Бурханова. Уфа: Первая типография, 2020. 280 с.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>
6. Комлев Ю.Ю. Основы социологии семьи: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2020. 422 с.
7. Филлипс Ч. Томас феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Ситонова. М.: Грааль, 2002. 176 с.
8. Henslin, James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach. 5th ed. – Boston: Allyn and Bacon, 2004. 204 p.

Цифровой социальный контроль: основные тренды и этические проблемы¹

Переход от «надзора» к «слежению» (мониторингу) в практиках социального контроля в постиндустриальном мире происходит на рубеже XXI века. Повсеместно в общественных пространствах Китая, Европы, США, России и других стран устанавливаются видеокамеры, связанные с алгоритмами распознавания и обработки больших данных. Полицейские в смарт-шлемах уже несколько лет контролируют правопорядок на китайских улицах, дополняя систему стационарного видеонаблюдения. Благодаря Интернету, цифровизации и сетевизации социума, развитию цифровой экономики, внедрению сквозных цифровых технологий, повседневным стал VUCA-мир со свойственной ему *изменчивостью* (Volatility), *неопределенностью* (Uncertainty), *сложностью* (Complexity) и *неоднозначностью* (Ambiguity).

Технологии интернета вещей, виртуальной и дополненной реальности, робототехники, беспроводной связи и биометрии, Big Data и искусственного интеллекта изменили качество, ценность и роль информации в жизни современных людей. Постоянно увеличивается спрос на актуальные цифровые инструменты и сквозные технологии. Ежегодный рост рынка Big Data и облачных технологий в совокупности составляет 20,8%, искусственного интеллекта (машинное обучение, нейронные сети, глубокое обучение) – 39,7%, распределенного реестра (блокчейн) – 80,2%. Цифровое общество стало обществом наблюдения.

Цифровой мир, который характеризует акроним VUCA, не только повышает производительность труда, прибыль; минимизирует издержки, снижает ошибки, связанные с «человеческим фактором», но и порождает новую цифровую девиантность и соответствующий ей цифровой социальный контроль. Киберпреступления все больше направлены на пользователей Интернета, социальных сетей, цифровых платежных систем. По данным МВД России, ежегодно доля киберпреступлений превышает 25% от общего числа всех регистрируемых деликтов. Де-

¹ Философия, социология, право в системе обеспечения национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора социологических наук, профессора Д.Д. Невирко / отв. ред. В.Е. Шинкевич (г. Красноярск, 17 ноября 2022 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 34-38.

виантологи обращают внимание на рост киберпреступности и других проявлений кибердевиантности, на необходимость совершенствования социального контроля в этой сфере¹.

Обзор ряда зарубежных и отечественных работ по организации цифрового социального контроля, видеонаблюдения и рестрикций в Интернете для противодействия преступности и девиантности позволяет обозначить ряд особенностей, тенденций и этических проблем в этой сфере. Среди них наиболее существенны следующие:

1. Китай является мировым лидером в использовании видеокамер, «умных вещей», биометрических наблюдений, основанных на технологии распознавания лиц. В общественных местах в рамках государственной системы социального кредита к 2020 году китайцами установлено более 600 млн видеокамер. Тотальный цифровой контроль в рамках этого подхода – ключ к «правильному» поведению индивида.

2. Во многих азиатских странах (Китай, Индия и др.) происходит ускорение перехода от технологического триггера (инновации) до выхода на плато продуктивности (цикл хайпа) в развитии интеллектуальных систем фиксации и цифровой идентификации отпечатков пальцев, рисунков сетчатки и радужной оболочки, голосовых паттернов и других идентификаторов.

3. Новым подходом к видеофиксации с целью мониторинга за девиантами стало использование совокупности алгоритмических решений, аналитики Big Data и искусственного интеллекта. Так, в США система COMPAS обеспечивает вынесение альтернативных решений относительно заключенных для определения необходимости прохождения испытательного срока, принятия судебных ограничений. Аргентинская система искусственного интеллекта «Prometea» положительно зарекомендовала себя для быстрого принятия типовых судебных решений.

4. Пандемия COVID-19 привела к появлению новых форм цифрового биометрического наблюдения и контроля с использованием тепловизоров и других цифровых девайсов. Появились мобильные приложения для отслеживания контактов, соблюдения карантина, социального дистанцирования, а также симптомов и состояния здоровья, других цифровых следов. В России накоплен опыт обработки QR-кодов. Наблюдение построено на сети из 100000 видеокамер и искусственного интеллекта для распознавания и отслеживания лиц, помещенных в карантин.

¹ Подр.: Комлев Ю.Ю. Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С.113-116.

5. Развивается наблюдение в Интернете и социальных сетях за онлайн-активностью с фиксацией персональных данных пользователей, представителей «проблемных» групп, пропагандирующих экстремизм и террор, вовлечение в самоубийство. Так, приложения Google латентно отслеживают не только девиантов, но и «шпионят» за другими пользователями, нарушая конфиденциальность, анализируют почту, сообщения, календари и личные предпочтения, местоположение, просмотр веб-страниц и др. В их числе Angry Birds и Shazam, например, ведут сбор данных о местоположении и адресе мобильного устройства.

6. В ряде стран вводятся рестрикции свободного доступа к информации в Интернете путем блокировки адреса интернет-протокола («IP»), системной («DNS») фильтрации, замедления трафика. В Китае интернет-цензура реализована в рамках системы «Великий брандмауэр». США, Бразилия, Турция, Россия оказывают все большее давление на технологические компании, чтобы те удаляли со своих страниц нежелательный контент. В России интернет-трафик в пределах страны может проходить только через пункты интернет-обмена (IXP), которые предварительно одобрены Роскомнадзором. Для обеспечения «киберсуверенитета» во многих странах принимаются законы, направленные на создание национального сектора в Интернете.

7. Аналитики усматривают в стремлении к киберсуверенитету, особенно в Китае, развитие «цифрового авторитаризма» для «контроля, подавления и манипуляций» в интересах государства. Впрочем, цифровая цензура и ангажированность имеют место и в западных демократиях. Так, в США Д. Трамп стал жертвой многочисленных fake-news в социальных сетях и цифровых медиа, подконтрольных демократам.

8. Развивается автоматическая приватизированная цензура информационного потока в Facebook, Twitter, Instagram с помощью методов фильтрации контента с использованием алгоритмов, основанных на машинном обучении (искусственный интеллект). Эти инструменты работают в реальном времени и явно не уведомляют пользователей, что делает контроль незаметным. Приватизированная цензура технологических компаний ведет к манипуляциям, подавлению голосов несогласных в своих интересах. Здесь кроются реальные проблемы этического плана, попрания прав человека при реализации цифрового социального контроля.

9. Практики цифрового контроля над кибердевиантностью нередко выходят за девиантологические пределы и распространяются на граж-

данские и политические права (свободу выражения мнений, неприкосновенность частной жизни и др.). Эксперты отмечают, что в «обществе наблюдения» алгоритмические системы непрозрачны, а возможности обжалования и получения возмещения в случаях злоупотреблений очень ограничены или вовсе не существуют. В итоге цифровой социальный контроль нередко используется для смещения, провоцирования, манипулирования и ограничения не только в отношении девиаций, но и вполне конформного поведения законопослушных цифровых пользователей.

10. Девиантологи и юристы отмечают отставание в развитии социального контроля в цифровой сфере. Это относится, прежде всего, к международному (Будапештская конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях (2001г.) и национальному законодательству. В российских источниках высказываются претензии относительно определения составов киберпреступлений (глава 28 УК РФ, ст. 272-274). В России запущен, но не завершен процесс создания киберполиции, декларация, о формировании которой была заявлено еще в конце 2020 года.

11. К этическим проблемам в сфере цифрового социального контроля следует отнести: несоблюдение прав граждан при создании новых цифровых продуктов, услуг, связанных с использованием цифровых данных; непреднамеренное создание алгоритмов и систем принятия решений, дискриминирующих отдельных людей, социальные группы из-за недостаточно тщательного их тестирования; нарушение законодательства по причине неэтичного использования госслужащими, работниками медицинских учреждений, банков и других структур частных цифровых данных; нерешенность вопросов об ответственности за неэтичное «поведение» систем искусственного интеллекта при принятии ошибочных решений.

12. Отечественные исследователи призывают повышать техническую грамотность населения, развивать «массовую и индивидуальную культуру безопасности при использовании цифровых технологий». Полагаю, что развитие самоконтроля не менее важно, чем совершенствование системы формального цифрового социального контроля. Здесь уместно рассмотреть подготовку «цифровых граждан» – людей VUCA-мира. Так, М. Риббл выделяет 9 элементов цифрового гражданства: цифровой доступ, цифровая торговля, цифровая коммуникация, цифровая грамотность, цифровой этикет, цифровое законодательство, цифровые права и обязанности, цифровое здоровье и благополучие,

цифровая безопасность. Представляется, что в настоящее время чрезвычайно важны: цифровая грамотность, цифровой этикет, цифровые права и обязанности, цифровая безопасность и конфиденциальность. Эти элементы цифрового гражданства, своевременно усвоенные в ходе социализации, могут быть основой для эффективного самоконтроля и существенного снижения рисков цифровой виктимизации, а значит, и киберпреступности в VUCA-мире.

Цифровое гражданство и цифровое гражданское общество: спрос на цифровые компетенции в VUCA-мире¹

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки, специфика и элементы цифрового гражданства, условия развития цифрового гражданского общества. Показан спрос на формирование цифровых компетенций в VUCA-мире.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, цифровое гражданство, цифровое гражданское общество, цифровые компетенции, VUCA-мир.

Annotation. The article discusses the prerequisites, specifics and elements of digital citizenship, the conditions for the development of a digital civil society. The demand for the formation of digital competencies in the VUCA-world is shown.

Keywords: digitalization, networkization, digital citizenship, digital civil society, digital competencies, VUCA-world.

Сквозные цифровые технологии, компьютеры, смартфоны и другие «умные» девайсы радикально преобразовали образ жизни и практики людей в условиях социума эпохи постмодерна в образе VUCA-мира. VUCA-мир с его volatility (изменчивостью, отсутствием стабильности), uncertainty (неопределенностью), complexity (запутанностью, сложностью), ambiguity (неясность, неоднозначность) приводит общество к состояниям турбулентности, реконструкции, рисков и постоянно растающей неопределенности. Проблематика цифровой трансформации и ее последствий в социуме в последние годы все больше привлекает внимание социологов, криминологов, правоведов, экономистов, IT-специалистов.

Проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации экономики, сферы управления и услуг, образования, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, человеке, IT-техноло-

¹ Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей. Могилев, 2022. С. 54-60.

гиях. По открытым данным, самый большой объем публикаций (сумма индекса Хирши) посвящен таким темам, как новые производственные технологии, big data, нейротехнологии, искусственный интеллект. Изучение англоязычных и отечественных работ методом качественного контент-анализа, обобщение передового опыта исследований в этом междисциплинарном предметном поле показывают, чем специфичны социально-технологические изменения в статусе и поведении людей VUCA-мира.

Общество XXI века изменили цифровизация и сетевизация, ставшие его фундаментальными измерениями [1, с. 335–346]. Цифровизацию можно определить в социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности – жизни и деятельности людей. В настоящее время цифровизацией охвачены практически все подсистемы российского социума: экономика, управление, транспортное обслуживание и логистика, образование, массмедиа, здравоохранение. По открытым данным Digital 2020, количество интернет-пользователей в мире достигло 4,54 млрд. В России зарегистрировано 118 млн интернет-пользователей (по числу посетителей Всемирной паутины Россия занимает 8 место в мире) [2].

Интернет объединяют не только миллионы своих пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы, масса «умных вещей» – Internet of Things (IoT). В соответствии с этим трендом любые цифровые медиа-платформы и девайсы работают, обмениваются данными между собой с минимальным участием человека или даже без него, развиваются технологии искусственного разума. Использование Интернета сочетается с развитием новых цифровых технологий беспроводной связи (4G, 5G-сети), отличающихся быстротой соединения абонентов и высоким качеством передачи данных. Интернет-ресурсы предоставляют все больше возможностей не только для поиска и использования информации, визуального онлайн-общения, ведения онлайн-бизнеса, онлайн-шопинга, гражданской онлайн-активности, но и онлайн-обучения, переобучения.

С 2020 года по настоящее время этот процесс ускоряется из-за пандемии коронавируса. Периодические локдауны стимулируют дальнейшую цифровизацию образовательной системы, медицины, банковского дела, транспортного обслуживания, ряда других отраслей экономики и социальной сферы. Интернет-торговля, сервисы для работы из дома получают еще большее распространение. На Восточном экономиче-

ском форуме в сентябре 2021 года эксперты определяют, что по уровню цифровизации страна занимает 27 место в мире [3].

Растет численность участников сетевого общения. В России она составляет 50 % от всего населения страны. Социальные сети определяются в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей на основе онлайн-платформ. Наибольшую популярность среди пользователей приобретают онлайн-платформы: Facebook, Youtube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Twitte, «ВКонтакте», «Одноклассники». Так, Facebook объединяет 2,5 млрд активных пользователей в месяц, Youtube – 2 млрд, WhatsApp – 1,6 млрд, «ВКонтакте» более 300 млн, «Одноклассники» – 290 млн человек. Сети в обществе существовали, разумеется, и до эпохи цифровизации. Однако в настоящее время благодаря Интернету и онлайн-платформам число сетевых пользователей достигло такого уровня, что позволяет электронным коммуникациям охватить практически все социальные общности. В итоге сетевизация привела к образованию сетевых онлайн-сообществ.

Пользователи социальных сетей могут посредством включения или исключения из списка контактов себя или других людей автономно его определять или переопределять, устанавливать, поддерживать и развивать социальные связи и взаимодействия. Они вправе самостоятельно создавать веб-ссылки и самостоятельно выбирать и транслировать тот или иной контент. Благодаря этому в социальных сетях происходит интенсивное общение людей, живущих в разных городах и странах, объединенных в группы общими интересами, целями, планами, профессиональными и иными признаками. В социальных сетях удобно презентовать и рекламировать свои идеи, проекты, искать заинтересованную аудиторию, приумножать число сторонников или партнеров по увлечению или бизнесу. Онлайн-платформы создают уникальные условия для самореализации, самообразования, интенсивного обмена новостями, другой актуальной информацией. Таким образом, в социальных сетях происходит индивидуализация их пользователей в плане конструирования собственной автономии, самореализации, самопрезентации, самоорганизации.

Последствия цифровой сетевизации предрек М. Кастельс на исходе XX века, указав на то, что сети составят новую социальную морфологию социума. В сетевом обществе (network society) «ключевые социальные структуры и деятельность его членов будут организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [4]. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет

собой сегодня, по оценке Карен Моссбергер «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [5].

Как известно, любой новый термин неоднозначен. Так и понятие «цифровое гражданство» имеет несколько интерпретаций и их число продолжает расти. Можно встретить трактовки в контексте доступа к социальным сетям и социальным медиа или участия в сетевом взаимодействии, а также в плане соблюдения цифровых прав и обязанностей пользователей социальных сетей и Интернета. Под цифровым гражданством нередко понимают и первый важный шаг на пути к цифровой грамотности и использованию цифровых технологий. В этом ключе интерпретация цифрового гражданства дается Е.В. Бродовской в качестве культурного феномена, отражающего социализацию новых поколений под влиянием цифровых коммуникаций [6]. Можно сказать, что цифровое гражданство объединяет ответственных участников сетевых сообществ, пользователей социальных медиа и Интернета, знающих правила использования цифровых технологий и пользующихся ими без нанесения вреда или ущерба друг другу или обществу [1, с. 335–346].

Майк Риббл выделяет девять основных элементов цифрового гражданства. Они включают в себя: 1) цифровой доступ, 2) цифровую торговлю, 3) цифровую коммуникацию, 4) цифровую грамотность, 5) цифровой этикет, 6) цифровое законодательство, 7) цифровые права и обязанности, 8) цифровое здоровье и благополучие и 9) цифровую безопасность [7]. Эти элементы могут быть разделены на две группы: одна касается индивидуального использования сетевых ресурсов, вторая относится к соблюдению прав других сетевых пользователей – цифровых граждан.

1. Цифровой доступ к технологиям все еще распределяется неравномерно, в силу цифрового неравенства. В интересах укрепления и развития цифрового гражданства чрезвычайно важно чтобы цифровые технологии были доступными для всех.

2. Цифровая торговля или покупки и продажи в Интернете ныне также распространены, как и обычная торговля. При этом поведение покупателей и продавцов на цифровом рынке должно быть законным.

3. Цифровая коммуникация с развитием мобильных устройств, а также распространением 4G и 5G каналов связи осуществляется повсеместно. Отсюда вытекает необходимость в обретении и совершенствовании соответствующих коммуникативных навыков.

4. Цифровая грамотность – результат постоянного обучения, поскольку технологии не стоят на месте и на рынке цифровых услуг появляются новые устройства и сервисы, информационные ресурсы.

5. Цифровой этикет – это нормы правильного поведения в Интернете и социальных сетях. Каждый пользователь, использующий цифровые технологии, должен придерживаться общепринятого правила: «относиться к другим так, как бы он хотел, чтобы относились к нему». Уважительное отношение к другим пользователям и к себе – важнейшие принципы сетевого онлайн-общения.

6. Цифровое законодательство определяет, что считается недопустимым и уголовно наказуемым в цифровом мире. Это касается кражи личных данных, чужой интеллектуальной собственности, денег, а также различных форм мошенничества и других негативных девиаций.

7. Цифровые права и обязанности – атрибут тех людей, которые становятся участниками цифровых коммуникаций. Эта область цифрового гражданства предоставляет право на доступ в Интернет и использование онлайн-продуктов. При этом члены онлайн-сообщества имеют право на свободу слова и общения.

8. Цифровое здоровье и благополучие предполагают, что пользователи социальных сетей и Интернета должны знать о физических и эмоциональных последствиях использования цифровых устройств. Излишние «подключения» могут иметь непредвиденные и опасные последствия: стресс, нагрузку на зрение, головные боли. Отсюда необходимость в ответственном использовании цифровых технологий.

9. Цифровая безопасность и конфиденциальность в Интернете состоят в контроле и защите личных данных пользователя с помощью надежных паролей, антивирусных программ, резервного копирования данных. Кибердевианты всегда присутствуют в онлайн-сообществе, используя для неблагоприятных целей вирусы, полиморфных червей, для того чтобы осуществить взлом, киберкражу или кибербуллинг.

Цифровой мир, в силу новых технологических форм кооперации и самоорганизации онлайн-сообществ, предоставил людям немалый объем самостоятельности и автономии не только в потребительском поведении, общении, творчестве, учебе, но и в общественно-политической активности. Многие социологи и политологи разделяют точку зрения относительно того, что цифровые технологии снижают барьеры на пути к участию в качестве гражданина в деятельности общества, его политических институтов. В частности, в таком ключе убедительно высказывался известный британский социолог Томас Хамфри Маршалл.

Развитие феномена цифрового гражданства все больше затрагивает сферу взаимодействий между гражданами – сетевыми пользователями, обществом и государством. В цифровом мире интенсифицируются отношения власти и гражданского общества, часть которого постоянно обитает, «живет» в блогосфере или иных сетевых коммуникациях. В наибольшей мере этот тезис справедлив в отношении активных цифровых граждан. Они не только черпают информацию на сайтах и дискуссионных платформах, но и явно заявляют о своей гражданской позиции: собирают подписи под петициями, обращаются с заявлениями, выступают в дебатах, проводят онлайн-опросы и цифровое голосование, организуют участие во флешмобах и иных акциях. Эти факты дают основание полагать, что в VUCA-социуме благодаря цифровизации и сетевизации формируются основы цифрового гражданского общества как формы самореализации свободных и активных цифровых граждан. Однако к этому не все готовы.

На современном историческом этапе весьма важно для «вступления» в цифровое гражданство не только получить доступ к цифровым технологиям, но и постичь сначала азы цифровой грамотности, освоить базовые нормы цифровой этики, а также цифровой безопасности. Лишь затем предстоит освоить базовые цифровые компетенции в ходе профессиональной учебы или переобучения. VUCA-мир породил не только цифровую трансформацию отраслей экономики и сфер жизнедеятельности, но и спрос на новые цифровые знания и навыки в основных областях деятельности, который будет расти и в дальнейшем. Среди них востребованы такие цифровые компетенции, как: коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде¹.

Таким образом, есть все основания считать, что четвертая технологическая революция сотворила новые социально-технологические феномены – цифровое гражданство и цифровое гражданское общество, спрос на новое цифровое знание. Они отнюдь не иллюзорные, а вполне реальные онтологические факты, к осмыслению которых подошла общественная наука. Вместе с тем, цифровизация и сетевизация – неоднозначные тренды. Наряду с позитивными сдвигами они породили и порождают новые социальные проблемы. Так, цифровые социологи не

¹ Перечень ключевых компетенций цифровой экономики определен приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 24 января 2020 г. № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».

первый год бьют тревогу по поводу роста «цифрового неравенства», неизбежной компрессии рынка труда в VUCA-мире. Особое место занимает изучение распространения технологий тотального цифрового социального контроля и «цифрового авторитаризма», лежащих в оправдании общественного и личного здоровья людей, а также общественной безопасности, но посягающего на приватность и конституционные права человека. Однако это уже тема другого исследования.

Литература

1. Комлев Ю. Ю. От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты : сб. ст. (по материалам всерос. науч.-практ. конф.) ; Санкт-Петербург, 26 мая 2021 года / под ред. В. В. Балахонского ; сост. А. Г. Никулин СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. 1 электрон. опт. диск.
2. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (дата обращения: 04.04.2022).
3. Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html> (дата обращения: 04.04.2022).
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Digital Citizenship The Internet, Society and Participation By Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert and Ramona S. McNeal. Cambridge, MA : MIT Press, 2008. 221 p.
6. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. Т. 27. С. 65–69.
7. Ribble M. Digital citizenship: using technology appropriately. Retrieved from [digitalcitizenship.net](http://www.digitalcitizenship.net) [Electronic resource]. URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html (date of access: 04.04.2022).

Быть или не быть закрытым специальным школам для несовершеннолетних девиантов-правонарушителей?¹

Аннотация. В статье обосновывается необходимость сохранения специальных школ для предупреждения девиантных карьер подростков в современных условиях.

Ключевые слова: девианты, девиантная социализация, девиантная карьера, специальная школа, социальный контроль.

Abstract. The article substantiates the need to preserve special schools to prevent deviant careers of adolescents in modern conditions.

Keywords: deviants, deviant socialization, deviant career, special school, social control.

Отечественными криминологами, начиная с 1993 г. по настоящее время, анализируется пять волн подростковой преступности в России и большинстве ее регионов [1]. С 2005 г., по данным ГИАЦ МВД России, формируется протяженный тренд на существенное снижение числа уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления. Тренд стабильный. Он явно коррелирует с позитивной динамикой регистрируемой преступности в целом. При этом нельзя не видеть, что по статистике с 2016 г. наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых подростками, а значит, и увеличение доли криминального рецидивизма в подростковой среде и криминальных карьер, что представляет немалую общественную опасность.

В структуре преступности несовершеннолетних за последний период доминируют общественно опасные деяния, связанные с хищениями, – 56,8%; 11,9% преступлений имеют отношение к наркотикам; 9,2% связаны с угонами автотранспорта; 3,5% составляют изнасилования и на-

¹ Наука, образование: современные цифровые технологии формирования экосреды инновационного развития региона в условиях системных преобразований: материалы Национальной научно-практической конференции в 2-х частях / под редакцией А.Н. Грязнова, А.М. Найда. Том. Часть 1. Казань. 2022. С. 234-237.

сильственные действия сексуального характера; 1,6% – это убийства и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. В основе большинства совершаемых преступлений лежит пересмотр и отказ от базовых норм морали. Это выражается, прежде всего, в стремлении подростков и молодежи к обогащению и гедонизму любой ценой. С точки зрения девиантологии фиксируемый факт – очевидное и закономерное следствие аномии, по Р. Мертону, когда на уровне ценностей материальный успех афишируется и пропагандируется по всем каналам массовых коммуникаций в обществе «победившего капитализма», а законные средства его достижения, особенно для подростков и молодежи, существенно ограничены, а иногда и недоступны.

В соответствии с законом баланса социальной активности Я.И. Гилинского снижение общекриминальной активности подростков неизбежно компенсируется ростом других форм негативной девиантности. В частности, специалисты фиксируют рост числа самоубийств среди детей. Так, за первые полгода 2021 г. выявлено 3064 попытки самоубийств и суицидов среди несовершеннолетних. Это на 43% больше, чем в 2020 г., – тогда их было 2146. Рискну предположить, что в силу латентности и прибыльности криминальная активность подростков, освоивших Интернет, социальные сети, смартфоны, уходит в киберпространство, где деньги можно раздобыть не только путем мошенничества, но и запугивания, преследования, шантажа или вымогательства, например, в отношении сверстников (кибербуллинг), с минимальным риском привлечения к уголовной или административной ответственности.

По оценкам специалистов из РАО (Институт возрастной физиологии) в настоящее время у детей дошкольного возраста системно-смысловое сознание преобладает над системно-структурным. Повышен тонус организма с характерными признаками: настойчивость, требовательность, чувствительность, эмоциональность, потребность к восприятию информации. Дети в массе своей стали легко возбудимы, гиперактивны, тревожны, агрессивны. Сместилось время пубертатного кризиса. В самых громких преступлениях последних лет (май 2021 г. в Казани, сентябрь 2021 г. в Перми) преступникам, расправившимся со школьниками, студентами и преподавателями, было 17-18 лет. Многие их считают почти взрослыми, но перед нами те, кто еще не справился с проблемами подросткового возраста. Причем на девиантную социализацию фигурантов этих жестоких преступлений повлияли деструктивный контент и сообщества в социальных сетях, надобность в которых

в подростково-молодежной аудитории из-за ограничений и запретов на массовые социальные контакты подстегнул период затянувшейся пандемии коронавируса с 2020 г.

По всей видимости, снижение преступности несовершеннолетних и относительно «мягкая» правоприменительная практика, судебные решения в отношении подростков-правонарушителей привели закономерно к снижению наполняемости школ закрытого типа. Это поставило проблему оправданности их существования, оживило дискуссию на данную тему в профессиональной среде. Очевидно, что нужны своевременные и новые решения по оптимизации специальных институтов формального социального контроля. Однако не стоит сбрасывать со счетов проверенную временем результативность закрытых интернатов для тех, кто оказался за пределами влияния семейного круга (среди несовершеннолетних преступников каждый второй не знает нормальной, полной нуклеарной семьи – семьи с двумя родителями).

Сомнения относительно социальной эффективности закрытых специальных школ активно транслирует нынешний детский омбудсмен при президенте РФ Мария Львова-Белова. Она невысоко оценивает роль школ-интернатов, где содержатся подростки-девианты, совершившие правонарушения и преступления. К таким учреждениям относится и Республиканская специальная общеобразовательная школа им. Н.А. Галлямова в Казани. М. Львова-Белова пропагандирует альтернативные закрытым учреждениям формы организации учебных и досуговых пространств для детей с инфраструктурой, позволяющей их отвлечь от преступной активности и других форм негативной девиантности с активным участием молодых вожатых, психологов, социальных педагогов. Мысль не нова и не лишена смысла, но только в том случае, если подростки еще не встали на путь криминальной карьеры. Для тех, кто уже оступился и не раз, демонстрируя «прерывистые» или тем паче «интенсивные» девиантные карьеры, предопределена включенность в девиантную социализацию [2, с. 70]. Сдержать ее и даже избежать во многом позволяет воспитательный потенциал специализированных закрытых школ, о чем свидетельствует опыт РСОШ им. Н.А. Галлямова. Социальный эффект от этих немногих региональных учреждений носит интегративный характер: трудные подростки имеют шанс исправиться, избежать прямого пагубного влияния улицы, частично компенсировать отсутствие родительской заботы и попечения, определенно снизить риск вовлечения в негативную девиантность и преступность других подростков из еще благополучной среды.

Следовательно, вопрос о том, быть или не быть специальным закрытым школам, необходимо перевести в плоскость обсуждения совершенствования эффективности этих учреждений социального контроля. Следует сохранить и развить специализированные закрытые школы, поддержать их материальную, учебно-методическую и кадровую базу, найти и оформить адекватные изменения в местные нормативные акты и уставы школ, чтобы они отвечали новым криминальным вызовам и своей работой позволили остановить рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых подростками, а, следовательно, снизить риски увеличения доли криминального рецидивизма в подростковой среде и девиантных карьер.

Литература

1. Теунаев А.С., Дубова М.Е. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридич. исслед. – 2021. – № 2.
2. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: КЮИ МВД России, 2006.

Концептуализация преступности: от К. Маркса до Р. Куинни¹

Как известно, научные взгляды К. Маркса формировались во многом под впечатлением «зверств первоначального накопления» капитала в Европе, где массовое разорение крестьянства, рост нищеты в городах, обогащение узкого слоя буржуа происходили одновременно со стремительным ростом преступности и других социальных отклонений. Маркс, выступая за революционный путь изменения социального строя, упразднение частной собственности на средства производства, за отказ от буржуазных экономических отношений, дал начало развитию конфликтно–радикальной парадигмы в социологии. В ее рамках сложилась и развивается одна из социоцентрических концепций преступности.

К. Маркс, вслед за А. Кетле считал, что преступность – объективный социальный феномен. Преступность в буржуазном мире, по Марксу, – неустранимое явление. Он полагал, что «подобно праву, преступление ... коренится в тех же условиях, что и существующее господство»². Вместе с тем, исходя из марксистских идеологических позиций, преступность имеет исторически приходящий характер по мере смены буржуазного общественного строя. В ряду ярких марксистских исследований преступности находится известная работа Ф. Энгельса, описывающая положение рабочего класса в Англии. В ней Энгельс называет преступление «наиболее грубой и самой бесплодной формой ... возмущения». Следовательно, преступность, по Энгельсу, – это проявление социальной войны, когда «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных ... И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от года все яростнее, ожесточеннее и непримиримее»³. С позиций марксизма рабочий крадет от нужды и бедности, и тем самым он осознанно либо неосознанно выражает протест против эксплуатации.

Описывая преступность как протест рабочего класса против капиталистов в форме классовой борьбы, Энгельс увидел причины социаль-

¹ Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV Международной научно-практической конференции. Часть 2. Красноярск, 2022. С. 12-16.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. 3. М., 1955.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М., 1955. С. 364.

ных отклонений прежде всего в экономических условиях современного ему капиталистического общества. В этом же ключе развивает идеологический взгляд на преступность марксист, социальный мыслитель и криминолог В. Бонгер. Бонгер увидел причины делинквентности прежде всего в экономическом эгоизме, порожденном капитализмом. Буржуазное общество создает условия, при которых эгоистические цели капиталистов преследуются за счет большинства неимущих людей. Бонгер считал, что частная собственность на средства производства, как стимул к получению прибыли при капитализме, вызывает «эгоистичные тенденции», которые способствуют возникновению скупости и стяжательства. Все классы общества находятся под влиянием эгоизма и жадности. Поскольку уголовное законодательство находится под контролем буржуазии, эгоистические действия пролетариата определяются как криминальные. Следовательно, причиной делинквентности, по Бонгеру, выступает капиталистический способ производства. Подростковая преступность, преступность среди женщин, проституция, алкоголизм и другие виды девиаций будут иметь место из-за экономического состояния этих людей благодаря капитализму.

Преступность в буржуазном обществе, считал Бонгер, всегда будет на высоком уровне и не имеет решения. Если бы средства производства были в руках общества, то «существенная нужда была бы навсегда забыта» и это стало бы ключевой предпосылкой преодоления преступности¹. В этом случае исчезает стимул к наживе, к получению прибыли, а интерес к социальному благополучию начинает доминировать над «эгоистическими тенденциями» и состязательностью — в итоге преступность снижается до незначительных размеров.

Таким образом, в марксистской социологии второй половины XIX в. и первой половины XX в. преступность концептуализируется как форма социального протеста при капитализме, которая должна исчерпать себя по мере строительства эгалитарного общества. Во взглядах Маркса, Энгельса, Бонгера доминируют социально-экономические и классовые ориентиры в определении природы преступности, но не учитываются ее социальные функции, недооцениваются социокультурные и технологические детерминанты. Впрочем, влияние идеологических позиций на взгляды Маркса и других его сторонников в понимании преступности не является чем-то уникальным, поскольку оно имеет место и в теоретических построениях Э. Дюркгейма, М. Вебера, а также многих

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury Publishing Company, 1997. P.168.

других социологов. Не случайно Дж. Ритцер писал, что «теоретизируя по поводу социальных явлений, социологи независимо от того, признают они этот факт или нет, не могут быть абсолютно идеологически нейтральными»¹.

Ранний марксизм рассчитывал, что в эгалитарном обществе удастся искоренить преступность как «родимое пятно» капитализма, применяя все меры и, прежде всего, репрессию и революционное насилие. Однако преступность имеет место во все времена и во всех типах общества. На этот факт обратил внимание Э. Дюркгейм, который в последующем «нормализовал» преступность в силу ее функциональности для любого общественного строя. Дюркгейм, обосновав ключевой вывод о невозможности принципиального искоренения преступности, поставил вопрос о социально эффективном противодействии и минимизации преступности средствами социального контроля.

Конкурируя со структурным функционализмом, конфликтно-радикальная парадигма получает дополнительный импульс в своем развитии на фоне обострения противоречий и роста социальных проблем в странах Запада во второй половине XX в. Век XX и тем более XXI показал, что преступности меньше не становится, и сегодня она уверенно «шагает в ногу с технологическими инновациями», трансформируется и адаптируется в глобальном цифровом мире в условиях четвертой технологической революции.

На рубеже веков высокотехнологичный капитализм стал, по Бонгеру, еще более эгоистичным в погоне за наживой. В этой атмосфере сложились благоприятные условия для роста «беловоротничковой» преступности, по Э. Сатерленду, в среде бизнесменов, высокопоставленных менеджеров, чиновников и политиков. Правящий класс и обслуживающие его профессионалы, в силу своего положения, широко и незаконно используют политическую, экономическую или технологическую власть для личного или корпоративного обогащения.

Глобализация экономики и распространение новых технологий расширили масштабы традиционных преступлений «белых воротничков», связанных с растратами, взяточничеством, коррупцией и воспрепятствованием правосудию, лжесвидетельством, отмыванием денег, ценовым сговором и другими нарушениями антимонопольного законодательства, налоговыми преступлениями, загрязнением окружающей среды, полицейскими репрессиями «во имя закона» против представителей низших социальных слоев и пролетариата. Для «белых ворот-

¹ Ritzer G. Sociological Theory. 2ed. N.Y., 1988. P. 38.

ничков» стали характерны такие относительно новые преступления, как деликты в киберпространстве, мошенничество в сфере здравоохранения и преступления против интеллектуальной собственности.

Преступность «белых воротничков» широко артикулируется криминологами как острая социальная проблема, без противодействия которой невозможны социальная справедливость и социальный прогресс. Тем более злободневным является этот вызов, поскольку система уголовного правосудия в основном противодействует преступности «синих воротничков», судя по социальному составу сидельцев пенитенциарной системы, что типично для большинства экономически развитых стран.

Этот исследовательский ракурс привлек внимание социологов неомарксистской и конфликтологической ориентации еще на заре перемен в 70-е и 90-е годы прошлого столетия, что отражено в работах Р. Куинни, У. Чемблисса, Э. Платта, Дж. Янга, Я. Тейлора, П. Уолтона и многих других.

Одной из самых ярких фигур среди представителей современной конфликтно-радикальной парадигмы в социологии является криминолог-неомарксист Ричард Куинни, получивший широкую известность благодаря критическому пафосу своих работ («Социальная реальность и преступление», 1975; «Класс, государство и преступность», 1977; «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе», 1994). В знаменитой книге «Социальная реальность и преступление» Куинни радикально-критически оценивает современный ему рыночный капитализм в США, считая, как и Чемблисс, что классовая природа мира капитала является наиболее общей причиной современной дифференцированной преступности. При этом он еще более радикально подчеркивает роль политического конфликта между классом капиталистов и пролетариатом в формировании и функционировании уголовного законодательства, в объяснении различных форм девиантного поведения. Вся реальная власть, по Куинни, всецело принадлежит правящему классу, главные цели которого состоят в ее удержании и поддержке буржуазного общественного устройства, в том числе с помощью системы обеспечения правопорядка. Капиталисты и обслуживающие их профессионалы, преследуя эти цели, отстаивают интересы, прямо противоположные интересам пролетариата. При этом они растаптывают продекларированные либеральные права и свободы, демократию, в чем можно легко убедиться в наши дни на примере того, как в западном мире попирается, казалось бы, незыблемое для капита-

лизма право частной собственности. Куинни доказательно обобщает, что основное противоречие между реальностью угнетения масс и демократическими идеалами свободы и равенства ввергает буржуазную элиту в «кризис законности»¹.

Р. Куинни – типичный представитель инструментального неомарксизма. Он рассматривает уголовный закон как полностью подконтрольное средство (инструмент) государственной власти, используемое классом капиталистов для подавления рабочего класса и народных масс. Сторонники структуралистского неомарксизма (У. Чемблисс, Д. Гринберг) считают, что государство не полностью контролируется правящей элитой. Отсюда закон не всегда является инструментом для осуществления ее интересов (принимаются нормы, направленные и против капиталистов), а сама политическая элита не является монолитной группой, свободной от конфликтов.

При капитализме уголовное законодательство и пенитенциарная система выстроены, согласно Куинни, не для контроля над преступностью и обеспечения благосостояния общества, а ради подчинения народных масс. Например, лишение свободы установлено не столько в качестве основного наказания для осужденных преступников, сколько в качестве средства «перекачивания» в места лишения свободы излишней (не занятой на рынке) рабочей силы. Этот избыток рабочей силы вне пенитенциарной системы представляет потенциальную угрозу классу капиталистов, если пролетарии смогут организовать и примкнуть к революционному движению.

Таким образом, по Куинни, система законодательства, уголовного правосудия, пенитенциарная система – это правовые инструменты, служащие «развитому капитализму» не для того, чтобы защищать общество и его граждан от преступности, а для того, чтобы подавлять трудовой народ, обеспечивая господство класса капиталистов. Концепция преступности Куинни опирается на марксистский тезис о том, что социально-классовая структура капиталистического общества сама по себе является коренной причиной преступности. По оценке британского криминолога-неомарксиста Яна Тейлора, преступление – это существенное следствие эксплуатации и угнетения рабочего класса капитализмом. Большинство преступников, вышедших из рабочего класса, вынуждены совершать преступления из-за необходимости выживания, деликты других квалифицируются как мятеж или политические пре-

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 162.

ступления. Р. Михаловски рассматривает корыстные уголовные и бытовые преступления как преступления по причине бессилия выходцев из среды пролетариата приспособиться к рыночным условиям¹. Куинни разделяет и развивает такие взгляды на специфику преступного поведения, но при этом, в отличие от классиков марксизма, он считает преступность естественным («нормальным» в понимании Э. Дюркгейма) общественным явлением, хорошо осознает и функциональный характер преступности, полагая, что она является функцией социальной структуры.

В итоге Р. Куинни существенно расширяет палитру преступных деяний в конфликтно-радикальной парадигме К. Маркса. Это расширение особенно актуально для современных исследователей криминального поведения в рамках неомарксистской и конфликтологической ориентации. Так, к деликтам, совершаемым рабочими с целью выживания или протеста, Куинни добавляет преступления «белых воротничков и элиты», представителей правящего класса, которые тоже являются результатом капиталистической системы. В работе «Класс, государство и преступность» Р. Куинни структурировал свою оригинальную типологию преступного поведения. Он описал *«преступность приспособления»* в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований, которая распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы. Кроме того, он сохранил и развил протестную составляющую, по Марксу, – *«преступность сопротивления»*, включив в нее бессознательную протестную реакцию рабочих и всех угнетенных на эксплуатацию. Для правящего капиталистического класса и тем, кто его обслуживает («белые воротнички»), по Р. Куинни, характерна *«преступность доминирования и подавления»*².

В другой книге «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе» Куинни подчеркивает, что противозаконное поведение власти предержащих во многом не пресекается правосудием. В сфере экономики, управления и контроля в развитых странах Запада скрываются и не расследуются, прежде всего, такие деликты, как: сокрытие доходов от налогообложения, участие в бизнесе чиновников через подставных лиц, манипуляции с голосами избирателей, коррупция и злоупотребление политической властью. Причем по

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. -Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.169.

² Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие.-2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. С.180.

отношению к люмпенизированным слоям населения уголовное преследование за гораздо менее общественно опасные деяния назначается в полной мере.

Радикальные взгляды Р. Куинни и его последователей в значительной мере подвергались критике со стороны функционалиста Р. Айкерса, конфликтолога-немарксиста О. Терка и других криминологов за некоторый максимализм и упрощенчество, заидеологизированность, эмпирическую недоказуемость и переоценку политических и классовых детерминант преступности. Вместе с тем работы Куинни ставят криминологическую проблематику в современном турбулентном мире в жесткую зависимость от сложных социально-политических процессов и глобальных экономических и политических конфликтов. Это принципиально отличает инструментальный неомарксизм и марксистскую криминологию в целом от иных подходов и теорий, принятых в социологии девиантного поведения.

Критические идеи Р. Куинни и других неомарксистов получили определенное развитие и поддержку в европейской девиантологии, в работах немецких криминологов Георга Руше и Отто Хирхаймера, британцев Яна Тейлора, Джока Янга, Пола Уолтона, россиянина Я.И. Гилинского. Неомарксисты остро критикуют дефекты функционалистских теорий преступности, разработанных в рамках социоструктурного подхода и других теоретических перспектив, приближая нас к более адекватному описанию картины современной преступности.

Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы¹

В статье описаны технологическая специфика «общества наблюдения», а также состояние, основные тренды и этические проблемы в сфере реализации цифрового социального контроля. Предложены меры совершенствования самоконтроля на пути формирования основ цифрового гражданства.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, «общество наблюдения», VUCA-мир, киберпреступность, кибердевиантность, искусственный интеллект, «большие данные», цифровое гражданство, цифровая грамотность, цифровой этикет, самоконтроль

Social Control in the VUCA-World and the «Observation Society»: Status, Trends and Ethical Issues

The article describes the technological specifics of the «observation society», as well as the state, main trends and ethical problems in the implementation of digital social control. Measures to improve self-control on the way to the formation of the foundations of digital citizenship are proposed.

Keywords: digitalization, networkization, «observation society», VUCA-world, cybercrime, cyberdeviance, artificial intelligence, «big data», digital citizenship, digital literacy, digital etiquette, self-control

В преобладающих практиках социального контроля еще на рубеже XXI в. был обозначен сдвиг в сторону структурно-средового противодействия группам криминального риска. Т. Дамм назвал этот процесс переходом от «надзора» к «слежению», или мониторингу [1, р. 186]. Идею слежения зафиксировал и Жиль Делез, назвав мир постмодерна «обществом контроля», в котором речь больше идет не об «аресте и возвращении преступника к нормальной жизни» после совершения им

¹ Вестник экономики, права и социологии, 2022, № 2. С. 113-116.

преступления, а об осуществлении слежения за действиями индивидов, представляющих опасность, что позволяет принимать упреждающие меры [2].

Как известно, в промежутке между зарождением цивилизации и 2003 г. было произведено 5 эксабайт информации, столько же теперь создается каждые два дня и темпы все увеличиваются. Прошло совсем немного времени и благодаря интернету, тотальной цифровизации и сетевизации социума, стремительному развитию цифровой экономики, внедрению сквозных цифровых технологий, как тропический циклон, в нашу повседневность ворвался VUCA-мир со своей изменчивостью (Volatility), неопределенностью (Uncertainty), сложностью (Complexity) и неоднозначностью (Ambiguity).

Технологии Big Data и искусственного интеллекта, интернета вещей, виртуальной и дополненной реальностей, робототехники, беспроводной связи и биометрии (распознавание лиц, сканирования отпечатков пальцев), определения местоположения изменили качество, ценность и объемы информации, используемой человеком в XXI в. Космические скорости технологических и социальных изменений сводят на нет все долгосрочные и среднесрочные прогнозы, радикально меняют и усложняют жизнь современного человека, общества и государства.

В цифровой экономике, сфере принятия решений и других отраслях постоянно растет спрос на актуальные цифровые инструменты и сквозные технологии. Ежегодный рост рынка Big Data и облачных технологий в совокупности составляет 20,8%, искусственного интеллекта (машинное обучение, нейронные сети, глубокое обучение) – 39,7%, распределенного реестра (блокчейн) – 80,2%. Цифровой мир, который характеризует акроним VUCA, не только ускоряет технологические процессы, повышает производительность труда, прибыль, минимизирует издержки, снижает ошибки, связанные с «человеческим фактором», но и создает проблемы.

Девиантологи, в частности, обращают внимание на технологические возможности для роста киберпреступности и других проявлений кибердевиантности, на проблемы и необходимость совершенствования социального контроля в этой сфере. Эксперты из МВД России свидетельствуют о том, что доля регистрируемых деликтов, совершаемых в интернете или в компьютерной сфере, постоянно растет и в настоящее время превышает 25% от общего числа всех преступлений [3].

Киберпреступления и другие цифровые девиации все больше направлены не на компьютеры, а на пользователей интернета, социаль-

ных сетей, коммуникативных технологий и цифровых платежных систем. Если стабильно растет киберпреступность, то, следуя логике *social bonding theories*, что-то не так обстоит с социальным контролем, несмотря на его цифровизацию.

Повсеместно в общественных пространствах Европы, США, России и особенно Китая устанавливаются видеокамеры, связанные с алгоритмами распознавания и обработки больших данных. Китайские полицейские в смарт-шлемах уже несколько лет контролируют правопорядок на улицах, дополняя систему стационарного видеонаблюдения. Системы видеоконтроля широко используют технологию искусственного интеллекта, и сегодня многие аналитики не без оснований называют цифровое общество «обществом наблюдения».

Обзор ряда зарубежных и отечественных работ по организации цифрового социального контроля для противодействия киберпреступности и кибердевиантности позволяет обозначить ряд особенностей, тенденций и этических проблем в этой сфере [4-7]. Наиболее важные из них состоят в следующем:

1. Существенным трендом является рост использования «умных вещей», цифровых видеокамер и биометрических наблюдений в общественных местах, основанных на технологии распознавания лиц. Лидером по темпам установки систем видеонаблюдения является КНР. За последние два десятилетия в этой стране создана всеобъемлющая система видеонаблюдения. По некоторым данным еще в 2020 г. был пройден порог установки 600 млн видеокамер в общественных местах в рамках государственной системы социального кредита, суть которой в том, чтобы с помощью тотального цифрового социального контроля подвести каждого гражданина к «правильному» поведению.

2. Активно развиваются интеллектуальные системы фиксации и цифровой идентификации отпечатков пальцев, рисунков сетчатки и радужной оболочки, голосовых паттернов и других идентификаторов. Так, например, организован цифровой социальный контроль в индийской интегрированной интеллектуальной системе «Адхаар». Среди прочих возможностей она по аналогии с китайской системой социальных кредитов определяет доступ к основным государственным услугам, таким как: голосование, регистрация, уплата налогов, доступ к пенсиям, пособиям по безработице.

3. Под влиянием пандемии COVID-19 произошло дальнейшее расширение форм биометрического наблюдения с использованием тепловизоров и других девайсов. Ярким примером является быстрое

внедрение мобильных приложений, используемых для отслеживания контактов, соблюдения карантина, мониторинга социального дистанцирования или отслеживания симптомов и состояния здоровья, других цифровых следов. Опыт обработки QR-кодов широко известен в России, где велись наблюдения с помощью сети из 100 тыс. видеокамер и искусственного интеллекта для распознавания и отслеживания лиц, помещенных в карантин.

4. Новым подходом к совершенствованию систем видеофиксации с целью надзора и мониторинга за девиантами стало использование в совокупности алгоритмических решений с помощью аналитики Big Data и искусственного интеллекта. Привлечение таких систем состоялось в правоохранительной и судебной деятельности, в управлении исправительными учреждениями. Так, например, происходит при вынесении альтернативных решений относительно заключенных в рамках системы COMPAS (США), созданной как инструмент алгоритмического подсчета баллов для определения необходимости прохождения испытательного срока, оценки риска совершения преступления, что обеспечивает принятие судебных ограничений. Накоплен опыт использования искусственного интеллекта (приложение Prometea, Аргентина) для быстрого принятия типовых судебных решений. Искусственный интеллект для углубленного анализа судебной и правоприменительной практики используется в странах Евросоюза. На еще большее разнообразие в применении искусственного интеллекта посягнули китайские суды, где цифровыми приложениями охвачены не только подача цифровых исков, но и проверки личности в системе социального кредита, а также продвижение мобильных электронных судебных процессов.

5. Наблюдение ведется и в социальных сетях за онлайн-активностью и персональными данными отдельных лиц, представителей «проблемных» групп, пропагандирующих экстремизм и террор, вовлечение в самоубийство. У технологических компаний, таких как Google, есть приложения, которые отслеживают не только девиантов, но и «шпионят» за другими пользователями интернета. Они, нарушая конфиденциальность, анализируют электронную почту, сообщения, календари и личные предпочтения, местоположение, просмотр веб-страниц и другие персональные данные пользователей. Так, к примеру, приложения Angry Birds и Shazam, автоматически ведут сбор данных о местоположении и адресе мобильного устройства. Многие из таких инструментов разработаны с минимальной защитой от злоупотреблений и, увы,

не всегда отвечают стандартам кибербезопасности, что позволяет похищать и обмениваться данными с целью вымогательства, шантажа, кибербуллинга.

6. Для противодействия распространению кибердевиантности совершенствуется контроль и рестрикции свободного доступа к информации в интернете. Путем целенаправленного его ограничения с помощью блокировки адреса интернет-протокола («IP»), системной («DNS») фильтрации. Этот опыт накоплен в Китае с использованием интернет-цензуры, известной как «Великий брандмауэр». США, Китай, Россия и другие страны оказывают все большее давление на технологические компании, чтобы те удаляли нежелательный контент. Китай и Россия, Бразилия, Турция для обеспечения своего «киберсуверенитета» принимают законы, направленные на создание национального, автономного интернета. Например, в России «интернет-трафик» в пределах страны может проходить только через пункты интернет-обмена (IXP), которые предварительно одобрены Роскомнадзором. В некоторых странах возможен и полный запрет доступа к нежелательным ресурсам или существенное замедление трафика. Китайский Закон о кибербезопасности 2017 г. расширил тенденцию к кибер-суверенитету страны. Среди всего прочего он требует, чтобы операторы сетевых услуг хранили личные данные внутри страны и предоставляли их властям по запросу, вводя оценки безопасности. Это вынуждает зарубежные технологические компании приспосабливаться к внутренним правилам Китая и других стран с рестриктивным законодательством по отношению к глобальной сети.

7. Аналитики усматривают в усилиях по обеспечению киберсуверенитета в Китае и других странах развитие «цифрового авторитаризма» для «контроля, подавления и манипуляций» в интересах государства. Впрочем, очевидно, что не меньшее количество фактов ограничений, а то и предвзятости, цензуры в киберпространстве видно на примере западных демократий. Достаточно вспомнить последнюю избирательную кампанию в США, где Д. Трамп стал жертвой многочисленных fake-news в социальных сетях и цифровых медиа, которые контролировали демократы. Пандемия поспособствовала распространению массовой слежки на основе технологий распознавания лиц и других биометрических данных. Такое видеонаблюдение ведется, как правило, без ведома и учета мнения общественности, для мониторинга социального дистанцирования и выявления нарушений директив по безопасности для здоровья.

8. Еще одной формой рестрикции информационного потока в интернете на таких платформах, как Facebook, Twitter, Instagram, становится автоматическая цензура. Она включает в себя сложные методы фильтрации контента, которые используют алгоритмы, основанные на машинном обучении (искусственный интеллект). Эти инструменты работают в реальном времени и явно не уведомляют пользователя, что делает их незаметными. Приватизированная цензура технологических компаний может также приводить к манипуляциям, распространять ложные новости, подавлять голоса несогласных в своих коммерческих и политических интересах. Здесь кроются реальные проблемы этического плана и наступления на права человека при реализации цифрового социального контроля.

9. Практики цифрового социального контроля над кибердевиантностью нередко выходят за девиантологические пределы и распространяются на гражданские и политические права (например, свободу выражения мнений, право на неприкосновенность частной жизни, свободу собраний и др.). Эксперты отмечают, что в «обществе наблюдения» цифровые инструменты «все чаще используются для подталкивания, смещения, направления, провоцирования, контроля, манипулирования и ограничения человеческого поведения». Кроме того, алгоритмические системы как основа для принятия решений непрозрачны, а возможности обжалования и получения возмещения в случаях злоупотреблений очень ограничены, если вообще существуют.

10. Девиантологи и юристы справедливо отмечают отставание в развитии формального социального контроля в цифровой сфере. Это относится и к совершенствованию международного законодательства, которое на данный момент сводится к Будапештской конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях (2001 г.) и национальному законодательству. Высказываются существенные претензии к законодателям относительно определения составов киберпреступлений (гл. 28 УК РФ, ст. 272-274) и структур, занятых противодействием киберпреступности. Как известно, не завершен процесс создания киберполиции в РФ, декларация о формировании которой была заявлена официально еще в конце 2020 г.

11. Отечественные исследователи обращают внимание на необходимость повышать техническую грамотность населения, чтобы снизить кибервиктимизацию, развивать «массовую и индивидуальную культуру безопасности при использовании цифровых технологий». Со своей стороны, полагаю, что вопросы самоконтроля не менее важны, чем

совершенствование системы формального социального контроля: его правовых и цифровых вариантов.

Вполне уместно ставить вопрос о комплексной, начиная с детства, системе подготовки «цифровых граждан» – людей VUCA-мира, подготовленных к использованию возможностей цифровых технологий и защите от их опасных последствий, в том числе в киберпространстве. Такой подход удачно структурировал М. Риббл, который выделил девять основных элементов цифрового гражданства. Они включают в себя цифровой доступ, цифровую торговлю, цифровую коммуникацию, цифровую грамотность, цифровой этикет, цифровое законодательство, цифровые права и обязанности, цифровое здоровье и благополучие, цифровую безопасность [8].

В обеспечении самоконтроля чрезвычайно важны цифровая грамотность, цифровой этикет, цифровые права и обязанности, цифровая безопасность и конфиденциальность. Цифровая грамотность как результат постоянного обучения, социализации, начинается с детского сада. Технологии быстро меняются, и на рынке цифровых услуг появляются новые устройства, сервисы, информационные ресурсы, которые легко усваиваются детьми. Цифровой этикет – это нормы правильного поведения в интернете и социальных сетях, усвоенные в ходе социализации, которыми следует руководствоваться при использовании различных, в том числе банковских сервисов и цифровых услуг. Цифровые права и обязанности – атрибут тех людей, кто становится участником цифровых коммуникаций. Эта область цифрового гражданства предоставляет право с учетом ограничений по возрасту на доступ в интернет и к иным информационным ресурсам. Цифровая безопасность и конфиденциальность состоят в защите личных данных пользователя с помощью надежных паролей, антивирусных программ, резервного копирования данных. Таким образом, элементы цифрового гражданства, усвоенные в ходе социализации, могут быть основой для эффективного самоконтроля и существенного снижения рисков цифровой виктимизации в наступившем VUCA-мире.

Литература

1. Dumm T. The New Enclosures: Racism in the Normalized Community // Reading Rodney King, Reading Urban Uprisings / Ed. R. Gooding Williams. – New York: Routledge, 1993. – 276 p.
2. Deleuze G. Postscript on Control Societies // Negotiations, 1972–1995. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 177-182.

3. Соловьева О. Доля цифрового криминала в России превысила 25%. – URL: https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html (дата обращения: 19.05.2022).
4. Овчинский В.С. Контроль над преступностью в цифровом обществе. – URL: https://zavtra.ru/blogs/kontrol_nad_prestupnost_yu_v_tcifrovom_obshestve (дата обращения: 19.05.2022).
5. Khalil L. Digital Authoritarianism, China and COVID – Lowy Institute. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/digital-authoritarianism-china-and-covid> (дата обращения: 19.05.2022).
6. Digital technologies as a means of repression and social control. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_STU\(2021\)653636](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_STU(2021)653636) (дата обращения: 19.05.2022).
7. Шипунова Т.В. Преступность в цифровом обществе: причины и возможности противодействия // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы Международной научной конференции (14 декабря 2021 г.) / Под. ред. И.А. Грошевой. – Тюмень: Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, 2022. – С. 473-480.
8. Ribble M. Digital citizenship: using technology appropriately. – URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html (дата обращения: 19.05.2022).

Подростковая делинквентность с позиций структурализма в неомарксистской криминологии¹

Аннотация

В статье для моделирования и превенции подростковой делинквентности предложено опираться на положения структурализма в неомарксистской криминологии.

Ключевые слова: *подростковая делинквентность; структурализм; нео-марксистская криминология; социальное неравенство; цифровое неравенство; цифровое общество*

Teenage Delinquency From the Standpoint of Structuralism in Neo-Marxist Criminology

Abstract

In order to model and prevent juvenile delinquency, the article proposes to rely on the provisions of structuralism in neo-Marxist criminology.

Keywords: *juvenile delinquency; structuralism; neo-Marxist criminology; social inequality; digital inequality; digital society*

Делинквентное поведение подростков – актуальная проблема современного постиндустриального мира, вступившего в результате четвертой технологической революции в период цифровизации и сетевизации социума. Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но неоднозначный. Он создает немало новых социальных проблем, в том числе нарастающую цифровую девиантность подростков и молодежи (делинквентное поведение в Интернете и социальных сетях).

В цифровом обществе наряду с социальным неравенством возникает неравное распределение доступа к цифровым ресурсам (цифровое неравенство). Интернет и телекоммуникационные технологии создают определенные сложности в семейной социализации, снижая эффективность социального контроля со стороны родителей. Девиантизация

¹ Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Том 7. № 2 (14). С. 52-55.

литературы и кино, массовое производство и бесконтрольное потребление доступных за счет цифровизации аудиовизуальных сцен насилия и жестокости, эротических материалов, особенно в сети Интернет, распространение проституции изменили моральные ценности, создали напряжение и конфликтность между родителями и детьми цифровой эпохи.

В ряду микросоциальных условий и проблем мотивационной сферы в основе делинквентных поступков подростков лежит желание продемонстрировать смелость, похвастаться, получить уважение со стороны сверстников, приобрести материальные блага, отомстить, пережить острые эмоции и приключения. Однако не только «улица», но и погружение в виртуальный мир «цифры» дают такие возможности.

Теоретический дискурс делинквентности малообеспеченных и неимущих классов успешно разрабатывали криминологи-неомарксисты конца XX века. Структурализм – одно из течений в неомарксистской криминологии, которое развивает теоретическую интеграцию и отдает предпочтение противодействию социоструктурных детерминант делинквентности. По оценке британского криминолога этого направления Яна Тейлора, преступление – это существенное следствие эксплуатации и угнетения рабочего класса капитализмом. Большинство преступников, вышедших из рабочего класса, вынуждены совершать преступления из-за необходимости в выживании. Ричард Куинни в работе «Класс, государство и преступность» концептуализирует «преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований, которая распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы [1, с. 178-183].

Ряд структуралистов обращают внимание на подростковую преступность в среде синих воротничков. В целом они не отрицают того, что микросоциальные процессы, формируемые в рамках социально-классовой структуры, имеют значение в понимании подростковой преступности низшего класса. Вместе с тем наряду с субъективистским измерением делинквентности подростков фундаментальную роль в этом процессе, по оценкам структуралистов, играют традиционные и новые структурные (объективные) детерминанты, обусловленные социальным классовым, цифровым неравенством, эксплуатацией и иными проявлениями капиталистической действительности.

Теоретик инструментализма Дэвид Гринберг на рубеже XXI века расширил неомарксистский дискурс в работе «Делинквенция и возрастная структура общества» и интегрировал в марксистскую объяс-

нительную модель ряд непротиворечивых положений из теорий социального научения, дифференциальных возможностей, социального контроля. Гринберг обратил внимание на дифференциацию возможностей и специфическое распределение преступности в классовом обществе по возрастному критерию. Он обнаружил заметные диспропорции доли несовершеннолетних, вовлеченных в преступления, по отношению к числу преступников из других возрастных групп. Гринберг предположил, что у несовершеннолетних молодых людей из неимущих классов капиталистического общества закрыт или сильно ограничен (дискриминация) доступ на рынок труда. И если родители, принадлежащие к малообеспеченной социальной среде, не могут приобрести подросткам необходимые вещи или продукты, то им приходится самостоятельно решать эту проблему, прибегая, в том числе, к незаконным способам заработка, преступлениям. Такой выбор молодые люди ввиду психологического склада оправдывают тем, что в силу возраста цена преступления в этом случае еще не велика: чем моложе, тем меньше риск наказания. Даже когда перед молодыми людьми откроется рынок труда, то они по-прежнему могут прибегать к нелегитимным средствам заработка [2, с. 170-171]. Гринберг и его последователи разделяли вывод о том, что вознаграждение от криминального риска и цена преступления в капиталистическом обществе существенно зависят от возраста девианта.

Сторонники неомарксистского структурализма Марк Колвин и Джон Паули показали, что роль родителей в социализации и подчинении дисциплине детей зависит, с одной стороны, от вида контроля, которому они сами подвергаются на рабочем месте, с другой – от социального статуса, которым они обладают в организации.

Служащие из категории белых воротничков контролируются с использованием силы строгих внутриорганизационных норм и правил поведения, поэтому они воспитывают своих детей в позитивной форме, в духе уважения к буржуазной морали, семейным и организационным традициям. Синие воротнички контролируются на работе через систему материальных стимулов и рестрикций, поэтому они растят детей в утилитарном духе, используя поощрения и особенно наказания. Родители с самым низким социальным рангом в организации больше всего подвергаются принуждению и манипуляции со стороны работодателей и менеджеров, поэтому они воспитывают детей путем усиленного дисциплинарного контроля и силового давления. Следовательно, подростки из низшего класса сталкиваются не только с негативной ат-

мосферой в семье, но и с негативным опытом в школе, чаще других демонстрируют делинквентное поведение. Таким образом, от способа социализации в семье, который связан со статусом родителей в служебной иерархии и социально-классовой структуре, зависит результат: преступное или конформное поведение детей. Процесс производства преступности есть «скрытый результат воспроизводства капиталистических производственных отношений и классовой структуры» [3]. Структуралисты убедительно обосновали необходимость элиминации структурных предпосылок подростковой делинквентности, среди которых ключевое место принадлежит всем формам социального неравенства. Положения структурализма о роли эйджизма, институтов социализации в структуралистском контексте также актуальны в настоящее время, как и 30 лет назад, и могут быть использованы в моделях расширенной теоретической интеграции по объяснению делинквентности подростков в «новом мире». Структурные факторы, согласно структурализму, создают фундаментальные, «долгоиграющие» предпосылки как традиционной, так и новой киберделинквентности, что необходимо учитывать криминологам, работающим в поле превенции проявлений негативной девиантности в переходном возрасте. Объяснительные модели и программы превенции подростковой делинквентности должны учитывать не только психологию возраста, другие субъективистские факторы, но, прежде всего, социоструктурные детерминанты и технологические сдвиги в постиндустриальном, цифровом обществе.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.
2. Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.
3. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998.

От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии¹

Аннотация

В статье раскрыты основные этапы и специфика социально-технологических перемен в мире и России начала XXI века. Показано, что цифровизация и сетевизация – фундаментальные измерения социума эпохи постмодерна. Выделены основные проявления преступности и девиантности в киберпространстве. Показано, что на современном этапе пользователи интернета, социальных сетей и цифровых платежных систем – основные жертвы пандемии киберпреступности. Исследования киберпреступности и других проявлений девиантности следует проводить с опорой на гибридизацию социологических, технологических и других знаний. Предложено использовать в интернет-исследованиях методологическую триангуляцию эмпирических методов в сочетании с вычислительными алгоритмами и аналитикой «big data». Сделан вывод, что сложились онтологические и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, постмодерн, цифровое общество, киберпреступность, кибердевиантность, интегративный подход, методологическая триангуляция, цифровая социология, цифровая криминология, цифровая девиантология

From Digitalization of Society to Cybercrime, Cyber Deviance and the Development of Digital Deviantology

Abstract

The article reveals the main stages and specificity of socio-technological changes in the world and in Russia at the beginning of the XXI century. It is shown that digitalization and networkization are fundamental dimensions

¹ Российский девиантологический журнал / Russian Journal of Deviant Behavior. 2022; 2 (1). С. 17-26.

of society in the postmodern era. The main manifestations of crime and deviance in cyberspace are highlighted. It is shown that at the present stage, Internet, social networks and digital payment systems users are the main victims of the cybercrime pandemic. Research into cybercrime and other manifestations of deviance should be based on a hybridization of sociological, technological and other knowledge. It is proposed to use the methodological triangulation of empirical methods in combination with computational algorithms and big data analytics in Internet research. The author concludes that ontological and methodological prerequisites for the development of digital deviantology as an integrative sociological science about cybercrime and other manifestations of cyberdeviance have been formed.

Keywords: *digitalization, networkization, postmodernity, digital society, cybercrime, cyberdeviance, integrative approach, methodological triangulation, digital sociology, digital criminology, digital deviantology*

Введение в проблематику исследования

Цифровые технологии, компьютеры, смартфоны и другие «умные» девайсы и «вещи» радикально преобразовали образ жизни и практики людей в условиях турбулентности, рисков и неопределенности социума эпохи постмодерн. Проблематика цифровой и сетевой трансформации, особенно в последние годы, имеет свою специфику, что отражается на положительном и отрицательном контекстах радикальных социальных перемен.

Проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации и кибердевиантности, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, человеке, IT-технологиях. Ответы на пандемийный рост киберпреступлений и других девиаций ищет зарубежная и отечественная наука. Изучение англоязычных и отечественных работ методом качественного контент-анализа, обобщение передового опыта исследований кибердевиантности показывают, что ясно просматривается вектор на интеграцию не только социальных, психологических, юридических, но прежде всего технологических знаний. В исследовательскую практику девиантологов проникают бесконтактные методы и подходы интернет-исследований. Альянс криминологов, девиантологов, математиков и IT-специалистов показывает преимущества методологической триангуляции в сочетании с алгоритмами обработки «big data» при изучении преступности и девиантности в киберпространстве.

Вслед за цифровой социологией все четче определяется понятийный ряд, предметное поле и методология цифровой криминологии как наиболее развитой части девиантологии цифрового мира и других наук, объектом которых является отклоняющееся поведение человека. Непротиворечивый синтез, гибридизация социальных и технологических знаний с математически выверенными оценками, прогнозированием и мониторингом цифровых преступлений ведут к разработке и внедрению новых практик цифрового социального контроля, опирающихся на цифровые технологии и искусственный интеллект, что делает их адекватными вызовам XXI века.

Цифровизация и сетевизация – фундаментальные измерения социума постмодерна: хронология социально-технологических перемен

На связь технологий и социальных сдвигов внимание обращали как классики социологии О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, так и их последователи. В XX веке под влиянием достижений научно-технической революции технологический детерминизм нашел яркое отражение в работах Т. Веблена, У. Ростоу, Д. Бэлла, А. Тоффлера, У. Огборна, Л. Мамфорда, Ж. Эллюля, Е. Масуды, Т. Стоуньера, М. Кастельса.

Как известно, в 1941 году в США была разработана первая электронно-вычислительная машина (ЭВМ) «Марк I». В 1950 году в СССР были созданы автоматическая цифровая вычислительная машина АЦВМ М-1 и малая электронная счетная машина МЭСМ. Изобретение ЭВМ стало величайшим событием XX века, сопоставимым с появлением колеса, письменности или огнестрельного оружия. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению персональных компьютеров.

Что характеризует специфику социально-технологических перемен в мире постмодерна?

Во-первых, к началу XXI века, благодаря техническому и технологическому прогрессу, персональные компьютеры стали доступными для массового потребителя.

Во-вторых, развитие на рубеже веков локальных, связанных между собой вычислительных станций с переходом к протоколам мгновенной передачи текстовых данных стало ключевой предпосылкой для «живого» общения пользователей в режиме реального времени. В 1989 году Тим Бернерс-Ли сформулировал идею компьютерной сети как «всемирной паутины». В рамках своего гипертекстового проекта

Бернерс-Ли создал первый веб-сервер и веб-браузер «WorldWideWeb». В 1990-е годы произошло объединение большинства существовавших компьютерных сетей. В итоге технологических решений сложился интернет – как глобальная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации, объединяющая по каналам цифровой связи своих пользователей. Интернет стал стремительно обрести популярность за счет того, что его пользователи получили общедоступные и практически неограниченные возможности для создания, обработки, накопления, а также передачи и получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных. Ко второй половине 2010-х годов интернет как глобальный и высокотехнологичный инструмент осуществления связи и коммуникаций, получения информации существенно потеснил «классические» институты массмедиа (телевидение, радио, печать), нарастил свою аудиторию. По открытым данным Digital 2020, количество интернет-пользователей в мире достигло 4,54 миллиарда. В России зарегистрировано 118 миллионов интернет-пользователей (по числу посетителей «мировой паутины» страна на 8-м месте в мире)¹.

Изобретение ЭВМ стало величайшим событием XX века, сопоставимым с появлением колеса, письменности или огнестрельного оружия. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению персональных компьютеров.

Интернет объединяет не только миллионы своих пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы, массу «умных вещей» – Internet of Things (IoT). В соответствии с этим трендом любые цифровые медиаплатформы и девайсы работают, обмениваются данными между собой с минимальным участием человека или даже без него.

Интернет-ресурсы предоставляют все больше возможностей не только для поиска и использования информации, осуществления почтовой переписки, визуального online-общения, но и ведения online-бизнеса, online-шопинга, online-обучения, online-развлечений, online-гражданской активности и других форм человеческой деятельности.

¹ Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite – [Электронный ресурс]. URL: <https://ex-libris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/>

Интернет стал центральным звеном практически всех форм деятельности и социального взаимодействия людей.

В-третьих, использование интернета сочетается с развитием новых цифровых технологий беспроводной связи (4G, 5G-сети), отличающихся быстротой соединения абонентов и высоким качеством передачи данных. Происходит дальнейшая конвергенция – объединение сервисов первого поколения (передачи голоса, данных и видео) с возможностями новых цифровых сервисов на основе нейротехнологий и искусственного интеллекта, алгоритмов обработки «big data», использования интернета «умных вещей»¹.

В цифровой экономике широко используются не только быстродействующие телекоммуникации интернет вещей, но и промышленный интернет, технологии дополненной и виртуальной реальности, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, новинки робототехники и сенсорики. Наряду с самой заметной работой по цифровизации в сфере экономики она распространяется на другие социально значимые виды деятельности (цифровая медицина, цифровое образование, цифровая безопасность, работа государственных органов и др.). Процесс «перехода на цифру» охватил практически весь социум.

Цифровизацию общества можно определить в социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности – жизни и деятельности человека.

В 2020-2021 годы этот процесс ускоряется из-за пандемии коронавируса. Периодические локдауны стимулируют дальнейшую цифровизацию образовательной системы, медицины, банковского дела, транспортного обслуживания, ряда других отраслей экономики и социальной сферы. Интернет-торговля, сервисы для работы из дома получают еще большее распространение. В 2020 году Россия на 200 % увеличивает затраты на цифровизацию экономики. На Восточном экономическом форуме в сентябре 2021 года эксперты определяют, что по уровню цифровизации страна занимает 27-е место в мире².

В настоящее время цифровизацией охвачены практически все подсистемы российского социума: экономика, управление, транспортное обслуживание и логистика, образование, массмедиа, здравоохранение. В цифровом измерении трансформируется и социальная структура.

¹ Конвергенция Next Step. часть 1: Как сбываются прогнозы - [Электронный ресурс]. URL:<https://telesputnik.ru/materials/convergence/conv/konvergentsiya-2-0/>

² Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации – [Электронный ресурс]. URL:<https://ria.ru/20210903/tsi-frovizatsiya-1748459672.html>

ра, что выражается в «цифровой стратификации», неравном доступе к цифровым услугам, в различии в цифровых компетенциях. Появление online-банков, online-вузов, online-магазинов, online-поликлиник отразилось и на функционировании социальных институтов. Цифровые технологии все глубже проникают в образ жизни и поведение современного человека, утверждая в повседневной жизни массы людей новые социально-коммуникативные практики и эффекты.

В-четвертых, с 2002 года и по сей день за счет распространения online-платформ в интернете, миниатюризации планшетов, смартфонов, сочетающих функционал компьютера с преимуществами сотовой связи, происходит взрывной рост популярности социальных сетей и в целом социальных медиа. Наибольшую популярность среди пользователей приобретают online-платформы: Facebook, Youtube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Twitte, Вконтакте, Одноклассники. Так, Facebook объединяет 2,5 миллиарда активных пользователей в месяц, Youtube – 2 миллиарда, WhatsApp – 1,6 миллиарда, «Вконтакте» более 300 миллионов, в «Одноклассниках» – 290 млн человек. Численность участников сетевого общения в России составляет 50% от всего населения страны.

Таким образом, происходит масштабная сетевизация социума. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной эпохи и цифровизации. В настоящее же время число сетевых пользователей достигло такого уровня, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и слои социума. В итоге сетевизация привела к образованию и стремительному расширению сетевых online-сообществ.

Пользователи социальных сетей могут посредством включения или исключения из списка контактов себя или других людей автономно его определять или переопределять, устанавливать, поддерживать и развивать социальные связи и взаимодействия. Они вправе самостоятельно создавать веб-ссылки и самостоятельно выбирать и транслировать тот или иной контент. Благодаря этому в социальных сетях происходит интенсивное общение людей, живущих в разных городах и странах, объединенных в группы общими интересами, целями, планами, профессиональными и иными признаками. В сетях удобно презентовать и рекламировать свои идеи, проекты, искать заинтересованную аудиторию, приумножать число сторонников или партнеров по увлечению или бизнесу. Online-платформы создают уникальные условия для

самореализации, самообразования, интенсивного обмена новостями, другой актуальной информацией. Таким образом, в социальных сетях происходит индивидуализация их пользователей в плане конструирования собственной автономии, самореализации, самопрезентации, самоорганизации.

Последствия цифровой сетевизации предрек М. Кастельс на исходе XX века, указав, что сети составят новую социальную морфологию социума. В сетевом обществе (network society) «ключевые социальные структуры» и деятельность его членов будут «организованы вокруг сетей электронных коммуникаций».

В-пятых, сетевизация ускоряет процесс цифровизации социума. На online-платформах сегодня разворачиваются практически все виды эффективной деятельности и социальной активности в цифровом пространстве – не только персональное дружеское общение, но и бизнес, коммерция, маркетинг, образование, развлечения, обсуждения новостей в сфере отдыха и здоровья, путешествий и социально-политической активности.

Цифровые технологии все глубже проникают в образ жизни и поведение современного человека, утверждая в повседневной жизни массы людей новые социально-коммуникативные практики и эффекты.

Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой сегодня, по оценке Карен Моссбергер, «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство». (Mossberger et al, 2008).

Таким образом, в первые десятилетия XXI века интернет, цифровые технологии в области передачи и обработки данных, online-платформы привели к цифровизации и сетевизации общества эпохи постмодерна. Социум приобрел эти новые фундаментальные измерения. Они в значительной мере определяют не только новую социальную структуру, функционирование социальных институтов, но и новые формы социального взаимодействия и новые социальные практики.

Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но неоднозначный. С одной стороны, он стимулирует позитивные социальные сдвиги. Так, в хозяйственной деятельности: исключается рутинный бумажный документооборот; ускоряются все

технологические процессы; повышается производительность труда, прибыль; минимизируются издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров; снижается влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором». К несомненным плюсам цифрового мира относят: практически неограниченные возможности для удаленного общения, для самовыражения и саморазвития личности, для развлечений и обучения при чтении, просмотре и прослушивании контента. Колоссальные возможности он создает для использования рекламы в продвижении бизнеса, организации интернет-торговли и других форм заработка, создания или получения множества цифровых услуг.

Кроме того, цифровой мир разнообразит формы индивидуализации и самореализации цифровых пользователей, лучше обеспечивает права человека на свободу выражения мнений и свободу получения информации. Кастельс прозорливо считал, что с развитием социальных сетей и online-сообществ «дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире».

Однако, с другой стороны, цифровизация и сетевизация создают немало социальных проблем. Социологи и девиантологи обращают внимание на негативные социальные последствия, которые являются следствием очередной технологической революции. Среди них в первую очередь заявляет о себе феномен «цифрового социального неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми (в обладании цифровыми компетенциями), в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. «Цифровое социальное неравенство» служит новым индикатором для обозначения взаимосвязи социального неблагополучия определенных групп общества с отсутствием доступа к цифровым технологиям. Эта проблема актуальна для представителей бедных и малообеспеченных социальных групп, либо людей, живущих в отдаленных регионах, где нет интернета, а также для лиц с ограниченными возможностями.

Кроме того, в цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди как жертвы массовой безработицы могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Сетевые ресурсы и медиа создаются разработчиками, интересы которых определяются коммерческими и корпоративными императивами, а не пользователями. Отсю-

да неумное стремление цифровых корпораций к извлечению прибыли в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных норм сомнительным контентом. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его данные.

От преступлений против компьютеров к преступлениям против пользователей интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем

Переход в цифровой мир создал невиданные ранее технологические возможности и условия для развития криминальных форм девиантности. Киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей. В обзоре австралийских криминологов (Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон) структурирован ряд наиболее общественно опасных киберпреступлений. Среди них:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и / или «вредоносных программ, вирусов»;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве.

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических, глобальных рисков в контексте финансового ущерба от кибератак, который исчисляется триллионами долларов. Причем эти оценки весьма условны, поскольку не отражают в полной мере положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций избежать репутационных потерь. Среди новых проявлений кибердевиантности, обусловленных сетевизацией, следует выделить такие:

- сетевая зависимость с утратой навыков реального общения;
- бегство от действительности (искейперство);

- киберлудомания;
- виртуальные сексуальные домогательства и насилие;
- компьютерная педофилия;
- запугивание и киберпреследование;
- интернет-торговля наркотиками;
- пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей.

Сетевизация породила и новые формы кибервиктимизации. Многие молодые люди, беспечно размещая и пересылая в социальных сетях личную информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Например, серверы «Facebook» каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации.

По мере роста online-сообществ быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы, где похищаются и продаются личные данные пользователей и клиентов, различных, чаще всего банковских сервисов. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как обладатели электронных кошельков и платежных карт, а также подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства, участвующие в сетевом общении.

С начала 1990-х годов социологи все чаще задаются вопросами о том, как интернет и новые способы высокотехнологичной коммуникации влияют на общество, на жизнь и социальные практики людей. Количество социологических исследований в области «цифрового сдвига» нарастает в начале нового столетия, о чем свидетельствуют научные публикации и конференции. Чем больше используются людьми интернет-технологии, тем большее значение приобретают социологические исследования социально-цифровых феноменов. Нейл Селвин, выражая позицию цифровых социологов, полагает, что «современное общество лучше понимать как сплетение человечности, материальности и дигитальности».

Цифровые реалии в жизни социума постмодерна оказали глубокое влияние на многие аспекты социальной жизни, социальные институты и социальные структуры, потребовали их осмысления на всех уровнях социологического анализа (макро, мезо, микро), что изменило и саму социологию, способствовало быстрому развитию цифровой науки об обществе. В 2009 году в англоязычном дискурсе в научный оборот вводится термин «digital sociology» («цифровая социология»). К настоящему времени трудами «цифровых социологов» (в их числе Нх. Маррес,

С. Хэлфорд, Х. Кеннеди, К. Ортон-Джонсон, К. Грегори, Д. Дэниэлс, Т. Стэмм, Т. Макмиллан Коттом, Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон, О.В. Крыштановская, М.В. Кибакин, С.А. Гришаева, В.Ф. Ницевич, А.П. Климович, Д.Е. Добринская, М.М. Назаров, А.В. Смирнов, А.А. Деревянченко, Т.Ф. Кузнецова и многие др.) анализируются феноменология «цифрового общества», социальные эффекты и проблемы цифрового мира, создаваемые интернетом, популярными социальными сетями и медиа. В 2019 году в России начал издаваться журнал «Цифровая социология».

Примечательно, что в интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории массмедиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Они существенно раздвигают границы социологического изучения цифровых реалий в жизни социума, в том числе цифровых парадоксов и цифровой девиантности. Многие интернет-исследования наряду с проблематикой социального неравенства затрагивают вопросы девиантизации и виктимизации интернет-пользователей.

Дэбора Лаптон – один из ярких исследователей интернета – в структуре цифровой социологии выделяет цифровые практики, состоящие в использовании цифровых инструментов для создания платформ, социальных сетей, электронных портфолио, онлайн-профилей. Она критически анализирует использование цифровых технологий, показывает роль социальных сетей и медиа в создании или воспроизводстве социальных институтов и структур, обобщает методы сбора цифровых данных в интернет-исследованиях. Лаптон обращает внимание на ключевую роль цифровых технологий как в контексте воспроизводства цифрового неравенства, так и кибердевиантности, совершения киберпреступлений, цифровой виктимизации. Кроме того, для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Среди них: изучение online-сообществ, представителей маргинальных групп, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистов и групп ненависти.

Судя по содержанию публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению старых и новых форм киберпреступности, специфики социального контроля над их проявлениями, а также методам исследования. На основании материалов контент-анализа можно сделать ряд обобщений.

Во-первых, на начальном этапе цифровизации – в первые годы XXI века – интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был обращен преимущественно к *киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров*. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов. Объяснительные модели преступлений, «сфокусированных на компьютере», в этот период опираются на положения традиционных модернистских теорий преступности и соответствующие им методы так, как это было, например, при изучении обычных «уличных» краж. Область знаний по изучению компьютерных преступлений в зарубежных публикациях в этот период чаще всего именуется «*компьютерной криминологией*». Сложившуюся ситуацию в предметном поле нового научного направления хорошо отражает метафора, предложенная П. Грабоски – «старое вино в новых бутылках».

**Киберпреступления и другие цифровые девиации
в новейший период чрезвычайно латентны,
разнообразны, носят трансграничный характер.**

Во-вторых, на последующих этапах цифровизации с развитием сетевизации, когда невероятно возросла популярность online-платформ и выросла численность сетевых online-сообществ, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения киберпреступлений в отношении пользователей сетевых ресурсов, цифровых услуг платежных систем. Типичным способом кибератак стали рассылки фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет- и сетевым пользователям с целью войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество.

Наряду с корыстной киберпреступностью в поле зрения исследователей вошли весьма опасные проявления кибердевиантности. Они включают: online-сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-торговлю людьми и секс-туризм (Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.).

В-третьих, с 2020 года преступники в целях обогащения стали использовать сложную ситуацию в мире с пандемией ковида. Они распространяют от имени авторитетных медицинских организаций рекомендации по лечению и профилактике болезни, предлагая пользователям перейти по ссылкам на вредоносные сайты, где и выманивают личную информацию и данные платежных карт у своих жертв. Для похищения конфиденциальной информации частных лиц преступники стали использовать программы, которые маскируются под популярные сервисы, например, такие, как Zoom. Возросло число фиксируемых инцидентов, связанных с неприкосновенностью частной жизни, киберпреследованиями, распространением киберпорнографии, мошенничеством путем вовлечения женщин в романтические аферы.

В-четвертых, киберпреступность развивается по пандемийной траектории. Число киберпреступлений по итогам 2020 года увеличилось на 73,4%. Эксперты МВД России свидетельствуют, что доля регистрируемых преступлений, совершаемых в интернете или в компьютерной сфере, постоянно растет и в настоящее время превышает 25% от общего числа всех преступлений¹. Киберпреступления и другие цифровые девиации в новейший период чрезвычайно латентны, разнообразны, носят трансграничный характер. Они в большей степени направлены *не на компьютер, а на человека – пользователя Интернета, социальных сетей, коммуникативных технологий и цифровых платежных систем*. Преступников интересуют реквизиты банковских счетов, пластиковых карт своих жертв. По оценкам отечественных исследователей из Академии управления МВД России, 80% зарегистрированных киберпреступлений совершаются против собственности – «в основном это кражи и мошенничество». (Ищук и др., 2021). По данным органов прокуратуры, в 2019 году две трети киберпреступлений составляли мошенничества (40%) и кражи (24%) с применением платежных систем или интернета. Из них 12% непосредственно связаны с пластиковыми картами, около 40% совершены с применением средств мобильной связи, 5,5% – с использованием электронных средств платежа. При этом отмечается, что половина задержанных за киберпреступления совершали их и ранее².

К цифровой криминологии и девиантологии

Приоритетом в развитии социальных наук последних лет стали полипарадигмальность, теоретический синтез, интегративность, стира-

¹ Соловьева, О. Доля цифрового криминала в России превысила 25%. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html

² Генпрокуратура предлагает подумать о создании центра по сбору данных о киберпреступности - [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7983073>

ющие или перестраивающие межпредметные границы, что особенно заметно в зарубежной девиантологии и криминологии (Ш. Браун, М. Яр, К. Хейворд, Г. Барак, Г. Страттон и др.). Закономерный спрос на интегративный подход, междисциплинарные исследования преступности с использованием возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических принципов отмечают и отечественные криминологи (Т.М. Судакова, В.А. Номоконов).

Судя по публикациям, материалам конференций последних лет область знаний по изучению преступлений в цифровом мире как зарубежными, так и отечественными исследователями чаще всего именуется *«цифровой криминологией»*. В трудах цифровых криминологов широко используются идеи гибридизации социологических, психологических, криминологических и технологических знаний для исследования киберпреступности и других проявлений девиантности. Например, гибридизированный подход, обозначенный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы. Теоретики цифровой трансформации социума и высокотехнологичной преступности Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон процесс цифровизации интерпретируют как совмещение цифрового и социального, а кибердевиантность как техносоциальные практики в цифровом мире. Осмысление кибердевиантности и киберпреступности в контексте новой цифровой социальной реальности находит отражение в работах российских исследователей. О кибердевиантности и киберпреступности как порождении виртуализации и «цифровизации» жизнедеятельности пишет Я.И. Гилинский. М.В. Костоломова рассматривает цифровые девиации как «совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия». (Костоломова, 2020). Ряд основательных работ в предметном поле цифровой криминологии подготовлены В.С. Овчинским, Я.И. Гилинским, Я.Г. Ищуком, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольяниновым, В.А. Номоконовым, А.П. Суходоловым, М.А. Калужиной, Б.А. Спасенниковым, В.С. Колодиным, С.В. Максимовым, Ю.Г. Васиным и другими авторами. Самый существенный взнос в развитие отечественной цифровой криминологии

сделан трудами В.С. Овчинского. Он первым обосновал и структурировал цифровую криминологию как самостоятельную науку, проанализировал киберпреступность, кибертерроризм, киберэкстремизм и другие девиации цифрового мира, предложил пути их профилактики, противодействия, в том числе средствами цифрового социального контроля. Работ, посвященных цифровой девиантологии, еще немного, поскольку эта область социологического знания лишь формируется, не утвердилась. В аналогичном положении оказались цифровая культурология, цифровая антропология, где как пишет Д. Лаптон, пересекаются предметные поля, понятия, подходы, исследовательские темы и методы, характерные для всех социальных наук.

Цифровая девиантология может рассматриваться как органичная часть цифровой социологии, которая к настоящему времени накопила ценный опыт бесконтактных интернет-опросов, необходимых для использования в целевых группах преступников, экстремистов, наркопотребителей, проституток, представителей сексуальных меньшинств и других девиантов, то есть среди тех, кто не идет на общение с исследователями лицом к лицу. Эмпириками для изучения цифровых девиаций широко используется анализ нарративов в сетевых дискурсах и другие качественные методики. Наряду с количественными и качественными социологическими методами в интернет-исследованиях к сбору и обработке цифровой информации исследователи «подключают» математические методы, знания IT-специалистов, вычислительные алгоритмы и аналитику «big data». В структуре таких данных могут быть сведения о наличии судимости, административных правонарушений, нахождении в розыске, информация об участии в различных сообществах и другие структурированные и неструктурированные материалы из официальных и неофициальных источников, в том числе социальных сетей. Так, например, поступают британские криминологи М. Уильямс и П. Бернап, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность.

Следовательно, в последние годы усилиями зарубежных и отечественных исследователей проясняется и уточняется предметное поле и методология цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности. В теоретико-методологический фрейм цифровой девиантологии легко включаются понятия и непротиворечивые положения из цифровой социологии, цифровой криминологии, культурологии, психологии, теории массмедиа, юриспруденции и других наук, в том числе матема-

тических, а также методологические приемы и алгоритмы, позволяющие собирать и обрабатывать формализованные и неформализованные данные из цифровых источников. Развитие цифровой девиантологии – закономерный результат прогресса в цифровой социологии и криминологии, в других областях знания о цифровом социуме и цифровых технологиях.

Выводы и предложения

Указанные выше тренды в развитии цифровизации, сетевизации социума, киберпреступности и других проявлений кибердевиантности типичны для высокотехнологичных обществ на этапе постмодерна. Эти вызовы создают стимулы для изучения и критического осмысления в рамках цифровой социологии цифровых технологий и феноменов, социальных последствий и проблем, которые они порождают. Однако любого человека, сообщество в целом и государство все больше тревожит рост киберпреступности и кибердевиантности. Социальный заказ для ответа на новые цифровые вызовы, на новое знание сложился. Со своей стороны он запускает развитие девиантологии, которое идет по траектории, аналогичной развитию цифровой социологии и других цифровых дисциплин, с интенсивной интеграцией социальных, технологических и других знаний о цифровизации социума, преступлениях и девиациях цифрового мира. Происходит разработка девиантологических понятий, описание киберфеноменов девиантности прежде всего в рамках цифровой криминологии. Расширяется пул методов эмпирических исследований. Использование методологической триангуляции в интернет-исследованиях в сочетании с вычислительными методами – надежный путь для оценки, описания и детерминации цифровых девиаций, построения прогностических моделей.

Девиантологическое изучение киберпреступности и кибердевиантности позволяет диалектично моделировать причины и следствия, оценивать и анализировать формы, специфику и тренды многообразной девиантной активности в цифровом обществе. На интегративном теоретико-методологическом фундаменте возникает реальная возможность предвидеть время и место совершения киберпреступлений с помощью аналитики «big data» и эвристического потенциала алгоритмов искусственного интеллекта. Эта девиантологическая информация имеет не только научную, но и практическую ценность, поскольку позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. За многомерной оценкой, математически выверенным прогнозированием

и мониторингом цифровых преступлений следует и выработка новых правовых форм, эффективных практик цифрового социального контроля, адекватных новой социально-технологической реальности.

Таким образом, краткий обзор социально-технологических сдвигов цифровой трансформации социума с нарастанием его девиантизации, а также интернет-исследований киберпреступности и других проявлений цифровой девиантности показывает, что сложились онтологические, социальные и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии – науки, которая создает интегративную основу дальнейших исследований многообразных проявлений девиантности и социального контроля в цифровом мире. И это лишь начало движения, к которому приглашаются новые, молодые силы, готовые дерзать и проводить исследования в поиске цифровых девиантологических знаний.

Литература

1. Гишинский Я. И. (2020). Цифровой мир и право. Правовое государство: теория и практика, 4 (62), 22-27.
2. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. (2021). Цифровая криминология: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России.
3. Кастельс, М. (2004). Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе (пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов). Екатеринбург: У-Фактория. Кастельс М. (2020). Власть коммуникации: учебное пособие (3-е изд., пер. с англ. Н.М. Тылевич, А.А. Архипова; под ред. А.И. Черных). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
4. Комлев Ю.Ю. (2020). Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии. Вестник Казанского юридического института МВД России, 1 (39), 31–40.
5. Комлев Ю.Ю. (2021). От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу. В.В. Балахонский, А.Г. Никулин (ред.) Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 мая 2021 года, стр. 335-346). Санкт-Петербургский университет МВД России.
6. Комлев Ю.Ю. (2019). Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие (2-е изд., доп. и перераб.) Москва: ДГСК МВД России.

7. Костоломова М.В. (2020). Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия. Социологическая наука и социальная практика, (2), 41-53.
8. Овчинский В.С. (2018). Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. Москва: Норма ИНФРА.
9. Судакова Т.М., Номоконов В.А. (2018). Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций. Всероссийский криминологический журнал, (4), 531–540.
10. Lupton, D. (2012). Digital Sociology: An Introduction. Sydney: University of Sydney.
11. Mossberger, K., Tolbert, C. J., McNeal, R. S. (2008). Digital Citizenship the Internet, Society and Participation. Cambridge, MA: MIT Press.
12. Stratton, G., Powell, A., Cameron, R. (2017). Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'. International Journal for Crime, Justice and Social Democracy, 6(2), 17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev
13. Selwyn N., Nemorin S., Bulfin S., Johnson N. (2016). Toward a digital sociology of school. In J. Daniels, K. Gregory, T. McMillan Cottom (eds) Digital sociologies. Bristol, Policy Press.
14. Williams, Matthew L., Burnap, P. (2016). Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data. The British Journal of Criminology, 56(2), 211-238. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059>

Цифровой социальный контроль: на пути к изучению китайского опыта¹

***Аннотация:** в статье рассмотрена специфика цифрового социального контроля на основе государственной системы социального кредита и видеофиксации отклонений. Отмечена существенная роль в новом мире неформального социального контроля, построенного на цифровой технологической основе.*

***Ключевые слова:** цифровые технологии; кибердевиантность; киберпреступность; цифровой социальный контроль; государственная система социального кредита.*

Первые десятилетия XXI века – удивительное время стремительного развития и внедрения цифровых технологий. Они преобразовали процессы сбора (интернет вещей, большие данные) передачи и хранения (облачные технологии, блокчейн), а также анализа информации и принятия решений (искусственный интеллект). Технологии во все времена – ключевой драйвер социальных изменений. Они трансформируют социальный ландшафт.

Цифровые технологии стимулируют позитивные социальные перемены в жизни и хозяйственной деятельности людей. Однако, они создают и немало социальных проблем, среди которых: «цифровое неравенство», компрессия рынка труда, зависимость человека от цифровых данных, рост разнообразия и масштабов кибердевиантности, киберпреступности. Цифровую метаморфозу в преступном мире из-за четвертой технологической революции можно описать метафорой «старое вино в новых бутылках». Иными словами, суть преступности в цифровом мире не изменилась, а формы стали новыми в соответствии с новыми цифровыми условиями и технологиями, что привело к трансформации социального контроля.

В девиантологии принято считать, что девиантность и социальный контроль над ней продолжают развиваться вместе с научным прогрессом. По словам специалиста по управлению Гэри Маркса, «инженерия

¹ Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2023. С. 119-124.

социального контроля является одной из определяющих характеристик современного общества» [1]. Современный человек все больше сталкивается с множественностью способов цифрового социального контроля с помощью искусственного интеллекта, интернета вещей в рамках процедур видеофиксации и распознавания лиц. Происходит переход функций социального контроля от «человека наблюдающего» к устройствам и алгоритмам обработки больших данных, что значительно увеличивает качество и масштабы слежения.

В мире условно можно выделить две модели цифрового контроля: западную и восточную (китайскую). Они формируются на основе различных культурных традиций. В западном мире традиционно доминирует ориентация на формальное право. Страны Запада (Европа и США) не отстают от мировых трендов в плане тотального видеомониторинга в общественных местах для распознавания лиц и идентификации транспортных средств. В китайском обществе тысячелетиями существовала иная, чем на Западе правовая система с большей ориентацией на неформальный контроль. Впрочем, в последнее время китайский опыт отражает движение к более широкому применению механизмов формального социального контроля.

По оценкам исследователей Мо Чен и Йенса Гроссклагса, Китай достиг значительного прогресса в реализации социального контроля в рамках цифровой трансформации общества [2]. Доказательством этому служит развернутая с 2014 года государственная система социального кредита (ГССК). Эта инновационная система построена на использовании сквозных цифровых технологий для повышения доверия в обществе, укрепления поведенческого конформизма в отношении соблюдения законов и моральных норм, характерных для китайского общества. Технологическую основу ГССК обеспечивает скоринговая компания Alibaba group.

ГССК состоит из двух частей. Одну из них образует корпоративная система кредитной отчетности и отчетности по потребительским кредитам, которыми управляют негосударственные компании. Серверы Alibaba group позволяют накапливать и обрабатывать «большие данные» о всех кредитах, покупках через платежную систему Alipay и платежах гражданина. Кроме того, они хранят персональные данные и о других сторонах жизни человека (на какой машине и куда ездит, с кем общается, какие штрафы или начисления получает и др.).

Вторая часть системы контролируется государством и за счет автоматизированного списания или начисления баллов образует специальные

красные списки благонадежных/примерных и черные списки неблагонадежных/ «дискредитированных» лиц или организаций на общенациональном и региональном уровнях. Публикация позорящих сведений о лицах и организациях, не соблюдающих закон и другие установленные государством требования – основная идея китайской системы цифрового социального контроля.

Китайские черные списки имеют некоторое сходство с репутационно-рейтинговыми инструментами, такими как публичные рейтинги компаний или биографии отдельных лиц, претендующих на высокие посты, в западных странах. Однако, они принципиально отличаются тем, что не используют широко неформальный социальный контроль, носят менее массовый характер.

В китайской модели цифровые технологии позволяют включить в черные списки гораздо более широкий спектр социальной и деловой активности физических лиц, компаний и общественных организаций. Они содержат как личную информацию (например, имя, пол, возраст и частично анонимный идентификационный номер), так и подробное описание дискредитирующего поведения фигурантов этих списков. На черных списках как онлайн, так и офлайн акцентируется внимание широкой общественности с целью публичного осуждения стигматизированных в рамках цифрового неформального социального контроля. В ряду черных списков наиболее рестриктивным является тот, что составляется китайскими судами относительно лиц противоправного поведения. Эти «дискредитированные» именуются «лао лай».

ГССК помимо неформального порицания пристыженных предполагает и меры их материального наказания. Физические и юридические лица, находящиеся в черных списках, подлежат формальным и неформальным санкциям в самых разных областях, что определяется понятием «совместное наказание». Совместные наказания основаны на документах меморандума о взаимопонимании, подписанных различными государственными органами и частными структурами. Подписанты договариваются применять дифференцированные наказания к лицам, внесенным в черные списки. В настоящее время существует 51 меморандум о взаимопонимании, охватывающий большинство аспектов социальной и экономической жизни физических и юридических лиц. Чаще всего стигматизации и ограничениям подвергаются те «дискредитированные» субъекты, которые не погасили задолженности по налогам и другим долговым обязательствам. Они не могут пользоваться самолетами и скорост-

ными поездками, лишаются ряда социальных перспектив в поездках за границу, в выборе места учебы, в построении карьеры, в предоставлении льготных кредитов и т. п. Таким образом, совместное наказание приводит к реальным репутационным и материальным потерям для «дискредитированных» лиц, компаний и организаций, что отвечает целям ГССК.

С государственной системой социального кредита тесно сопряжена система тотальной видеофиксации на всей территории страны с использованием интернета вещей. В Китае было принято решение к 2020 году установить 600 млн. видеокамер. Кроме того, китайские полицейские оснащаются специальными очками с видеогаджетами и дисплеями, которые выдают информацию о каждом «цифровом гражданине» поднебесной.

На Западе китайскую систему цифрового социального контроля в рамках ГССК и видеофиксации часто критикуют за массовую слежку, нарушение конфиденциальности и прав граждан на неприкосновенность частной жизни и именуют цифровым авторитаризмом. Считается, что это оборотная сторона цифровых инструментов в системе социального контроля, которая противоречит правам человека. Впрочем, персональные данные граждан западных стран в социальных сетях, на цифровых платформах и системах видеофиксации также накапливают, не афишируя, и используют затем в целях контроля, розыска и противодействия преступности.

Элементы перечисленных выше цифровых перемен активно внедряются в деятельность государственных институтов во всех развитых и развивающихся странах, в том числе и России. Относительно недавно Государственной Думой был принят закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Он установил организационно-правовые основы по сбору, обработке, хранению, получению, использованию сведений о личных данных населения страны. Эта система должна интегрировать персональные данные россиян, которые собирают МВД, Федеральная налоговая служба и другие ведомства и организации. Информационный регистр – открытая рамка. К нему будут примыкать и другие системы учетных данных, что, в конечном счете, приведет к построению разветвленной национальной системы цифрового социального контроля. Наряду с институтами государства активный сбор данных ведут и бизнес-субъекты с использованием цифровых платформ. Весьма значительную

работу по цифровизации услуг, сбору и обработке личных данных пользователей, созданию цифровых экосистем проделали Сбер, Яндекс, МТС и другие компании.

Реализация концепции смарт-города в Москве, Санкт-Петербурге, Казани убедительно показала результативность проникновения цифровых технологий в городское общественное пространство. Уже сегодня крупные российские города наводнены камерами и системами видеонаблюдения с использованием облачных технологий, искусственного интеллекта и интернета вещей для обработки, анализа больших данных и принятия решений. В рамках концептуального замысла эти инструменты позволяют повысить степень общественной и личной безопасности, позитивно повлиять на раскрываемость преступлений и служат сдерживанию преступности. Так, московская городская система видеонаблюдения используется при расследовании 70 % преступлений [3]. Пандемия COVID-19 повсеместно потребовала принятия ряда новых цифровых мер по контролю и неизбежному ограничению частных прав граждан ради обеспечения здоровья и безопасности нации. Противодействие пандемии средствами цифрового контроля показало свою эффективность.

Позитивный мировой и отечественный опыт цифровой трансформации социума и системной организации цифрового социального контроля требует детального междисциплинарного изучения. Китайская модель в этом ряду привлекательна тем, что наряду с формальным цифровым социальным контролем в ней продуктивно используется неформальный контроль, влияющий на репутационный капитал личности или организации. На критическое осмысление и использование этого знания с учетом российских культурных традиций и рассчитывает автор. Этот путь, как представляется, поможет сгладить неизбежные противоречия, возникающие при реализации цифрового социального контроля, и приблизит практиков к компромиссным решениям в обеспечении безопасности общества и личности, с одной стороны, и соблюдении прав граждан, с другой.

Литература

1. Маркс Г. Технология и социальный контроль: поиск призрачной серебряной пули // Преступность и неравенство; под ред. Джона Хагана и Рут Петерсон. Редвуд-Сити: издательство Стэнфордского университета, 1995. С.117.

2. Chen, M., Grossklags, J. Social Control in the Digital Transformation of Society: A Case Study of the Chinese Social Credit System. Soc. Sci. 2022, 11, 229. <https://doi.org/10.3390/socsci11060229>

3. Гавриленко О. В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163> (дата обращения: 25.03.2023).

Романтические отношения сегодня – путь к браку или наоборот: опыт Запада и Востока¹

В статье описаны основные тренды в развитии брачно-семейных практик на Западе и Востоке. Показана роль любви в заключении брака и брака в возникновении любви между супругами.

Ключевые слова: любовь, брак, семья, постмодерн, девиантность

Romantic Relationships Today – the Path to Marriage or Vice Versa: the Experience of West and East

The article describes the main trends in the development of marriage and family practices in the West and East. The role of love in marriage and marriage in the emergence of love between spouses is shown.

Keywords: love, marriage, family, postmodern, deviance

Почему современные люди молодые и не очень, так или иначе, вступают в брак, создают семьи и не один раз? Что происходит в брачно-семейной сфере? Статистика бракосочетаний и разводов впечатляет и настораживает. По данным Росстата, количество заключенных браков в России в последние 10 лет снижается, число разводов остается приблизительно одинаковым. В 2021 г. было зарегистрировано 923 553 брака (6,3 на 1000 чел. населения). Количество разводов в том же году достигло 644 207 семей (4,4 на 1000 чел. населения). По данным ВЦИОМ, каждый третий брак распадается по причине бедности молодоженов [1].

Ряд эмпирических исследований зарубежных и отечественных социологов фиксирует развитие и других трендов в брачно-семейной сфере. Так, с начала 1990-х гг. в постиндустриальном мире все яснее проявляются признаки уменьшения численности традиционных браков, их «старение», увеличение разводов и нерегистрируемых сожительств, падение рождаемости и рост числа внебрачных детей, а также распространение добровольной бездетности, рост семейного насилия и других проявлений негативной девиантности.

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 1. С. 135-141.

Как показывают опросы российской молодежи, в том числе репрезентативный опрос казанских студентов, проведенный в октябре 2022 г. с использованием «Google forms» под руководством автора статьи, молодые люди не перестали мечтать о любви и счастливом браке. Так, на вопрос: «Хотели бы вы вступить в брак?» подавляющее большинство опрошенных (86 %) ответили положительно. При этом 77 % респондентов считают, что в брак надо вступать по взаимной любви. Интерпретация данных опроса на первый взгляд очевидна. Молодость – «пора нехитрых желаний» и во всем «виновата» социобиологическая природа человека: его способность любить и быть любимым. Состояние влюбленности, вероятно, относится к самым волнующим чувствам человека. Между тем любовь как взаимная физическая и личностная привязанность людей друг к другу трудно поддается строгому определению. Поиск личностного и сексуального самовыражения толкает людей в объятия друг к другу, что в большинстве случаев в современном мире приводит к той или иной форме совместной жизни, брачных отношений, к созданию семьи. Однако, это очевидное на первый взгляд суждение на самом деле совершенно нетривиально. Конечно, примеры романтической любви простираются далеко в историю, находят отражение в искусстве, живописи, поэзии, литературе. Однако состояние влюбленности переживали далеко не все люди, не во всех обществах и отнюдь не во все времена, а тем более взаимную романтическую любовь на протяжении прошедших веков редко связывали с браком.

До определенного времени, когда «гражданственность», по Ш. Летурно, стоит еще на очень низкой стадии развития, идея любви как доминанта не была распространена у народов Европы, Америки, Африки, Азии [2]. В те времена чувство стыда и тем более любовь в современном значении этого слова были неизвестны и не имели отношения к браку. При этом женщина воспринималась как низшее существо, лишенное душевных качеств, необходимое лишь для удовлетворения половой потребности мужчины и воспроизводства. Право исключительного обладания женщиной считалось в древности чем-то вроде воровства по отношению к первобытной общине. Отсюда и пережитки того времени длительный период сохраняются у некоторых «нецивилизованных», по Ш. Летурно, народов, в соответствии с которыми женщина должна хотя бы раз в жизни отдаваться другим мужчинам. По этому поводу существует много свидетельств из работ древних авторов. Так, вавилонянка, например, должна была предложить себя за определенную плату любому мужчине, входящему в храм Мелиты или Венеры. Отсюда пошло

неверное истолкование так называемой храмовой проституции. Жители Кипра посылали своих дочерей на берег моря приносить свою девственность в жертву Венере. Древние греки с развитием общества возложили эту «любовную» обязанность относительно общины на жриц или гетер, которые своими «подвигами» освобождали от этого правила добропорядочных женщин [2, с. 43].

Основные установки относительно сексуального и семейного поведения у европейцев и россиян на протяжении веков формировались христианством. Допустимыми считались лишь гетеросексуальные связи в рамках церковного брака и семьи. Религиозный подход сводил сексуальную жизнь к минимализму, необходимому лишь для реализации деторождения. Были табуированы девиации и пороки в сексуальном поведении, характерные для грубых практик в этой сфере далеким предкам. Считалось, что добропорядочные женщины должны быть равнодушны к любви и сексуальному удовлетворению, принимая ухаживания своих супругов в браке лишь в силу долга. При этом многие внешне вполне благопристойные мужчины отличались супружеской неверностью, что не порицалось общественным мнением. Женщине скандал за адюльтер грозил в том случае, если он становился достоянием гласности. В итоге сформировалось различное отношение в обществе к сексуальному поведению мужчин и женщин – двойной стандарт, который нередко проявляется и по сей день, что находит отражение в девиантизации сексуальных отношений с распространением проституции и других отклонений.

В массе своей вплоть до индустриального мира люди вступали в брак в соответствии с религиозными нормами. Дети, рожденные в браке, помогали супругам в работе и наследовали семейный капитал. Как оценивает Э. Гидденс, до начала промышленной революции большинство семей являлись расширенными структурами. Они как производственные ячейки служили для обработки земли или занятия ремеслом. До создания собственных репродуктивных семей молодые супруги, как правило, входили в состав родительских расширенных семей, все члены которых жили вместе под одной крышей. Выбор будущего супруга обычно определяли не романтические увлечения и любовь, а социальные и экономические интересы родительской семьи, диктовавшие необходимость бесперебойного функционирования семейного производства и заботы об иждивенцах [3].

Молодожены могли полюбить друг друга, стать близкими, друзьями, но это, если и случалось, то после брака, а не до него. Сексуальные

связи существовали тогда и в браке, и вне брака, но они почти не содержали тех чувств, которые современный человек обычно ценит и связывает с индивидуальной половой любовью, окрашенной романтическим флером. Любовь «считалась в лучшем случае неизбежной слабостью, а в худшем – разновидностью недуга». Еще совсем недавно некоторые социологи считали, что индивидуальная романтическая любовь возникла в Западной Европе в средние века. Другая часть исследователей уточняла, что это произошло позднее в дворянском сообществе, и романтическая влюбленность – это особая черта внебрачных сексуальных приключений аристократов. До конца XVIII в. любовь была ограничена сословными рамками лишь этого круга людей и ни в коей мере не отождествлялась с браком. Как правило, в этой среде отношения между мужем и женой были достаточно холодными и отчужденными, особенно в сравнении с тем, что ждет от брака большинство современных молодых людей. Состоятельные люди жили в больших домах, каждый супруг имел собственную спальню и слуг. В приватной обстановке они могли не видеть друг друга подолгу. Сексуальная совместимость в браке была делом случая и не считалась обязательной. За пределами аристократических кругов чувственная или романтическая любовь рассматривалась моралистами и богословами того времени как нечто отвратительное [4, с. 51-54].

В целом, как среди богатых, так и тем более среди бедных, вопрос выбора супруга, супруги, решение о браке принимался семьей (обычно отцом в патриархальном семействе) или родственниками, а не молодыми людьми, права которых при выборе пары были ничтожны либо отсутствовали вовсе. Характерный пример такой типичной и для России брачной практики описывает М. Шолохов в романе «Тихий Дон», когда Григория Мелехова родители против его желания женят на нелюбимой им Наталье Коршуновой.

В российской дореволюционной действительности образы семьи и патриархальные правила выбора брачного партнера, сватовства хорошо описаны в работах М.М. Ковалевского «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии», П.А. Сорокина «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян».

В общественном дискурсе постреволюционного периода в России фиксируется разнообразие подходов к обсуждению морали и новых социальных практик в брачно-семейной сфере социального взаимодействия. Марксистскую феминистскую версию будущего семьи при коммунизме дает А. Колонтай в работе «Семья и коммунистическое

государство». Традиционные или «буржуазные» семейные ценности в условиях аномии, по Э. Дюркгейму, потеснили новые «революционные» взгляды на любовь, брак и семью.

В практике перемен того времени было немало откровенных перегибов. К примеру, множились кружки «Долой стыд!», «Долой невинность!», «Долой брак и семью!». Радикалы на семейном фронте борьбы за раскрепощение молодежи, развала старого мещанского быта и уничтожения православных основ нравственности, доставшихся от «проклятого царизма», посягнули на обобществление женщин. Появились проекты декретов о «национализации» женщин. Так, саратовский вариант гласил: «С 1 марта 1918 г. отменяется право частного владения женщинами в возрасте от 17 до 32 лет». А проект, опубликованный в одной из газет г. Владимир, предлагал: «После 18-летнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться в бюро «Свободной любви». Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записавшихся в бюро, даже без согласия на то последних» [5, с. 225]. В результате в разы выросли масштабы девиантности: изнасилования, проституция, численность внебрачных детей.

Создателями столь «революционных» документов были, как правило, анархисты. Эти радикальные ниспровергатели традиционной морали считали, что любовь — блажь богатеев-бездельников. Они предлагали учиться у природы, поскольку она не знает условностей и ограничений. Крайние взгляды на любовь, брак, семью, имевшие хождение в первые годы советской власти, нашли отражение в теории «стакана воды» или «бескрылого эроса». Суть идеи в том, что любви нет, а есть секс как инстинктивная потребность, которая должна находить удовлетворение без всяких «условностей» так же легко и просто, как утоление жажды стаканом воды в жаркий день. Теория отрицала исключительность любви, продолжительную привязанность к любимому человеку, осуждала выделение пары из общественного коллектива.

Революция социальная привела к революции сексуальной: к отрицанию и отторжению традиционных социальных ценностей и норм буржуазного общества, в том числе в сфере любви, брака и семьи. Во многом брачно-семейные нормы старого мира поменялись местами с отклонениями от них. Сторонники крайних взглядов полагали, что перемены в сексуальном поведении приведут к установлению диктатуры

биологического естества, к освобождению чувства человека от гнета «патологических наростов» буржуазной культуры в виде целомудренности, любви, долга, обязанностей, брака и семьи. Более подробно революционные открытия в сексуальной сфере отражены в книге А.Б. Залкинда «Революция и молодежь» (1924), где прописаны «двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», читать которые сегодня нельзя без улыбки [6].

В вульгарно интерпретируемой трактовке «единственно верного учения» радикальными идеологами рекламировалось положение об отмирании буржуазной семьи, как основанной на частной собственности и имущественном наследовании. Распространялась догма о том, что в светлом будущем семья утратит свое значение еще и потому, что реализацию бытовых и воспитательных функций возьмет на себя общество. Однако уже к середине 30-х гг. точка зрения относительно отмирания семьи в эгалитарном обществе была отвергнута. В «стране социализма» отказались от лозунгов «свободной любви»: во взглядах и практиках брака, сексуального поведения и семейного строительства все вернулось на круги своя.

Вопросы любви, брака и семьи чрезвычайно важны и фундаментальны для людей XXI в. – мира постмодерна – мира быстрых и турбулентных технологических и социокультурных изменений. К брачно-семейной проблематике обращаются снова и снова многие отечественные исследователи. А.Г. Харчев, М.С. Мацковский, А.И. Антонов, В.М. Медков. Они анализируют специфику, функции и проблемы современной семьи как социального явления. С.И. Голод выделяет новый тип моногамии – супружескую семью, характерную для урбанизированной среды. Американские антропологи У. Янкович и Э. Фишер в 1992 г. на примере изучения 166 обществ по всему миру установили, что с любовью и браком все не так однозначно. Ученые нашли свидетельства проявлений романтической любви в артефактах прошлого, например, в росписях на саркофагах этрусков, цивилизация которых достигла пика своего развития в 500 году до н.э. Художники и ваятели того времени убедительно изображали взаимность любви и сексуальную удовлетворенность молодых супругов [7, р. 330].

Социологи считают, что романтическая любовь как социальное чувство, а также ее связь с браком не являются изначально данным от природы механизмом в жизни человека. Это явление приобретенное, поскольку есть результат не только сексуального влечения, но и социально-политического, экономического прогресса, изменений в образе

жизни человека любой эпохи, в формах брака как феномена культуры. Идеалы романтических любовных отношений закрепились в брачных практиках и стали массовыми лишь тогда, когда брак перестал строиться только на экономических основах. Английский исследователь семьи Лоуренс Стоун считает, что распространение замкнутых, привязанных к дому нуклеарных семей в XIX в. привело к развитию эмоционального индивидуализма, который способствовал распространению практик заключения браков на основе личного выбора, определяемого нормами эмоциональной, романтической привязанности и любви. Возникнув среди более обеспеченных слоев населения, тип брачно-семейных отношений, основанных на любви, с развитием индустриализации стал в значительной степени универсальным для всех европейских стран [8].

В условиях модерна доминирующий выбор супруга для большинства молодых людей стал зависеть от желания поддерживать с ним отношения, основанные на взаимной любви и привязанности при заключении брака. Этой практике следует абсолютное большинство молодых людей в культурах постиндустриальных обществ условного Запада, включая и многие страны, в том числе Россию. Впрочем, в основе брака могут лежать не только романтическая любовь, но и трезвый расчет, иные соображения и правила. Некоторые молодые люди, например, и сегодня считают, что для того, чтобы сделать карьеру, нужно выгодно жениться. В европейском и российском обществах сохраняются практики заключения брака на основе предварительной договоренности молодых с родителями или родителей из разных семей между собой. В отличие от интерпретаций фольклора любовь, как социальный феномен, не абсолютно слепое чувство. Нередко влюбленность дополняет не только здравый выбор, но и гомогамия, как результат социальной, возрастной, пространственной близости влюбленных, стремящихся к любой одобряемой культурой форме брака. Социальные характеристики молодых в современном мире, такие как возраст, образование, социальный класс, этничность, раса и религия имеют весомое значение. Хотя есть и немало отступлений от этого правила, что приводит чаще всего к серийной моногамии. Гомогамные же браки создают более устойчивые семейные модели. Как правило, и в России люди влюбляются и женятся на тех, кто близок им в социокультурном плане, живет рядом или встречается на работе, учебе, в местах проведения досуга.

Факты свидетельствуют, что на любовное поведение и брачные практики существенно влияют процессы раскрепощения общественных нравов или их «замораживание», что происходит циклично как

движение маятника. Во второй половине прошлого века ряд общественных движений в Европе и США бросил вызов традиционным семейным христианским ценностям. Суфражистки добились для женщин равных с мужчинами избирательных прав, права на равную оплату труда, доступа к образованию. Феминистки второй волны в 1960-е гг. повели активную борьбу за большую сексуальную свободу и независимость женщин от гендерных ценностей и стереотипов мужчин, за отказ от двойных стандартов. Кроме того, доступные для всех средства контрацепции защитили женщин от нежелательной беременности, что позволило отделить сексуальное удовольствие от репродуктивной функции. В итоге в 1960-е, 70-е гг. над строгой пуританской моралью, заданной викторианской эпохой, восторжествовала неудержимая сексуальность хиппи сначала в молодежной среде, а затем и во всем в западном мире.

Популяризации либеральных ценностей в вопросах половой морали способствовали мода, произведения литературы и кинематографа, эстрады, в целом масс медиа. Ничем не ограниченное отображение в массовой культуре всевозможных проявлений человеческой сексуальности привело к «нормализации» отношения к порнографии, к внебрачным и добрачным сексуальным связям и нетрадиционным ориентациям в этом вопросе. Сексуальные практики, которые еще несколько десятилетий назад считались в Европе негативной девиантностью, перестали быть таковыми. В конечном счете сексуальные революции привели к многообразию различных форм сексуального партнерства и сожительства, брачных отношений, таких как итальянский гостевой, бостонский, шведский брак и другие.

После строгой советской морали 1980-х гг. исчезновение «железного занавеса», а затем и разрушение СССР в начале 90-х гг. способствовали тому, что длинная волна сексуальной революции дошла и до России. Об этом свидетельствует не только сексуализация популярной культуры, но и рост разводов, снижение деторождений, распространение проституции, преступлений против нравственности. В России стало терпимее отношение к сожительству. Однако и по сей день, как отклонение от моральных норм, большинством в обществе воспринимаются союзы с нетрадиционной ориентацией (79 % опрошенных, по данным ВЦИОМ). Разрушительный процесс раскрепощения нравов привел к ослаблению института семьи, к депопуляции в России. В ряду других острых социальных проблем он был осознан как критический вызов для российского общества и государства.

В начале XXI в. при поддержке государства в обществе происходит поворот к традиционным российским нравам и ценностям, в том числе в системе брачно-семейных отношений. Он заметен в информационной, молодежной и семейной политике, в женской моде оверсайз, в усилении роли социальных институтов, стоящих на страже консервативных ценностей, порицающих пропаганду и практики гомосексуальных отношений, выступающих против западной формулы «родитель номер один и родитель номер два», других проявлений «половой девиантности».

Таким образом, в результате ряда сексуальных революций в западном мире и России базовые практики брачно-семейного поведения модерна претерпели заметные изменения. Наиболее вариативно этот процесс проявляет себя в атомизированном, индивидоцентричном мире западноевропейской культуры.

Молодые люди XXI в. нередко не соблюдают традиционные для модерна ритуалы добрачного поведения, не дожидаются согласия родителей на брак, не регистрируют его, а переходят к апофеозу любви и совместной жизни в рамках открытых отношений, партнерства или сожителства. Об этом ценностно-нормативном сдвиге свидетельствуют и данные интернет-опроса казанских студентов. Так, положительно относятся к сожителству до заключения официального брака 54% респондентов, нейтрально – 31%, негативно только 10%. Автономный эмоциональный выбор молодых на брачном рынке как первый опыт отношений нередко сопровождается ошибками и разочарованиями, утратой репродуктивной функции. Однако он не является отступлением на пути от романтической любви к браку при создании нуклеарных семей. Он происходит во многих странах с различными отклонениями, в том числе под влиянием глобальной цифровизации и сетевизации современных обществ, обусловленных четвертой технологической революцией [9, с. 17-26].

Во многих странах Азии, Африки, островах Тихого океана – условного Востока, ситуация иная. Там почти неизменными остаются, а в некоторых случаях усиливаются традиционные для местных культур модели брачного поведения и расширенные семейные союзы. В большинстве случаев на Востоке имеют место практики заключения брака с помощью договоренности родителей или брачных посредников с рецидивами покупного (калымного) брака и даже умыкания (похищения) невесты. Примечательна специфика брачно-семейных отношений в исламском мире. В целом специфика мусульманского брака в том, что его нормативные основы заложены в Коране и Сунне – основопо-

лагающих источниках мусульманского права. Основные положения, регулирующие брачно-семейные отношения в исламском мире, строго соблюдаются. Обобщая интервью со слушателями Казанского юридического института МВД России из Афганистана, следует, что по сравнению с мужчиной женщина практически бесправна. Семья, в которой рождаются девочки, имеет низкий социальный статус. Мусульманин вправе заключить брак с любой женщиной, кроме атеистки. Обязательным условием мусульманской полигинии является возможность мужчины финансово обеспечить своих жен и детей. Не допускаются браки женщин-мусульманок с мужчинами другого вероисповедания. Для женитьбы нужно много денег на выкуп, на подарки, и это недоступно для многих небогатых мужчин. Право разорвать семейные узы имеет только мужчина. Процедура развода для мужчины упрощена. Развод считается состоявшимся, если мужчина прилюдно трижды заявит: «Ты мне не жена». Несмотря на архаичный характер, брак в форме торговой сделки сохранился у многих мусульманских народов Африки и Азии. Есть африканские племена, где юную девушку можно и по сей день купить у родственников за кувшин пальмового вина.

Практики выкупа невесты в Китае (до образования КНР) составляли 95% из всех браков, которые заключались без учета волеизъявления новобрачных. Женщина принадлежала сначала отцу, а после успешного торга становилась собственностью мужа.

На постсоветском пространстве в Киргизии практика похищения девушек – обычай ала качуу («хватай и беги») в брачных целях приобрела в сельской местности весьма широкое распространение, несмотря на наличие ее уголовно-правового запрета. Как результат, свадьбе – самому счастливому дню в жизни девушки – часто предшествует кошмарное преступление в форме грубого похищения, нередко с применением насилия. Разумеется, во всех перечисленных случаях не приходится говорить о романтической любви как предтече брака и семейных отношений. Впрочем, и после брака без любви много примеров брачных союзов, в которых со временем развиваются романтические чувства и привязанности [2, с. 30-32].

Обращает на себя внимание в этой связи индийский вариант восточного брачного союза – брак по договоренности родителей. В наши дни много свидетельств того, что молодые, по-европейски образованные индусы – представители среднего класса не ждут любви, считая, что она произойдет сама собой после вступления в брак, если произойдет вообще. Так, показателен следующий кейс.

После учебы в США Бхарат Рам вернулся в Индию с дипломом Мичиганского университета. Его мать Арун сообщила сыну, что пора подыскать ему хорошую жену. Бхарату 27 лет. Он – образованный, хорошо воспитанный, умный, красивый, наследник немалого состояния. Пока сын учился за рубежом, Арун уже присмотрела подходящий для него вариант. На примете была хорошая девушка Мануи из состоятельной семьи среднего класса, которая получила хорошее воспитание и образование, поскольку завершила учебу в привилегированном женском колледже. Бхарат и Мануи по договоренности родителей впервые встретились друг с другом в кафе. На первой встрече они были вместе со своими родителями. Молодому человеку понравился выбор матери. Девушка была мила, скромна, воспитана и образованна. Мануи также понравился Бхарат: она была поражена тем, что он не хвастался своим состоянием. Произошло еще четыре встречи, где молодые люди смогли пообщаться. Затем родители их спросили, готовы ли они пожениться. Никаких серьезных возражений не нашлось ни у того, ни у другого. «Я его не любила», – сказала как-то Мануи своей лучшей подруге. Но когда мы разговаривали, у нас оказалось много общего и сейчас я не могу жить без него» [7, р. 331].

В постиндустриальной Индии произошли обширные социальные изменения. Тем не менее индийские социологи показывают, что родители попрежнему планируют и организуют до 95% браков своих детей. Авторитет родителей – ключевой аргумент в этом вопросе для брачного решения повзрослевших детей. Для индийской культурной традиции новые практики неограниченных знакомств детей в школе, колледже, на вечеринках, в социальных сетях, принятые в западных обществах и получивших распространение среди детей обеспеченных индусов, означают крах их будущей семейной жизни. Почему? Потому что эти встречи могут привести к добрачному сексу, а он разрушит традиционные семейные линии, отлаженные веками в пределах определенного социального круга, живущего по правилам, сложившимся еще в период кастовой стратификации. В понимании индусов любовь строится на основе долгосрочной приверженности и преданности семье. Они считают, что любовь – это нечто, что можно создать, сконструировать между юношей и девушкой. Для этого лишь необходимо организовать надлежащие условия. Брак по выбору родителей в Индии является именно таким правильным, традиционным основанием.

Обзор показывает, что молодые люди, воспитанные в условно западной, христианской культурной традиции, расценивают любовь как не-

что роковое, таинственное, взрывное, имеющее элемент всепоглощающей безрассудной страсти, которая вдруг овладевает личностью, что в итоге может, но не обязательно приведет к браку. На условном Востоке сначала заключается брак – все остальное происходит потом. Особенно это характерно для культурной практики индусов, у которых любовь рассматривается как «умеренное чувство» между мужчиной и женщиной. Она возникает постепенно и формируется на основе общности семейных, групповых интересов только после законного оформления брака по выбору и договоренности родителей.

В изменчивом мире постмодерна есть позитивные и негативные тренды в брачно-семейной сфере у разных народов, в том числе живущих в России. Накоплено много правил и форм движения к созданию семьи, которые релятивны, взаимосвязаны друг с другом и влияют на образование новых брачно-семейных практик [10, с. 138-145]. Для России экзистенциально важно сохранить свои традиционные ценностные установки, не потерять связь с позитивным брачно-семейным опытом предшествующих поколений, где сострадание, забота о родителях, любовь к отечеству, крепкая семья и дети были и остаются высшими ценностями. При этом большинство молодых россиян чрезвычайно высоко ценит право человека самостоятельно, без вмешательства государства или извне, устраивать свою личную жизнь в рамках индивидуальной романтической любви мужчины и женщины, как ключевой основы брака.

В брачно-семейной сфере российского общества немало проблем, успешному решению которых поможет только хорошо продуманная на основе комплексных исследований и надежно обеспеченная эффективными механизмами исполнения Концепция государственной семейной политики, в развитие той, что принята на период до 2025 г. Необходим научный анализ мер, направленных на защиту и укрепление традиционных семейных ценностей россиян, увеличение доли бракосочетаний и снижение числа разводов. Чрезвычайно важно своевременное стимулирование такого уровня рождаемости, который необходим для расширенного воспроизводства населения, прежде всего на материальном уровне путем решения жилищного вопроса для молодых семей, увеличения и индексации сумм пособий, родовых сертификатов, материнского капитала. Повышение уровня жизни россиян в целом и молодых семей, в частности, – ключевое основание для снижения числа разводов и других форм социального неблагополучия. Необходимы и другие комплексные решения в контексте и с учетом реализации националь-

ных проектов: «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Жилье и городская среда», «Экология». Наряду с мониторинговыми исследованиями состояния и трендов брачно-семейных отношений по стране в целом внимание исследователей и практиков целесообразно сосредоточить на тех регионах, где падает естественный прирост населения, развивается депопуляция. Систематизация и использование полученных таким образом научных результатов позволит продвигаться не только в направлении укрепления институтов брака и семьи, но и сбережения, преумножения российского народа. Семейная проблематика в наши дни – поле востребованных государством эмпирических проектов социологов и других специалистов по фамилистике и демографии, к созданию которых автор и приглашает приступить молодых исследователей.

Литература

1. Статистика разводов и браков в России 2021-2022: таблицы по годам и регионам. – URL: <https://top-rf.ru/places/149-braki-razvody.html> (дата обращения: 14.03.2023).
2. Комлев Ю.Ю. Основы социологии семьи: учеб. пособие. – КЮИ МВД России, 2020. – 319 с.
3. Летурно Ш. Социология по данным этнографии / Перевод с фр. – СПб., 1896. – 360 с.
4. Гидденс Э. Социология. – М.: УРСС, 1999. – 703 с.
5. Социология молодежи / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 140 с.
6. Залкинд А.Б. Революция и молодежь. – М., 1924. – 140 с.
7. Henslin, James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach -5th ed. – Boston: Allyn and Bacon, 2004. – 443 p.
8. Stone L. The family, sex and marriage in England 1500-1800. – London, 1977. – 446 p.
9. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2(1). – С. 17–26.
10. Комлев Ю.Ю. Релятивизация норм брачного поведения, дисфункции семьи и семейная девиантность в мире постмодерна // Вестник экономики права и социологии. – 2021. – № 1. – С. 138-145.

**Девиантное поведение и нормообразование:
от протоморали к контекстуально выстроенному
сконструированному праву эпохи постмодерна
и интегративному изучению преступности¹**

В статье представлен ретроспективный анализ нормообразования и представлений о социальной норме, девиантном поведении, о праве и преступности как форме девиантности. В девиантологии многие понятия не устоялись, что определяет актуальность предложенных определений и подходов. Автор акцентировал внимание на дуализме и контекстуальности социальной нормы и девиантности. Цель обзора состоит в обосновании интегративного исследования различных проявлений девиантности и преступности на основе дополнительности объективистских и субъективистских интерпретаций социальной нормы. Предложенный исследовательский ракурс является новым. Он обладает практически ценным эвристическим потенциалом при изучении кибердевиантности и киберпреступности для совершенствования моделей социального контроля над ними в новом мире.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная норма, социальный конструкт, контекстуальность, кибердевиантность, киберпреступность, интегративный подход

**Deviant Behavior and Norm Formation: From
Protomorality to Contextually Built Constructed Law
of the Postmodern Era and Integrative Study of Crime**

The article presents a retrospective analysis of norm formation and ideas about social norms, deviant behavior, law and crime as a form of deviance. In deviantology, many concepts are not established, which determines the relevance of the proposed definitions and approaches. The author focused on the dualism and contextuality of social norms and deviance. The purpose of the review is to substantiate the integrative study of various manifestations of deviance and crime based on the complementarity of objectivist and subjectivist interpretations of social norms. The proposed research perspective is new. It has practically valuable heuristic potential

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 271-275.

in the study of cyberdeviance and cybercrime to improve models of social control over them in the new world.

Keywords: *deviant behavior, social norm, social construct, contextuality, cyberdeviance, cybercrime, integrative approach*

Девиантное поведение (deviant behavior) связано с нарушением социальных норм как правовых, так и неправовых (мораль, обычаи, традиции). Мейнстрим в трактовках девиантности XX в. принадлежит структурному функционализму (Дюркгейм, Парсонс, Мертон, Айкерс, Доттер). В его рамках девиантность трактуется как социальный феномен, состоящий в поведении, систематически нарушающем объективные априори сложившиеся социальные нормы. Например, Д. Доттер определяет девиантное поведение как «фундаментальный отказ повиноваться групповым правилам и нормам» [1, р. 3]. По Н. Смелзеру, девиантное поведение – это «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя» [2, с. 652].

В работах сторонников структурного функционализма встречаются и трактовки девиантности, которые используют в качестве социальной нормы экспектации (ожидания) соответствующего эталонного поведения или правила, образцы поведения. В частности, А. Коэн полагает, что девиантное поведение «идет в разрез с институционализированными ожиданиями, то есть ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» [3, с. 520–521]. В рамках теории фрустрации статуса он показывает, что в ходе социализации ее агенты должны учитывать экспектации других людей и вести себя в соответствии с ними.

Отклонения от социальных норм, в том числе преступность, не только объективны, по определению, но и функциональны, «нормальные», по Дюркгейму, в том смысле, что характерны человеческой природе в той же мере, что и конформное поведение: «не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности» [4, с. 39].

Неконтролируемый рост девиаций подобно мутациям в живом организме нарушает равновесие социальной системы, приводит к ее дезорганизации. Во все времена наряду с конформистами – людьми законопослушными рядом сосуществуют девианты: грабители и воры, убийцы и насильники, алкоголики и наркоманы, проститутки и лудоманы. Общество и государство, ученых и практиков более всего

в ряду проявлений девиантности интересуют различные формы криминального поведения, а также пути и меры противодействия им со стороны органов государства и других социальных институтов. Изучение преступности в девиантологическом контексте требует прояснить такое исходное понятие, как «социальная норма».

Определение социальной нормы для девиантологов – вопрос центральный, поскольку с его помощью определяется, как было показано выше, девиантное поведение. Ретроспективный анализ нормообразования позволяет проследить основные вехи в развитии научных представлений о социальной норме, оценить специфику интерпретаций и функциональную роль норм в регуляции общественных отношений.

Процесс нормообразования происходит длительно в течение тысячелетий и развивается от первых норм протоморали в доисторический период к контекстуальному праву эпохи постмодерна.

В обществе охотников и собирателей, когда зарождаются первые элементы общинной организации, первобытные люди могли выжить только в совместной охоте, защите соплеменников и территории. Продолжению рода, укрощению природной агрессивности и зоологических побуждений человека послужило появление первых социальных рестрикций и табу. Ограничения, несовместимые с инстинктом самосохранения, постепенно распространялись на всех членов первобытной общины. Первобытные люди, вопреки естественному отбору, поддерживали жизнь старых, слабых и больных. В природе забота о немощных особях, если бороться за жизнь они не способны, не только бессмысленна, но и вредна. Они – обуза здоровым и пища для хищников. В культуре первых человеческих общностей поддержка и сбережение стариков – настоятельная необходимость для накопления актуальных знаний и передачи новым поколениям социального опыта. Артефакты, найденные учеными-антропологами в погребениях Ле Шапелье, и иракской пещере Шапидар убедительно подтверждают этот вывод.

По мере социальной эволюции родоплеменной общины для всех первобытных людей устанавливаются первые древние табу, призванные укротить зоологические влечения. Согласно двум из них: «не убивай своих родных» и «не вступай в половую связь со своей матерью и ее детьми-сестрами». Возникновение первых социальных запретов показывает, что антропоиды постепенно стали людьми – существами не только биологическими, но и социальными. Социальные нормы-запреты оказались функциональными и объективно обеспечи-

ли первобытным общинам большую сплоченность, выживаемость, адаптивность и конкурентоспособность.

Из первых табу и ограничений, а также повторяющихся успешных взаимодействий соплеменников постепенно складывались правила-требования необходимого поведения членов племени. Эти первые правила вполне можно именовать протоморалью. Они были основаны на повседневном знании, на позитивном и негативном опыте. Протомораль позволила первобытным людям выжить и эволюционировать в суровых условиях дикой природы. Ключевые нормы протоморали определяли наиболее важные взаимоотношения участников родоплеменных сообществ. Они позволяли людям более успешно действовать сообща на охоте, при защите соплеменников, а затем в скотоводстве и земледелии, то есть во время коллективного труда. Базовые из них, как отмечает Т.В. Шипунова: «не убивай своих соплеменников», иначе ослабишь племя; «подчиняйся старшему», поскольку у него больше знаний и опыта; «не укради у равного себе» (равенство физической силы); «помоги соплеменнику, если ему угрожает смерть» [5, с. 78].

Нарушителей ключевых правил вождь и его приближенные, а то и все племя в целом подвергали безжалостному ostracism. В крайних случаях изгоев отлучали от племени, фактически обрекая на гибель. Нарушители норм протоморали, отвергнутые соплеменниками, и были первыми девиантами.

Процесс социализации, как известно, транслирует обыденные знания о нормах поведения от поколения к поколению. В результате протомораль постепенно со временем воспринимается в общине как объективный элемент социального порядка. Хабитуализация (опривычивание) протоморальных норм последовательно абстрагирует нормативную систему от трудовых и иных социальных отношений. С развитием языковой коммуникации и практики общения, рефлексизирующих способностей человека происходит дальнейшее осмысление и осознание норм-запретов, ограничений и требований, их вербализация. Получив оформление средствами языка, протоморальные нормы все больше восприниматься общинными людьми как чьи-то субъективные предписания (жреца, колдуна, вождя). Согласно верованиям, за отказ от их выполнения неизбежно последует небесная кара – «боги накажут».

По мере усложнения социальных отношений в ходе исторического процесса одобрение или табуирование определенных моделей по-

ведения посредством создания социальных норм постепенно вычлениется из синкретической практики человека и общества. Эта сфера превращается в относительно самостоятельную форму деятельности – социальное нормотворчество, в том числе правотворчество. С этого момента нормы права, как другие социальные нормы, приобретают статус объективных, всеобщих регуляторов социальных отношений, поскольку начинают действовать во всех сферах человеческого бытия.

Таким образом, в конечном счете, процесс хабитуализации норм поведения человека в общине порождает становление или институционализацию социального порядка. В потестарных племенных образованиях, общинах, союзах племен (вождествах) формируется древнее примирительное право. Архаичное древнее право складывается в ранних государствах.

С развитием культуры, науки от эпохи к эпохе меняется и понимание социальной нормы. В средневековье, например, христианское представление о норме соответствовало морали долга. Как правило, это нравственное поведение перед богом (нравственная жизнь – жизнь во спасение) или перед общиной, обществом, когда общественные интересы ставятся выше личных. Преступность и девиантность в то время трактуется как та или иная степень грехопадения.

В Новое время с расцветом естественнонаучного и социологического, позитивистского знания и развитием капитализма распространяется мораль свободных убеждений. Она опирается на индивидуализм, на такие установки индивида, когда личное превозносится больше, чем общественное.

Позитивист Э. Дюркгейм в конце XIX в. дает объективистскую интерпретация социальной нормы в понимании предписания морали, религии и права, которые выступают как формы коллективного сознания. Каждый индивид, по Дюркгейму, «находит» эти нормы уже «готовыми» и соотносит с ними свое реальное поведение [4]. Объективистское понимание юридической нормы рассматривается, соответственно, как требование, мера должного поведения. Соблюдение правовой нормы обеспечивается санкциями со стороны государства. Право как совокупность наиболее важных социальных норм (правил поведения), регулирующих наиболее значимые отношения между людьми, и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому. Кроме того, они постепенно эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если накапливаются изменения в культуре и условиях жизни людей [4].

Эпохе модерна соответствует право как форма обменных отношений. Формирование законов связано с санкционированием прежде всего обычаев. Другой путь выражается в развитии прецедентного права, третий состоит в оформлении властных велений правителя, государственных институтов. Появление текущего законодательства придает праву новые черты: формальную определенность (писанная форма), объективность (нормативный акт относится в принципе к неопределенному адресату), обеспеченность государственным принуждением [6, с. 298–299].

Девиантологи и правоведы, как это часто бывает в науке, и сегодня «ломают копья» по поводу того, что считать социальной и правовой нормой, что считать правом. Т.В. Шипунова обращает внимание на дискуссионный характер подходов к определению содержания социальной нормы, их классификации. Она справедливо указывает на связь определения социальной нормы с «типом господствующей морали» и пониманием времени [5, с. 73].

Обществоведы часто основным содержанием понятия «норма» считают «соответствие поведения людей социальным ожиданиям», «должное поведение», «требование определенного поведения», «отражение накопленного опыта», «правило поведения» и другие. Например, финский криминолог М. Лайне определяет социальную норму как «правило поведения, созданное общиной или обществом» [7, с. 12]. Я.И. Гилинский – основатель российской девиантологии – считает, что «социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций» [8, с. 31]. Правовые нормы – частный случай социальных норм, продукт их определенного генезиса. Наиболее распространенным является нормативистское представление о праве как о системе общих юридических норм (нормативно-правовых актов – законов, указов, постановлений), установленных государством и опирающихся на возможность организованного им принуждения к их исполнению.

Юридическому позитивизму характерны два элемента для определения понятия права: надлежащее или авторитетное установление права и его социальная действенность (эффективность). Сторонники непозитивистского подхода включают наряду с перечисленными выше элементами еще и моральную составляющую. Если установленная законом правовая норма не соответствует моральным пред-

ставлениям данной культуры, она остается недействительной. М. Лайне приводит пример на эту тему, описывая опыт христианских миссионеров на островах Тихого океана. Проповедники, выступая перед аборигенами, ужаснулись непринужденной наготы коренных жителей. Миссионеры потребовали, чтобы все женщины, посещающие проповеди, носили блузки. Они изумились еще больше, когда на следующий день все женщины не ослушались нового приказа, но вырезали дырки в блузках так, чтобы груди обязательно были видны всем [7, с. 12].

На исходе эпохи модерн во второй половине XX в. по мере ускорения социальных процессов ускользает стабильность социальных феноменов, растет неопределенность и непредсказуемость не только предстоящего будущего и настоящего. В этих новых временных условиях снова меняется представление о социальной и правовой норме и как следствие понимание девиантности. Эти сдвиги в социуме раннего постмодерна были концептуализированы в рамках набравшего в тот период конструктивистского подхода к пониманию социальных феноменов. Сторонники феноменологической социологии знания П. Бергер и Т. Лукман выполнили детальную разработку основных категорий конструктивизма в работе «Социальное конструирование реальности» [9]. В рамках субъективистской перспективы анализа, заложенной Бергером и Лукманом и поддержанной многими девиантологами и правоведами-конструктивистами на рубеже и начале XXI в., понимание социальных норм и норм права получает дальнейшее развитие. С точки зрения конструктивистов, доминирующим основанием в природе социальной нормы, определяющей поведение человека в группе или обществе, считается ее социокультурная и временная контекстуальность. В итоге все социальные нормы рассматриваются как релятивные, конвенциональные социальные конструкты, поскольку имеют социально-историческую обусловленность. Они – результат истории, типа социума и его культуры.

Феноменологический взгляд на правовые нормы как частный случай социальных норм, а также тот или иной тип правопонимания есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ должного поведения и права, который представляет собой синтез социальных практик и теоретических конструктов. Феноменологический подход открывает право как мир значений, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта. Благодаря феноменологической редукции, описывающей любой фрагмент бытия

как феномен или значение, подлежащее объяснению, право обретает свое единство. Оно не является в феноменологической перспективе хаосом правовых фактов и прошлых представлений о праве, а предстает в виде модели, все элементы структуры которой способствуют выражению значимости права в жизни общества [10, с. 17].

В этот период складываются поликонцептуальность и методологический плюрализм, нарастает соперничество научных школ, усиливается критика позитивистских подходов со стороны девиантологов феноменологической ориентации. Они все чаще обращаются к критическому переосмыслению классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности норм права. Это неслучайно, поскольку позитивистское правопонимание и соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях не вполне обеспечивают должный правопорядок в быстро меняющемся мире. В этот период особенно острой выглядит критика легального формализма и рационализма в позитивистском праве на основе положений постструктурализма и семиотики (Мэннинг, Генри, Милованович). Так, Д. Милованович раскрывает релятивизацию научного знания и доказывает, что дискурс в критических правовых исследованиях с его разнообразием в теоретических перспективах все еще остается полем «постоянных поисков теории» [11, р. 176–179].

Многие ведущие исследователи этой поры (Кристи, Матисен, Альбанезе, Гишинский, Честнов и другие) осознают социальную неэффективность традиционных средств социального контроля в рамках возмездной юстиции (*retributive justice*) и определяют ситуацию, например, в уголовной политике и практике как «кризис наказания» или полицейского контроля [12, с. 404–410]. Неэффективность, считает Я.И. Гишинский (более того, минусовая, отрицательная эффективность, наличие негативных последствий), наказания хорошо известна [13, с. 106].

Феноменологическая (субъективистская) и не позитивистская традиция в постклассических девиантологии и правоведении стимулирует развитие постмодернистских интерпретаций социальной и правовой нормы, а также девиантности во всех ее проявлениях. Так, И.Л. Честнов одним из первых в России рассматривает право как «контекстуально (исторически и социокультурно) обусловленное, многомерное, включающее нормы, действия и ментальные образы, постоянно изменяющееся человекоцентристское право» [6, с. 366]. В его авторской концептуализации важно то, что это диалогичное по своей сути

право, в котором бинарные оппозиции (должное и сущее, материальное и идеальное, объективное и субъективное и т.д.) взаимно дополняют и обуславливают друг друга.

Конструкционисты считают, что логика постсовременного нормообразования состоит в том, что социальные нормы конструируются в результате социальных интеракций, диалога – речевого дискурса на основе научного или обыденного знания. С их точки зрения, происходит конструирование/деконструирование социальных норм и тех или иных проявлений девиантности и прежде всего преступности в зависимости от степени их общественного или индивидуального вреда. Следовательно, законодатели в настоящее время совершенствуют правовые кодексы контекстуально на основе соглашений путем конструирования или деконструирования правовых норм и соответствующих санкций.

Таким образом, в рамках феноменологии и конструктивизма социальная норма контекстуальна и поэтому рассматривается как релятивная, конвенциональная социальная конструкция. Соответственно, и девиантное поведение – релятивный социальный конструкт. В работах Г. Гесса и С. Шерера показано на примере преступности как формы девиантного поведения, что она не только объективное онтологическое явление, но и мыслительная конструкция, имеющая исторический, изменчивый характер [12, с. 37]. Преступность – искусственный социальный конструкт, результат принятия политических или правовых решений, продукт дискурса в ходе тематизации той или иной острой криминальной проблемы во властных структурах, в СМИ и обществе в целом.

На фоне дальнейшего ускорения социальных изменений, вызванных компьютерной революцией и технологическими инновациями XXI в., глобализацией, цифровизацией всех сфер социальной жизни, сетевизацией социальных коммуникаций и сферы обслуживания стремительно трансформируются девиантность и преступность. Наблюдается, наряду с разрастанием преступности «белых воротничков и элиты», стремительная диффузия криминальной активности в Интернет-пространство, где «не работает» в полной мере классический принцип неотвратимости наказания. Киберпреступность ежегодно прирастает на 20 и более процентов. Новые вызовы требуют создания новой «сумасшедшей», по выражению Я.И. Гилинского, теории.

Рассмотренные выше генезис и дуализм в совместном понимании нормы и девиации с объективистских и субъективистских позиций

открывают новые эвристические возможности интегративного изучения новых проявлений кибердевиантности и высокотехнологичной преступности первой четверти XXI в. Интегративный подход уже широко используется в цифровой девиантологии и криминологии [10, с. 134–154]. Он позволяет на основе девиантологических исследований совершенствовать систему социального контроля над проявлениями цифровой девиантности и преступности. К освоению и использованию этой парадигмы автор приглашает молодых исследователей, проявляющих интерес к девиантологии и смежным областям научного знания (права, IT-технологий, семиотики). Более подробно предпосылки, основные девиантологические постулаты и подходы к теоретической интеграции, а также различные модели междисциплинарного синтеза, в том числе и пост-постмодернистского, использование методологической триангуляции изложены в работе «Интегративная криминология: Девиантологический очерк» (2019) [10].

Литература

1. Dotter D. Creating Deviance: An International Approach. – AltaMira Press, 2004. – 360 p.
2. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
3. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. – М.: Прогресс, 1965. – 550 с.
4. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с англ. – М.: Прогресс, 1966. – С. 39–44
5. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 245 с.
6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
7. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. – Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. – 173 с.
8. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. – 528 с.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 334 с.

10. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учеб. пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2019. – 223 с.
11. Barak G. Integrating criminologies // *Crime, Law and Social Change*. – 1998. Vol. 29. – P. 85–94.
12. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридинеский центр Пресс», 2009. – 501 с.
13. Гишинский Я.И. Очерки по криминологии. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. – 573 с.

**Интеграция юридических,
девиантологических и технологических знаний как
основа подготовки правоведов
в рамках междисциплинарной магистерской
программы «Уголовное право и девиантология»¹**

***Аннотация:** в статье рассматривается синтез юридических, девиантологических и технологических знаний в рамках магистерской программы «Уголовное право и девиантология». Обсуждаются предпосылки для подготовки юристов практиков междисциплинарного профиля, востребованных в органах внутренних дел и других правоохранительных органах.*

***Ключевые слова:** интеграция юридических, девиантологических и технологических знаний, киберпреступность, кибердевиантность, междисциплинарная магистерская программа «Уголовное право и девиантология», цифровые образовательные технологии, цифровая девиантология.*

**Integration of Legal, Deviantological and Technological
Knowledge as the Basis of Training Lawyers Within the
Framework of the Interdisciplinary Master's Program
«Criminal Law and Deviantology»**

***Abstract:** the article discusses the synthesis of legal, deviantological and technological knowledge within the framework of the master's program "Criminal Law and Deviantology". The prerequisites for training interdisciplinary legal practitioners in demand in internal affairs agencies and other law enforcement organizations are discussed.*

***Keywords:** integration of legal, deviantological and technological knowledge, cybercrime, cyberdeviance, interdisciplinary master's program «Criminal Law and Deviantology», digital educational technologies, digital deviantology.*

¹ Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2024. Том 9. № 1 (17). С. 22-28.

В начале XXI века происходит интенсивное распространение и внедрение в учебные программы подготовки правоведов знаний, полученных на междисциплинарных стыках правовых, поведенческих (психология, социология, девиантология), экономических и иных дисциплин.

Концептуализация объединения юридических и девиантологических знаний в рамках магистерской программы «Право и девиантология» по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, нацеленной на подготовку юристов-практиков для правоохранительных органов, представлена в работах автора на научных конференциях в КЮИ МВД России и Университете управления ТИСБИ [1, 2].

За последние годы мир заметно изменился. Новые цифровые технологии, процессы цифровизации и сетевизации преобразовали практически все стороны жизни и деятельности современного человека. Повседневной практикой в образовательной деятельности стали цифровые образовательные технологии, удаленный доступ. Подготовка кадров для органов внутренних дел все больше учитывает социальные и технологические перемены в «цифровом мире», продуцирующие как новые конструктивные возможности (ИИ, облачные технологии, большие данные и др.), так и новые риски, прежде всего криминальные, в форме киберпреступности и других проявлений кибердевиантности.

Закономерно, что IT-технологии находят применение в междисциплинарных образовательных программах магистратуры. Примером «цифровой актуализации», фиксирующим синтез правовых, девиантологических и технологических знаний, может служить авторская магистерская программа «Уголовное право и девиантология» в рамках направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция. Она является итогом 8-летнего развития и модификации магистерской программы «Право и девиантология» в Университете управления «ТИСБИ». Учебные дисциплины («Интеллектуальные права в сети Интернет», «Цифровые технологии в уголовном процессе», «Профилактика НТЕС-преступности и девиантности в киберпространстве») в обновленной программе обеспечивают цифровые профессиональные компетенции и, наряду с другими предметами, опираются на цифровые образовательные технологии.

Магистерская программа «Уголовное право и девиантология» — первый в России практико-ориентированный проект по интеграции юридического и девиантологического знания, цифровых технологий, прошедший публичную защиту на конкурсе магистерских программ с

цифровой актуализацией в АНО ВО «Университет Иннополис» в 2022 году. Программа полнее учитывает новые потребности при решении профессиональных задач в сферах: деятельности органов публичной власти, судов и органов прокуратуры; органов внутренних дел, Следственном комитете, при консультировании и представительстве в уголовных делах, в том числе по противодействию высокотехнологичной преступности.

Полученный опыт девиантологических исследований и образовательной деятельности в магистратуре позволяет приблизиться к ответу на вопрос «Чем продиктована актуальность и востребованность на практике междисциплинарных магистерских программ?».

В быстро меняющемся мире усиливается ряд фундаментальных факторов, имеющих значение для междисциплинарной подготовки юристов-практиков.

Цифровая девиантизация социума постмодерна. В рыночном обществе – там, где деньги ценятся превыше всего, – формируется «плодородная» почва для релятивизации социальных норм, роста девиантности и преступности. Артикуляция и пропаганда личного обогащения, выгоды становятся принципом организации практически всех областей социальной жизни. Отсюда неизбежны: усиление социально-экономического неравенства; нуклеаризация и дисфункции семьи, размывание традиционных ценностей и депопуляция, рост отчуждения между молодежью и старшим поколением; снижение доступности высшего образования; рост безработицы и обострение конкуренции на рынке труда, миграция; усиление борьбы за обладание дефицитными ресурсами, в том числе незаконными средствами.

«Терминальный кризис» однополярного (глобального) капиталистического мира привел не только к усилению социального, но и «цифрового» расслоения. Наступило осознание кризиса и начался переход к деглобализации, многополярному мироустройству. В кризисном обществе на ценностных разломах происходит нарастание конфликтов, «новой» девиантности, вызванных усилением борьбы с «крайним» западным либерализмом глобалистов за сохранение традиционных ценностей, национальных государств. В этот процесс активно вовлекаются и новые технологические инструменты.

Примечательно, что в «цифровом мире» стратификация базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на доступе к новым технологиям. Управление и манипуляция людьми приобретают все более скрытый и доминирующий характер.

По данным статистики, получают массовое распространение высокотехнологичная преступность и кибердевиантность. В научных работах криминологов все чаще анализируются новые формы преступности в сфере высоких технологий (high-tech crime) и киберпреступность (computer crime) [3, Р. 377-494]. Преступность функциональна, по Э. Дюркгейму, и быстро адаптируется к новым социальным и технологическим условиям, меняет формы, сохраняя содержание, что можно охарактеризовать метафорой «старое вино, но в новых бутылках». На фоне фиксируемого во многих странах, в том числе России, сокращения традиционной криминальной активности происходит как регистрируемый, так и латентный рост высокотехнологичной, цифровой преступности. Так, правоохранительные органы России ежегодно регистрируют прирост киберпреступлений на 20%. Наряду с «цифровизацией», продолжается выявленные Ф. Шмаллегером на рубеже ХХI века гентрификация (перемещение и рассеивание) преступности и ее геттоизация (концентрация и интенсификация) [3, 4].

Проблемы формального социального контроля. Растет число критических работ, раскрывающих иллюзии относительно эффективности формального социального контроля в противодействии преступности и девиантности, «поселившейся» в трансформирующемся «цифровом мире». Несмотря на немалые, постоянно растущие бюджетные расходы на содержание юстиции и правоохранительных органов, традиционная неоконсервативная модель социального контроля по типу «закон и порядок» не обеспечивает в полной мере конституционные гарантии личности и социальную эффективность даже в экономически развитых странах.

Позитивистски выстроенные как репрессивные, так и социально ориентированные модели формального социального контроля систематически дают сбои, что свидетельствует о развитии «кризиса наказания и полицейского контроля» [5].

Смена парадигмы в научной рефлексии проблем девиантности и социального контроля в новых социально-технологических условиях. Девиантная реальность и проблемы социального контроля, поиск ответов на вопрос «Что делать?» питают критический дискурс в девиантологии и социологически ориентированной юриспруденции. Справедливо считает профессор Я.И. Гилинский, что в мире сложилась проблемная ситуация, состоящая в неадекватности социальных реалий (девиантности общества), реакции социального контроля на них и научного осмысления этих феноменов [5]. Один из подходов на пути совершенствования

социального контроля над преступностью и девиантностью опирается на интегративную парадигму. Актуальным примером может служить постмодернистская интегративная теоретическая перспектива анализа преступности и девиантности, которая активно разрабатывается с конца 90-х годов прошлого века по настоящее время [6].

От науки к юридическому образованию в цифровом мире. Развитие мировой науки и образования наиболее интенсивно происходит на междисциплинарных стыках. Междисциплинарность и пастиш – черты социальной, в том числе правовой, науки постмодерна. В новом «цифровом мире» все больше свидетельств интенсивной релятивизации границ научных областей и дисциплин, взаимного дополнения и проникновения в понятийный аппарат отраслевых наук новых знаний и современной методологии исследования. Поэтому в новых социально-технологических условиях логично продолжить развернутый несколько лет назад поиск интегративных объяснительных моделей девиантности и преступности в межпредметном поле юриспруденции и девиантологии с привлечением IT-технологий, обработки и анализа больших данных, а также достижений других неюридических наук. В интегративных рамках полнее учитываются не только правовые и процессуальные, но и поведенческие (девиантологические), технологические, а также другие контекстуальные (исторические, политические, культуральные) факторы детерминации «старой» и «новой» преступности и девиантности. Междисциплинарные исследования продуцируют институционализацию новых областей обществоведческого знания, не только позитивистской, но и непозитивистской методологии анализа девиантности и преступности. Так, наряду с культуральной, анархической криминологией, реальностью последних лет стали цифровая криминология и цифровая девиантология [7, с.17–26]. Закономерно, что результаты междисциплинарных научных проектов находят отражение в учебном процессе по программам магистратуры.

Междисциплинарность в подготовке правоведов. Контент-анализ аннотаций магистерских программ, представленных в свободном доступе в Интернете по направлению 40.04.01 Юриспруденция, показал, что в ведущих вузах страны развивается процесс создания междисциплинарных магистерских программ. Наиболее выпукло междисциплинарный характер прослеживается в следующих программах: «Корпоративное право» (МГУ); «Предпринимательское право» (СПбГУ); «Правовое обеспечение управления персоналом», «Право и финансы»

(ВШЭ); «Правовое сопровождение бизнеса» (МГЮА); «Банковское право» (БГУ); «Правовое сопровождение и охрана предпринимательства» (НГУ); «Защита прав человека и бизнеса» (ТГУ). Цифровые дисциплины широко представлены в междисциплинарных магистерских программах Томского государственного университета («Digital Humanities») [8, с.78–91].

Междисциплинарность в подготовке правоведов по программам магистратуры отвечает запросам практики. Работодателю нередко требуется, чтобы выпускник магистратуры разбирался не только в юриспруденции, но и финансах, имел добротные знания, умения и навыки в области поведенческих дисциплин и IT-технологий, актуальных для решения задач цифрового общества. Ключевые слова в изученных аннотациях отражают инновационный, практически ориентированный характер междисциплинарных магистерских программ.

Образовательная ситуация в сфере юриспруденции, сложившаяся в настоящее время с учетом перечисленных выше факторов, требует внесения определенных изменений в систему подготовки кадров для правоохранительных органов.

Представленная выше междисциплинарная магистерская программа «Уголовное право и девиантология» позволяет гибко учитывать изменения в социуме и запросы практики на основе синтеза и дополнения знаний об уголовном праве и уголовном процессе, природе преступности и девиантности, социального контроля над ними, IT-технологий, позитивистской и непозитивистской методологии социологического анализа «девиантной реальности». Кроме предзаданных универсальных и общепрофессиональных компетенций, программа содержит набор востребованных на рынке труда 10 профессиональных компетенций (ПК), 2 из которых – цифровые. Это новшество необходимо для решения двух типов профессиональных задач: в области правоприменения и научных исследований в «цифровом мире». Опыт реализации междисциплинарной программы «Уголовное право и девиантология» и ее предыдущей версии «Право и девиантология» показывает положительные результаты. Подготовленные кадры для органов внутренних дел, других правоохранительных организаций, юстиции способны, по отзывам работодателей, лучше использовать потенциал правоведения, девиантологии и цифровых дисциплин в реализации правоприменения и социального контроля для пресечения, профилактики и коррекции преступного поведения, а также иных форм негативной девиантности в «цифровом мире».

Таким образом, междисциплинарные интенции получают все большее распространение при создании и использовании магистерских программ в высшей школе, ведомственных вузах МВД России по специальности 40.04.01 Юриспруденция.

В Казанском юридическом институте с 2023-2024 учебного года запущена многозадачная магистерская программа по этой специальности с профилем «Уголовно-правовое обеспечение безопасности личности, общества и государства», рассчитанная на два с половиной года заочной формы обучения на базе высшего образования. В учебном плане этой программы представлены как уголовно-правовые, так и поведенческие, специальные и технологические дисциплины. Так, среди них в обязательной части есть курсы «Актуальные проблемы девиантологии» (3 з.е.) и «Актуальные вопросы применения информационных технологий». (3 з.е.).

Анализ содержания основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) свидетельствует, что она нацелена на решение практически всех типовых задач (нормотворческая, правоприменительная, экспертно-аналитическая, консультационная, организационно-управленческая, педагогическая, научно-исследовательская). Однако на первых порах многозадачный подход возможен, но он «закрывается» лишь небольшим числом профессиональных компетенций (10) для указанных задач. По таким ключевым для органов внутренних дел задачам, как правоприменительная, экспертно-аналитическая, консультационная, предусмотрено на каждую по одной ПК, что явно недостаточно. Отсюда лучше в перспективе создать 2-3 междисциплинарные магистерские программы различной профилизации по специальности 40.04.01 – юриспруденция, рассчитанные под две, максимум три типовые задачи. Программы различного профиля будут более «тонко» и качественно учитывать специфику работы отраслевых служб МВД в быстро меняющихся условиях.

Двухзадачный подход в междисциплинарной магистерской программе «Уголовное право и девиантология» оправдал себя. Опыт дает основание утверждать, что небольшое число типовых задач в междисциплинарной программе значительно лучше обеспечивается большим набором профессиональных компетенций. В этом случае образовательная организация, поддерживая тесную связь с работодателем, своевременно и более полно учитывает меняющиеся требования на рынке труда и лучше формирует у магистрантов необходимые на практике знания, умения и навыки.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Междисциплинарная магистерская программа как синтез юридических и девиантологических знаний.// «Современные аспекты обеспечения правоохранительной деятельности в России». Четвертые юридические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России. 2016. С. 10 – 15.
2. Комлев Ю.Ю. Интеграция юридических и девиантологических знаний как основа подготовки правоведов. // «Наука и образование: проблемы и перспективы». Материалы Ежегодной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Университета управления «ТИСБИ». Под ред. Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. 2017. С. 141 – 147.
3. Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey.1999. 624 p.
4. Комлев Ю.Ю. Преступность: тренды и вызовы на пороге новой технологической революции // Вестник ВЭГУ. 2017. № 3. С. 6-14.
5. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. 634 с.
6. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: ДГСК МВД России, 2019. 232 с.
7. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. 2022. Том 2. № 1. С. 17 – 26.
8. Можаяева Г.В., Хаминова А.А. Междисциплинарная магистратура Digital Humanities: итоги первого года реализации управленческого и образовательного эксперимента // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 78 – 91.

Кейс-стади как метод качественного исследования в девиантологии, теория нейтрализации и делинквентность постмиллениалов в «цифровом мире»¹

В мировом и отечественном обществознании, в девиантологии, в частности, на рубеже XXI века произошел переход к «гуманизации» эмпирических исследований явлений «старой» и «новой» девиантности. Он выразился в некоторой переориентации познания социальных и поведенческих проблем с исключительно рационально-позитивистских оснований к изучению и пониманию преступлений и других девиаций в повседневной жизни современных людей в рамках феноменологии и конструктивизма [2, с. 8-13]. Основательное изучение субъективных аспектов девиантного поведения, преступлений и других криминальных конфликтов не может обойтись без качественной методологии исследования, сформировавшейся и развивающейся в социальной науке.

Качественные методы (неформализованные и неструктурированные интервью, биографический метод, изучение нарративов, писем, кейсов из жизненного опыта, судебных и личных документов девиантов-переселенцев) использовались еще социологами и криминологами Первой Чикагской школы. В первой половине XX века Парк, Знанецкий, Берджес, Шоу, Маккей, Яблонский, Зорбоу, Андерсон, Вирт, Трешер и многие другие исследователи при изучении миграции, конфликтов, преступности и других форм девиаций, социального контроля в американском обществе сумели преодолеть описательность и моно-статистическую ориентацию своих европейских коллег в методологии социального изучения и анализа социальных проблем.

Роберт Парк в 1916 году первым из социологов применил метод исследования ситуаций (кейс-метод) в научном исследовании города как «живой» социальной среды. Многие эмпирические исследования в Чикаго того времени имели явную антропоцентристскую ориентацию и были сфокусированы на отдельных судьбах «проблемных людей», их социальном опыте, например, в работах Н. Андерсона «Бродяга»,

¹ Ювенальная девиантология: актуальные тренды развития, интеграции и перспективы. Монография. / Науч. ред. Ю.А. Клейберг. – Тверь: Изд-во Академии Национального образования и науки, 2024. С. 104-119.

К. Шоу «Джек Роллер», историях развития шаяк и криминальных групп в книге Ф. Трешера «Банда» и работе Л. Вирта «Гетто».

Ключевым методологическим отличием метода кейс-стади в Чикаго той поры стала опора на качественную стратегию сбора и анализа эмпирического материала. Представители Чикагской школы определяли кейс-метод как «неколичественные исследования, делающие акцент на истории и контексте происходящих событий, избегающие обобщений и исходно ориентированные на понимание социальной жизни через представления действующих лиц» [1, с. 55].

Вторая Чикагская школа (Блумер, Шилз, Бейкер, Гофман и другие) с развитием символического интеракционизма, а затем и конструктивизма существенно приблизилась с помощью качественных исследований к пониманию смыслов социальных коммуникаций, которые человек вкладывает в свои суждения и поступки, в том числе девиантные.

Активное применение качественной методологии в социологии и девиантологии как ее части начинается в конце 1960-х, в 1970-е годы XX века и продолжается по настоящее время в связи с развитием феноменологической традиции в социальной науке. До конца XX века центральными проблемами эмпирического изучения были социальная организация и дезорганизация, социальный контроль и самоконтроль, символическая интеракция, девиантное и преступное поведение, социальные конфликты. Сторонники «понимающей» социологии и бихевиористско-психологической парадигмы в социологии и девиантологии наибольший интерес проявляли к изучению природы и причинности социального действия на основе применения качественных методов исследования.

Как известно, основы феноменологического подхода заложены в философско-социологических работах Э. Гуссерля и А. Шюца, которые разработали концепции жизненного мира, человеческой intersubjectivity. По соображениям Э. Гуссерля, гармонию взаимодействия индивидов, их включенность в социум можно понять через концепт intersubjectivity как общности личного опыта взаимодействующих субъектов и общезначимости его результатов для каждого из них. В своем понимании оснований социального взаимодействия и механизмов, обеспечивающих включение каждого индивида в социум, А.Шюц обращался к анализу обыденного мышления. Он черпал информацию из личного опыта, жизненного мира или мира повседневности людей, их индивидуальных перспектив в нем, порожденных различным виде-

нием одних и тех же событий, и объектов, а также уникальностью биографических ситуаций, в том числе криминальных.

Все люди – конформисты и девианты – субъективно конструируют социальную реальность вокруг себя, привнося в этот процесс свои смыслы и мотивы поступков. Если жизненные ситуации повторяются, то и модели поведения применяются, если они оказались успешными в прошлом опыте. Эти метаположения особенно актуальны при исследовании девиантологами криминального поведения подростков и молодежи.

Детальную разработку основных категорий в феноменологической перспективе анализа выполнили П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» (1966). Оказалось, что гуманистически ориентированная качественная методология, основанная на принципе понимания, позволяет исследователям наилучшим образом проникнуть в мир уникальных ситуаций человеческой жизни, постичь прошлый и настоящий опыт индивида посредством изучения судеб (историй), конкретных кейсов (случаев из жизни). Примечательно, что феноменологический взгляд на социальную, в частности, девиантную реальность позволяет рассматривать ее во всех проявлениях как социальную конструкцию, поскольку люди интерпретируют события, с которыми сталкиваются в свете своего предыдущего опыта и знаний. Так, например, анализируя право, как систему норм, феноменолог представляет себе его как сложившийся в пространстве жизненного мира образ, который представляет собой синтез теоретических конструктов и социальных практик, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта.

Качественная методология позволяет достаточно эффективно исследовать единичные случаи, девиантные и криминальные поступки и более того судьбы и жизненные истории каждого систематически отступающего от социальных норм индивида. Она эффективна при изучении новых или уникальных социальных/девиантных явлений, не имеющих еще массового распространения. Именно с такими феноменами сталкиваются исследователи и практики в XXI веке – в мире постмодерна, для которого характерно возрастание скорости социальных изменений и появление новых, технологически обусловленных форм девиантности, буллинг, таких как: кибермошенничество, компьютерный киберэскапизм, кибергэмблинг и другие.

Качественные методы опираются на индуктивную логику анализа (от фактов о жизни – к теоретическим концепциям). Арсенал современно-

го девиантолога-исследователя в результате развития гуманистической традиции в науке об обществе и человеке конца XX – начала XXI века включает в себя набор дополняющих друг друга качественных методов и методик исследования социального действия. Это и неформализованные глубинные, а также сфокусированные интервью, нарративный анализ, этнографические исследования, биографический метод (лайф-стори) и, конечно же, кейс-стади.

В ряду качественных методов девиантологии обращает на себя внимание эвристический потенциал кейс-стади¹. С методологической точки зрения исследовательский кейс используется для изучения определенного феномена девиантности или процесса – девиантной карьеры. Он представляет собой дескриптивный (описательный) анализ реальной жизненной ситуации, ее пространственно-временной динамики, которая отражает определенную теоретическую концепцию.

Исследовательский кейс разрабатывается либо для подтверждения новой гипотезы, либо для того, чтобы предложить альтернативную концепцию существующей гипотезе. Иногда несколько исследовательских кейсов могут быть агрегированы для определения моделей девиантного поведения, которые помогают понять их природу и причинный комплекс, пути профилактики. Метод кейсов в девиантологии сегодня все чаще используется для глубинного, детального исследования своеобразия поведения юных девиантов как искомого социального объекта в совокупности его наиболее существенных взаимосвязей. Например, это происходит в отношении отдельной замкнутой личности или группы, труднодоступной для изучения другими методами. Это могут быть убийцы и лица склонные к суициду, маньяки и скулшутеры, искейперы и лудоманы, кибермошенники и кибербуллеры и многие другие девианты-постмиллениалы.

В центре внимания девиантологов, применяющих метод кейс-стади, может быть сконцентрированное, хронологически детальное описание развития одного или нескольких экстремальных событий в жизни отдельного изгоя-подростка или закрытого сообщества малолеток «убегающих от действительности» в мир иллюзий и выдуманной повседневности, а также их пагубные последствия. Исследователь максимально погружается в среду изучения – в объект – и описывает случай обычно в нарастающей последовательности основных его событий,

¹ Метод case-study (от английского case – случай, ситуация) – метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач – ситуаций (решение кейсов).

концентрируясь на их наиболее важных деталях. При использовании нескольких случаев они описываются хронологически последовательно. Первоначально анализируется ситуация каждого случая, а потом уже производится перекрестный анализ кейсов. Для изучения девиантных проявлений в жизненных ситуациях может потребоваться информация, полученная с помощью дополнительных методов исследования. Среди них: включенное наблюдение, фотофиксация, сфокусированное или экспертное неформализованное интервью, контент-анализ текстов или видеодокументов, архивных материалов по уголовным делам, личных писем и записок, сообщений из программ популярных мессенджеров. В последнее время содержательный анализ распространяется на тексты и видеоматериалы, взятые из сети Интернет.

Метод качественного исследования кейс-стади, таким образом, дает возможность рассмотреть и описать, как правило, один или несколько случаев в единстве взаимосвязей и динамике развития особенно редких, уникальных девиантных феноменов. Он позволяет выполнить анализ норм и ценностей, мотивов девиаций, криминальных или других нелегальных связей, преодоление которых на основе эмпирического знания открывает путь к коррекции девиантного поведения и даже его исправления. Конкретизируя схему качественного исследования с применением кейс-стади можно сказать, что она состоит в определении проблемы, контекста ситуации; вопросов, подлежащих изучению; формулировке выводов по принципу «какие выводы можно извлечь из данного случая». Такие результаты имеют, как правило, научно-практическую направленность. Кейс-стади как качественный метод в девиантологии – источник новых идей, интересных открытий, ценных практических решений и рекомендаций в случае его применения при изучении девиантов и девиаций, имеющих место в нашем изменчивом и турбулентном постмодернистском мире, перед которым особенно уязвимы подростки.

Девиантность в юном возрасте может быть результатом различного давления, оказываемого на подростков как со стороны нормативной системы общества, недостаточно требующей соблюдения конформизма и законопослушания, так и субкультурных норм и ценностей уличной или киберсреды, ориентирующейся на практики девиантного действия. В недавнем прошлом и настоящем появились новые факторы и условия, детерминирующие вовлеченность молодых людей постмиллениалов в цифровой мир, где наряду с конформным поведением имеют место практики быстро растущей негативной кибердевиантности и

киберпреступности [3, с. 77-81]. Многие несовершеннолетние участники интернет-коммуникаций не осведомлены или дезориентированы в системе социальных ограничений и норм в цифровой сфере. Они принимают для себя непродуманные решения и прибегают к безответственным девиантным практикам, занимаются репостингом, распространяя дезинформацию, фейки, совершают кибератаки, вовлечены в кибербуллинг и кибермошенничество. При этом кибердевианты не считают себя правонарушителями, надеясь «скрыться» в якобы анонимной киберсреде. При задержании за правонарушения подростки и несовершеннолетняя молодежь, как правило, рационализируют свое поведение, прибегая к техникам самооправдания в отношении конвенциональных социальных и правовых норм, стремятся избежать привлечения к ответственности.

Сочетание качественной методологии, прежде всего, метода кейс-стади и социокультурного подхода в девиантологии обладает высоким эвристическим потенциалом. Как известно, социокультурный подход послужил основой для разработки Г. Сайксом и Д. Матзой теории нейтрализации/дрейфа к объяснению и предотвращению подростковой девиантности в целом в условиях конвенциональности большинства социальных норм. Разумеется, потенциал этой теории хорошо раскрывается и при изучении различных проявлений кибердевиантности в новых социально-технологических быстро меняющихся условиях пост-модерна, когда нормативный релятивизм только усиливается.

Качественная методология в сочетании с теорией нейтрализации позволяет глубже количественных приемов осмыслить уникальность основных киберфеноменов и киберкарьер подростков, факторы их детерминации; выполнить анализ как моделей, так и порочных смыслов и «деталей» девиантного и защитного поведения задерживаемых полицейскими несовершеннолетних; обоснованно предложить эффективные практики цифровой социализации в юном возрасте.

Преступность – наиболее опасная форма девиантности и статистика органов внутренних дел из открытых источников показывает, что в последнее время, особенно после 2005 года стабильно и существенно снижается доля регистрируемых полицией преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Причины – разные. Не умаляю значение, но не уверен, что в главном это результат работы правоохранителей, в силу нарастающих кадровых проблем в этой системе и, прежде всего, текущей кадры. Скорее всего, снижение регистрируемой криминальной активности как общей, так и подростковой после миллениума связано с

уменьшением алкоголизации населения страны в целом и несовершеннолетних, в частности, поскольку объективно фиксируемое Росстатом снижение продаж и душевого потребления алкоголя – стабильные и отрицательные тренды. Как известно, до 40% убийств, избиений и других преступлений подростки совершают в состоянии алкогольного опьянения. В целом, что показывает опыт, эффективны запреты и рестрикции по возрасту, времени и местам продажи спиртного. Кроме того, ситуация в экономике, рост доходов и занятости, в целом уровня жизни населения, поддержка и укрепление функциональности института семьи – все это факторы, позитивно влияющие на динамику подростковой преступности. Об этом автору приходилось достаточно подробно высказываться на научных мероприятиях в ведомственной образовательной системе (МВД РФ).

Вместе с тем, в ряду новых, но неоднозначных факторов-детерминант следует выделить цифровизацию и сетевизацию социума как продукты четвертой технологической революции [4, с. 17-26]. Эти фундаментальные измерения общества постмодерна создали базовые предпосылки для быстрого и активного вовлечения взрослых и детей в цифровой мир гаджетов, сетевых услуг, компьютерных игр и коммуникаций. Переход к широкому применению в мире повседневности цифровых технологий изменил качество жизни современного человека, повысил скорость социальных коммуникаций, поведенческих практик и социальных изменений в целом. Он многократно увеличил возможности для поиска и использования информации, осуществления online-общения и услуг, ведения бизнеса, online-обучения, online-развлечений и других конструктивных форм человеческой деятельности в цифровом мире.

Скорее всего, цифровые технологии существенно снизили «уличную преступность» как взрослых, так и подростков благодаря массовой вовлеченности подростков и молодежи в киберпространство и, следовательно, новой досуговой киберзанятости. Кроме того, цифровизация социального контроля за счет установки камер видеофиксации на дорогах, дворовых территориях, в торговых заведениях, местах проведения отдыха и развлечений позволяет определенно ограничить обычно ненаблюдаемое времяпровождение подростков и повысить меру неотвратимости наказания за правонарушения в общественных пространствах.

Однако, наряду с этими позитивными сдвигами, произошел официально фиксируемый всплеск киберпреступности, регистрируемые показатели которой показывают ежегодный прирост по стране на уровне

не 20%. Образно говоря, киберпреступность можно охарактеризовать метафорой «старое вино в новых бутылках» – суть ее не изменилась, но трансформировалась форма. Наряду со «старыми» преступлениями все чаще совершаются и «новые» деликты в киберсреде.

Рискну предположить, что в целом криминальная и шире девиантная активность как взрослых, так и подростков в «цифровом мире» постмодерна с его турбулентностью и неопределенностью, скорее всего, становится более латентной, не снижается, а трансформируется и растет. С учетом конструирования/деконструирования высокотехнологичных, а также многих других «новых» и «старых» преступлений с высокой латентностью этот тренд не фиксируется правоохранительной системой, поскольку она всегда запаздывает в отношении криминальных инноваций. В полной мере такие соображения относятся к киберпреступности постмиллениалов, которая в условиях четвертого технологического уклада все еще остается «*Terra incognita*» и позволяет подросткам с низкой социальной ответственностью поведения в цифровой среде избегать неотвратимости наказания. Во многом это результат естественного запаздывания не только формального (правового), но и неформального родительского, прежде всего, контроля над кибервовлеченностью и киберзанятостью подростков-постмиллениалов.

Нормативная система общества XXI века не отличается жесткостью: она не состоит из свода правил, которые обязательно связывают индивида при всех условиях его поступков, особенно в «цифровом мире». Социальные нормы ответственного цифрового поведения либо не устоялись, либо размыты, либо не интериоризированы в силу слабо развитой цифровой социализации новых поколений. На необязательность их соблюдения быстрее всего реагируют подростки. Они в силу возраста, как правило, обладают «сквозной моралью», совершая как конформные, так и делинквентные поступки, ситуативно «дрейфуют» между нормативными и ненормативными моделями поведения. В анонимном для неспециалистов виртуальном мире интернет-ресурсов, социальных сетей, интернет-серфинга подростки испытывают на себе особенно сильное давление нонконформизма. Цифровая делинквентность и девиантность в других формах воспринимается юными пользователями, нередко, как шалость, баловство, интрига или гедонизм. Это стало определенным проявлением цифровой девиантной субкультуры в ювенальной среде.

В случае угрозы социального осуждения или того больше обвинения и привлечения к административной или иной ответственности несо-

вершеннолетние, как правило, прибегают к самооправданию и активно используют, исходя из ситуации, конвенциональности и условности социальных норм, защитные механизмы нейтрализации описанные в теории нейтрализации Г. Сайксом и Д. Матзой [5, с. 119-121]. Как известно, эта теория, разработанная в рамках социокультурного, точнее субкультурного подхода, хорошо объясняет поведение подростков-правонарушителей при их задержании и в ходе последующего дознания. Теория показывает, что индивид, может нейтрализовать моральную виновность правонарушающего деяния и тем самым попытаться избежать отрицательных санкций, если докажет, что у него не было преступных намерений [6, р. 91]. Задержанные подростки-правонарушители обычно активно себя выгораживают, прибегая в той или иной мере к техникам нейтрализации. Подростки не просто «давят на жалость» они нередко интерпретируют требование должного поведения в выгодном для себя значении, апеллируют к смягчающим обстоятельствам деяния так, чтобы минимизировать его негативные последствия.

Интервью с сотрудниками полиции – слушателями Казанского юридического института МВД России, а также содержательное изучение служебных документов и материалов уголовного дела об угоне подростками автомобиля явно просматриваются все техники нейтрализации. Для наглядности приведу характерный кейс. Группа осмелевших после возлияния юношей от 13 до 16 лет из поселка Осиново, что под Казанью, угнали «маргарин» (Москвич-412). Как следует из документов дознания, они решили развлечься и покуражиться, воспользовавшись тем, что «старпёр» (из объяснения) оставил на короткое время свою машину с открытой дверью рядом с магазином, в который удалился, не выключив двигатель, за тем, чтобы купить себе «курево».

Несовершеннолетние отлично знали, что брать чужое нельзя, но все же забрались в машину и решили прокатиться на ней по поселку. Все закончилось тем, что машина оказалась в овраге, а некоторое время спустя правонарушителей задержали. Судя по текстам документов, собранных в ходе расследования этого дела, удалось проследить как участники авантюры для самооправдания и защиты использовали техники нейтрализации.

Осиновские угонщики для нейтрализации правовой нормы и последствий ее нарушения попытались «рационализировать» свои действия, распространяя на свой конкретный случай наиболее смягчающие обстоятельства. Так, при задержании они не считали себя виновными – «мы ничего плохого не сделали», «просто хотели переставить машину», что

было с их точки зрения вполне оправданно. Как видим, девианты прибегли для оправдания своего поведения к технике *«отрицания ответственности»*, настаивая на отсутствии злого умысла в своих действиях. Когда в ходе дознания отпираться и скрывать ответственность за угон стало невозможно, подростки использовали технику *«отрицания вреда»*. Этот прием позволял им минимизировать ущерб от совершенных действий (*«машину немного помяли, но она цела»*).

В конечном счете, признав свою ответственность за правонарушение и вред от содеянного, они сделали попытку акцентировать внимание полицейских на личности жертвы угона (*отрицание наличия жертвы*). Задержанные ничтоже сумняшеся обвинили во всем пожилого водителя: *«он сам виноват – оставил заведенную машину с открытой дверью без присмотра в неподобающем месте»*. Они же, как народные мстители, навели порядок, избавив дорогу от *«автохлама»*.

При этом в других примерах из практики ОВД подростки-девианты объясняют свое рискованное поведение еще и *обращением к ценностям или важным обстоятельствам*, доминирующим в подростковой делинквентной субкультуре. Нередко внимание переключается с делинквентных действий, задержанных на поведение осуждающих. Подростки заявляют о жестокости полицейских, например, при задержании (*осуждение осуждающих*).

Из обобщения ряда кейсов, общения с инспекторами ПДН следует, что в случае делинквентности несовершеннолетних в киберпространстве они пользуются всеми возможными в той или иной ситуации способами нейтрализации. Например, в некоторых случаях кибермошенничество оправдывают как *«одадживание»*, ведь *«богатые наживут себе еще»*; либо как восстановление справедливости: *«у укравшего красть не грешно»*. Наряду с кибермошенничеством все больше случаев, как отмечают практики, связано с репостом криминального или иного запрещенного контента и кибербуллингом.

Все более широкомасштабное использование цифровых технологий в рамках формального социального контроля усиливает цифровое наблюдение как способ профилактики и розыска в случае деликтов в общественных пространствах, но этих практик явно недостаточно, поскольку уличная девиантность быстро меняет форму и *«уходит»* в *«цифровой мир»*.

Использование качественной методологии (кейс-метода и других), культурологического подхода на примере теории нейтрализации позволяет глубже *«прочесть»* старые и новые ценности и мотивы, а также

способы самозащиты девиантов не только на примерах уличных правонарушений, но и в проявлениях весьма латентной кибердевиантности. Подростки чаще других возрастных групп уклоняются от соблюдения требований социальных норм, ограничивающих рискованное поведение в интернете и социальных сетях. Подростковая нейтрализация конвенциональных норм и ограничений универсальна и распространяется на все проявления девиантности в зависимости от ситуаций. Она ведет к дрейфу и наибольшему ослаблению социального контроля в форме внутреннего сдерживания, особенно в «цифровом мире».

В среде продвинутых в освоении цифровых технологий постмиллениалов существенно ценится свобода самовыражения и свобода информации, свобода ничем не ограниченного информационного обмена. Постмиллениалы более других возрастных когорт восприимчивы к нововведениям и быстрее других социальных групп адаптируется к технологическим переменам, заполняя собой быстро расширяющееся социальное online-пространство.

Карен Моссбергер в одной из первых своих оценок феноменологии цифрового общества определила социальное online-пространство как «социально-технологическую совокупность», а членство в нем как новую публичную сферу – «цифровое гражданство» [7].

В правовом смысле гражданство определяется, разумеется, как устойчивая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. В условиях цифровизации и сетевизации российского социума понятие «цифровое гражданство» характеризует новую социально-технологическую реальность включения все большего числа людей в сетевое взаимодействие с помощью информационных технологий, online-платформ и Интернета, соблюдающих соответствующий цифровой кодекс. Можно сказать, что цифровое гражданство объединяет ответственных участников сетевых сообществ, пользователей социальных медиа и Интернета, знающих правила использования цифровых технологий и пользующихся ими без нанесения вреда или ущерба друг другу или обществу в целом.

Майк Риббл – исследователь цифровизации – выделил девять основных элементов цифрового гражданства. Они включают в себя: цифровой доступ (1), цифровую торговлю (2), цифровую коммуникацию (3), цифровую грамотность (4), цифровой этикет (5), цифровое законодательство (6), цифровые права и обязанности (7), цифровое здоровье и благополучие (8) и, наконец, цифровую безопасность (9) [8].

1. Цифровой доступ к технологиям все еще распределяется неравномерно, в силу цифрового неравенства. В интересах укрепления и развития цифрового гражданства чрезвычайно важно чтобы цифровые технологии были доступными для всех.

2. Цифровая торговля или покупки и продажи в Интернете ныне также распространены, как и обычная торговля. При этом поведение покупателей и продавцов на цифровом рынке должно быть законным.

3. Цифровая коммуникация с развитием мобильных устройств, а также распространением 4«G» и 5«G» каналов связи осуществляется повсеместно. Отсюда вытекает необходимость в обретении и совершенствовании соответствующих коммуникативных навыков.

4. Цифровая грамотность – результат постоянного обучения, поскольку технологии не стоят на месте и на рынке цифровых услуг появляются новые устройства и сервисы, информационные ресурсы.

5. Цифровой этикет – это нормы правильного поведения в Интернете и социальных сетях. Каждый пользователь, использующий цифровые технологии, должен придерживаться общепринятого правила: «относится к другим так, как бы он хотел, чтобы относились к нему». Уважительное отношение к другим пользователям и к себе – важнейшие принципы сетевого online-общения.

6. Цифровое законодательство определяет, что считается недопустимым и уголовно наказуемым в цифровом мире. Это касается кражи личных данных, чужой интеллектуальной собственности, денег, а также различных форм мошенничества и других негативных девиаций.

7. Цифровые права и обязанности – атрибут тех людей, кто становится участником цифровых коммуникаций. Эта область цифрового гражданства предоставляются право на доступ в Интернет и использование online-продуктов. При этом члены online-сообщества имеют право на свободу слова и общения.

8. Цифровое здоровье и благополучие предполагает, что пользователи социальных сетей и Интернета должны знать о физических и эмоциональных последствиях использования цифровых устройств. Излишнее «подключения» могут иметь непредвиденные и опасные последствия: стресс, нагрузку на зрение, головные боли. Отсюда необходимость в ответственном использовании цифровых технологий.

9. Цифровая безопасность и конфиденциальность в Интернете состоят в контроле и защите личных данных пользователя с помощью надежных паролей, антивирусных программ, резервного копирования данных. Кибердевианты всегда присутствуют в online-сообществе, ис-

пользуя для неблагоприятных целей вирусы, полиморфных червей для того, чтобы осуществить взлом, киберкражу или кибербуллинг.

Эти элементы цифрового гражданства могут быть разделены на две группы: одна касается индивидуального использования информационных ресурсов, а вторая относится к соблюдению прав других сетевых пользователей – ответственных цифровых граждан.

Проблематика нормы и патологии поведения, цифрового социального контроля и социализации в киберпространстве ныне чрезвычайно актуальна. Она требует активного подключения сил молодых исследователей, разделяющих интегративный пафос и методологическое разнообразие девиантологии, в том числе выбор в пользу качественной методологии при исследовании феноменов кибердевиантности и киберкарьер. Защитой постмиллениалов от кибердевиантности, как негативной стороны цифровизации и сетевизации, могут быть практики цифровой социализации для формирования самоконтроля в рамках цифрового гражданства.

К этому новому исследовательскому дискурсу, а также поиску адекватных решений, автор и приглашает молодых исследователей-девиантологов.

Литература

1. Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. – Москва: ИНФРА-М, 2008. С. 55.
2. Комлев Ю.Ю. Кейс-стади в психологии конфликта: учебное пособие. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2023. С. 8-13.
3. Комлев Ю.Ю. Кибердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф., 8-10 октября 2020 года / под ред. В.В. Коврова. – Симферополь: «АРИАЛ», 2020. С. 77-81.
4. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии// Российский девиантологический журнал. 2022. 2(1). С. 17-26.
5. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб: ИД АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. С. 119-121.
6. Sykes G.M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // Kelly D. Deviant Behavior: a text-reader in the sociological of deviance. 5th ed. Los Angeles, 1996. P. 91.

7. Digital Citizenship The Internet, Society and Participation By Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert and Ramona S. McNeal - Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

8. Ribble, M. (2017). Digital citizenship: using technology appropriately. Retrieved from digitalcitizenship.net [Электронный ресурс]. URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html

Научное издание

Комлев Юрий Юрьевич

**Девииантность
и социальный контроль
в цифровом мире**

Избранные статьи

Верстка О.В. Добрыдневой

Подписано в печать 28.11.2024
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$ Усл. печ. л. 26
Тираж 30 экз.

Типография КЮИ МВД России
420064, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130